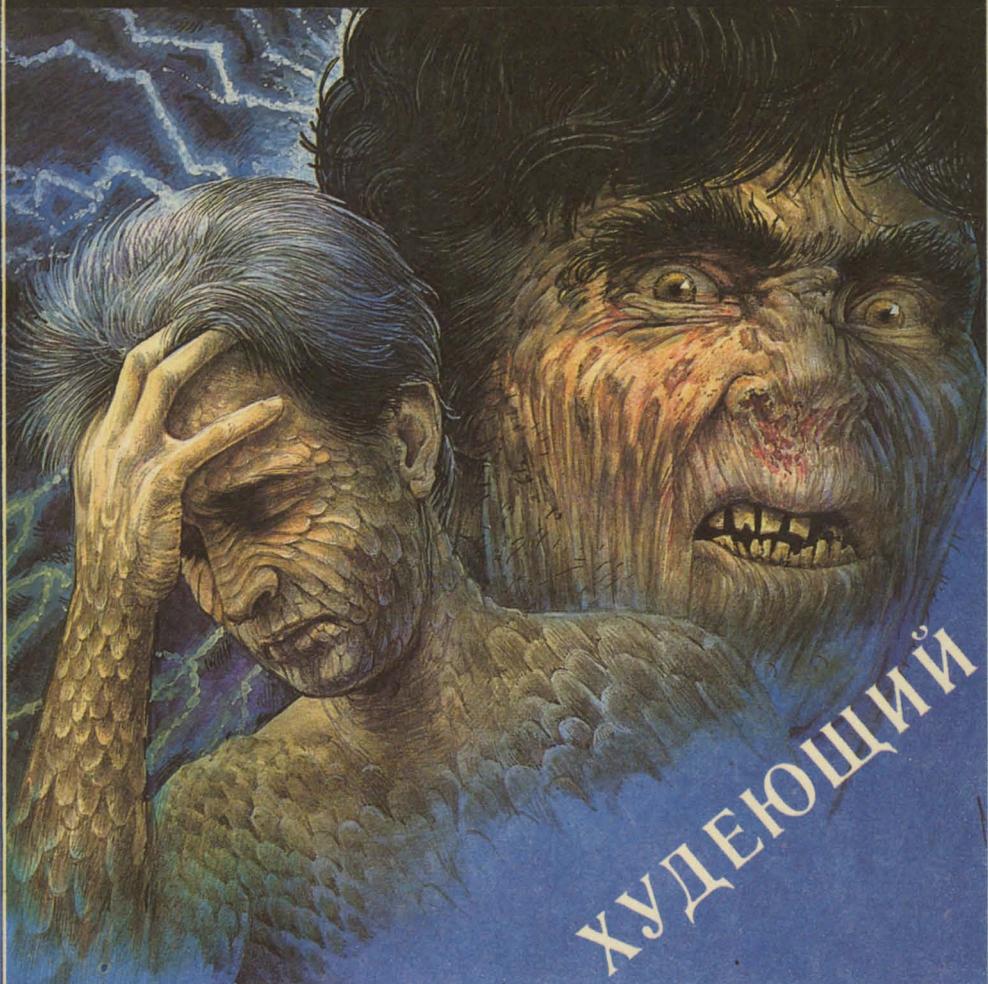

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

худеющий

МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг

ХУДЕЮЩИЙ

Жуковский
КЭДМЭН
1993

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 7

Художник А.Н.Миронов

Худеющий: сборник повестей.

ISBN 5-85743-007-0

© «Татьяна», 1993, оформление суперобложки

**© Издательство АОЗТ «Кэдмэн», 1993, составление,
илюстрации, перевод**

ТРУП

1

Наверное, в жизни каждого из нас есть что-то такое, что для нас имеет первостепенное значение, о чем просто необходимо поведать миру, вот только, пытаясь сделать это, мы сталкиваемся с неожиданным препятствием: то, что нам кажется важнее всего на свете, немедленно теряет свой высокий смысл и, облеченнное в форму слов, становится каким-то мелким, будничным. Но дело ведь не только в этом, правда? Хуже всего то, что мы окружены глухой стеной непонимания, точнее, нежелания понять. Приоткрывая потайные уголки своей души, мы рискуем стать объектом всеобщих насмешек и, как уже не раз бывало, наше откровение будет гласом вопиющего в пустыне. Понимание, желание понять — вот в чем нуждается рассказчик.

Мне только что исполнилось двенадцать, когда впервые в жизни я увидал покойника. Это было давно, в 1960 году, хоть иногда мне кажется, что с тех пор прошло совсем немного времени, особенно когда я вижу по ночам, как крупный град бьет прямо по его открытым, безжизненным глазам.

2

Возле громадного старого вяза, нависавшего над пустырем в Касл-роке, мы оборудовали что-то вроде ребячего клуба. Теперь ни пустыря, ни вяза уже нет — там обосновалась транспортная фирма. Что поделаешь, железная поступь прогресса... У клуба не было названия, а располагался он в сооруженной нами же хибарке, где мы — пять или шесть местных парней — собирались

перекинуться в картишки. Вокруг нас ошивалась мелюзга. Время от времени — когда требовалось побольше игроков — мы дозволяли кому-нибудь из малышей присоединиться к нам. Играли мы, как правило, в «блекджек», а ставки редко доходили до пяти центов. И тем не менее, выигрыши достигали, по нашим понятиям, солидных сумм, в особенности если пойти ва-банк, но это мог себе позволить один лишь сумасшедший Тедди.

Стены нашей хижины мы сделали из старых досок, собранных на свалке строительной фирмы Макки, на Карбайн-роуд, а многочисленные щели заткнули туалетной бумагой. Крыша была из целого, хоть и проржавевшего листа жести, который мы сперли на другой свалке. Отлично помню, как мы волокли этот лист, трясясь от страха: у сторожа свалки была собака — настоящее чудовище, которое, по слухам, пожирало детей. Там же мы добыли и металлическую сетку от мух, служившую нам дверью. Мух-то она внутрь не пропускала, но и свет тоже — такая была ржавая, — поэтому в хибаре всегда царил полумрак.

Помимо картишек мы в нашем «клубе» тайком покупали и рассматривали картинки с девочками. У нас там было с полдюжины служивших пепельницами жестянок с рекламой «Кэмела», два или три десятка потрепанных карточных колод (их Тедди свистнул у своего дядюшки, хозяина писчебумажного магазина, когда же дядюшка однажды поинтересовался, какими картами мы пользуемся, Тедди ответил, что наша любимая игра — морской бой и ни о каких картах мы и слыхом не слыхивали), набор пластмассовых жетонов для покера, а также весьма древняя подшивка журнала «Мастер Детектив», который мы иногда перелистывали, когда заняться больше было нечем. Под полом мы вырыли потайной погреб, куда и прятали все эти сокровища в тех редких случаях, когда одному из наших «предков» вдруг приходило в голову проверить, действительно ли мы такие паиньки, какими дома кажемся. Находиться внутри хижины во время дождя было все равно, что забраться в большой африканский тамтам как раз в разгар ритуальных плясок, вот только дождя в то лето не было и в помине.

Газеты писали, что такого жаркого и сухого лета не было с 1907 года. В пятницу, накануне последних выходных перед Днем труда* и началом нового учебного года, немилосердно палящее солнце, казалось, собралось испепелить остатки жухлой травы в придорожных канавах — поля и сады были сожжены уже давно. Обычно изобильный в это время года рынок Касл-рока опустел: торговать было нечем, разве что вином из одуванчиков.

В то утро мы с Тедди и Крисом засели за карты в довольно мрачноватом настроении, «предвкушая» начало занятий в школе. Чтобы хоть как-то развеселить друг друга, мы, как обычно, вспомнили пару анекдотов про коммивояжеров и французов. Ну, например, вот этот: «Если ты, придя домой, обнаруживаешь, что твое мусорное ведро вдруг опустело, а собака забеременела, значит, к тебе в гости заходил француз». Почему-то Тедди всегда обижался, услышав эту байку, хоть был он вовсе не французом, а поляком.

Вяз отбрасывал густую тень, но мы все равно скинули рубашки, чтобы не провоняли потом. Играли мы в скат по три цента — глупейшую игру, которую только можно выдумать, — но мозги в этом пекле расплавились настолько, что малейшее умственное напряжение давалось с превеликим трудом. Вообще где-то с середины августа наша некогда мощная «команда» стала постепенно распадаться, и все из-за жары.

Ну и невезуха — сплошные пики... Начал я с тринадцати, затем пришло еще восемь, и на этом все кончилось. А Крис, похоже, хочет вскрыться. Ну же, последняя взятка... И снова — ноль!

— Двадцать девять, — объявил Крис, выкладывая свои бубны.

— Двадцать два, — разочарованно отозвался Тедди.

— А у меня дерымо собачье, — швырнул я карты на стол «рубашкой» вверх.

* Первый понедельник сентября (здесь и далее прим. перев.).

— Горди пролетел, дружище Горди снова пролетел, — хихикнул Тедди так, как только он, Тедди Душан, мог хихикать: словно водил ржавым гвоздем взад-вперед по стеклу.

Как и всем нам, Тедди шел тринадцатый год, но очки с толстыми стеклами делали его старше, к тому же он пользовался слуховым аппаратом. Мальчишки, несомненно, потешались бы над ним из-за очков, однако слуховой аппарат — кнопка телесного цвета, торчавшая из уха Тедди, да еще с батарейкой в кармане рубашки — был предметом всеобщей зависти и восторга.

Но даже с этими приспособлениями видел и слышал Тедди плохо. В бейсбол он мог играть лишь в глубокой защите, гораздо дальше Криса на левом поле и Билли Грира на правом, а если кто-то из соперников и умудрялся послать мяч так далеко, то Тедди только провожал его недоуменным взглядом. Изредка мяч попадал ему прямо в лоб, а однажды после такого удара он, закатив глаза, отключился минут на пять, перепугав меня до полусмерти. Затем он все-таки очухался, поднялся и, разбрызгивая кровавые сопли, принялся доказывать, что удар был нанесен не по правилам. На лбу у него мгновенно выросла громадная шишка, сиявшая всеми цветами радуги.

Зрение у него было плохим от рождения, со слухом же дело обстояло иначе. Тедди первым в Касл-роке отпустил волосы «под битлз», когда последним писком моды был «полубокс», а о «битлах» Америка услышала лишь года четыре спустя. Сделал он это по необходимости: уши у Тедди стали походить на два бесформенных куска расплавленного воска.

Благодарить за это Тедди должен своего папашу. Мальчишке было восемь лет, когда он, к собственному ужасу, расколотил любимую отцовскую тарелку. Мать Тедди в то время работала на обувной фабрике в соседнем городке под названием Южный Париж. Когда она вернулась домой, все уже было кончено.

Папаша выволок упиравшегося мальчика на кухню, прижал его ухом к раскаленной заслонке большой дровяной печки, подержал его так секунд десять, после чего,

ухватив его за волосы и повернув голову, проделал то же самое и со вторым ухом. Затем он вызвал скорую помощь, достал из чулана старую винтовку и, положив ее на колени, уселся смотреть дневной выпуск новостей. Соседка, миссис Барроуз, заслушав вопли Тедди, заглянула узнать, не случилось ли чего с мальчиком, и тут же пулей вылетела вон: папаша Тедди навел на нее винтовку. Но позвонить в полицию она, конечно, не преминула. Приехала машина скорой помощи. Мистер Душан впустил санитаров, а сам с винтовкой встал на страже на крыльце, наблюдая, как изувеченного мальчика грузят на носилках в машину.

Санитарам он пожаловался, что, несмотря на заверения военных властей, в районе все еще полно немецких снайперов, поэтому необходимо держать ухо востро. Те многозначительно переглянулись, и один из них спросил, сможет ли рядовой Душан продержаться до подхода подкрепления, поскольку раненого ребенка необходимо срочно доставить в госпиталь. Отец Тедди пообещал держаться до последнего, отдал честь, санитары ответили тем же, и скорая помощь умчалась, а через пару минут явилось «подкрепление» — патрульная машина полиции штата.

Чудить Норман Душан начал еще за год до этого происшествия — постреливал в соседских кошек, поджигал ящики с почтой — и, после недолгого разбирательства, его наконец водворили в психушку. Несмотря ни на что, Тедди гордился своим папашей, ветераном войны и участником высадки союзных войск в Нормандии. Они с матерью навещали старика регулярно, раз в неделю.

По правде говоря, Тедди и сам был с приветом, но все его заскоки странным образом сходили ему с рук. Ну, например, он обожал перебегать 196-ю автостраду в каких-то сантиметрах от мчавшихся с бешеною скоростью трейлеров. Одному богу известно, скольких водителей он довел таким образом до инфаркта. Вихрь, поднятый чуть не сбившим его грузовиком, трепал его длинные волосы, а он безумно хохотал, стоя на обочине и поджидая очередную жертву. Не забудьте при этом, что зрение у Тедди было из рук вон, несмотря на очки-бинокли. И дураку ясно, чем бы рано или поздно кончилось такое

развлечеиие. В общем, парень был самым натуральным психом, а если его еще и подначить — тогда держись!

— Гы-ы-ы! — продолжал веселиться Тедди. — Горди продулся!

— Замолкни! — цыкнул я на него и принялся листать «Мастер Детектив».

Я только взялся за рассказ «Красавчик Эд пришил меня в застрявшем лифте», как Тедди громогласно объявил:

— Вскрываюсь!

— Задница четырехглазая! — выдохнул с досады Крис.

— Фигню несешь, — проговорил Тедди с мрачноватой убежденностью. — У задницы только один глаз...

Мы с Крисом грохнули. Тедди в изумлении уставился на нас, недоумевая, что это нас так развеселило. Это тоже было для него весьма характерно: ляпнет что-нибудь эдакое, вроде «у задницы только один глаз», и не знаешь, шутит ли он, или же на полном серьезе. Сам же при этом хмурится на хохочущих, как бы вопрошая: «О Боже, ну какого еще черта?!»

У Тедди была на этот раз чистая «тридцатка» — трефовые валет, дама и король, тогда как Крис с шестнадцатью и в самом деле оказался в заднице.

Тедди со своей обычной неуклюжестью принялся тасовать колоду, когда раздался громкий стук в дверь.

— Кто там? — крикнул Крис.

— Это я, Верн!

Голос казался возбужденным и запыхавшимся. Я отодвинул засов и впустил Верна Тессио, одного из старейших членов нашего «клуба». Вид его говорил о том, что произошло нечто из ряда вон: рубашку можно было выжимать, пот градом катился по физиономии, а всегда прилизанные — на манер «звезды» рок-н-ролла Бобби Райделла — волосы стояли дыбом.

— Ну и дела, парни! — выдохнул он. — Нет, вы только послушайте...

— Да что случилось-то? — проговорил я.

— Подожди, дай отдохнуться. От самого ведь дома бегом бежал...

— Ты бежал от самого дома? — недоверчиво переспросил Крис. — Вот псих! — До дома Верна, вниз по Главной улице, было никак не меньше пары миль. — Да ведь там, снаружи, градусов девяносто!*

— Ничего, дело того стоит... Я вам, мужики, сейчас такое расскажу — ушам своим не поверите. Вот, ей-богу, не вру!

Он даже шлепнул себя по потному лбу в доказательство, что и в самом деле не врет.

— Ну, что там у тебя? — Крис был явно заинтригован.

— Сможете отпроситься из дома на ночь? — Глаза Верна горели, а его, похоже, ненаигранное возбуждение стало передаваться и нам. — Скажете предкам, что мы решили устроить маленький турпоход, а ночевать будем в палатке, на нашем поле.

— Я, наверно, смогу, — не совсем уверенно сказал Крис. — Хотя старик мой сейчас не в духе — у него очередной запой...

— Постарайся, дружище, вот те крест, не пожалеешь! — настаивал Верн. — Ты и *не представляешь*, что там такое! Ну, а ты, Горди?

— Смогу, пожалуй...

На самом деле сомнений у меня не было: ведь я уже не появлялся дома практически все лето, с тех пор, как мой старший брат Деннис погиб в автокатастрофе. Он служил в армии в Форт-Беннинге, штат Джорджия. Однажды — это произошло в апреле — он с приятелем отправился на джипе в гарнизонную лавку. На перекрестке в борт джипа врезался на полном ходу огромный трейлер. Деннис был убит на месте, а пассажир его с тех пор так и не вышел из коматозного состояния. Через несколько дней Деннису должно было исполниться двадцать два, я уже отправил поздравительную открытку...

Господи, как же я ревел! И когда мне сообщили о трагедии, и позже, на похоронах. Я все никак не мог поверить, что Денниса больше нет, что брат, любимый брат, который раздавал мне подзатыльники, пугал меня

* По Фаренгейту.

громадным резиновым пауком, а когда я в очередной раз разбивал до крови коленки, успокаивал меня, целуя в лоб и приговаривая: «Ну, перестань, ты же большой парень, уже почти мужчина!», — что он уже никогда *не дотронется* до меня, не погладит меня по голове...

Смерть Денниса выбила меня из колеи, родителей же она просто убила. В конце концов, у нас с ним было мало общего — представляете, что значит в таком возрасте разница почти в десять лет? У него была своя жизнь, свои приятели. Иногда я воспринимал его как друга, иногда — как своего мучителя, но большей частью он был для меня всего лишь частью окружающего мира, одним из многих взрослых парней, которые на меня, пацана, не обращали никакого внимания. В последний год перед гибелью Денниса я виделся-то с ним пару раз, не больше. Мы даже не были похожи друг на друга. Лишь много времени спустя я понял, что плакал тогда не из-за брата, а скорее из-за матери с отцом. Как будто им — да и самому мне — от этого стало легче...

— Так что там у тебя стряслось там, Верн? — проявил нетерпение и Тедди.

— Вскрываюсь, — объявил вдруг Крис.

— Что-о-о?! — заверещал Тедди, тут же начисто забыв про Верна и его чрезвычайное сообщение. — Как это ты вскрываешься, если я еще и не сдавал?

— Сейчас моя очередь сдавать, — ухмыльнулся Крис. — Вот, забирай свои карты.

Тедди потянулся за картами. Крис распечатал пачку «Уинстона», а я опять раскрыл журнал. Про Верна Тессио все как бы забыли, но тот вдруг подал голос:

— Хотите, парни, поглядеть на мертвеца?

Мы все втроем раскрыли рты.

3

Наш старый приемник фирмы «Филко», подобранный, естественно, на свалке, был постоянно настроен на радиостанцию Льюистона. Несмотря на треснутый корпус, работал он вполне прилично. Мы по нему слушали послед-

ние суперхиты и старые вещи, вроде «Что это на тебя нашло» Джека Скотта, «Такие времена» Троя Шонделла, «Король-креолец» Элвиса и «Только одиночество» Роя Орбисона, а когда начинался выпуск новостей, как правило, приглушали звук — нас мало волновала болтовня насчет Кеннеди и Никсона, и уж тем более рассуждения по поводу того, какой, в сущности, подонок этот Кастро. Однако происшествие с Реем Брауэром нас заинтересовало, поскольку он был одного с нами возраста.

Жил он в Чемберлене, городке, расположеннном милях в сорока к востоку от Касл-рока. Дня за три до того, как Верн, запыхавшись, ворвался в нашу хижину после двухмильного забега по Главной улице, Рей Брауэр отправился в лес за черникой и не вернулся. Шериф по настоянию родителей организовал розыск — сначала в окрестностях дома Брауэров, а затем и вокруг близлежащих городков: Моттона, Дарема и Паунела. В поисках участвовало черт-те сколько народу — полиция, муниципальные власти, лесники, егеря, добровольцы, — но и теперь, спустя три дня, мальчишка не был обнаружен. По радио высказывались предположения, что его уже нет в живых, что розыск, скорее всего, не даст результатов, и что лет этак через десять какой-нибудь охотник обнаружит его кости в лесной чаще. Водолазы приступили уже к обследованию дна нескольких прудов возле Чемберлена, а также Моттонского водохранилища.

В наше время на юго-западе штата Мэн уже ничего подобного произойти не может: теперь это довольно густо населенная местность, некогда крохотные поселки Портленд и Льюистон сильно разрослись, леса еще остались, особенно на западе, ближе к Белым горам, однако достаточно пройти миль пять строго в одном направлении, чтобы обязательно выйти к жилью или автостраде. Но тогда, в 1960 году, район между Чемберленом и Касл-роком представлял собой чуть ли не дебри, где заблудиться можно было запросто.

В то утро Верн Тессио был занят раскопками у себя под крыльцом.

Как только он нам это сообщил, мы сразу поняли, в чем дело, однако постороннему необходимо пояснение. Дело в том, что Верн Тессио находился примерно на одном интеллектуальном уровне с Тедди Душаном, а его братец Билли — еще ниже, но об этом позже. Сначала нужно объяснить, что за раскопки устроил Верн под крыльцом своего дома.

Четыре года назад, когда ему было восемь, Верн закопал там кувшин емкостью в кварту*, наполненный мелочью. Он был тогда помешан на пиратах: крыльцо стало его бригантиной, а закопанный кувшин — пиратским кладом. Верн забросал тё место опавшими листьями, скопившимися за долгие годы под крыльцом, отметил его на самодельной карте, которую тут же сунул куда-то в игрушки, и начисто забыл о «кладе». Вспомнил он о нем примерно через месяц, когда потребовались деньги на кино или что-то другое, и принялся разыскивать карту. Выяснилось, что матушка его успела произвести за это время две или три генеральные уборки и, разумеется, пустила карту на растопку кухонной печи, вместе со старыми газетами, фантиками и комиксами. По крайней мере, такой вывод сделал Верн, так и не обнаружив карты.

Тогда он попытался восстановить ее по памяти. Это вроде бы удалось, однако, раскопав нужное место, он там ничего не отыскал. Верн принялся копать чуть справа, потом чуть слева — ничего. На следующий день наш умник продолжил поиски все с тем же результатом. И так на протяжении четырех лет. *Четырех лет*, вы только себе представьте! Не знаешь, смеяться над ним или рыдать.

Раскопки стали для Верна чем-то вроде мании. Начавшись под крыльцом, они продолжились и под верандой футоов в сорок длиной и в семь шириной. Перекопав там каждый сантиметр по два-три раза, Верн так и не нашел

* 1,14 литра.

кувшина. Тем временем *размеры «клада»* в его сознании неуклонно росли. Поначалу он говорил нам с Крисом, что мелочи там было доллара на три, через год сумма увеличилась до пяти долларов, а не так давно Верн заявил, что мелочи там находилось где-то на десятку, по самым скромным подсчетам.

Неоднократно мы пытались растолковать Верну то, что было ясно с самого начала: брат его, Билли, знал о «кладе», он его и выкопал. Верн, однако, отказывался этому верить, хоть он и ненавидел Билли примерно так же, как арабы ненавидят евреев, и, вероятно, будь он председателем суда присяжных, то с удовольствием приговорил бы братца к смертной казни, если бы тот попался на мелкой краже в супермаркете. Черт побери, Верн даже не хотел спросить об этом у Билли напрямую! Возможно, он подсознательно страшился услыхать в ответ: «Ну, разумеется, я его выкопал, болван ты этакий. Там было больше двадцати баксов, и я истратил все, до последнего цента!» Верн каждую свободную минуту тратил на раскопки (разумеется, когда поблизости не было Билли) и вылезал из-под крыльца со спутанными волосами, в измазанных джинсах и, конечно, с пустыми руками. Мы дали ему прозвище «Тессио-кладоискатель». Мне кажется, что и летел-то он в тот день как на пожар не столько чтобы рассказать нам ошеломляющую новость, сколько затем, чтобы показать, что бесконечные раскопки в конце концов хоть к чему-то привели.

Итак, в то утро Верн проснулся раньше всех, поел на завтрак кукурузных хлопьев и, не имея более достойного занятия, решил еще немного покопаться под крыльцом. Вдруг наверху хлопнула дверь. Верн замер: если это отец, он тихо вылезет из-под крыльца, но если это Билли, то ему следует переждать, пока тот со своим приятелем Чарли Хогеном куда-нибудь не смоется.

По веранде заходили двое, затем Верн услыхал голос Чарли Хогена:

— Господи, Билли, что же теперь делать?

Верн насторожился. Чарли Хоген, один из самых крутых парней Касл-рока, водивший дружбу с самим «Тузом» Меррилом и с Чамберсом по прозвищу «Глазное Яблоко»,

говорил со слезами в голосе, словно напроказивший молокосос, которого отец вот-вот выпорет ремнем!

— Что делать, что делать! — передразнил его Билли. — А ничего не делать!

— Нет, *что-то* сделать надо... — Они уселись на ступеньки, совсем рядом с тем местом, где затаился Верн. — Ты его *видел*?

То, как это было произнесено, заставило Верна содрогнуться. Быть может, Билли с Чарли напились и сбили кого-нибудь машиной? Он старался не дышать и, не дай Бог, не зашуршать листьями, которых вокруг было полным-полно. Ведь если эти двое обнаружат, что он подслушивает, ему конец!

То, что он услышал дальше, вогнало его в дрожь.

— Нам-то что до этого? — заговорил Билли Тессио. — Пацан мертв, так что ему тоже все равно. Скорее всего, его даже не найдут.

— Это тот самый, про которого говорили по радио, — заметил Чарли. — Ну, как же *его*? Брокер, Бровер, Флоуэр? Вот блин, забыл... Должно быть, его поездом переехало.

— Точно. — Чиркнула спичка, и мгновение спустя потянуло табачным дымом. — Ну и видок у него... Немудрено, что ты сблевал.

Чарли Хоген не ответил, но Верн нутром почувствовал, что он смущен.

— Хорошо хоть телки его не видели, — проговорил через какое-то время Билли, хлопнув Чарли по спине. — Растрепали бы до самого Портленда... Правильно мы сделали, что быстренько оттуда смылись. Как думаешь, им ничего не показалось подозрительным?

— Да нет, — ответил Чарли. — Мари вообще терпеть не может ездить по шоссе мимо кладбища: она до смерти боится привидений. — Он хохотнул, но тут же в его голосе опять послышались истерические нотки: — Боже ты мой, лучше бы мы вообще не угоняли эту тачку! Пошли бы в дискотеку, как и собирались...

Верн знал, что Чарли и Билли гуляли с двумя потаскушками, каких свет еще не видывал, звали их Мари

Догерти и Беверли Томас. Иногда они вчетвером — а то и вшестером или ввосьмером, если к ним присоединялись «Волосан» Бракович и «Туз» Меррил со своими подружками, — угоняли тачку со стоянки Льюистона, брали пару-тройку бутылок «Дикой ирландской розы» вместе с упаковкой баночного имбирного пива и носились по проселкам вокруг Касл-вью, Харлоу или Шилоу. Поразившись с девочками вдоволь, они бросали машину где-нибудь не очень далеко от дома и возвращались уже пешком. Пока еще ни разу их на этом не поймали, но Верн надеялся, что рано или поздно Билли попадет-таки в тюрьгу. С каким огромным удовольствием он стал бы навещать любимого брата по воскресеньям вместо того, чтобы ежедневно видеть его рожу!

— Если сообщить в полицию, они обязательно поинтересуются, как мы, собственно, добрались туда от самого Харлоу, — размышлял тем временем Билли. — Ни у кого из нас машины нет... Так что лучше всего держать язык за зубами, тогда нас никто не тронет.

— А если звонок будет она... оно... анонимным? — предложил Чарли.

— Анонима они в два счета вычислят, — отверг его идею Билли. — Ты что, не смотрел «Дорожный патруль» и «Облаву»? Видел, наверное, как это делается?

— Да, ты прав... — Чарли испустил тяжкий вздох. — Господи, хоть бы «Туз» с нами был. Сказали бы легавым, что тачка — его.

— Так или иначе, его с нами не было.

— Не было, — вздохнув опять, эхом отозвался Чарли. — Да, похоже, ты прав... — В воздухе мелькнул огонек брошенного окурка. — А вдруг они пустят по нашим следам собаку? А я к тому же наблюдал на новые кроссовки... — Голос его упал окончательно.

— Нет, ты видел его?! Ты видел, что с ним стало, Билли?

— Отлично видел, — отозвался Билли, и в воздухе мелькнул второй огонек. — Пойдем посмотрим, встал ли «Туз». Неплохо было бы выпить.

— Мы ему расскажем?

— Послушай, Чарли, об этом мы не расскажем *никому*. *Никому и никогда*. Ты меня понял?

— Понял, — ответил Чарли. — Господи Иисусе, ну за каким дьяволом мы уперли этот гребаный «додж»?!

— Заткнись, а?

Сквозь прорези в ступеньках Верн увидел две пары ног в облезлых джинсах и стоптанных армейских ботинках. Он весь сжался («Я думал, у меня яйца зазвенят», — рассказывал он нам), похолодев от одной мысли о том, что будет, если братец и Чарли Хоген вдруг обнаружат его под крыльцом... Шаги, однако, удалились. Верн выполз из своего убежища и стремглав бросился к нам.

5

— Ну, повезло тебе, — прокомментировал я его рассказ. — Уж они бы тебя точно придушили.

— Я знаю это шоссе, — сказал Тедди. — Оно упирается в реку, где мы со стариком раньше удили рыбу.

Крис кивнул:

— Точно, там еще был железнодорожный мост. Его давным-давно снесло во время наводнения, а рельсы остались.

— Но ведь от Чемберлена до Харлоу двадцать или даже тридцать миль, — заметил я. — Неужели пацан покрыл такое расстояние?

— А почему бы и нет? — пожал плечами Крис. — Он, наверное, шел по рельсам: думал, они его куда-нибудь выведут, или, может, удастся сесть на попутный поезд. Но только там ходят теперь одни товарняки до Дерри или Брунсвилла, да и то редко. Чтобы выбраться из леса, ему потребовалось бы топать до самого Касл-рока... Возможно, ночью, в темноте он не заметил приближавшийся поезд — и привет!

Крис смачно шлепнул кулаком о ладонь, чем привел в полнейший восторг Тедди, ветерана смертельных игр с грузовиками на 196-й автостраде. Мне же стало немножко не по себе. Я воочию представил, как до смерти напуганный пацан, оказавшийся вдали от дома, черт-те где, бредет

по шпалам, шарахаясь от каждого ночного звука, как навстречу ему с огромной скоростью мчится товарняк, как он, ослепленный прожектором, стоит на рельсах, словно парализованный, или, быть может, лежит, обессилен от ужаса и истощения. Так или иначе, жест Криса весьма точно выразил конечный результат.

От возбуждения Верн крутился, будто ему приспичило.

— Так что — идете на него смотреть? — не выдержал наконец он.

Мы все довольно долго смотрели на него, не произнося ни слова. Крис, перетасовав колоду, в конце концов проговорил:

— Что за вопрос, конечно! Могу поспорить, что наши фотографии появятся в газетах.

— Что-что? — не понял Верн.

— Что ты сказал? — вторил ему Тедди. На физиономии его заиграла его обычная довольно идиотская ухмылочка.

— А вот что, — начал Крис, перегибаясь через обшарпанный стол. — Мы разыщем тело и заявим в полицию, после чего попадем во все газеты!

— Ну уж нет, только без меня, — вскинулся Верн. — Билли непременно догадается, что я все слышал и разболтал вам, а тогда он, как пить дать, вышибет из меня мозги.

— Не вышибет, — возразил я. — Не вышибет, ведь тело обнаружим мы, а не он с Чарли Хогеном, катаясь на ворованной машине. Наоборот, он с Чарли нам тогда спасибо скажет: они-то остаются как бы не при чем. А ты, Кладоискатель, может, даже заработаешь медаль.

— Правда? — Верн расплылся, показывая нам свои гнилые зубы. Вот только улыбка у него вышла малость озадаченной: ему и в голову не приходило, что Билли способен за что-то сказать ему спасибо. — Ты в самом деле так считаешь?

Тедди же вдруг перестал лыбиться и озабоченно нахмурился:

— А, черт!

— В чем дело? — Верн тотчас повернулся к нему, теперь уже в страхе, что пришедшая в голову Тедди мысль

(если у него вообще была голова на плечах) способна помешать столь замечательному развитию событий.

— А как же предки? — сказал Тедди. — Ведь если завтра мы обнаружим тело к югу от Харлоу, они поймут, что мы вовсе не ночевали в палатке у Верна в поле.

— Точно, — согласился Крис. — Сразу догадаются, что мы пошли разыскивать того пацана.

— А вот и нет! — заявил я.

У меня возникло странное ощущение, от которого мне даже стало нехорошо: смесь возбуждения и страха. И тем не менее, я был уверен, что мы сможем это сделать и остаться безнаказанными. Чтобы унять возникшую вдруг дрожь в руках, я принял тасовать карты — единственное, пожалуй, чему я научился у покойного брата Дениса. Все завидовали моему умению и упрашивали меня научить их тасовать колоду с тем же шиком... все, за исключением лишь Криса. Он, вероятно, понимал, почему я всегда отказывался это сделать: ведь показать им этот способ значило для меня расстаться с частицей Дениса, а у меня от него и так осталось слишком мало...

— Ну так вот, — сказал я, — мы объясним, что торчать в палатке в поле Верна нам осточертело — ведь это уже сто раз было, и тогда мы решили переночевать в лесу, для чего и отправились по железнодорожному пути. И потом, уверен, все так обалдеют от нашей находки, что объяснений никаких никто и не потребует.

— Мой-то старик обязательно потребует, — не согласился со мной Крис. — Он в последнее время как с цепи сорвался. — Чуть поразмыслив, он кивнул: — Черт с ним, игра стоит свеч.

— Отлично! — Тедди вскочил с улыбкой до ушей, готовый разразиться своим сумасшедшим хохотом. — После обеда собираемся у Верна. Что скажем дома насчет ужина?

— Я, ты и Горди скажем, что поужинаем у Верна, — предложил Крис.

— А я — что у Криса, — объявил Верн.

План этот должен был сработать, лишь бы не случилось нечто непредвиденное, или же наши родители не перего-

ворили бы друг с другом, однако ни у Верна, ни у Криса телефона не было. Во многих семьях телефон в то время все еще считался предметом роскоши, особенно в неимущих слоях общества, к которым мы все, в общем-то, принадлежали.

Отец мой был уже на пенсии. У Верна стариk продолжал работать — водил грузовик 1952-го года выпуска. У Тедди, правда, был собственный дом, но и его мамаша постоянно охотилась за квартирантами, чтобы хоть как-то заработать. В то лето ей не удалось завлечь ни одного — табличка «Сдается меблированная комната» провисела у них в окне с самого июня. Папаша Криса неизменно пребывал в запое, жил на пособие и днями напролет торчал в таверне Сьюки вместе с отцом «Туза» Меррила и парой других забулдыг.

Крис не любил о нем рассказывать, но мы все знали, что он ненавидит своего папашу лютой ненавистью. Регулярно — раз в две недели — он появлялся в синяках, с подбитым глазом, сиявшим всеми цветами радуги, а как-то пришел в школу с забинтованной головой. Время от времени он подолгу пропускал занятия, и тогда возле его дома появлялся старый черный «шевроле» с табличкой «пассажиров не беру» на ветровом стекле, принадлежавший городскому школьному инспектору, мистеру Хэллибартону. Мать Криса в таких случаях пыталась выгородить сына, заявляя, что он болен. Если Крис просто прогуливал, инспектор его строго наказывал, но когда он не мог посещать школу из-за отцовских побоев, Берти (так мы все звали инспектора, конечно, за глаза) делал вид, что ничего особенного не произошло. Признаться, я в то время не задумывался о причинах такого двойственного подхода.

За год до описываемых событий Крис был исключен из школы на три дня: во время его дежурства пропали деньги на завтраки, сбор которых входит в обязанности дежурного. Инспектор же, конечно, обвинил в пропаже Криса, хоть тот и божился, что не брал денег. Узнав про это, родитель Криса разбил сыну нос и сломал руку... В общем, у бедняги Криса была семейка еще та. Старший брат

Фрэнк сбежал из дома в семнадцать, поступил служить на флот и кончил тем, что сел за изнасилование и вооруженное нападение. Средний брат, Ричард, известный более под кличкой «Глазное Яблоко» — его правый глаз почему-то постоянно закатывался, — был исключен из десятого класса и с тех пор болтался в одной компании с Чарли, Билли Тессио и прочими гопниками.

— Думаю, все пройдет великолепно, — заверил я Криса. — А как насчет Джона и Марти?

Джон и Марти Деспейны были также постоянными членами нашего «клуба».

— Они пока что не вернулись, — ответил Крис, — и, очевидно, будут не раньше понедельника.

— Жаль.

— Так что — решено? — Тедди уже горел нетерпением, не допуская и мысли, что нам что-то помешает.

— Решено, — подвел итог Крис. — Кто хочет еще партию в скат?

Никто не захотел: все были чересчур возбуждены, чтобы продолжать игру. Бейсбол нас тоже не увлек. Мысли у всех были заняты предстоящими поисками малыша Браузера, вернее, того, что от него осталось. Около десяти мы разошлись по домам договариваться с родителями.

6

Я был дома в четверть одиннадцатого, по пути заглянув в книжную лавку за новым выпуском серии криминальных романов Джона Макдональда, что делал регулярно, раз в три дня. У меня был четвертак, которого хватило бы на книжку, но новенького ничего не было, а все старые я перечитал раз этак по шесть.

Машины нашей возле дома не было, и я припомнил, что мама собиралась с подругами на концерт в Бостон. Большая меломанка моя матушка... А впрочем, почему бы и нет? Ребенок ее мертв, надо же как-то отвлечься? Довольно горькие мысли, но, я надеюсь, вы меня поймете.

Отец был дома, точнее, в саду — он тщетно пытался реанимировать погибшие деревья при помощи тугой струи

из шланга. Чтобы понять всю бесплодность его усилий, достаточно было бросить взгляд на то, что раньше составляло гордость семьи. Земля в саду потрескалась и превратилась в грязно-серый порошок. Немилосердное солнце спалило все, за исключением маленькой делянки с чахлой кукурузой. Отец сам признавался, что поливать он не умел — это всегда было маминой обязанностью. Он же никогда не мог достичь золотой середины: после его поливки один ряд деревьев стоял в воде, соседний же высыхал... Почти одновременно — в августе — он потерял и сына, и любимый сад. Не знаю, какая из этих потерь подкосила его больше, но он с тех пор замкнулся в себе и напрочь перестал чем-либо интересоваться. Что ж, его я тоже понимаю.

— Привет, пап! Хочешь? — Я протянул ему пакет с бисквитами, купленными вместо криминального романа.

— Привет, Гордон, — ответил он, не поднимая взгляда от струи, уходящей в безнадежно высохшую землю. — Нет, спасибо, я не голоден.

— Ничего, если мы с ребятами заночуем сегодня в палатке у Верна в поле?

— С какими ребятами?

— Да с Верном и Тедди Душаном. Может, еще с Крисом.

Я ожидал, что папа обязательно пройдется по поводу Криса и его семейки: что, дескать, он воришка, подрастающий малолетний преступник, яблоко от яблони... Однако он только вздохнул, проговорив:

— Ладно уж, валяй...

— Вот это клево! Спасибо, пап!

Я уже повернулся к дому — поглядеть, есть ли что забавное по ящику, — когда он вдруг остановил меня словами:

— Гордон, а больше с вами никого не будет?

Обернувшись, я посмотрел на него, ища в его вопросе какого-то подвоха, но его не было. Лучше бы уж был... Спросил он это просто для порядка — вряд ли его на самом деле интересовало, чем я занят и с кем. Вряд ли его вообще что-то интересовало в этом мире. Плечи отца

поникли, на меня он даже не смотрел, уставившись на мертвую землю, глаза его как-то неестественно блестели — похоже, в них стояли слезы.

— Ну что ты, пап, они отличные ребята, — начал я.

— Да уж куда там — отличные... один воришко и два прикурка. Компания у моего сына просто замечательная.

— Верн Тессио вовсе не приурок, — возразил я. О Тедди лучше было б помолчать...

— О да, конечно, в двенадцать лет он все еще стоит в пятом класса*, а чтобы одолеть комиксы в воскресной газете, ему нужно не менее полутора часов.

Это меня уже возмутило: сейчас он был не прав. Как можно судить о людях, совершенно их не зная? Верна же, как, впрочем, и остальных моих друзей отец не знал *абсолютно*. Да он и видел-то их раз в год по обещанию, лишь изредка сталкиваясь то с одним, то с другим на улице или же в магазине. Ну как он может, например, обзвывать Криса воришкой?! Я уже собирался все это ему высказать, однако вовремя остановился: а вдруг он запрет меня домой? Да и в конце концов, сейчас он вовсе не был раздосадован по-настоящему, как случалось иногда за ужином, когда он приходил в такое бешенство, что у всех пропадал аппетит. Сейчас он более всего напоминал уставшего от жизни человека, которому все на свете опротивело. Ведь отцу уже было шестьдесят три, и он по-настоящему годился мне в дедушки...

Мама у меня тоже в годах — ей уже стукнуло пятьдесят пять. Поженившись, они решили сразу завести детей, но у мамы случился выкидыш, потом еще два, и врач сказал ей, что и все последующие дети будут недоносками. Все это говорилось в семье совершенно открыто и даже пережевывалось с каким-то непонятным сладострастием: родители старались привить мне мысль о том, что рождение мое явилось Божиим даром, за что я должен быть благодарен им и Господу всю жизнь. Зачат я был, когда

* Школьное обучение в Америке — с пяти лет.

маме уже исполнилось сорок два, и она начала седеть. Мне же почему-то не хотелось благодарить ни Господа, ни страдалицу-матушку за свое появление на свет...

Лет через пять после того, как доктор объявил, что мама не способна иметь детей, она вдруг забеременела Деннисом. Вынашивала она его в течение восьми месяцев, после чего он просто-таки рванулся вон из чрева. Бесил новорожденный целых восемь фунтов* и, по словам отца, достиг бы пятнадцати, если бы подождал до срока. Несколько озадаченный доктор сказал тогда: что ж, иногда матушка-природа вводит нас в заблуждение, но теперь-то уж точно детей у вас не будет, так что благодарите Бога за этого и на том успокойтесь. Десять лет спустя мама забеременела мной и не только доносила меня до срока, но при родах пришлось даже применить щипцы. Забавная у нас семейка, правда? Родителям уже пришла пора внуков нянчить, а они заводят еще одного спиногрыза...

Они и сами понимали всю нелепость ситуации, и одного Божьего подарочка им вполне хватило. Нельзя сказать, что я был нелюбимым сыном, и уж конечно, они никогда меня не колотили. Просто я стал для них в некотором роде сюрпризом, а люди после сорока, в отличие от двадцатилетних, сюрпризы, да еще такие, жалуют не очень. Чтобы избежать еще одного, мама после моего рождения сделала операцию, на сто процентов дающую гарантию от «даров Господних»... В школе я понял, как мне повезло, что акушер при родах применил щипцы: родиться с опозданием, оказывается, гораздо хуже, чем недоношеным. Яркий тому пример — мой дружище Верн Тессио. И папа, кстати, был того же мнения.

Я полностью осознал, каково это — ощущать себя пустым местом, когда мисс Харди уговорила меня написать сочинение по «Человеку-невидимке». Уговаривать, по правде говоря, ей даже не пришлось: я полагал, что речь идет о научно-фантастическом романе про забинто-

* Примерно 3,6 кг.

ванного парня, которого в одноименном фильме играл Фостер Грантс. Когда же выяснилось, что это совершенно другая книга с тем же названием, я попытался отказаться, но впоследствии был только рад, что мисс Харди настояла на своем. В этом «Человеке-невидимке» главным героем был негр, которого никто вокруг не замечал, пока он, наконец, не взбунтовался. Люди смотрели как бы сквозь него, когда он с кем-то заговаривал, то не получал ответа, в общем, он походил на чернокожего призрака, реально существующего, но как бы бесплотного. «Врубившись» в книгу, я проглотил ее залпом, словно это был роман Макдональда, ведь этот тип, Ральф Эллисон, описывал *мою* жизнь. Все у нас в семье крутилось вокруг Денниса, а меня как бы и не было. «Денни, как вы вчера сыграли?», «Денни, с кем ты танцевал на вечеринке с Сэди Хопкинс?», «Денни, как ты полагаешь, стоит нам купить ту черную машину?» Денни, Денни, Денни... За столом я просил передать мне масло, а папа, будто меня не слыша, говорил: «А ты уверен, Денни, что армия — твое призвание?» «Да передайте же мне, ради Бога, масло!» А мама спрашивала Денни, не купить ли ему новую рубашку на распродаже... В конце концов мне приходилось тянуться самому за маслом через весь стол. Однажды (мне было девять лет) я засомневался, слышат ли они меня вообще, и чтобы это выяснить, брякнул за столом: «Мам, передай, пожалуйста, вон тот задрюченный салат». «Денни, — услыхал я в ответ, — сегодня звонила тетя Грейс. Интересовалась, как идут дела у тебя и у Гордона...»

Я не пошел на выпускной вечер Денниса (школу он, разумеется, окончил с отличием), сказавшись больным. Упросив Ройса, старшего брата Стиви Дарабонта, купить мне бутылку «Дикой ирландской розы», я выхлебал половину, после чего сблевал прямо в постель. Случилось это ровно в полночь.

Согласно учебникам психологии, я должен был либо возненавидеть старшего брата до потери пульса, либо сделать из него кумира, стоящего на недосягаемой для меня высоте. Чушь какая... Наши с Деннисом взаимоотношения не имели с этим ничего общего. Странно, но мы

с ним чрезвычайно редко ссорились и ни разу не подрались. А впрочем, ничего страшного: за что, собственно, четырнадцатилетнему парню колотить четырехлетнего братишку? Тем более, что родители слишком тряслись над Денисом, чтобы обременять его заботами о малыше. Обычно в семьях младшие дети пользуются большим вниманием со стороны родителей, что и приводит к ссорам по причине зависти и ревности, у нас же было все наоборот. Если Денис и брал меня куда-нибудь с собой, то делал это по собственной воле. Кстати сказать, то были самые счастливые эпизоды моего детства.

— Эй, Лашанс, что это за шмакодявка с тобой?

— Братишка мой, и ты, Дэвис, лучше попридержи язык, а то Горди надерет тебе задницу. Мой брательник — парень крутой.

На несколько минут друзья Дениса с интересом окружали меня, такие большие, высокие, такие взрослые...

— Привет, малыш! А этот чудила и в самом деле твой старший брат?

В ответ я лишь кивал, краснея от смущения и робости.

— Ну и засранец же твой братец, ведь так, малыш?

Я опять кивал, и все, включая Дениса, лопались от смеха. Затем Денис доставал свисток, крича:

— Ну что, мы будем сегодня тренироваться, или вы собрались прохлаждаться?

Парни бросались занимать каждый свое место, а Денис наставлял меня:

— Сядь, Горди, вон на ту скамейку. Веди себя тихо, ни к кому не приставай, понял?

Я садился, куда мне было указано, и сидел тише воды ниже травы, ощущая себя таким маленьkim под огромным летним небом, на котором постепенно собирались тучи. Я следил за игрой, вернее, наблюдал за братом, и, как он и велел, ни к кому не приставал.

Вот только таких счастливых эпизодов было в моем детстве крайне мало.

Иногда он перед сном рассказывал мне сказки, и они были лучше маминых. Ну, разве «Красная Шапочка» и «Три поросенка» могут сравниться с жуткими историями

про Синюю Бороду или Джека-потрошителя?! А еще, как я уже рассказывал, Деннис научил меня играть в карты и тасовать колоду так, как кроме него не умел никто. Немного, конечно, но я и этим страшно был доволен.

В общем, можно сказать, что в раннем детстве я по-настоящему любил своего брата. Со временем это чувство сменилось неким благоговейным преклонением, похожим, вероятно, на преклонение правоверного мусульманина перед пророком Магометом. И, вероятно, смерть пророка так же потрясла всех правоверных мусульман, как потрясла меня гибель брата Денниса. Он был для меня чем-то вроде любимой кинозвезды: обожаемым и в то же время таким далеким.

Хоронили Денниса в закрытом гробу под американским флагом (прежде чем опустить гроб в землю, флаг сняли, свернули и передали маме). Мать с отцом испытали такое потрясение, что и теперь, спустя четыре месяца, шок все еще не проходил и вряд ли уже когда-нибудь пройдет. Комната Денни, по соседству с моей, была превращена в подобие музея, где по стенам были развешаны его школьные похвальные грамоты, а возле зеркала, перед которым он сидел часами, делая себе прическу «под Элвиса», стояли фотографии его девушек. На полке все так же лежали старые подшивки «Тру» и «Спортс Иллюстрикейтед», в общем, все было как в отвратительных «мыльных операх», которые до бесконечности крутят по телевидению. Однако я не находил в этом ничего сентиментального — для меня это было ужасно. В комнату Денниса я заходил лишь в случае крайней необходимости: мне постоянно мерещилось, что вот сейчас открою дверь, а он там прячется под кроватью, в шкафу или где-нибудь еще. Скорее всего, в шкафу... Когда мама просила меня принести из комнаты Денни его альбом с открытками или коробку из-под туфель, в которой он хранил фотографии, я воочию представлял, как дверь шкафа медленно, со скрипом открывается, и оттуда... Господи, он то и дело представлял передо мной с наполовину снесенным черепом, в рубашке, покрытой кашицей из спекшейся крови и мозга. Я видел, как он поднимает окровавленные руки и, сжимая кулаки,

беззвучно кричит: «А ведь это ты должен был оказаться на моем месте, Гордон! Ты, а не я!»

7

«Стад-сити», рассказ Гордона Лашанса. Впервые напечатан осенью 1970 г. в 45 «Гринспан Куотерли». Перепечатывается с разрешения издателя.

Был месяц март.

Чико, обнаженный, смотрел в окно, скрестив на груди руки и положив локти на перекладину, разделяющую верхнее и нижнее стекла. Вместо выбитого правого нижнего стекла в окне был приспособлен лист фанеры. Животом Чико облокотился на подоконник, его горячее дыхание чуть затуманило оконное стекло.

— Чико...

Он не обернулся, а она не стала больше его звать. В окне он видел отражение девушки, сидящей на его в полнейшем беспорядке развороченной постели. От ее макияжа остались только глубокие тени под глазами.

Он перевел взгляд с ее отражения на голую землю внизу, чуть припорошенную крупными хлопьями мокрого снега. Он падал и тут же таял. Снег, снег с дождем... Остатки давно увядшей, прошлогодней травы, пластмассовая игрушка, брошенная Билли, старые, ржавые грабли... Чуть поодаль — «додж» его брата Джонни с торчащими, словно обрубки, колесами без шин. Сколько раз Джонни катал его, тогда еще пацана, на этой тачке. По дороге они с братом слушали последние суперхиты и старые шлягеры, которые беспрерывно крутили на местной радиостанции — приемник был всегда настроен на волну Льюистона, — а раз или два Джонни угостил Чико баночным пивом. «Неплохо бегает старушка, а, братишка? — с гордостью говорил Джонни. — Вот подожди, поставлю новый карбюратор, тогда вообще проблем не будет».

Сколько воды утекло с тех пор...

Шоссе 14 вело к Портленду и далее в южный Нью-Гэмпшир, а если у Томастона свернуть на национальную автостраду номер один, то можно добраться и до Канады.

— Стад-сити, — пробормотал Чико, все так же уставившись в окно. Во рту у него дымилась сигарета.

— Что—что?

— Так, девочка, ничего...

— Чико, — снова позвала она. Нужно ему напомнить, чтобы сменил простыни до возвращения отца: у нее начинались месячные.

— Да?

— Я люблю тебя, Чико.

— Не сомневаюсь.

Март, грязный, дождливый, гнусный месяц март... Дождь со снегом там, на улице, дождь капает по ее лицу, по ее отражению в окне...

— Это была комната Джонни, — внезапно проговорил он.

— Кого—кого?

— Моего брата.

— А—а... И где же он сейчас?

— В армии.

На самом деле Джонни не был в армии. Прошлым летом он подрабатывал на гоночном автодроме в Оксфорде. Джонни менял задние шины серийного, переделанного под гоночный, «шеви», когда одна из машин, потеряв управление, сломала заградительный барьер. Зрители, среди которых был и Чико, кричали Джонни об опасности, но он так и не услышал...

— Тебе не холодно? — спросила она.

— Нет. Ногам немножко холодно...

«Что ж, — подумал он, — то, что случилось с Джонни, случится рано или поздно и со мной. От судьбы не убежишь...» Снова и снова перед его глазами вставала эта картина: неуправляемый «форд—мустанг», острые лопатки брата, вылирающие под белой футболькой — Джонни стоял, нагнувшись над задним колесом «шеви». Он даже выпрямиться не успел... «Мустанг» сшиб металлическое ограждение, высекая искры, и через долю секунды ослепительно—белый столб огня взметнулся в небо. Все...

«Мгновенная смерть — не так уж и плохо», — подумал Чико. Ему вспомнилось, как мучительно медленно умирал дедушка. Больничные запахи, хорошенкие медсестры в белоснежных халатах, бегающие взад вперед с «утками», хриплое, прерывистое дыхание умирающего, лицо, словно покрытое пергаментом вместо кожи. Какая смерть лучше? А есть ли вообще в смерти что—то хорошее?

Зябко поежившись, он задумался о Боге. Дотронулся до серебряного медальона с изображением Св. Христофора, который он носил на цепочке. Католиком он не был, и в жилах его не текло ни капли мексиканской крови. По-настоящему его звали Эдвард Мэй, а прозвище Чико дали ему приятели за иссиня-черные волосы, всегда прилизанные и зачесанные назад, и за его любовь к остроносым туфлям на высоком каблуке, в каких ходят кубинские эмигранты. Не будучи католиком, он носит медальон с изображением Св. Христофора — зачем? Да так, на всякий случай. Кто знает, если бы и Джонни был такой же, быть может, тот «мустанг» его и не задел бы...

Он стоит у окна с сигаретой. Внезапно девушка вскакивает с постели, бросается к нему, словно опасаясь, что он вдруг обернется и посмотрит на нее. Она прижимается к нему всем телом, обнимая горячими руками его шею.

— И в самом деле холодно...

— Тут всегда холодно.

— Ты любишь меня, Чико?

— А ты как думаешь? — Его шутливый тон вдруг посерезнел: — Ты взаправду оказалась целочкой...

— Это что значит?

— Ну, девственницей.

Пальцем она провела ему по щеке — от уха к носу.

— Я же тебя предупреждала.

— Больно было?

— Нет, — засмеялась она, — только немножко страшно.

Они стали смотреть в окно вместе. Новенький «олдсмобиль» промчался по шоссе 14, разбрызгивая лужи.

— Стад-сити, — снова пробормотал Чико.

— Что-что? — не поняла она.

— Да я вон о том парне в шикарной тачке. Торопится, как на пожар... Не иначе как в Стад-сити* собрался.

Она целует место, по которому провела пальцем. Он шутливо отмахивается от нее, словно от мухи.

— Ты что это? — надула она губки.

* Игра слов: «stud» на жаргоне коннозаводчиков означает «случка», на слэнге — «наркотики».

Он поворачивается к ней. Взгляд ее непроизвольно падает вниз, и тут же девушка краснеет, пытается прикрыть собственную наготу, но, вспомнив, что в фильмах ни одна кинозвезда никогда так не поступала, сейчас же отдергивает руки. Волосы у нее цвета воронова крыла, а кожа белоснежная, будто сметана. Груди у девушки небольшие, упругие, а мышцы живота, быть может, чуть-чуть вялые. Ну, хоть какой-то должен быть изъян, подумал Чико, все же она не голливудская дива.

— Джейн...

— Что, милый?

Горячая волна уже подхватила его и понесла...

— Да так. Ведь мы с тобой друзья, только друзья, да? — Он внимательно разглядывает ее всю, с ног до головы. Она краснеет. — Тебе не нравится, что я тебя рассматриваю?

— Мне? Ну, почему же?...

Прикрыв глаза, она сделала несколько шагов назад, затем опустилась на кровать и откинулась, раздвинув ноги. Теперь он может видеть ее всю, включая пульсирующие жилки на внутренней части бедер. Вот эти жилки неожиданно приводят его в сильнейшее возбуждение, такое, какого он не испытывал, даже поглаживая ее твердые, розовые соски или проникая в самое ее лоно. Его охватывает дрожь. «Любовь — святое чувство», — говорят поэты, но секс — это какое-то сумасшествие, которое охватывает тебя всего, лишает разума, заставляет полностью отключиться от окружающего мира. Наверное, нечто подобное испытывает канатоходец под куполом цирка, вдруг подумалось ему.

На улице снег сменился дождем. Крупные капли барабанят по крыше, по оконному стеклу, по вставленному вместо стекла листу фанеры. Ладонь его ложится на грудь, и на мгновенье он становится похож на древнеримского оратора. Как холодна ладонь... Онроняет руку.

— Открой глаза, Джейн. Ведь мы с тобой друзья, не так ли?

Она послушно открывает глаза и смотрит на него. Цвет ее глаз внезапно изменился — они стали фиолетовыми. Струи дождя, текущие по стеклу, отбрасывают странные тени на ее лицо, шею, грудь. Сейчас, когда она откинулась навзничь, даже ее несколько дряблый живот — само совершенство.

— Чико, ах, Чико... — Он замечает, что она тоже дрожит. — У меня такое странное ощущение... — Она подбирает под себя ноги,

и Чико видит, что ступни у нее нежно-розовые. — Чико, милый мой Чико...

Он приближается к ней. Дрожь никак не унимается. Зрачки ее расширились, она что-то говорит, всего одно слово, но он не разобрал, какое именно, а переспрашивать не стал. Он наклоняется над ней, нахмурившись, дотрагивается до ее ног чуть выше колен. Внутри его как будто колокол гудит... Он делает паузу, прислушиваясь к себе, стараясь продлить мгновение.

Лишь тиканье будильника на столике у изголовья нарушает тишину, да ее дыхание, которое, все убыстряясь, становится прерывистым. Мышцы его напряжены перед рывком вперед и вверх. И вдруг взрыв, буря, шторм. Тела их сцепились в любовной схватке.

На этот раз все прошло еще более удачно, чем первоначально. На улице дождь совершенно уже смыл остатки снега.

Примерно через полчаса Чико слегка потряс ее, выводя из оцепенения.

— Нам пора, — напомнил он ей, — отец с Вирджинией должны уже быть с минуты на минуту.

Она взглянула на часы и села, больше не пытаясь прикрыть наготу. Что-то в ней здорово изменилось: она уже не была прежней, чуть наивной, неопытной девушкой (хотя, быть может, сама она полагала, что перестала быть такой уже давно). Теперь ему улыбалась женщина-искусительница. Он потянулся к столику за сигаретой. Когда она надевала трусики, ему вдруг пришла на ум песенка Рольфа Харриса «Привяжи-ка меня к стойлу, кенгуру». Песенка совершенно идиотская, но Джонни ее просто обожал. Чико усмехнулся про себя.

Надев бюстгальтер, она принялась застегивать блузку.

— Ты что-то смешное вспомнил, Чико?

— Так, ничего.

— Застегнешь мне сзади?

Все еще оставаясь голым, он застегивает ей «молнию» и при этом целует в щечку.

— Можешь заняться макияжем в ванной, только недолго, ладно?

Он затягивается сигаретой, наблюдая за ее грациозной походкой. Чтобы войти в ванную, ей пришлось наклонить голову — Джейн была выше Чико. Отыскав под кроватью свои плавки, он сунул их в ящик комода, предназначенный для грязного белья, а

из другого ящика достал свежие, надел их и, возвращаясь к постели, поскользнулся в луже, которая натекла из-под листа фанеры.

— Вот, дьявол, — ругнулся он, с трудом удержав равновесие.

Чико оглядел комнату, которая принадлежала брату до его гибели («Какого, интересно, черта я ей сказал, что Джонни в армии?») Стены из древесно-стружечных плит были такими тонкими, что пропускали все звуки, доносившиеся по ночам из комнаты отца и Вирджинии. Пол в комнате имел наклон, так что дверь приходилось держать, чтобы она не захлопнулась сама. На стене висел плакат из фильма «Легкий скакун»: «Двое отправляются на поиски истинной Америки, но так нигде и не могут ее найти». При жизни Джонни тут было гораздо веселее. Как и почему, Чико сказать не сумел бы, но это была правда. По ночам его иногда охватывал ужас — он представлял, как тихо, со зловещим скрипом открывается дверца шкафа и оттуда, из темноты появляется Джонни, весь окровавленный, с переломанными конечностями и с черным провалом вместо рта, откуда доносится свистящий шепот: «Убирайся из моей комнаты, Чико. И если ты даже близко подойдешь к моему «доджу», я тебе башку оторву, понял?»

«Понял, братишка», — сказал про себя Чико.

Несколько мгновений он смотрел на пятна крови, оставленные девушки, потом одним резким движением расправил простыню так, чтобы пятна были на самом виду. Вот так, так... Как тебе это понравится, Вирджиния? Забавно, правда? Он натянул на себя брюки, потом свитер, достал из-под кровати свои армейские ботинки.

Когда Джейн вышла из ванной, он причесывался перед зеркалом. Выглядела она классно — ни малейшего намека на дряблый живот. Взглянув на разоренную постель, она несколькими движениями придала ей вполне приличный вид.

— Отлично, молодец, — похвалил ее Чико.

Она довольно рассмеялась и, чуть кокетничая, смахнула в сторону закрывшую глазащелку.

— Пора идти, — сказал он.

Они прошли через холл в гостиную. Джейн остановилась, чтобы рассмотреть студийную цветную фотографию на телевизоре. На ней было изображено все семейство: отец с Вирджинией, старшеклассник Джонни с малышом Билли на руках, ну и, конечно же,

но, Чико, в то время ученик начальной школы. На лицах у всех застыли неестественные, натянутые улыбки, за исключением Вирджинии. Ее несколько сонная физиономия, как всегда, абсолютно ничего не выражала. Чико припомнил, что фотография была сделана примерно месяц спустя после того, как отец имел глупость жениться на этой сучке.

— Это твои родители?

— Это мой отец, а это мачеха, ее зовут Вирджиния, — ответил Чико. — Пойдем.

— Она и до сих пор такая симпатяшка? — поинтересовалась Джейн, надевая куртку и протягивая Чико его штормовку.

— Об этом лучше всего спросить папашу.

Они вышли на веранду, сырую и насквозь продуваемую ветром через многочисленные трещины в фанерных стенах. Тут была настоящая свалка: куча старых, совершенно лысых покрышек, велик Джонни, в десятилетнем возрасте унаследованный Чико и немедленно им сломанный, стопка криминальных журналов, ящик с пустыми бутылками из-под «пепси», громадный, весь покрытый толстым слоем солидола дизель, оранжевая корзина, полная книжек в мягких обложках, и тому подобная дребедень.

Дождь лил не переставая. Старый седан Чико имел весьма жалкий вид. Даже с обрубками вместо колес и куском прозрачного пластика, заменившим давно разбитое ветровое стекло, «додж» Джонни выглядел на порядок выше классом. Краска на «бьюике» Чико, цвета весьма тоскливого, местами облупилась, и там светились пятна ржавчины, чехлом переднего сиденья служило коричневое армейское одеяло, на заднем валялся стартер, который Чико уже давным-давно собирался поставить на «додж», да все никак руки не доходили. На солнечном козырьке перед сиденьем пассажира сияла забавная наклейка с надписью: «Регулярно и с удовольствием».

Внутри «бьюика» воняло затхлостью, а его собственный стартер долго прочихивался, прежде чем мотор завелся.

— Аккумулятор не в порядке? — поинтересовалась Джейн.

— Все из-за чертова дождя, — пробормотал Чико, выруливая на шоссе и включая «дворники».

Он посмотрел на дом, тоже довольно малопривлекательный: грязно-зеленые стены, покосившаяся веранда, облупившаяся кровля...

Вздохнув, Чико включил приемник и тут же его вырубил: звук его был просто неприличным. Внезапно у него разболелась голова. Они проехали мимо Грейндж-холла, пожарной каланчи и универмага Брауни с бензоколонкой, возле которой Чико увидел Салли Моррисон на своем «ти-берде». Он поднял руку в знак приветствия, сворачивая на старое льюистонское шоссе.

— А это кто такая? — спросила Джейн.

— Салли Моррисон.

— Ничего девочка, — как можно безразличнее проговорила она.

Чико потянулся за сигаретами.

— Салли дважды выходила замуж и дважды разводилась. Если хотя бы половина сплетен про нее соответствует истине, она переспала со всем городом и, частично, с его окрестностями.

— Она так молодо выглядит...

— Не только выглядит.

— А ты когда-нибудь...

Ладонь его легла ей на бедро. Он улыбнулся:

— Нет, никогда. Брательник мой — вполне возможно, но я — нет. Хотя она мне нравится. Во-первых, Салли получает алименты, во-вторых, у нее шикарная белая тачка, а в-третьих, ей наплевать, что про нее толкуют сплетники.

Ехали они долго. Джейн сделалась задумчивой. Тишину нарушило лишь скрипение «дворников». В низинах уже собирался туман, который ближе к вечеру поднимется наверх, чтобы покрыть полностью дорогу вдоль реки.

Они въехали в Обурн, и Чико, чтобы сократить путь, свернул на Мино-авеню. Она была совершенно пустынной, а коттеджи по обеим сторонам казались заброшенными. На тротуаре им повстречался лишь мальчишка в желтом пластиковом дождевике, старавшийся не пропустить ни одной лужи на своем пути.

— Иди, иди, мужчина, — мягко проговорил Чико.

— Что?

— Ничего, девочка. Можешь продолжать спать.

Она хихикнула, не очень-то понимая, что он хочет сказать.

Свернув на Кистон-стрит, Чико притормозил возле одного из якобы заброшенных коттеджей. Мотор он выключать не стал.

— Ты разве не зайдешь? — удивленно спросила она. — У меня есть кое-что вкусненькое.

Он покачал головой:

— Нужно возвращаться.

— Да, я знаю... — Она обняла его за шею и поцеловала. — Спасибо тебе, милый. Это был самый замечательный день в моей жизни.

Лицо его осветилось улыбкой: слова ее показались ему просто волшебством.

— Увидимся в понедельник, Джейни? И помни: мы с тобой — всего лишь друзья.

— Ну, разумеется, — улыбнулась она в ответ, целуя его снова, но когда ладонь его легла на ее грудь, отпрянула: — Что ты, отец может увидеть!

Улыбка его погасла. Он отпустил ее, и она выскользнула из машины, бросившись сквозь дождь к крыльцу. Мгновение спустя она исчезла. Чико помедлил, прикуривая, и этого оказалось достаточно, чтобы мотор «бьютика» заглох. Стартер опять долго прорычивался, прежде чем двигатель завелся.

Ему предстоял долгий путь домой.

Отцовский фургон стоял перед входной дверью. Чико притормозил рядом и заглушил мотор. Несколько мгновений он сидел молча, вслушиваясь в мерный стук капель по металлу.

Когда Чико вошел, Билли оторвался от «ящика» и кинулся ему навстречу.

— Ты только послушай, Эдди, что сказал дядя Пит! Оказывается, во время войны он со своими товарищами отправил на дно немецкую подводную лодку! А ты возьмешь меня с собой на дискотеку в субботу?

— Еще не знаю, — ответил Чико, ухмыляясь. — Может, и возьму, если ты всю неделю будешь перед ужином целовать мои ботинки.

Чико запускает пальцы в густую, шелковистую шевелюру Билли, тот, счастливо хохоча, колотит брата кулаками в грудь.

— Ну вы, двое, перестаньте-ка сейчас же, — ворчит Сэм Мэй, заходя в комнату. — Мать не выносит вашей возни, и вам это известно. — Отец снимает галстук, расстегивает верхние пуговицы рубашки и садится за стол, где перед ним уже стоит тарелка с двумя-тремя красноватыми сосисками. Сэм мажет их несвежей горчицей. — Ты где пропадал, Эдди?

— У Джейн.

Дверь ванной хлопает. Это Вирджиния. Интересно, не забыла ли там Джейн губную помаду, заколку или что-то еще из своих дамских причиндалов, размышляет Чико.

— Ты бы лучше отправился с нами навестить дядю Пита и тетушку Энн, — продолжает ворчать отец, что, однако, не мешает ему в два счета проглотить сосиски. — Ты стал словно чужой, Эдди, и мне это не нравится. Ты тут живешь, мы тебя кормим — изволь вести себя как член семьи.

— Живу тут, — бормочет Чико, — кормите меня...

Сэм быстро поднял на него глаза. Во взгляде его мелькнула затаенная боль, тут же сменившаяся гневом. Когда он снова открывает рот, Чико замечает, что зубы у него желтые от горчицы.

— Попридержи язык, сопляк, — рявкает на него отец. — Слишком разговорчивый стал...

Пожав плечами, Чико режет ломоть хлеба от батона, лежащего на подносе возле отца, и намазывает его кетчупом.

— Через три месяца я от вас уеду, — говорит он.

— Я намереваюсь починить машину Джонни и свалить отсюда в Калифорнию. Может, найду там работу.

— Великолепная мысль! Долго ее рожал? — Сэм Мэй был крупным, чуть нескладным мужчиной, но у Чико сложилось впечатление, что после женитьбы на Вирджинии и особенно гибели Джонни он стал как-то усыхать. — На этой развалюхе ты не доберешься и до Касл-рока, не говоря уже о Калифорнии.

— Ты так считаешь? А не пойти ли тебе к едрене фене, папочка?

Отец замер с открытым ртом, затем схватил со стола баночку с горчицей и швырнул ее в Чико, попав прямо в грудь. Горчица растеклась по свитеру.

— Ну-ка, повтори, что ты там вякнул! — взревел он. — Я тебя, сопляк, сейчас по стенке размажу!

Чико поднял баночку, задумчиво посмотрел на нее и внезапно швырнул назад в отца. Тот медленно поднялся со стула. Физиономия его приобрела кирпичный оттенок, на лбу резко запульсировала жилка. Он сделал неловкое движение, задел поднос и опрокинул его на пол вместе с тарелкой жареной фасоли в соусе. Малыш Билли с расширенными от ужаса глазами и дрожащими губами отступил к кухонной двери, готовый броситься вон из комнаты. По телевизору Карл Стормер и его ребята из группы

«Кантри Баккаруз» исполняли суперхит сезона — «Длинную черную вуаль».

— Вот она, благодарность, — запыхтел отец, как будто из него вдруг выпустили пар. — Растишь их, заботишься о них и вот что получаешь...

Одной рукой он ухватился за спинку стула, словно боясь потерять равновесие. В другой он судорожно сжал сосиску, похожую на фаллос. Внезапно отец сотворил такое, что Чико глазам своим не поверил: он впился зубами в сосиску и принял ее быстро — быстро жевать. Одновременно из глаз его брызнули слезы.

— Эх, сынок, сынок... — дожевав сосиску, простонал отец. — Так-то ты мне платишь за все, что я для вас делаю...

— А что ты для нас сделал? Привел в дом эту стерву?! — взорвался Чико, однако сумел вовремя остановиться и проглотить остаток фразы: «Если б ты этого не сделал, Джонни был бы жив!»

— Это тебя не касается! — ревел Сэм Мэй сквозь слезы. — Это мое дело!

— Разве? — Чико тоже сорвался на крик. — Только твое? А нам с Билли не приходится жить с ней?! Наблюдать, как она мучает тебя? А ведь тебе даже невдомек, что...

— Что? — Отец вдруг понизил голос, в нем зазвучала неприкрытая угроза. — Говори уж все до конца. Так что мне невдомек, а?

— Так, неважно...

То, что он едва не проболтался, привело Чико в ужас.

— Тогда лучше заткнись, Чико, или я вышибу из тебя мозги. — То, что отец назвал его по прозвищу, означало крайнюю степень бешенства. — Ты понял меня?

Обернувшись, Чико увидел Вирджинию. Судя по всему, она все слышала с самого начала и теперь молча смотрела на Чико своими большими, карими глазами. Глаза у нее, в отличие от всего остального, были действительно прекрасны... Внезапно Чико ощутил новый прилив ненависти.

— Хорошо же, я договорю до конца, — прошипел он и тут же сорвался на крик: — Ты, папочка, рогами весь порос и великолепно это знаешь, но поделать ничего не можешь!

Для Билли это было уже слишком: малыш уронил свою тарелку на пол и, тоненько взывая, закрыл ладонями лицо. Фасолевый соус растекся по ковру, запачкав его новенькие туфельки.

Сэм шагнул к Чико и вдруг остановился под взглядом Чико, который словно говорил: «Ну же, давай, смелей! Ведь к этому все шло уже давно!» Так они и стояли друг против друга в полной тишине, которую нарушил низкий, чуть с хрипотцой голос Вирджинии, поразительно спокойный, как и ее огромные карие глаза:

— У тебя была здесь девушка, Эд? Ты же знаешь, как мы с отцом относимся к подобным вещам. — И после паузы: — Она забыла носовой платок...

Чико уставился на нее, не в силах выразить словами, как он ее ненавидит, какая же она дрянь, грязная сука, сумевшая выбрать момент, чтобы вонзить ему кинжал в спину, зная, что защититься он не сможет.

«Ну, что же ты замолк, ублюдок? — говорили ее спокойные, карие глаза. — Тебе же известно, что было между нами незадолго до его гибели. Что, Чико, слабо рассказать отцу? Как же, так он тебе и поверил... А если и поверит, ты же понимаешь, что он этого не переживет».

Сэм, услыхав слова Вирджинии, ринулся на Чико словно бык на красную тряпку:

— Ты что, засранец, трахался в моем доме?!

— Сэм, что за выражения, — проговорила укоризненно Вирджиния.

— Поэтому ты и отказался поехать с нами?! Чтобы тут потра... Чтобы вы...

— Ну, давай же, продолжай! — крикнул Чико, чувствуя, что вот-вот разрыдастся. — Ты что, ее стесняешься?! Да она и не такое слыхала и видела! Давай же, договаривай!

— Убирайся, — глухо проговорил отец. — Пошел отсюда вон, и не возвращайся, пока не надумаешь попросить прощения у матери и у меня.

— Не смей! — взвизгнул Чико. — Не смей звать эту суку моей матерью! Убью!

— Прекрати, Эдди! — раздался вдруг тонкий вскрик Билли. Ладони все еще закрывали его лицо. — Перестань орать на папочку! Ну, пожалуйста, прекрати же!

Вирджиния стояла в дверном проеме без движения, вперив уверенный, невозмутимый взгляд в Чико.

Сэм, отступив, тяжело опустился на стул и уронил голову на грудь:

— После таких слов, Эдди, я даже смотреть на тебя не хочу. Ты даже представить себе не можешь, какую мне причинил боль.

— Это она причиняет тебе боль, не я! Ну, почему до тебя никак не доходит?!

Он молча, не поднимая глаз на Чико, намазал хлеб горчицей и так же молча его сжевал. Билли рыдал. Карл Стормер и «Кантри Баккаруз» пели по телевизору: «Драндулет мой старенький, но бегает еще дай Бог!»

— Прости его, Сэм, он сам не понимает, что болтает, — мягко произнесла Вирджиния. — Это все переходный возраст...

Змея снова победила, думает Чико. Все, конец.

Он поворачивается, направляясь к выходу. У двери он останавливается и зовет Вирджинию по имени.

— Что тебе, Эд?

— Я сломал ей целку, — говорит он. — Иди взгляни: на простиные кровь.

Что-то такое промелькнуло у нее во взгляде... Нет, показалось.

— Уйди, Эд, прошу тебя, уходи. Ты насмерть перепугал Билли.

Он уходит. «Бьюик» снова не заводится, и он уже решил отправиться пешком под проливным дождем, когда движок в конце концов прокашлялся. Прикурив, он выруливает на шоссе 14. Что-то стучит в моторе... Плевать, до Гейтс-фолз он как-нибудь доберется.

Чико бросает прощальный взгляд на «додж» Джонни.

Джонни предлагали постоянную работу на ткацкой фабрике в Гейтс-фолз, но лишь в ночную смену. Работать по ночам он был не против, говорил он Чико, к тому же там платили больше, чем на автодроме, но, поскольку отец работал днем, то Джонни пришлось бы в это время оставаться с ней наедине, в соседней с Чико комнате, а стены в доме тонкие, и слышно все великолепно... «Я не смогу с ней ничего поделать, — оправдывался Джонни перед Чико. — Ведь я прекрасно понимаю, что будет с ним, если он узнает. Но, видишь ли, я просто не в состоянии вовремя остановиться, она же этого и не желает. Ты понял, что я имею в виду, Чико? Конечно, понял, ты же ее знаешь. Это Билли пока еще мал для таких дел, но ты-то уже взрослый...»

Да, я знал ее и, разумеется, все понимал. Так или иначе, Джонни пошел работать на автодром. Отцу он объяснил это решение тем, что там он сможет по-дешевке доставать запчасти для своего

«доджа». Ну, а потом «мустанг» убил Джонни. Нет, не «мустанг» его убил, а эта сучка мачеха, так что давай, старый драндулет, бывший когда-то «бьюиком», кати себе в Стад-сити и не глохни по дороге... Вот только бы еще избавиться от постоянно преследовавшего его запаха паленой резины, да от кошмарного виде-ния кровавой массы, бывшей его братом Джонни, расплющенной между «мустангом» и «шеви», с торчащими из дыр в белой фут-болке сломанными ребрами, от ослепительно-белого столба ог-ня, взметнувшегося ввысь, от неожиданно резкой бензинной во-ни...

Чико изо всех сил жмет на тормоз, распахивает дверцу и, сотрясаемый судорогами, выблевывает противную желтую массу в снег и грязь. Потом еще раз и еще... Мотор готов уже заглохнуть, но Чико вовремя жмет на стартер. Тело его дрожит. Мимо проно-сится новенький белый «форд», обдавая «бьюик» грязной водой из громадной лужи.

— Торопится в Стад-сити, — бормочет Чико. — Фу, мерзость...

Во рту у него остался противный привкус рвоты. Даже курить было противно. Поспать бы сейчас... Что ж, он, наверно, сможет переночевать у Дэнни Картера, а завтра будет видно, что делать дальше. Старый «бьюик» покатил вперед по шоссе 14.

8

Чертовски мелодраматичная история, не так ли?

Я ведь отлично понимаю, что никакой это, конечно, не шедевр, и что на каждой странице моего опуса следовало бы поставить штамп: «Творение литературного ремесленника-недоучки», чем сие сочинение и является на самом деле. Сплошное заимствование, да еще с претензией: хемингуэевский стиль (исключая явное злоупотребление настоящим временем — к месту и не к месту), фолкнеровский сюжет... В общем, несерьезно. Нелитературно.

Но даже явная претенциозность не в состоянии завуа-лировать тот факт, что эта чрезвычайно эротическая вещь вышла из-под пера молодого человека, чрезвычайно неопытного в таких делах (прежде чем написать «Стад-сити», я переспал всего лишь с двумя девушками, причем в обоих случаях показал себя гораздо слабее моего героя Чико).

Отношение автора к прекрасному полу выходит за рамки простой враждебности, неся в себе некое омерзение: две героини «Стад-сити» — потаскухи, а третья — глупенькая пустышка, из которой так и сыплются пошлости, вроде «Я так люблю тебя, Чико» или «Ты разве не зайдешь ко мне? У меня есть кое-что вкусненькое». Напротив, Чико — настоящий парень-работяга, не выпускающий сигарету изо рта, прямо-таки передовой представитель трудящейся молодежи, любимый герой Брюса Спрингстина (которого, по правде говоря, никто еще не знал в то время, когда рассказ мой появился в студенческом литературном альманахе — между поэмой под названием «Воплощения моего Я» и эссе о молодежном матерном жаргоне, написанном на этом самом жаргоне). Короче, неопытность и неуверенность автора в себе ощущается в каждой фразе этого, с позволения сказать, произведения.

И в то же время «Стад-сити» стал первым действительно моим произведением после пяти лет довольно бесплодных литературных упражнений, первым, которого я мог бы не стыдиться, несмотря на все его огрехи, весьма корявым, но, согласитесь, жизненным. Даже теперь, когда я перечитываю рассказ, с трудом сдерживая усмешку в наиболее претенциозных и «крутых» местах, за строчками мне видится живой образ Гордона Лашанса, только, разумеется, не нынешнего автора многочисленных бестселлеров, не успевающего подписывать все новые контракты, а того Гордона, который в один прекрасный день отправился с друзьями на поиски тела погибшего пацана по имени Рей Брауэр.

Конечно, это плохой рассказ, поскольку автор его слышал слишком много посторонних голосов в ущерб единственному — внутреннему — голосу, к которому вообще стоит прислушиваться. Но это было первое мое произведение, где я описал места, которые я знаю, и чувства, которые испытал сам. То, что волновало меня на протяжении стольких лет, вдруг обрело новую форму ощущений, поддающихся контролю, и этот факт сам по себе наполнил меня неким новым, радостным ощущением. Взять, к примеру, кошмар моих детских лет: мертвый

Денни, появляющийся из шкафа в его тщательно оберегаемой, превращенной в музей комнате. Я вполне искренне полагал, что кошмар этот давным-давно забыт, и вдруг он, слегка измененный, всплыл в моем рассказе. С той разницей, что герой «Стад-сити» способен контролировать возникающие у него при этом чувства.

Не раз мне приходилось бороться с искушением «причесать» этот корявый рассказ и даже, может быть, переписать его заново — временами я действительно стыжусь его, но в то же время он мне дорог таким, какой он есть. Во всяком случае теперешний, начавший уже седеть Гордон Лашанс не смог бы написать таких вещей, как, например, картина смерти Джонни или тени от текущих по стеклу струй дождя на лице и на груди Джейн.

И еще одно: «Стад-сити» стал первым моим произведением, которое я не показывал родителям. Слишком в нем много было Денни, Касл-рока и, главное, 1960 года. Слишком в нем много было правды, а правда всегда причиняет боль.

9

В моей комнате, располагавшейся на верхнем этаже, температура уже достигала градусов девяноста, а к полуночью, даже с настежь распахнутыми окнами, она наверняка поднимется до ста десяти. Хорошо, что мне сегодня не придется спать тут, в этой душегубке. Сама мысль о предстоящей экспедиции привела меня в радостное возбуждение. Я сдернул с постели пару одеял, свернул их и при помоши ремня соорудил нечто вроде солдатской скатки. Затем пересчитал оставшиеся деньги — получилось шестьдесят восемь центов. Теперь я был полностью готов.

Спуститься я решил по задней лестнице, чтобы лишний раз не встретить старика, однако эта предосторожность была напрасной: отец все еще разбрызгивал бесполезную уже влагу в саду, задумчиво уставясь на сотворенную им радугу.

Пройдя по Летней улице, я пересек пустырь и вышел к Карбайн — туда, где теперь находится редакция касл-рокского «Зова». К тротуару подрулила машина и из нее вылез Крис со скаутским рюкзаком в одной руке и такой же, как у меня, скаткой из одеял в другой.

— Благодарю, мистер, — бросил он водителю, подбегая ко мне. На шее у него болталась скаутская фляга. Глаза Криса блестели.

— Ух, Горди, что я тебе сейчас покажу! — возгласил он.

— Что же?

— Пойдем-ка вон туда, — он указал на узкое пространство между ресторанчиком и касл-рокским универмагом.

— Да что случилось, Крис?

— Пойдем, говорю тебе!

Он бросился в переулок, и после секундного размышления я последовал за ним. Проход между двумя зданиями сужался, оканчиваясь громадной кучей мусора, старых газет, битых бутылок и прочей дребедени. Крис, а за ним и я, перебрался через кучу и свернул за угол ресторанчика, где наконец остановился. Восемь или девять мусорных бачков, выстроенных в шеренгу, будто солдаты на параде, распространяли ужасающее зловоние.

— Местечко погаже ты не мог выбрать? — скорчил я гримасу. — Ну, нет уж, Крис, уволь...

— Давай руку, — не понял он, что это меня покоробило.

— Не в этом дело. Меня сейчас вывернет наизнан...

Слова застряли у меня в горле, и я немедленно забыл про вонь: в руках у Криса, который уже успел распаковать свою поклажу, был громадный черный пистолет с деревянной рукояткой.

— Ну, кем ты хочешь быть: Одиноким Рейнджером или Сиско-кидом*? — осведомился Крис, расплываясь в довольной ухмылке.

* Клички знаменитых киногангстеров.

— Господи, Боже мой! — только и смог выдохнуть я. — Ты где его добыл?

— Упер из письменного стола папаши. Сорок пятый калибр!

— Ага, вижу... — На самом деле это мог быть и тридцать восьмой, и даже триста пятьдесят седьмой калибр — я перечитал все вещи Джона Макдональда и Эда Макбейна, но настоящую «пушку» видел только раз, у констебля Баннермана, да и то в кобуре. Он ее оттуда никогда не вытаскивал, вопреки всем нашим просьбам.

— Послушай, тебе же твой старик башку открутит, тем более, что, как ты говоришь, он не в своей тарелке. Вернее, как раз в своей...

В глазах у Криса заплясали чертики:

— Вот это-то и хорошо, дружище: он с приятелями засел накрепко у Харрисона. Они там уже выжрали бутылку шесть, а может, и все восемь, и останавливаются на этом явно не намерены. Похоже, этот «штопор» у него не менее чем на неделю, так что он ничего не узнает. Алкаши вонючие...

Крис закусил губу. Единственный из нашей компании, он никогда не брал в рот ни единой капли, даже чтобы показать, что он уже мужчина. Когда его на этот счет подначивали, он отвечал, что взрослый-то он взрослый, но уподобляться своему папаше категорически не желает. Однажды он мне поведал по секрету (это было после того, как близнецы Деспейны приволокли украденную у отца коробку с шестью банками пива, и все принялись потешаться над Крисом, который отказался сделать хоть один глоток), что пить он просто-напросто боялся. Его родитель не просыпал теперь уже круглыми сутками, старший брат изнасиловал ту девицу, будучи пьяным в стельку, а «Глазное Яблоко», вместе с «Тузом» Меррилом, Чарли Хогеном и Билли Тессио, тоже надирался весьма регулярно. То же самое, сказал Крис, будет и с ним, если он хоть раз притронется к бутылке. Вы, наверное, будете смеяться над двенадцатилетним пацаном, который до смерти боится превратиться в алкоголика, однако Крису было не до смеха. Абсолютно не до

смеха. Он очень много размышлял о подобной перспективе, и она беспокоила его всерьез.

— А патроны к нему есть? — спросил я.

— Девять штук — все, что было в коробке. Он часто спьяну постреливает по пустым консервным банкам, так что мы можем их использовать — он подумает, что расстрелял все сам.

— Он заряжен?

— Нет, конечно! Ты что, меня за идиота держишь?!

Я взял пистолет. Ощущая его приятную тяжесть в ладони, я представил себя Стивом Карелло из 87-го участка, преследующим того подонка, Хеклера, или, быть может, Мейера с Клингом после того, как они очистили очередную квартиру. Прицелившись в один из мусорных баков, я плавно нажал на курок.

БА-БАХ!!!

Из дула вырвался язычок пламени, запястье пронзила боль от отдачи, сердце у меня подскочило и затрепетало где-то возле глотки. В покрытой слоем ржавчины стенке бачка зияла громадная дыра.

— О, Боже! — вырвалось у меня.

От неожиданности, а может, и от страха Крис бешено захотел.

— Ну, ты даешь! — заорал он. — Гордон Лашанс устроил пальбу в Касл-роке! Вот это да!

— Заткнись! — прикрикнул я, хватая его за рукав. — Сматываемся отсюда!

Мы ринулись прочь, и в ту же секунду Френсин Таппер в белом фартуке официантки высунулась из задней двери ресторанчика:

— Кто это сделал? Какой мерзавец вздумал ту взрывать хлопушки?

Боже, как мы мчались! Пробежав через захламленные дворы нескольких магазинов, мы перемахнули через дощатый забор, при этом занозив ладони, и наконец выскочили на Каррен-стрит. На бегу я кинул Крису пистолет. Он, не переставая хохотать, каким-то образом поймал его и умудрился сунуть назад в рюкзак. Свернув на Карбайн-стрит, мы перешли на шаг: бежать по такой жаре, сломя

голову, было невмоготу, к тому же выглядели мы слишком подозрительно. Криса все еще разбирал смех.

— Поглядеть бы тебе в тот момент на свою физиономию, дружище! — Он остановился, хохоча и хлопая себя по ляжкам. — Зрелище на миллион долларов, ей-Богу!

— Зараза, вот ты кто! Признайся, ведь ты знал, что он заряжен?! Из-за тебя я теперь влип: эта сучка Таппер наверняка меня узнала.

— Глупости, она подумала, что это всего лишь хлопушка. К тому же ты отлично знаешь, что она не видит дальше собственного носа. Воображает, что очки испортят ее миленькую мордаху. Ха, будто такую харю можно чем-то еще испортить!

Крис согнулся пополам от нового взрыва хохота.

— Да наплевать мне на ее харю! Учи, Крис, это тебе даром не пройдет.

— Да ладно, Горди, успокойся. — Он обнял меня за плечи. — Вот те крест на пузе, я и понятия не имел, что он заряжен! Клянусь матушкой! Я взял его из папашиного стола, а он, прежде чем положить его туда, всегда вытаскивает обойму. На этот раз он, вероятно, был в этот момент слишком накачан.

— Ты правда не заряжал его?

— Конечно, нет.

— Клянись, что если ты мне врешь, то твоя мать будет гореть в аду. Ну, клянешься?

— Клянусь.

Перекрестившись, он трижды сплюнул через левое плечо. Физиономия у него при этом была такой честной и открытой, словно у мальчика, поющего в церковном хоре, но когда мы приблизились к дожидавшимся нас возле хижины Верну и Тедди, смех снова разобрал его. Он, конечно, рассказал им, как все было, и как только хохот стих, Тедди поинтересовался, а за каким, собственно, дьяволом ему понадобилось оружие.

— Да ни за каким, — ответил Крис. — А вдруг нам повстречается медведь или еще какое чудо-юдо? К тому же с пистолетом в лесу ночью как-то спокойнее.

Последний довод убедил нас. В отличие от Тедди, Крис, самый крутой парень в нашей команде, мог не опасаться, что кто-то назовет его трусоватым.

— Ты не забыл поставить палатку у себя в поле? — поинтересовался Тедди у Верна.

— Не забыл, и даже зажег внутри фонарик, чтобы все думали, что мы там.

— Вот молодец! — похлопал я Верна по плечу, и тот расплылся, довольный похвалой.

— Ну, тогда пошли, — сказал Тедди. — Пора: уже почти двенадцать.

Крис поднялся первым. Мы окружили его.

— Пойдем по полю Бимана до бензоколонки Сонни, затем мимо мебельного магазина и свалки выйдем к железнодорожным путям, а там от эстакады и до Харлоу недалеко, — сказал он.

— Как думаешь, это далеко? — спросил Тедди.

Крис пожал плечами.

— Миль двадцать, по меньшей мере. Правда, Горди?

— Если не все тридцать.

— Пусть тридцать, мы все равно там будем завтра к полудню, если, конечно, никто из нас не накладет в штаны.

— Тут нет засранцев, — поспешил заверить Тедди.

Мы с некоторым сомнением переглянулись.

— Мя-я-я-у, — мяукнул Верн и тут же громко пукнул.

Все грохнули от хохота.

— Ладно, ребята, пошли, — Крис вскинул на плечо свой рюкзак и зашагал впереди. Остальные последовали за ним.

Когда мы, наконец, прошли через поля Бимана и вскарабкались на насыпь эстакады, где Большое Южное шоссе пересекается с Западномэнской автострадой, нам пришлось скинуть рубашки и обвязаться ими вокруг

пояса. Пот лил с нас ручьями. С эстакады мы осмотрели окрестности, выбирая наиболее удобный путь.

До самой старости я не забуду ту минуту. Часы были у меня одного — дешевенький «таймекс», полученный мною год назад в качестве премии за успешную торговлю лечебной мазью «кловерин» (я подрабатывал тогда в аптеке). Обе стрелки замерли на верхней цифре. Солнце стояло в зените, задавшись, очевидно, целью спалить все живое здесь, внизу. Мозги наши потихоньку плавились.

Сзади нас, на склоне холма Касл-вью, раскинулся наш городишко Касл-рок. Чуть ниже протекала Касл-ривер, возле которой трубы ткацкошерстяной фабрики выбрасывали в небо клочья дыма того же цвета, что и пистолет Криса. Фабрика со страшной силой гадила не только в воздух, но и в реку. Слева от нас располагался большой мебельный магазин Джолли, а прямо, параллельно Касл-ривер, блестела под палящим солнцем железнодорожная колея. Справа раскинулся громадный, заросший густым кустарником пустырь (теперь там все расчищено, и по воскресеньям, в два часа пополудни, проходят мотогонки). На горизонте возвышалась старая, давно заброшенная водонапорная башня. Было в этом мрачном, обшарпанном сооружении нечто зловещее.

Мы невольно залюбовались открывшимся видом, но Крис нетерпеливо нас поторопил:

— Пойдем же, мы теряем время.

Под ногами у нас был шлак, и очень скоро черная пыль намертво въелась в носки и кроссовки. Верн что-то замурлыкал себе под нос, однако вскоре замолчал, и слава Богу: не хватало только этой пытки для ушей. Фляги догадались захватить лишь Крис и Тедди. Мы поминутно к ним прикладывались.

— Наполним их на свалке: там есть кран, — сказал я. — Вода туда подается из колодца в сто девяносто футов глубиной, поэтому пить ее можно. По крайней мере, отец так говорил.

— Вот и отлично, — отозвался Крис, ставший общепризнанным ведущим нашей экспедиции. — К тому же, пора сделать пятиминутный привал.

— А как насчет перекусить? — брякнул вдруг Тедди. — Держу пари, никто и не додумался захватить что-нибудь пожрать. Я-то точно не додумался...

Крис остановился.

— Вот, дьявол! — стукнул он себя по лбу. — И я ничего не взял. А ты, Горди?

Я покачал головой, сам удивляясь собственной глупости.

— Ты как, Верн?

— Искренне сожалею, — ответил тот, — но и я пустой.

— Что ж, — вздохнул я, — давайте глянем, сколько у нас денег.

Расстелив рубаху на землю, я высыпал на нее свою мелочь — шестьдесят восемь центов. Монетки ярко блестели под ослепительными солнечными лучами. У Криса оказалась мятая долларовая бумажка и пара одноцентовиков. Тедди высыпал два четвертака и еще два пятака. У Верна оказалось только семь центов.

— Два тридцать семь, — сосчитал я деньги. — Жить можно. В конце дороги к свалке есть магазинчик. Кому-то придется отправиться туда и принести гамбургеров с тоником, пока остальные будут отдыхать.

— Кто пойдет? — спросил Верн.

— Решим, когда доберемся до свалки. Идем.

Я ссыпал деньги в карман куртки и уже завязывал ее на поясе, когда Крис закричал:

— Поезд идет!

И правда — звук приближавшегося поезда уже был слышен, но чтобы окончательно убедиться, я дотронулся до рельса: он мелко дрожал.

— Парашистам приготовиться к прыжку! — заорал Верн и тут же, головой вниз, покатился по насыпи. Игра в парашютистов была его второй манией, для чего он использовал любое место, подходящее для мягкого приземления: стог сена или вот эту, поросшую жухлой травой насыпь.

Крис прыгнул вслед за ним. Поезд, идущий, очевидно, в Льюистон, был уже совсем близко, однако Тедди вместо того, чтобы спрыгнуть, повернулся к нему лицом. Толстые стекла его очков поблескивали на солнце, длинные волосы упали на глаза.

— Тедди, ты что? — заорал я. — Давай, прыгай!

— И не подумаю. — В глазах его был такой знакомый, сумасшедший блеск. — Что такое грузовики по сравнению с поездом?! Вот где настоящий риск... Ну, сейчас я ему покажу!

— Ты что, офорнэрл?! Он же тебя раздавит всемятку!

— Это совсем как высадка в Нормандии! — кричал мне Тедди, балансируя на рельсе.

Мгновение я стоял, пораженный подобным пароксизмом идиотства, затем схватил Тедди в охапку и, не обращая внимания на его судорожные попытки вырваться, столкнул его вниз с насыпи и спрыгнул вслед за ним. Еще не успев приземлиться, я почувствовал сильнейший удар подых. Ловя ртом воздух, я умудрился вмазать ему коленом в грудь, опрокинув его навзничь, но Тедди тут же ухватил меня за шею. Мы вместе покатились по насыпи, с ожесточением молотя друг друга кулаками и ногами. Крис с Верном удивленно уставились на нас.

— Ты, сволочь, сукин сын! — брызгал слюной Тедди. — Дерьмо вонючее! Слезай с меня сейчас же, убью гадину!

Дыхание постепенно возвращалось ко мне. Я с трудом поднялся, отступая от разъяренного Тедди и пытаясь сдержать его удары. Мне было одновременно смешно и страшно: когда с Тедди случались вспышки ярости, вроде этой, к нему лучше было близко не подходить. В таком состоянии он мог наброситься на кого угодно, а если бы ему переломали руки, стал бы кусаться и лягаться.

— Тедди, ты можешь кидаться хоть под поезд, хоть под грузовик, — кулак его прошел в миллиметре от моего носа, — но только после того, как мы найдем то, что ищем, — он, наконец, достал меня в плечо, — а до тех пор никто не должен видеть нас, — трах мне по щеке! — ты меня понял, болван чертова, или тебя по-настоящему отдалать?!

Когда он вмазал мне по физиономии, я был уже готов дать ему хорошенъко, но нас вовремя растащили Крис с Верном.

Наверху с грохотом пронесся поезд. Несколько кусочков шлака скатились вниз по насыпи. Я уже начал осты-

вать, но Тедди, как только мимо пронесся последний вагон, снова заорал:

— Пустите, я убью его! Я ему всю рожу разукрашу!

Он попытался высвободиться из объятий Криса, однако безуспешно.

— Успокойся, Тедди, — мягко проговорил Крис.

Он повторял это снова и снова, пока Тедди не перестал барабататься. Он замер, очки съехали ему на нос, слуховой аппарат болтался где-то возле кармана, куда, к батарейке, шел от него проводок.

Когда он окончательно успокоился, Крис, обернувшись ко мне, задал вопрос:

— Чего это вы сцепились, Гордон?

— Да он хотел «поиграть» с поездом так, как он это обычно делает с грузовиками на шоссе. Я подумал, что машинист может вызвать полицию.

— Ну, ему бы было не до этого, — усмехнулся Тедди. Пар из него уже весь вышел.

— Горди поступил правильно, — заявил Верн. — Да-вайте-ка, ребята, миритесь.

— Мир, мужики, — поддержал его Крис.

— Ну, ладно, — я протянул руку ладонью вверх. — Что, Тедди, мир?

— Я запросто бы от него увернулся, — упрямко сказал он. — И не испугался бы нисколечко.

— Я в этом и не сомневаюсь, — заверил я его, хотя при одной мысли об этом по спине у меня пробежали мурашки. — Ясное дело, ты бы увернулся.

— Ну, тогда мир.

— Пожми руку Горди, — велел Крис, отпуская Тедди.

Тедди сжал мне ладонь чуть сильнее, чем требовалось.

— А все-таки засранец ты, Лашанс, — заявил он при этом.

— Мя-я-я-у, — ответил я.

— Ладно, ребята, пошли дальше, — сказал Верн.

— Тебя бы вот послать подальше, — хохотнул Крис. Верн сделал вид, что собирается его ударить. Все рассмеялись.

В половине второго мы добрались наконец до свалки. Верн возопил: «Парашютистам приготовиться к прыжку!» — и тут же совершил этот самый прыжок с насыпи, а за ним и мы. Свалка начиналась сразу же за нешироким заболоченным участком. Ее окружала загородка в шесть футов высотой. На расстоянии примерно в двадцать футов друг от друга висели проржавевшие таблички:

ГОРОДСКАЯ СВАЛКА КАСЛ-РОКА
РАБОЧЕЕ ВРЕМЯ С 4-Х ДО 8-МИ ПОПОЛУДНИ
ВЫХОДНОЙ — ПОНЕДЕЛЬНИК
ПОСТОРОННИМ ВХОД СТРОГО ЗАПРЕЩЕН

Мы перелезли через загородку и спрыгнули на территорию свалки. Тедди и Верн сразу направились к колодцу, воду из которого необходимо было добывать при помощи довольно древнего ручного насоса. Его металлическая рукоятка торчала под углом, напоминая однокрылую птицу, которая пытается взлететь. Когда-то рукоятка была зеленой, однако тысячи рук, качавших воду за последние лет двадцать, отполировали ее до зеркального блеска. Рядом стояло наполненное до краев ведро, и было бы просто неприличным не воспользоваться чьей-то щедрой предусмотрительностью вместо того, чтобы качать воду самим.

Свалка навсегда осталась в моей памяти как одно из самых сильных воспоминаний о детстве в Касл-роке. Почему-то она ассоциируется у меня с картинами сюрреалистов: часовыми циферблатами без стрелок, свисающими с ветвей деревьев, меблированными комнатами в викторианском стиле, торчащими посреди песков Сахары, или старинными паровозами, выезжающими прямо из каминов. Примерно такой мне, ребенку, виделась городская свалка Касл-рока.

На свалку мы проникли с тыльной части. Если вы въезжаете туда, так сказать, с парадного входа, по широкой, но ужасно грязной дороге через ржавые ворота, то

попадаете на довольно обширную полукруглую площадку, выровненную бульдозерами чуть ли не идеально, на манер взлетно-посадочной полосы. Площадка эта упирается в крутой обрыв, за которым простирается собственно свалка, представляющая собой громадный котлован, быть может, футов в восемьдесят глубиной, наполненный всеми видами отходов жизнедеятельности обыкновенного американского городка — пустой тарой, разнообразными предметами, когда-то нужными, а теперь изношенными, сломанными или просто бесполезными. Разглядывать всю эту мешанину никогда не доставляло мне особенного удовольствия: взгляд бессмысленно блуждал по ней, пока не останавливался на каком-то уж совершенно несуразном предмете, вроде уже упоминавшихся часовых циферблатов или викторианской мебели. Бронзовый остов старинной кровати поблескивал на солнце; однорукая кукла скорчилась в позе роженицы; обтекаемый капот перевернутого «студебеккера» торчал из общей кучи на манер готовой к пуску межконтинентальной баллистической ракеты; громадных размеров «титан» для кипячения воды, вроде тех, что раньше ставили в присутственных местах, сверкал, будто гигантский бриллиант...

На свалке было также полным-полно живых существ, которые, однако, нимало не походили на героев диснеевских мультиков или же на обитателей зоопарка. Тут кишмя кишили громадных размеров крысы и даже сурки, разжиревшие на таких деликатесах, как тухлые гамбургеры и червивые овощи, гнездились тысячи не менее жирных чаек, задумчиво бродили здоровенные вороны, похожие на протестантских пасторов в черных смокингах, уже не говоря о бродячих собаках, в отличие от прочих обитателей свалки тощих, злых, вечно грызущихся между собой из-за облепленного мухами куска стухшего мяса или куриных потрохов, дошедших под палящим солнцем до полной кондииции.

Чудища эти были не страшны лишь Майло Прессману, сторожу свалки, потому что он нигде не появлялся без сопровождения гораздо более кошмарного создания по

кличке Чоппер. Не было в Касл-роке и его окрестностях в радиусе сорока миль существа более злобного, одним своим видом внушающего ужас, и в то же время таинственного, почти мифического — настолько редко он появлялся на людях. Среди окрестной ребятни о Чоппере ходили легенды. Одни говорили, что это помесь немецкой овчарки с боксером, другие — что он ирландский волкодав, а некий парнишка из Касл-вью, по имени Гарри Хорр, утверждал, что Чоппер — настоящий доберман-пинчер и что у него вырезаны голосовые связки, поэтому он набрасывается молча и никогда не лает. Утверждали также, что Майло Прессман кормит своего пса особой смесью из сырого мяса и куриной крови. Не знаю, правда это или нет, но, по слухам, сам Майло не отваживался выпускать Чоппера из конуры, не набросив ему на морду проволочный капюшон вроде того, который надевают на охотничих соколов.

Поговаривали еще, что Прессман выдрессировал Чоппера так, чтобы он не просто набрасывался на жертву, а хватал ее за определенные части тела. Так, якобы, однажды некий отправившийся на свалку за «сокровищами» пацан услыхал крик Майло Прессмана: «Фас, Чоппер! За руку его!» — и Чоппер в самом деле ухватил несчастного за ладонь, разорвал кожу и связки, а потом принялся перемалывать кости, но тут Майло оттащил его от бедного мальчишки. Говорили, что Чоппер может точно так же схватить за ногу, за ухо или даже за лицо... Другой нарушитель будто бы услыхал команду Прессмана: «Фас, Чоппер! Хватай его за яйца!» — после чего он превратился в евнуха на всю оставшуюся жизнь. Впрочем, все это были одни лишь сплетни, самого же Чоппера редко кто видел в натуре, в отличие от его хозяина — обыкновенного, довольно туповатого работяги, который компенсировал свой нищенский заработок тем, что изредка продавал в городке вещи, еще годные к употреблению.

Сейчас ни Чоппера, ни Майло поблизости было не видать...

Поначалу мы собирались наполнить фляги из ведра, однако вода там была теплая и противная, поэтому при-

шлось все-таки качать. Верн присоединил шланг к горловине насоса, и Тедди приступил к работе. Качал он в лихорадочном темпе, и наконец усилия его были вознаграждены — из шланга полилась струя чистой, прохладной воды. Крис с Верном тут же подставили под струю головы, в то время как Тедди продолжал качать как сумасшедший.

— Совсем наш Тедди полоумный, — тихонько проговорил я.

— Это точно, — согласился со мною Крис. — Держу пари, что долго он так не протянет — отправится по стопам папаши. Взять хотя бы его игру с трейлерами на шоссе... Да и потом он же не видит ни черта, даже в очках.

— А помнишь тот случай с деревом?

— Ну, еще бы.

В прошлом году Тедди с Крисом забрались как-то на высоченную сосну, которая росла за моим домом. Они уже залезли почти на самый верх, и тут Крис заявил, что дальше лезть нельзя: ветви могут не выдержать. Тогда-то у Тедди снова появилось знакомое бешеное выражение на лице, и он упрямо полез вверх, намереваясь добраться до самой макушки. Отговорить его Крис так и не смог. Тедди — вы только представьте себе! — все-таки залез на самый верх, правда, весил он всего семьдесят пять фунтов... Ухватившись за верхушку дерева, он принялся орать, что весь мир теперь у его ног и тому подобные глупости, и тут раздался треск, сучок, на котором стоял Тедди, подломился, а вслед за этим произошло нечто такое, что вполне может служить доказательством существования Бога. Повинуясь какому-то шестому чувству, Крис вытянул руку и... ухватил Тедди Душана за волосы. Он вывихнул запястье (рука у Криса впоследствии не действовала недели две), однако продолжал удерживать визжащего Тедди до тех пор, пока тот не нашупал ногой крепкий сук. Если бы не Крис, он бы пролетел добрых сто двадцать футов сквозь острые сучья, после чего от него бы, разумеется, и мокрого места не осталось. Когда они, наконец, слезли, лицо Криса было пепельно-серым, а этому засранцу Тедди хоть бы хны! Он, как водится, набросился на своего спасителя с кулаками за то, что Крис

схватил его за волосы, и роль миротворца выпала тогда мне.

— Мне случай тот до сих пор по ночам снится. — Крис посмотрел на меня, в глазах его мелькнула какая-то незащищенность. — Вот только во сне схватить его я постоянно не успеваю, или же в руке остается лишь клок его волос, а Тедди с воплем падает и падает... Кошмар, правда?

— Кошмар, — согласился я.

На какое-то мгновение взгляды наши встретились, и в этот краткий миг мы поняли, что останемся друзьями навеки. Затем мы отвернулись друг от друга и принялись наблюдать за плещущимися в воде Тедди и Верном.

— Но ты же все-таки успел его схватить, — проговорил я. — Крис Чамберс всегда и везде успевает, не так ли?

— Особенно в общении со слабым полом, — подмигнул мне Крис и, сложив большой и указательный пальцы в кольцо, метко сквозь него плюнул.

Я расхохотался.

— А вы что там застыли, как пеньки? — крикнул нам Верн. — Дожидаетесь, пока вода кончится?

— Ну что, бежим наперегонки? — предложил Крис.

— По такой жаре? Совсем рехнулся.

— Слабо, да? — с ухмылкой принялся подначивать меня он. — Ну, кто первый?

— Ничего не слабо!

— Тогда бежим!

Мы рванули — только пыль из-под кроссовок полетела. Зрители, поддерживая нас, завопили: Верн болел за Криса, а Тедди — за меня. Финиша мы достигли одновременно и, хохоча, рухнули на пожелтевшую траву рядом с колодцем. Крис швырнул Верну свою флягу. Как только он ее наполнил, мы с Крисом принялись поливать друг друга из шланга — сначала он меня, а затем я его. Вода оказалась просто ледяной, совсем как в январе, но при такой жаре это было как раз то, что надо. Покончив с купанием, мы присели в тени единственного дерева — чахлого ясения, росшего футах в сорока от лачуги Майло Прессмана. Дерево резко склонилось на запад, создавая

впечатление, что его единственным желанием было подхватить корни — так, как дамы в исторических фильмах подхватывают на ходу пышные юбки, — и убраться куда-нибудь к черту на кулички из этой Богом проклятой дыры.

— Кайф! — счастливо засмеялся Крис, откидывая со лба мокрые волосы.

— Да, так бы жил да жил, — вздохнул Верн.

Мне показалось, что он имел в виду не только то, что мы вырвались на свободу, не только предстоящее нам в Харлоу приключение, но и нечто большее. Сейчас действительно весь мир был у наших ног. У нас была цель, и мы знали, как ее достичь. Это поистине великое чувство.

Мы еще немного посидели под деревом, болтая о всякой всячине, вроде того, кто станет в этом сезоне чемпионом (при этом сошлись во мнении, что, конечно, «Янки» — ведь за них теперь играли Мэнтл с Мэрисом), какая тачка лучше всех (конечно, «тандерберд» 1955 года, хоть Тедди и утверждал упрямо, что «корвет» 1958 года даст «тандерберду» сто очков вперед), кто не из нашей команды самый крутой парень в Касл-роке (все согласились, что это Джейми Гэллант, потому что он кое-что показал миссис Юинг, а когда та принялась на него орать, спокойно — руки в карманах — вышел из класса), что было по «ящику» достойного внимания (безусловно, «Неприкасаемые» и «Питер Ганн» — оба фильма с Робертом Стэком, Эллиотом Нессом, а также Крейгом Стивенсом в роли Ганна). Ну и тому подобное...

Тень от ясения становилась все длиннее. Первым это заметил Тедди и поинтересовался у меня, который час. С удивлением я увидел, что уже четверть третьего.

— Кому-то нужно отправляться за едой, — сказал Верн. — Свалка открывается в четыре, а мне бы не хотелось повстречаться с Чоппером и Майло.

С этим согласился даже Тедди. На старого, тощего Майло ему было, конечно, наплевать, но вот при одном упоминании Чоппера у любого пацана из Касл-рока душа уходила в пятки.

— Ну, хорошо, — сказал я. — Держите по монете.

Четыре монетки блеснули на солнце, прежде чем упасть каждому на ладонь. Два орла и две решки... Мы опять подбросили монеты — на сей раз все четыре выпали решкой.

— О Господи, вот это уже погано, — выдохнул Верн.

Что погано, мы и без него знали: четыре решки, иначе говоря «луна», предвещали что-то крайне неприятное. Какое-то несчастье.

— Бросьте, это ровным счетом ничего не значит, — заявил Крис. — Давайте еще раз.

— Нет, дружище, — с убежденностью заговорил Верн, — «луна» означает, что худо дело. Помните историю с Клинтом Брейкеном и его приятелями? Билли рассказал мне, что, прежде чем сесть в тачку, они кинули монетки — кто побежит за пивом, — и выпала как раз «луна». И что от них осталось? Все четверо всмятку! Нет, мужики, ей-Богу, мне это не нравится.

— Да кто поверит в эту чепуху? — нетерпеливо заворчал Тедди. — Все это байки, Верн, для маленьких детей. Давай, кидай монетку.

Верн, с очевидной неохотой, кинул монету, а за ним и остальные. На этот раз им, всем троим, выпала решка, а на моем пятаке сиял профиль Томаса Джефферсона. Внезапно мне стало по-настоящему страшно: как будто сама судьба предвещала нам несчастье уже вторично. Или, по крайней мере, им троим. На память вдруг пришли слова Криса: «В руке остается лишь клок его волос, а Тедди с воллем падает и падает... Кошмар, правда?»

Три решки, один орел...

Раздался безумный хохот Тедди, и тут же ощущение страха у меня прошло. Тедди со смехом указывал на меня пальцем. В ответ я продемонстрировал ему фигу.

— Чего ты ржешь, как сивый мерин после случки?

— Гы-ы-ы, Горди... — надрывался Тедди, — давай, чеши-ка за едой, засранец скребанный...

Я и не возражал: после такого отдыха пройтись до магазинчика «Флорида» мне казалось плевым делом.

— Это тебя так матушка твоя зовет? — поддел я Тедди.

— Гы-ы-ы, — не унимался он, — Лашансу явно не везет в азартных играх...

— Давай, Горди, — сказал Крис. — Мы будем тебя ждать у железки.

— Не вздумайте меня бросить, — предупредил их я.

Теперь уж засмеялся Верн:

— Куда ж мы без тебя, Горди? Да еще на пустой желудок...

— Вот с этого и начинал бы.

Я снова показал кукиш, на этот раз не только Тедди, и, повернувшись, отправился в путь. Они все еще ржали мне вслед. Теперь, вспоминая прожитое, я вижу, что лучших друзей, чем тогда, когда мне было всего двенадцать, я больше уже в своей жизни не встречал. Интересно, только ли со мной так получилось?

12

Недаром говорят: «на вкус, на цвет товарища нет», и слово «лето», понятное дело, вызовет у вас совершенно иные ассоциации, нежели у меня. Услыхав его, я непременно вспоминаю себя бегущим в кедах по девяностоградусной жаре к магазинчику «Флорида», позывая мелочью в кармане. Еще при этом слове в памяти моей встает железнодорожная колея, уходящая вдаль, к горизонту, сверкающие на солнце рельсы, такие ослепительные, что я продолжаю видеть их и при зажмуренных глазах, только тогда они меняют цвет, становясь из белых голубыми.

Помимо нашей экспедиции к реке на поиски тела несчастного Рея Брауэра, воспоминание о лете 1960 года будит у меня и ряд других ассоциаций. Так, в голове почему-то непременно возникают одни и те же мелочи: «Неслышино приблизься ко мне» в исполнении «Флитвудз», «Дорогая Сузи» Робина Люка и «Бегом к дому» Литл Энтони. Были ли именно эти песенки суперхитами сезона? И да, и нет, хотя, скорее всего, были. Долгими багряными вечерами того лета их крутили по радио ежедневно по

несколько раз, вперемежку с бейсбольными репортажами. Бейсбол стал тогда частью моей жизни. Я тогда внезапно осознал, что бейсбольные «звезды», по крайней мере некоторые из них, в чем-то мне очень близки. Произошло это после появления на первых страницах газет сообщения об автокатастрофе, в которую попал знаменитый Рой Кампанелла: он не погиб, однако навсегда остался прикованным к креслу-каталке. Такое же ощущение посетило меня вновь совсем недавно, когда, садясь за пишущую машинку, я услыхал по радио о гибели Тармена Мансона при неудачной посадке самолета.

Еще тем летом мы довольно часто бегали в кино (того старенького кинотеатра под названием «Жемчужина» теперь в Касл-роке уже нет). Больше всего я любил смотреть научно-фантастические картины, вроде «Гога» с Ричардом Иганом в главной роли, вестерны с Эди Мэрфи (Тедди прямо-таки боготворил Эди Мэрфи и по меньшей мере трижды пересмотрел все фильмы с его участием), а также ленты про войну, особенно с Джоном Уэйном. Ну и, конечно, у нас были разнообразные игры: те же карты, бейсбол, «расшибалочка» на деньги — обычные мальчишеские забавы. Все это было, однако теперь, когда я, тупо уставясь на клавиатуру машинки, вспоминаю то безумно жаркое лето, перед глазами встает лишь одна картина: потный Гордон Лашанс в кроссовках и джинсах, бегущий, звеня мелочью, по пыльной дороге к магазинчику «Флорида».

Хозяин магазина по имени Джордж Дассет сложил в пакет три фунта гамбургеров, четыре бутылки «кока-колы» и открывалку за два цента. Это был громадных размеров мужчина с накачанным пивом брюхом, выпиравшим из-под белой футболки на манер надутого ветром паруса. Как только я появился в его заведении, он, посасывая зубочистку и опершись толстыми, как сардельки, пальцами о прилавок, принялся наблюдать, не сопрели я чего, и заговорил лишь когда стал взвешивать гамбургеры:

— А я, кажется, знаю тебя, парень. Ты — брат Денни Лашанса, так?

При этих словах зубочистка перекочевала из одного уголка его рта в другой. Он, пыхтя, достал из-под прилавка бутылку содовой и открыл ее.

— Совершенно верно, сэр, вот только Денни...

— Я знаю. Печальная история, малыш. Как говорится в Библии, «и в расцвете лет помни, человек, что ты смертен». Вот так, малыш... Знаешь, у меня брат погиб в Корее. Тебе когда-нибудь говорили, как ты похож на Денни? Да-да, ну, просто копия брата...

— Да, сэр, говорили, — соврал я.

— Я ведь отлично помню, каким он классным был полузащитником. Вот это игрок, Бог ты мой! Ты тогда был слишком мал и вряд-ли что-то запомнил...

Он уставился поверх меня куда-то в пространство, словно перед его глазами возникло вдруг видение моего брата.

— Ну, почему же? Прекрасно помню. Эй, мистер Дас-сет...

— Что, малыш?

От нахлынувших воспоминаний глаза его затуманились, а зубочистка слегка вздрагивала во рту.

— Снимите руку с весов.

— Что-что? — В легком недоумении он уставился на тарелку весов, где, рядом с гамбургерами, покоились его пальцы-сардельки. — Ах, да... Извини, задумался о своем брате, упокой, Господи, душу его. — Он убрал ладонь с весов, и стрелка тут же прыгнула вниз на добрых шесть унций. Пришлось-таки ему доложить еще гамбургеров. — Ну, хорошо, держи, — сказал он, протягивая мне пакет. — Посмотрим, что тут у нас получилось... Три фунта гамбургеров — доллар и сорок четыре цента, рулет — двадцать семь, четыре воды — сорок, плюс открывалка за два цента. Итого... Он пощелкал костяшками счетов, — два двадцать девять.

— Тринадцать, — возразил я.

Нахмурившись, он медленно поднял на меня глаза:

— Что ты сказал?

— Два тринадцать. Вы неправильно посчитали.

— Ты что, малыш...

— Вы неправильно считаете, — повторил я. — Сначала вы собирались меня обвесить, мистер Дассет, а теперь хотите обсчитать? У меня была мысль оставить вам несколько центов чаевых, однако, теперь я, наверное, от этого воздержусь.

Я выложил перед ним ровно два доллара и тринадцать центов мелочью. Он хмуро посмотрел на деньги, затем на меня. Лоб его пересекли глубокие морщины.

— Да ты в своем уме, молокосос?! — В тоне его звучала неприкрытая угроза. — Считаешь себя чересчур умным, да?

— Не чересчур, сэр, а в самый раз. И я вам не молокосос. Что бы сказала, интересно, ваша собственная мамочка, узнай она, что ее сыночек обсчитывает, как вы говорите, малышей?

Он чуть ли не в лицо швырнул мне пакет. Бутылки с «кокой» сердито зазвенели. Физиономия его побагровела, и он заорал:

— Вон из моего магазина, молокосос! Смотрите, какой умник нашелся! Сукин ты сын, не вздумай появиться у меня еще раз — вышвырну к чертовой матери, так и знай!

— Успокойтесь, не появлюсь, — парировал я, направляясь к двери. Жара за ней стояла несусветная. Солнце, хоть и давно перевалило полуденную отметку, продолжало палить нещадно. — И непременно прослежу за тем, чтобы ни один из моих друзей — а их у меня где-то с полсотни — никогда не сунул нос в вашу паразу.

— Ублюдок! — завопил Джордж Дассет. — Брат твой не был таким!

— Да пошел ты...

Указав точный адрес, я выскочил на улицу. Дверь за мной с пушечным выстрелом захлопнулась. Вдогонку я услышал:

— Ну, погоди, гаденыш, как только я тебя еще увижу, к чертовой матери башку оторву!

Не переставая хохотать, хоть, честно говоря, сердце у меня и колотилось, я добежал до ближайшего пригорка и только тогда перешел на шаг, поминутно обрачиваясь:

черт его знает, вдруг он погнался за мной на машине, или еще что...

Он, однако, не стал гнаться, и очень скоро я добрался до ворот свалки. Сунув пакет за пазуху, я перелез через ограду, спрыгнул на другой стороне, и тут увидел то, что мне уж совершенно не понравилось: возле лачуги Майло Прессмана стоял его потрепанный «бьюик» 1956 года. Значит, Майло уже явился на работу, и если меня угораздит напороться на него, тогда пиши пропало. Пока что ни его, ни вселяющего ужас Чоппера нигде не было видно, к тому же конура монстра располагалась в дальнем конце свалки, и тем не менее я уже пожалел, что перелез через ограду — ведь мог же обойти свалку стороной. Как бы то ни было, лезть обратно теперь еще опаснее: Майло может запросто меня заметить и спустить свое чудовище с цепи.

В голове у меня слегка помутилось от страха. Стارаясь выглядеть как можно невиннее — будто свалка и есть мой дом родной, — я не торопясь направился к той части изгороди, за которой виднелись железнодорожные рельсы.

Футах в пятидесяти от загородки, когда мне начало уже казаться, что на сей раз пронесло, я вдруг услышал крик Майло:

— Эй! Эй, парень! Ты что тут делаешь? Ну-ка, сейчас же отойди от загородки!

Мне бы послушаться его, однако страх наоборот погнал меня к изгороди так, что только пятки засверкали. По ту сторону решетки я заметил обеспокоенные лица Верна, Тедди и Криса.

— А ну вернись! — орал мне вслед Майло. — Вернись, паршивец, или я пса спущу!

Угроза эта словно подтолкнула меня, и я удвоил скорость. Пакет с едой трепыхался у меня за пазухой. Тут я услышал идиотский хохот Тедди, крик Верна: «Скорее, Горди! Ну же, давай быстрей!» — и сразу вслед за этим команду Майло:

— Взять его, Чоппер! Фас его, малыш!

Верн, оттолкнув Тедди, поймал пакет, который я перекинул через загородку. Представив ринувшегося за мной

Чоппера — огнедышащее, клыкастое чудище, от топота которого земля вдруг содрогнулась, я заорал благим матом, одним прыжком взвился на изгородь и, будто мешок с дерьмом, шлепнулся по другую ее сторону, совершенно не заботясь, куда именно. Свалился же я на продолжавшего гоготать Тедди, сбив с его носа очки и больно ударившись о его мосластое тело. В тот же миг Чоппер, наткнувшись на непреодолимое препятствие, лязгнул у меня за спиной челюстями и издал протяжный, полный разочарования вой. Несмотря на боль, я тут же обернулся, чтобы, теперь уже будучи в безопасности, впервые собственными глазами увидеть легендарного монстра.

И тут уже я не смог скрыть разочарования: легенды имели довольно мало общего с действительностью.

Вместо громадного, свирепого волкодава с пылающими глазами и капающей с кинжалообразных клыков слюной на меня, жалобно поскуливая, смотрела обыкновенная белая с черными пятнами дворняга средних размеров. Дворняга встала на задние лапы, безуспешно пытаясь вскарабкаться на загородку, по другую сторону которой уже пришедший в себя Тедди дразнил ее мартышечими прыжками и ужимками.

— Поцелуй-ка, Чоппи, меня в задницу! — приговаривал он, обнажая эту самую часть тела. — Хочешь дермеца попробовать? Вкуснятина! А ну, куси меня за зад!

Чоппер сделал бы это с превеликим удовольствием и даже умудрился просунуть морду сквозь решетку, за что тут же и получил по носу. Обиженная псинина завизжала, а Тедди продолжал крутить перед собачьим носом задницей, обзываая его так, что даже песы уши такого унижения не вынесли. Чоппер лег, положил окровавленную морду на передние лапы и заскулил. Мы с Крисом и Верном чуть не лопались от хохота.

Майло Прессман в бейсбольной кепочке, весь в поту и с перекошенной от злобы физиономией, подбежал к загородке, крича:

— Эй, вы, паршивцы! Не смейте дразнить пса! Слышите, что я вам говорю? Сейчас же перестаньте!

— Куси меня, Чоппи! — не унимался Тедди, прыгая за загородкой с голой задницей? — Куси меня за попу! — Ну же, давай!

Ей-Богу, такого дурного пса я в жизни не встречал. Чоппер забегал кругами, не переставая завывать и, очевидно, собираясь с силами, а затем, разогнавшись до скорости миль тридцать в час, ринулся прямо на ограду. Хотите верьте, хотите нет — пес налетел на металлическую решетку с такой силой, что та, издав звук лопнувшей струны, чуть-чуть не сорвалась со столбов-опор. Из пасти Чоппера вырвался сдавленный рык, глаза его закатились, он сотворил в воздухе нечто вроде сальто-мортала, после чего шлепнулся на спину, подняв столп пыли. Несколько мгновений он лежал без движения, затем стал потихоньку отползать со свесившимся из пасти языком.

После этого Майло окончательно потерял голову. Физиономия его стала какой-то сливовой, и даже белки глаз побагровели. Все еще сидя в пыли с разорванными на коленях джинсами и колотящимся от только что пережитого ужаса сердцем, я подумал, что хозяин был сейчас поразительно похож на своего пса.

— Я знаю тебя! — заорал Майло. — Ты Тедди Душан! Я всех вас знаю, гаденыши! Это надо же, сотворить такое с бедной псиной... Вот я вас сейчас!

— Ага, попробуй, — крутил задницей Тедди. — Давай, лезь сюда к нам, жопа, а мы посмеемся!

— Что-о-о?! Как ты меня назвал? — не веря своим ушам, взревел Майло.

— ЖОПА! — с каким-то непонятным сладострастием повторил Тедди. — ГОВНА КУСОК! ХРЕН СТАРЫЙ! ЛЕЗЬ СЮДА, ЛЕЗЬ! — Тедди разошелся не на шутку: глаза его горели, кулаки сжались, пот стекал по лицу. — ЧТО, НЕ МОЖЕШЬ? ТЫ ТОЛЬКО СПОСОБЕН НАУСЬКИВАТЬ СВОЮ СРАНУЮ ПСИНУ НА ЛЮДЕЙ? ДАВАЙ, ЛЕЗЬ К НАМ!

— Ах, сопляк паршивый! Ну, подожди, твоя мамаша будет отвечать перед судьей за то, что довел моего песика до инфаркта!

— Как-как ты меня обозвал? — зловеще прошипел Тедди, переставая прыгать и скакать. Глаза его расширились, а кожа приобрела свинцовый оттенок.

Обозвать-то его Майло успел уже по-всякому, но лишь одно ругательство попало в цель (меня не перестает поражать способность людей находить самое больное место у тех, кого хотят обидеть или оскорбить), и это было ОТРОДЬЕ ПСИХОПАТА. Поняв, что попал в точку, Майло повторил с ухмылкой:

— Думаешь, я не знаю, что твой папаша ШИЗИК? Недаром его заперли в психушку... И сынок такой же, ненормальный. Яблочко от яблони...

— ЗАМОЛКНИ, МАТЬ ТВОЮ!.. — взвизгнул Тедди, не помня себя от бешенства. — ЕСЛИ ТЫ ЕЩЕ ХОТЬ РАЗ НАЗОВЕШЬ МОЕГО ОТЦА ПСИХОПАТОМ, Я ТЕБЯ, ПИДОР ВОНЮЧИЙ, К ЕДРЕННОЙ МАТЕРИ ПРИШЬЮ!

Такого мне от Тедди слышать еще не доводилось.

— Психопат, психопат, — жал на больное место Майло. Отродье психа и сам псих. Чудило грешное!

Видя, что дело заходит слишком далеко, Верн с Крисом перестали хохотать, но когда Тедди обозвал матушку Майло старой мандавошкой, снова грохнули.

— Хватит... — стонал Крис, сучи ногами и перекатываясь со спины на живот, — сейчас лопну со смеху, перестань, Тедди...

Очухавшийся Чоппер заковылял к хозяину. Вид у него был как у боксера после нокаута. Тем временем Тедди и Майло, разделенные лишь сеткой, продолжили дискуссию:

— Не смей трогать моего отца, подонок гребаный! — орал Тедди. — Мой отец в Нормандии воевал.

— Ага, а сейчас он где? — Не унимался Майло. — Ну, ты, сопляк четырехглазый, скажи, где твой папаша! В дурдоме, да? В ДУРДОМЕ, ВОТ ОН ГДЕ!

— Ну, все, — выдохнул Тедди, — сейчас я буду тебя кончать.

С этими словами он полез на загородку. Майло осклабился, но на всякий случай сделал шаг назад, приговаривая:

— Давай, давай, иди сюда, молокосос...

— Стой! — заорал я, хватая, Тедди за джинсы и оттаскивая от загородки.

Как и в прошлый раз у насыпи, мы с ним покатились кубарем. Внезапно Тедди двинул мне коленом между ног. Вы когда-нибудь получали между ног коленом? Тогда вы знаете, что это за дикая боль. И тем не менее, Тедди я не выпустил.

— Пусти! — уже не вопил, а выл он, напрасно пытаясь вырваться, — пусти меня сейчас же, Горди! Я никому не позволю оскорблять своего старика. ЧЕРТ ТЕБЯ ПОБЕРИ, ГОРДИ, ОТПУСТИ МЕНЯ!

— Ты что, не понимаешь, что он только этого и ждет? — кричал я ему в ухо. — Ему того и надо, чтобы ты перелез через загородку — тогда он вышибет из тебя мозги, а потом вызовет полицию.

— Что-что? — очнулся Тедди при упоминании полиции.

— Пусти его, парень, — сказал Майло, снова подходя к решетке и сжимая кулачищи. — Пусть сам ответит за свои слова. Мужчины должны драться один на один.

— Ну разумеется, — усмехнулся я, — вот только вы с ним в разном весе: Тедди легче фунтов этак на пятьсот.

— Так-та-а-ак, — с угрозой протянул Майло, а я ведь и тебя знаю. Твоя фамилия Лашанс, да? — Он показал на Криса с Верном, которые, наконец оправившись от приступа смеха, поднялись с земли. — А это Крис Чамберс, и с ним один из этих дебилов, братьев Тессио. Так вот, ваши отцы получат вызов в суд, кроме, разумеется, вот этого шизика, у которого папаша в дурдоме. Вы все несовершеннолетние правонарушители, и место вам в исправительной колонии. Туда вы и отправитесь, все четверо!

Он стоял, широко расставив ноги, грозя нам кулаком, глаза при этом у него были словно щелки. Чего он добивался: чтобы мы попросили у него прощения или, может, выдали ему Тедди, чтобы он на него натравил своего Чоппера?

Крис ответил ему своим коронным жестом: сложил большой и указательный пальцы буквой О и сплюнул

сквозь нее. Верн, хмыкнув, посмотрел на небо. Тедди сказал:

— Пойдем, Горди, отсюда, пока я не сbleвал от одного вида этой жопы...

— Посмотрим, маленький ублюдок, как ты у констебля запоешь, — прошипел Майло.

— Мы слышали, что вы тут говорили про его отца, — оборвал я его, — мы будем свидетелями, если что... И еще: вы натравили на меня собаку, а это противозаконно.

Майло явно не ожидал такого оборота.

— Ты проник в закрытую зону, — неуверенно пробор-мотал он.

— Ни фига подобного! Свалка — не частная собствен-ность.

— Ты перелез через ограду.

— Конечно, перелез, после того, как вы натравили на меня пса, — возразил я, надеясь, что Майло не видел, как я сначала перелез внутрь. — А что мне оставалось делать? Стоять столбом и дожидаться, пока он разорвет меня на мелкие кусочки? Ладно, пошли, ребята. Вонь тут стоит просто невыносимая...

— В колонию вас всех, — пообещал еще раз Майло, однако без прежней убежденности в голосе. — Таким умникам, как вы, там только и место.

— Мне просто не терпится заявить в полицию, как он обозвал героя войны психопатом, — бросил Крис через плечо, отходя от загородки. — А где во время войны были вы, мистер Прессман, а?

— НЕ ТВОЕ СОБАЧЬЕ ДЕЛО! — рявкнул Майло. — ВЫ МНЕ ОТВЕТИТЕ ЗА МОЕГО ПСА!

— Засунь своего пса знаешь куда... — огрызнулся на-последок Верн, карабкаясь по железнодоржной насыпи.

— Вот погодите, доберусь я до вас! — крикнул Майло нам вдогонку уже совсем без энтузиазма.

Тедди не мог не ответить ему неприличным жестом. Когда мы забрались на насыпь, я обернулся: крупный мужчина в бейсбольной кепочке стоял с собакой возле загородки и что-то продолжал кричать нам вслед. Внезап-но я почувствовал к нему что-то вроде жалости: он

напоминал второгодника-переростка, запертого по ошибке на школьной спортивной площадке, орущего, чтобы его выпустили. Он поорал еще немного, а затем либо заткнулся, либо мы отошли уже слишком далеко. Так или иначе, больше в тот день мы не видели ни Майло, ни его Чоппера.

13

После довольно бурных восторгов (в которых, впрочем, ощущалось некоторое смущение) по поводу того, как мы великолепно проучили Майло Прессмана, я поведал об инциденте, произшедшем в магазинчике «Флорида». Вслед за этим наступило продолжительное молчание: каждый из нас по-своему переживал оба эпизода.

Я, к примеру, сделал вывод, что судьба предупреждала нас не напрасно (помните историю с монетками), хоть все могло и обернуться гораздо хуже: не хватало еще, чтобы мои предки, не успев потерять одного сына, были вынуждены навещать второго в исправительной колонии. Их бы это окончательно убило... Ведь Майло, не будь он таким тупым, мог запросто догадаться, что я *действительно* перелез через загородку, тем самым нарушив право собственности, неважно, частной или общественной. А раз так, он, вероятно, имел полное право не только отвести меня в полицию, но и натравить своего пса-идиота, который, даже не будучи тем монстром, каким его изображали, вполне мог изорвать мне в клочья не только джинсы, но и кое-что еще. Все это показывало, что денек сегодня выдался поистине несчастливым. Быть может, сам Господь предостерегал нас таким образом от нашей затеи? В конце концов, что это за цель у нас — полюбоваться на раздавленного поездом мальчишку?

Как бы то ни было, мы были в пути, и ни один из нас не собирался возвращаться...

Мы уже почти добрались до моста через реку, когда Тедди внезапно разрыдался. Именно разрыдался. Так это было неожиданно для нас и настолько его слезы были горькими, словно внутри него лопнула некая туго натянутая струна. Это было как гром среди ясного неба: только

что он спокойно, быть может, чуть задумчиво шагал рядом и вдруг медленно опустился на шпалы, весь как-то сжался, закрыл ладонями то, что осталось у него от ушей, и принялся рыдать, судорожно всхлипывая.

Мы остановились, пораженные. Это не были слезы боли, когда тебя, к примеру, сбивают с ног во время игры или ты на полном ходу врезаешься на велосипеде в столб. Точнее говоря, физической боли Тедди, безусловно, не испытывал.

Слегка напуганные, мы на всякий случай отошли немного от него и стали наблюдать за ним, не зная, что в таких случаях надо делать.

— Эй, дружище... — неуверенно произнес Верн. Мы с Крисом в надежде посмотрели на него: обычно, «Эй, дружище!» было неплохим началом, однако больше ничего Верн из себя выдавить не смог.

Тедди всем телом наклонился вперед и закрыл ладонями лицо, словно правоверный магометанин во время молитвы. Нам, однако, было не до смеха...

Наконец, рыдания немножечко ослабли, и Крис приблизился к нему. Мне уже приходилось отмечать, что Крис в нашей компании был самым крутым (может, полагал я, и покруче Джейми Гэлланта), но он еще был и самым лучшим утешителем и миротворцем. К таким делам он обладал просто потрясающими способностями. Сколько раз мне доводилось наблюдать, как он подсаживался к *абсолютно незнакомому* пацану с разбитыми коленками и начинал заговаривать ему зубы, болтая о чем угодно — о скором приезде цирка или недавнем показе «Собаки Баскервилей» по телевизору, пока малыш не забывал напрочь о своих ранах. Да, к таким вещам у Криса был талант. Хотя, может, и для этого необходимо быть крутым.

— Послушай, Тедди, — проговорил он, — какого дьявола ты обращаешь внимание на то, что эта толстожопая скотина наплела про твоего отца? Нет, ты подумай сам, подумай! От его слов что-нибудь изменилось? Хоть что-нибудь? Тедди резко качнул головой. Не изменилось-то, конечно, ничего, но слышать такое, то, о чем он, вероятно,

думал сотни раз, чего он подсознательно страшился более всего на свете... Нет, для Тедди это было ужасно.

— Что, разве твой отец не воевал в Нормандии? — продолжал Крис, сжимая потные ладони Тедди. — Ведь воевал же, правда? — Тедди, все еще рыдая, резко закивал. — А это жирное дермо? Он, думаешь, хоть раз в жизни нюхал порох?

Тедди снова покачал головой.

— Что может знать он о твоем отце?

— Н-ничего, — всхлипнул Тедди, — и все-таки...

— Разве они с твоим отцом были приятелями?

— НЕТ! — воскликнул Тедди с каким-то ужасом и одновременно со злостью. Сама эта мысль показалась ему кощунственной.

В правом ухе Тедди, сейчас не закрытом волосами, я заметил кнопку слухового аппарата — предмет гораздо более привлекательный, нежели само ухо. Надеюсь, вы поймете, о чём это я.

— Что бы там не произошло между тобой и твоим стариком, — продолжал Крис спокойным, убедительным тоном, — это не касается абсолютно никого, кроме вас двоих, а уж тем более этой грязной свиньи.

Тедди неуверенно кивнул. Боль немного утихла после таких простых и в то же время поразительно наглядных доводов Криса. Надо будет все это обдумать («Отродье психопата!?!», — пронеслось у него в голове), но только позже, не сейчас... У него будет время — долгими бессонными ночами.

Крис потряс его за плечо:

— Он же дразнил тебя, ты что — не понял? Хотел тебя выманить за загородку, а ты, чудило, рад стараться. Ни черта он о твоем старике не знает, кроме, может, сплетен, прихваченных в пивнушке. Да он просто козел, Тедди, обыкновенный вонючий козел. Выброси из головы, что он тебе наплел, договорились? Ну вот, молодец.

Рыдания отпустили Тедди. Он достал платок, вытер покрасневшие глаза и сел на корточки.

— Вот, я уже в порядке, — проговорил он, прежде всего стараясь убедить в этом самого себя. — Да, все

нормально... — Он поднялся, нацепил на нос очки (прикрыл наготу лица, подумал я) и, вымучено засмеявшись, побренчал пальцами по губам. — Ну, вот, разнюнилась деточка, да? Так вы подумали?

— Ну нет, дружище, — нетвердо возразил Верн, — если б какой-то подонок принял оскорблять моего отца...

— Ты бы выпустил из него кишки! — докончил фразу Тедди. — Так, да? Правильно я говорю, Крис?

— Правильно, — Крис хлопнул Тедди по плечу. — Когда-нибудь ты так и сделаешь, но не сейчас.

— А ты, Горди, как считаешь?

— Абсолютно верно, — заявил я, в душе же недоумевая такой чувствительности Тедди по отношению к отцу, который чуть его не убил, в то время как мне на моего старика было в общем-то наплевать, хоть он ни разу в жизни и пальцем меня не тронул, за исключением одного случая, когда я в три года достал из ванной синьку и принял ее поедать.

Мы прошли по рельсам пару сотен ярдов, и Тедди вдруг сказал виноватым тоном:

— Простите меня, парни. Там, у изгороди, я вел себя как идиот. Все вам настроение испортил...

— Настроение у нас еще только будет испорчено, — внезапно заявил Верн. — На этот счет у меня нет никаких сомнений.

— Хочешь вернуться? — тут же отреагировал Крис.

— Н-нет... — нахмурившись, ответил Верн, — но все-таки... Я, честно говоря, не знаю, как это сказать... поймете ли вы меня... что-то нехорошее есть в том, что мы идем глядеть на труп, будто на экскурсию. — Взгляд его вдруг стал затравленным. — Признаться, я, кажется, немножко трушу... Не понятно вам?

Не дождавшись ответа, Верн продолжал:

— Знаете, иногда меня мучают кошмары. Помните, Денни Нотон притащил как-то стопку старинных книжек про вампиров, расчлененные трупы и всякое такое дерьмо? Вот подобная мерзость мне и снится: то повешенный с позеленевшей физиономией и высунутым языком, то

какая-нибудь гадость под кроватью, причем она так и норовит ухватить меня, допустим, за руку, если рука свесится во сне...

Мы закивали — с ним все было ясно. Детские кошмарики, страшные сны — кому же это не знакомо? Ни за что бы не поверил, если бы кто-то мне сказал тогда, что пройдет не так уж много времени, и я на описании таких вот «ужасников» заработкаю порядка миллиона долларов.

— Хуже всего то, что мне приходится молчать про эти страхи, чтобы мой любимый *братец*... ну, Билли, черти бы его взяли... не растрезвонил всем и каждому, какой я трус. А я вовсе не трус... — он с несчастным видом пожал плечами, — но мне бы не хотелось видеть того парнишку. Ведь если он и в самом деле настолько *плох*, то непременно мне приснится, и не раз...

Сглотнув, я посмотрел на Криса — во взгляде его было понимание. Он поощрительно кивнул Верну: давай, мол, дальше, выскажись — легче будет.

— В общем, я боюсь, что *он* не просто станет посещать меня в кошмарных снах, но будет прямо-таки преследовать меня, лежа там, под кроватью, в луже крови, изрезанный на куски, и тем не менее *двигаясь*, понимаете, *двигаясь*... Он будет пытаться меня *схватить*!

— Бог ты мой! — выдохнул Тедди, — у меня тоже бывают кошмары, но *такое!*..

— Я ничего не могу с этим поделать, — словно оправдываясь, проговорил Верн. — И все же мне почему-то кажется, что мы *должны* его увидеть. Понимаете, *должны*... Но... Не нужно относиться к этому как к забавному приключению.

— Да, — тихо сказал Крис, — пожалуй, ты прав.

— Вы ведь никому не расскажете? — В голосе Верна послышалась мольба. — Не о кошмарах, разумеется, — они у всех бывают, а о том, как я просыпаюсь от того, что кто-то будто бы притаился под кроватью. Никому, ладно? Ведь я уже не маленький...

Мы пообещали, что, ясное дело, не скажем никому, и снова воцарилось чуть неловкое молчание. Было только

без четверти три, однако дьявольская жара и обилие чрезвычайных происшествий создавали впечатление, что времени прошло гораздо больше, а до Харлоу было еще далеко. Следовало поторапливаться, чтобы хоть как-то приблизиться к цели до наступления темноты.

Мы вышли к железнодорожному разъезду с установленным на высокой ржавой мачте семафором. Каждый попеременно попробовал попасть камешком в одно из его металлических, давно не крашенных крыльев, однако это никому не удалось. Где-то в половине четвертого впереди показался мост через Касл-ривер.

14

В 1960 году река в том месте достигала сотню ярдов в ширину, а может, даже больше. Не так давно я вновь посетил эти места и обнаружил, что Касл-ривер стала намного уже. А как же иначе — столько заводов, фабрик, плотин понастроили вокруг за это время. Тогда же на всю длину реки — а она протекает через весь Нью-Гемпшир и добрую половину Мэна — было всего лишь три плотины, и раз в три года Касл-ривер выходила весной из берегов, заливая шоссе 136 в районе Харлоу или Дэнверса, а иногда и там, и там.

Сейчас, на исходе самого жаркого лета со времен Великой депрессии, река, как ни странно, ничуть не обмелела. Ее противоположный берег, поросший густым лесом, резко отличался от нашего. Высоченные сосны и ели казались голубоватыми в предвечерней дымке. Рельсы нависали над поверхностью воды на высоте примерно футов в пятьдесят, поддерживаемые толстенными деревянными сваями с деревянными же перекладинами. Вода была такой прозрачной, что, перегнувшись через перила, можно было запросто увидеть железобетонные плиты, установленные на глубине десять футов на дне реки и служившие фундаментом длинного и узкого моста. Впрочем, перегибаться через перила не было необходимости: вода виднелась сквозь зазоры шириной в четыре дюйма между перекладинами-шпалами. Расстояние между рель-

сами и краем моста не превышало восемнадцати дюймов: достаточно, быть может, чтобы увернуться от внезапно появившегося поезда, однако, если бы такое случилось, поток воздуха вполне мог сбросить зазевавшегося путника в воду или же на острые прибрежные камни, перила тут вряд ли помогли бы.

Стоя на берегу и разглядывая это ненадежное сооружение, все мы ощутили, как к горлу подкатывается страх, смешанный с неким задором — ведь одного такого путешествия через мост хватило бы, чтобы потом о нем рассказывать на протяжении нескольких недель... при условии, конечно, что путешествие окончится благополучно. В глазах Тедди я вновь заметил возбужденный блеск: держу пари, что на мост как таковой, ему сейчас было абсолютно наплевать. Наверняка он видел другой берег, там, в далекой Нормандии, куда ревущий прибой выбрасывал десятки тысяч «джи-ай». Они бежали по песку в своих высоких армейских ботинках, прыгая через мотки колючей проволоки, стреляя на ходу, швыряя гранаты в пулеметные гнезда, падая и снова поднимаясь в неукротимом порыве...

Мы подошли к месту, где насыпь заканчивалась и начинался собственно мост. Густой колючий кустарник покрывал откос, спускавшийся к самой воде, где меж огромных серых валунов каким-то образом пристроились несколько ракитичных елочек с торчащими наружу корнями.

Как я уже отмечал, вода в этом месте была еще совсем чистой: цепочка ткацких фабрик — основной источник загрязнения — начиналась в Касл-роке, ниже по течению. Дно реки просматривалось великолепно, и тем не менее, рыбой здесь и не пахло. Тот, кто хотел поймать хоть что-то в Касл-ривер, должен был подняться миль на десять вверх, в сторону Нью-Гемпшира. И даже в этом месте, кое-где у прибрежных камней можно было заметить хлопья пены цвета старой слоновой кости. Аромат от реки шел довольно специфический: вода пахла давно замоченным, но еще не выстиранным бельем. Тучи стрекоз откладывали здесь яйца безо всякой опаски — тут не водились даже пескари, не то что форель.

— М-да... — хмыкнул Крис.

— Идем же, — нетерпеливо сказал Тедди. — Ну, что вы встали?

Он первый быстрым шагом двинулся по шпалам меж сверкающих на солнце рельсов.

— Постойте-ка, ребята, — с некоторым смущением проговорил Верн. — Никто не знает, во сколько должен тут пройти ближайший поезд?

Все пожали плечами.

— Есть еще мост на шоссе... — предложил я.

— Ты что, очумел? — заорал Тедди. — Он отсюда в пяти милях по течению, и столько же придется отмахаться в обратную сторону...

Так мы на тот берег дотемна не попадем, а здесь мы перейдем реку *минут за десять*!

— Ну, а если поезд? — проронил Верн, избегая встречаться взглядом с Тедди.

— Если бы да кабы... — презрительно сплюнул Тедди и вдруг проделал трюк: ухватился за одну из шпал и спрыгнул вниз, повиснув в воздухе, почти касаясь своими кроссовками земли, после чего в одно мгновение взлетел обратно и отряхнув ладони, насмешливо взглянул на Верна. — Видишь, всего-то и делов, если поезд вдруг появится, так и сделаем, и все будет о'кей! От одной мысли, что придется так висеть в пятидесяти футах над поверхностью воды, а над головой будет в это время мчаться тяжелый состав, быть может, разбрасывая из-под колес искры в волосы и за шиворот, меня пробрала дрожь.

— А если пройдет поезд вагонов в двести? — Крис покрутил пальцем у виска. — Ты предлагаешь провисеть вот так минут пять, а может, и все десять?!

— Что, струсили? — заорал Тедди.

— Да нет, — ухмыльнулся Крис, — что ты распетушился? Просто лучше предусмотреть любые варианты.

— Ну так валийте, чешите в обход! — противно загундосил Тедди. — Так и быть, подожду вас, может, и посплю часок-другой.

— Один поезд уже прошел, — принялся рассуждать я, — а ходят они в Харлоу не так уж и часто: может,

один-два в день. — Я поддел кроссовкой пучок травы, проросший между шпал. — А вот на дороге между Касл-роком и Льюистоном, где движение интенсивное, никакой травы не растет...

— Да-да, вот видите?! — победно вскричал Тедди, обрадовавшись неожиданной поддержке.

— И тем не менее, *всякое* может случиться, — вылил я на него ушат воды.

— Вот именно, — сказал Крис. Глаза его внезапно заблестели, смотрел он только на меня. — Ну, что, Лашанс, рискнем?

— Рискнем, пожалуй.

— О'кей, — заключил Крис, оглядывая Тедди и Верна. — Может, кто-нибудь откажется?

— НЕТ! — заорал Тедди, довольный.

Откашлявшись, Верн тоже выдавил из себя «нет», но его улыбка выглядела при этом довольно жалко.

— О'кей, — повторил Крис, однако все мы, даже Тедди, продолжали колебаться, меряя взглядом железнодорожную колею. Опустившись на колени, я пощупал рельс и тут же отдернул руку, таким он был горячим. Все же я выяснил, что хотел: рельс не дрожал, значит, поезда поблизости не было.

— О'кей, — повторил я вслед за Крисом, но как только я это произнес, в желудке у меня возникло довольно неприятное ощущение, а сердце вдруг заколотилось.

Крис двинулся по рельсам первым, за ним Тедди, еще дальше Верн, а мне выпала роль замыкающего. Ступать приходилось по шпалам, а значит, нужно было постоянно смотреть под ноги: расплатой за один неверный шаг могла быть сломанная щиколотка — в лучшем случае. Смотреть же вниз, находясь на такой высоте, сами понимаете, не здорово...

Насыпь осталась позади, и с каждым следующим шагом во мне укреплялось чувство, что мы совершаем самоубийственную глупость. Прибрежные камни внизу сменились водой. Крис с Тедди уже почти достигли середины, чуть позади них осторожно двигался Верн, пристально глядя под ноги и на всякий случай балансируя руками. Я

оглянулся. Все, тот берег был уже слишком далеко. Оставался один путь — вперед, и не только из-за поезда. Повернув назад, я прослыл бы трусом на всю оставшуюся жизнь.

Ну, ладно, вперед так вперед... От неотрывного взгляда на бесконечную череду шпал и сверкающую в промежутках между ними воду меня слегка затошило. С каждым новым шагом у меня возникало ощущение, что вот сейчас нога провалится в пустоту, хоть я и был уверен, что ступаю правильно.

Вообще все чувства вдруг необычайно обострились. В голове заиграл какой-то полоумный оркестр, сердце колотилось, кровь стучала в ушах, суставы и сухожилия поскрипывали, а обертоном к этой какофонии служил плеск воды в реке, стрекот цикад и отдаленный собачий лай. Наверное, это Чоппер брешет, подумалось мне.

От напряжения мышцы ног подрагивали. Не лучше ли (а может, даже и быстрее) продолжить путь на четвереньках? Хотя, ясное дело, ни я, ни кто-то другой из нас не отважился бы на это: «рожденный ползать летать не может» было одним из основных принципов «Евангелия от Голливуда». С пеленок мы усвоили, что настоящие мужчины несгибаемы в прямом и переносном смысле, что суставы с сухожилиями могут скрипеть лишь из-за притока адреналина в кровь, а мускулы подрагивают по той же причине. Что ж, так тому и быть.

Тошнота тем временем усиливалась. Чтобы с ней справиться, мне пришлось остановиться на середине моста и некоторое время смотреть только вверх, в пронзительно синее небо, но даже тогда шпалы не сразу перестали мелькать перед глазами. Я взглянул вперед: Крис с Тедди уж почти добрались до конца моста, а вот с Верном происходило что-то неладное. Теперь он находился лишь чуть впереди меня и двигался крайне медленно.

Я написал семь книг о различных парапсихологических явлениях: людях, способных читать мысли, наделенных даром предвидения и тому подобных вещах, но сам я испытал нечто вроде озарения единственный раз в жизни. Это произошло именно в тот момент, на середине моста

через Касл-ривер. Как будто что-то подтолкнуло меня, заставив опуститься на корточки и пощупать рельс. Ощущение было таким, словно я схватил извивающуюся железную змею: рельс словно ходуном ходил.

Вам, конечно, знакома фраза «внутри у него все похолодело»? Выражение более чем избитое, ведь так? Однако лично я просто не в состоянии как-то по-другому передать то, что мне довелось в тот момент испытать. Позднее чувство страха, и довольно сильное, мне приходилось испытывать неоднократно, но никогда я не был в таком ужасе, как в ту минуту, когда рельс трепыхался у меня в руке. Все, что находится у меня ниже горла, превратилось в ледяную глыбу, по ноге побежала струйка мочи, нижняя челюсть отвисла, язык прилип к небу, но хуже всего то, что меня словно парализовало. Ни один мускул меня не слушался, руки и ноги напрочь отказались двигаться. Это длилось лишь какое-то мгновение, но мне показалось, что прошла вечность.

Вслед за этим мозг мой будто электрошоком пронзил, обострив все чувства до предела. Я услыхал шум летящего где-то самолета и даже успел подумать, как было бы замечательно оказаться там, на борту, сидя в мягкем кресле у иллюминатора с бутылкой «кока-колы» и разглядывая блестящую, извилистую ленту незнакомой мне реки. Я видел каждую щепочку, каждое волоконце шпалы, на которую присел, а в уголке глаза поблескивал рельс, за который я все держался. Я отдернул руку — ладонь продолжалаibriровать, как будто тысячи мелких иголок пронзили одновременно нервные окончания. Слюна во рту приобрела вкус свернувшегося молока и стала какой-то наэлектризованной. Но самое ужасное то, что я *не слышал* приближающегося поезда, поэтому не мог понять, откуда он появится — сзади или спереди, и на каком он расстоянии. Это был поезд-невидимка, единственным признаком которого оказался дрожащий рельс. Перед глазами промелькнула жуткая картина: растерзанное тело Рея Брауэра, сброшенное в придорожную канаву. И нас ждет то же самое, по крайней мере меня с Верном, а может, и меня лишь одного. Мы сами заказали себе похороны.

Последняя мысль вывела меня из оцепенения, и я вскочил на ноги. Со стороны я был, наверное, похож на чертика из табакерки, но самому мне мои движения казались ужасно медленными, как при подводной съемке, когда кинокамера следит за водолазом, медленно поднимающимся на поверхность с глубины в пятьсот футов.

Однако на поверхность я так или иначе всплыл, стяжнув с себя оцепенение.

— ПОЕЗД!!! — не своим голосом заорал я и, окончательно выйдя из паралича, рванулся с места.

Голова Верна дернулась, словно от удара током. На лице его мелькнуло искреннее изумление, но, увидев, как я, сломя голову, перепрыгивая с одной шпалы на другую, он мгновенно понял, что это не шутка, и тоже бросился бежать, уже не смотря под ноги.

Неожиданно меня охватила какая-то глупая ненависть к Крису: этот хмырь уже был *в безопасности*. Я увидел, как он, далеко-далеко впереди, на противоположном берегу, склонился, чтобы пощупать рельс.

Моя левая нога вдруг провалилась в пустоту. Я выкатил глаза, неуклюже взмахнул руками, но тут же восстановил равновесие и опять помчался, теперь уже сразу вслед за Верном. Миновав середину моста, я, наконец, услышал поезд. Он приближался сзади, со стороны Касл-рока. Звук этот, поначалу низкий и невнятный, становился с каждой секундой громче, и уже можно было разобрать отдельно рев мотора и мерный, вселяющий ужас перестук колес по рельсам.

— А-а-а! — заорал Верн.

— Беги же, дьявол! — крикнул я, подталкивая его в спину.

— Не могу! Я боюсь упасть!

— Быстрей!

— А-а-а... КАРАУЛ!!!

Но он и в самом деле побежал быстрее. Его голая потная спина с торчащими лопатками мелькала у меня перед глазами, мышцы ходили ходуном, а позвонки то выпирали, то куда-то проваливались. Он, так же, как и я, не выпускал из рук свернутые в скатку одеяла. Вдруг он

чуть-чуть не оступился, притормозил, и мне пришлось еще раз хлопнуть его по спине.

— Больше не могу, Горди! — взмолился он. — А-а-а... Мать твою!!!

— Быстрее, сукин ты сын! — взревел я, внезапно с ужасом ловя себя на мысли, что мне вдруг... начинает это нравиться.

Подобное ощущение я испытал только однажды, да и то когда напился в доску. Мне нравилось погонять Верна Тессио, словно теленка, которого ведут на бойню...

Поезд загрохотал уже совсем близко — вероятно, он находился сейчас у разъезда, где мы швыряли камешки в семафор. Я ждал, что мост вот-вот завибрирует, и это будет конец.

— БЫСТРЕЙ ЖЕ, ВЕРН! БЫСТРЕ-Е-ЕЙ!!!

— О Боже, Горди, Боже, Боже... А-А-А!!!

Воздух прорезал оглушительный, протяжный гудок — это был голос самой смерти: У-У-У-А-А!!!

Гудок на секунду оборвался, и я скорее не услышал, а всей кожей ощущил крик Тедди и Криса: «Прыгайте! Прыгайте же!» В тот же миг мост задрожал, и мы с Верном прыгнули.

Верн приземлился в песок у самого берега, а я скатился по откосу прямо на него. Поезда я так и не увидел. Не знаю даже, заметил ли нас машинист. Спустя пару лет я предположил, что, может быть, и не заметил, однако Крис сказал на это: «Вряд ли он стал бы так гудеть, лишь только чтобы попугать ворон...» А почему бы, собственно, и нет? Так или иначе, тогда это было совершенно неважно. В момент, когда поезд проходил мимо, я закрыл ладонями уши и чуть ли не зарылся головой в песок, лишь бы не слышать оглушительного грохота и лязга, не ощущать обдавшей нас волны раскаленного воздуха. Взглянуть на него не было ни сил, ни желания. Состав оказался длинноющим, но я на него так и не посмотрел. На шею мне легла теплая ладонь, и я сразу понял, что она принадлежала Крису.

Когда поезд, наконец, прошел (вернее, когда я *удостоверился*, что он прошел), только тогда я все еще опасливо поднял взгляд. Наверное, точно так же солдат

высовывается из блиндажа после долгого артиллерийского обстрела... Верн, дрожа всем телом, лежал ничком, а Крис сидел по-турецки между нами, положив руки нам на плечи. Верн поднял голову, все еще дрожа и нервно облизывая губы.

— Ну, что, парни, по бутылочке «коки»? — предложил Крис как ни в чем не бывало.

Нам это было как нельзя кстати.

15

Примерно в четверти мили от берега рельсы углублялись прямо в лесную чащобу. Местность тут к тому же была заболоченой, тучи комаров висели в воздухе, словно армады истребителей-бомбардировщиков, но был во всем этом и один громадный плюс: прохлада, благословенная прохлада.

Присев в теньке, чтобы распить по бутылочке «коки», мы с Верном накинули на плечи рубашки, а Крис с Тедди остались, как и были, голыми по пояс, несмотря на насекомых. Не прошло и пяти минут, как Верну понадобилось уединиться в кустиках, что послужило поводом для шуточек и прибауточек.

— Что, дружище, здорово перетрусил? — хором поинтересовались у него Крис с Тедди, когда он снова появился, натягивая штаны.

— Да н-нет, — промямлил Верн, — мне еще на том берегу приспично...

— Ладно заливать, — усмехнулся Крис. — А ты, Горди, тоже наложил в штаны?

— Ничего подобного, — ответил я, невозмутимо потягивая «коку».

— Ничего подобного! — передразнил меня Крис, похлопывая по плечу. — А у самого поджилки до сих пор трясутся.

— Вот те крест, что я ни капельки не испугался.

— Да ну? — встярал Тедди. — Так уж и ни капельки?

— Конечно же, нет! Я не испугался, я просто... *остолбенел! от ужаса!*

Все, даже Верн, грохнули. Действительно, «испугался» было не то слово...

После этого мы все по-настоящему расслабились, откинувшись на траве и молча допивая «кока-колу». В ту минуту я, наверное, был действительно счастлив: мне удалось избежать смертельной опасности, жизнь казалась такой замечательной штукой, и я был в мире с самим собой. А кроме того, у меня великолепные друзья. Что же еще нужно для счастья?

Вероятно, именно в тот день я начал понимать, каким образом обыкновенный человек становится сорвиголовой. Пару лет назад я заплатил двадцать долларов, чтобы присутствовать при неудачном прыжке Эвела Найвела через каньон Снейк-ривер. Жена моя, вместе со мной лицезревшая этот головокружительный прыжок, пришла в ужас, но не от самой трагедии, а от моей реакции. Она заявила, что если бы я жил в Древнем Риме, то непременно был бы завсегдатаем кровавых казней первых христиан, которых сажали в клетки со львами. Тут она была, конечно, неправа, хоть я и вряд ли смог бы объяснить почему (впрочем, она сама была уверена, что я всего лишь хотел этим досадить ей). Дело в том, что я выбросил двадцатку вовсе не затем, чтобы полюбоваться гибелью человека, хотя у меня с самого начала не было сомнений относительно исхода смертельного трюка, транслировавшегося, кстати, по телевидению на всю страну. Нет, думаю, у многих в жизни бывают моменты, когда возникает непреодолимое желание бросить вызов таинственной тьме, о которой Брюс Спрингстин поет в одной из своих песен, сделать это *несмотря* на то (а может, скорее, *благодаря* тому), что Господь сотворил нас *смертыми*...

— Эй, Горди, расскажи-ка нам ту самую историю, — внезапно попросил Крис, привставая.

— Какую? — переспросил я, хотя прекрасно знал, о чем он говорит.

Я ощущал какую-то неловкость, когда меня просили рассказать одну из моих «историй», — и это несмотря на то, что они пользовались неизменным успехом. Первым, кто узнал о моем желании стать, когда вырасту, писателем,

был Ричи Дженнер, парнишка, который состоял полно-правным членом нашей компании, пока его семья не переехала в 1959 году в Небраску. Уже не помню, чем мы занимались у меня в комнате, когда Ричи обнаружил в книжном шкафу под комиксами пачку исписанных от руки листков. «Это-то что такое?» — спросил он, заинтригованный. «Так, ничего...» Я попытался выхватить у него листки, хотя, признаться, не слишком настойчиво. В душе моей авторская гордость боролась с застенчивостью (кстати говоря, борьба эта продолжается и по сей день...) Пишу я всегда в одиночестве, отгораживаясь от всего мира, как будто совершая нечто постыдное, словно юнец, занимающийся онанизмом, запершись в ванной. Писательский труд для меня — нечто глубоко интимное, вроде секса, хотя я знаю и совершенно противоположные примеры. Так, один мой знакомый писатель обожает работать, устраиваясь в витринах книжных магазинов или супермаркетов. Это потрясающе, до безрассудства храбрый человек, и я всегда мечтал иметь такого друга, с которым можно было бы пойти в огонь и в воду...

Почти до вечера Ричи просидел на моей кровати, «заглатывая» мою писанину, навеянную сюжетами все тех же комиксов или же детскихочных кошмаров, о которых говорил Верн. Закончив чтение, Ричи посмотрел на меня как-то по-новому, будто впервые по-настоящему меня узнал, и заявил: «Отлично это у тебя получается, просто замечательно. А почему ты не покажешь это Крису?» Я ответил, что это мой секрет, и тут он пришел в недоумение: «Ну, почему же? Что тут такого? Ведь это не стишки какие-нибудь, наоборот, все ужасно круто и клево...»

Тем не менее, я взял с него слово никому не говорить про мои писания. Он, разумеется, пообещал и тут же раззвонил об этом всем и каждому, после чего скрывать мое тайное занятие стало совершенно невозможно. Большинству ужасно нравились мои рассказы о погребенных заживо, о казненных преступниках, восставших из мертвых, чтобы отомстить приговорившим их судьям, о маньяках, делающих из своих жертв котлеты, но главным образом, о частном детективе Курте Кэнноне, который

«выхватив свой «магnum», принялся отправлять патрон за патроном в разверстую, зловонную пасть маньяка».

Почему-то я старательно избегал слово «пуля», употребляя только «патрон».

Впрочем, из-под моего пера выходили не одни лишь «ужасники». Была, к примеру, серия рассказов про Ле-Дио, маленький французский городок, который в 1942 году подразделение американских героев-пехотинцев пыталось отбить у фрицев (я тогда не знал, что союзные войска высадились во Франции лишь в 1944 году). На протяжении пяти лет — с девяти до четырнадцати — я написал четыре десятка рассказов о кровопролитных уличных боях в Ле-Дио, причем последняя дюжина появилась на свет исключительно по настоянию Тедди, который от этих историй был просто без ума (мне же они к тому времени осточертели до смерти). Он проглатывал страницу за страницей, при этом глаза у него были как полтинники, пот струился по физиономии, а в голове, похоже, грохотала канонада. Мне, конечно, льстил такой читательский восторг, но в то же время я стал опасаться, не свихнется ли Тедди окончательно от моего Ле-Дио.

Теперь это стало для меня способом заработать на кусок хлеба в гораздо большей степени, нежели удовольствием. Писательский труд ассоциируется у меня скорее с искусственным оплодотворением, а не с чувственным наслаждением, смешанным с неким комплексом вины, как в юношеские годы. Все происходит строго по правилам, зафиксированным в договоре с издателем, и пищущая машинка подчас вызывает у меня чувство отвращения. Это меня пугает: я вовсе не претендую на звание Томаса Вулфа наших дней, но все же мне хотелось бы оставаться именно писателем, а не халтурщиком от литературы.

— Только, пожалуйста, без ужасов, — взмолился Верн. — Хватит с меня кошмаров... Хорошо, Горди?

— Там нет никаких ужасов, — успокоил его Крис, — наоборот, это очень веселая история. Немного непристойная, зато веселая... Валяй, Горди, рассказывай. Повесели-ка нас, а то чего-то чересчур мы кислые.

— Это про Ле-Дио? — с надеждой спросил Тедди.

— Какой Ле-Дио, ты, псих ненормальный?! — Крис дал ему легкий подзатыльник. — Это про соревнование по поеданию пирожков.

— Да я ведь не успел еще даже записать эту историю, — начал я упрямиться.

— Плевать, рассказывай давай.

— Что, все хотят слушать?

— Конечно, все, — сказал Тедди. — Рассказывай, кончай ломаться.

— Ну, ладно. Дело происходит в одном городке, разумеется, вымышленном, под названием Гретна, что в штате Мэн.

— *Гретна?* — заулыбался почему-то Верн. — Что это еще за название? В штате Мэн нет никакой *Гретны*.

— Заткнись ты, придурок, — оборвал его Крис. — Сказали же тебе, что городок этот вымышленный.

— Так-то оно так, да уж больно идиотское название...

— Да вокруг полным-полно идиотских названий, — вполне резонно возразил Крис. — Как тебе, к примеру, нравится поселок Альфред, или Сако, или взять хотя бы наш родимый Касл-черти-бы-его-побрали-рок... Разве у нас есть скалы, не говоря уже о замках?* Да *большинство* названий — идиотские, просто мы к ним привыкли и не думаем об этом. Правильно, Горди?

— Безусловно, — ответил я, хотя, честно говоря, подумал, что Верн прав, и Гретна — совершенно идиотское название. Интересно, чего это ради именно оно пришло мне в голову?

— Так или иначе, в этой самой Гретне, как и у нас, в Касл-роке, ежегодно праздновали День первых поселенцев...

— День первых поселенцев — это клево, — опять встриял Верн. — Я грохнул в прошлый раз всю свою заначку за год, но зато уж отвел душу... А этот Билли, сукин сын...

— Да заткнешься ты в конце концов?! — рявкнул Тедди. — Дай Горди рассказать.

* Касл-рок переводится как «замок на скале».

— Да, конечно, конечно, — заморгал Верн, — пускай рассказывает.

— Валяй, Горди, — подтолкнул меня Крис.

— История, вообще-то, так себе, — решил я поломаться еще немного.

— А мы другого и не ждем, — утер мне нос Тедди, — но все равно, рассказывай давай.

— Ну, ладно, уговорили. — Я прокашлялся. — Так вот, на вечер у них там были намечены три крупных мероприятия: раздача яичного рулета для самых маленьких, соревнование по бегу в мешках для ребят постарше — восьми-девяти лет, а также этот самый конкурс — кто больше и быстрее всех слопает пирожков. Да, я забыл представить главного героя. Это был жирный чувак, которого никто терпеть не мог, а звали его Дэви Хоган.

— Намек на Чарли Хогена, да? — не выдержал снова Верн, и Крису в очередной раз пришлось дать ему хорошего тумака.

— Был он одного с нами возраста, весил фунтов так сто восемьдесят, а величали его не иначе как Хоган-Задница и шпыняли, кто как только мог.

Физиономии моих слушателей тут же отразили искреннее сочувствие к третирему всеми Заднице, хотя, уверен, если бы подобный тип вдруг появился в Касл-роке, все мы, в том числе и я, издевались бы над ним до полного беспредела.

— Наконец, Задница все это надоело, и он решает отомстить своим мучителям. Но каким образом? В День первых поселенцев такая возможность представилась ему в виде конкурса пожирателей пирожков, ведь в этом деле — пожрать — равных ему не было. Кстати, победитель получал приз — пять баксов.

— Все ясно: Задница выигрывает и оставляет всех с носом! — не удержался снова Верн.

— Нет, это гораздо интереснее, — заявил Крис: он знал эту историю. — Замолкни и слушай дальше.

— Ну, что такое пять долларов? — продолжал я. — Деньги эти утекут, как сквозь пальцы, думал Хоган, а через пару недель если кто и вспомнит о его «подвиге»,

то только затем, чтобы, повстречав его на улице, в очередной раз надавать по шее, да еще обозвать при этом: Задница-пожиратель-пирожков.

Слушатели согласно кивнули: а этот Дэви Хоган вовсе не дурак. Я стал рассказывать дальше:

— Тем временем никто не сомневается, что он выиграет соревнование, даже его собственные родители. Более того, они уже заранее положили глаз на его приз.

— Точно, так всегда и бывает, — согласился Верн.

— Поразмыслив таким образом, он проникается ненавистью ко всей этой затее. В конце концов, необыкновенный аппетит — не его вина, тут все дело в обмене веществ и...

— Ну, конечно, у моего двоюродного брата точно такая штука! — возбужденно вскричал Верн. — Честное слово! Он такой жирный, что весит, наверное, фунтов триста. Говорят, у него что-то не в порядке с хипо... гипофизом, да?.. Не знаю точно, как эта штука называется, но он напоминает мне рождественского индюка, а когда я обозвал его...

— Да замолчишь ты, чудило гороховое?! — заорал на него Крис. — В последний раз тебя предупреждаю, понял?

Он замахнулся на Верна пустой бутылкой из-под «коки».

— Ты что, ты что? — замахал руками Верн. — Больше не буду, честное слово! Валяй, Горди, дальше, история у тебя получилась занятная.

Я ухмыльнулся. По правде говоря, то, что Верн постоянно перебивал рассказ, меня не очень-то и раздражало, но, разумеется, сказать об этом Крису я не мог: он ощущал себя сейчас кем-то вроде охранителя Высокого Искусства.

— Так вот, мысли эти не покидали Дэви Хогана, наверное, целую неделю до начала праздника. Одноклассники беспрестанно тормошили его подначками: ну, что, Задница, сколько пирожков намереваешься сожрать? Десять? А может, двадцать? Неужели восемьдесят?! «Откуда мне знать? — отвечал Хоган. — Мне ведь даже неизвестно, какого они будут размера...» Да, вот еще что: интерес к предстоящему соревнованию подогревался тем, что у

Хогана, который в нем по возрасту должен был участвовать впервые, все-таки был соперник — прошлогодний чемпион по имени Билл Трейнор. Так вот, этот самый Трейнор, будучи обжорой, в отличие от Задницы был кожа да кости, и тем не менее год тому назад он проглотил шесть пирогов всего за пять минут.

— Больших пирогов? — уточнил Тедди.

— Ага, больших. А Задница, напоминаю, был самым младшим из участников.

— Я уже начинаю за него болеть! — воскликнул Тедди. — Давай, Задница, покажи им!

— Были же и еще участники, — напомнил Крис.

— Да, разумеется. Кроме Хогана-Задницы и Билла Трейнора в конкурсе участвовали и взрослые, среди них Кэлвин Спайер, хозяин ювелирной лавки и самый толстый житель городка. Еще был диск-жокей с радиостанции Льюистона, не то что очень жирный, а так, несколько полноватый. Ну и, конечно, директор школы, где учился Хоган. Звали его Губерт Гретна-третий... Красавец-мужчина!

— Гениально! — захлопал Тедди. — Дальше, Горди, давай дальше!

Тут я по-настоящему почувствовал, что все внимание приковано ко мне, что я имею неограниченную власть над слушателями. Закинув пустую бутылку в кусты, я устроился поудобнее. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь монотонным стрекотом цикад.

— Тут он и придумал, как отомстить всем, кто над ним издевался. Идея была просто блестящей... Так вот, конкурс должен был состояться под вечер, непосредственно перед фейерверком. Главная улица Гретны будет закрыта для движения, а в центре ее, перед трибуной с национальным флагом, соберется громадная толпа. Будут там, конечно, и фотокорреспонденты, чтобы запечатлеть вымазанную брусицкой физиономию победителя — организаторы решили, что пироги на этот раз будут брусицкими. Да, забыл сказать, что поедать их участники должны со связанными сзади руками. Ну, вот, поднимаются они на трибуну...

«Месть Хогана-Задницы», рассказ Гордона Лашанса. Впервые напечатан в марте 1975 г. в журнале «Кэвелер». Публикуется с разрешения издателя.

Они по одному поднялись на трибуну и выстроились позади длинного, напоминающего столярные козлы стола, покрытого льняной скатертью. Заполненный пирогами стол находился у самого края трибуны, а сверху нависала гирлянда стосвечевых лампочек, облепленных мотыльками и ночными бабочками. Гирлянда освещала огромный транспарант с надписью: ОТКРЫТЫЙ ЧЕМПИОНАТ ГРЕТНЫ ПО ПОЕДАНИЮ ПИРОЖКОВ — 1960! По обеим сторонам транспаранта были установлены громкоговорители, любезно предоставленные Чаком Деем, владельцем магазина бытовых электроприборов и двоюродным братом нынешнего чемпиона, Билла Трейвиса.

У всех участников рубашки были расстегнуты, а руки связаны сзади, словно перед казнью на гильотине. Мэр Шарбонно объявлял имя каждого через микрофон, а затем повязывал на шею большую белую салфетку-слюнявчик. Кэлвина Спайера встретили довольно жидкими аплодисментами: несмотря на громадное брюхо, напоминающее двадцатигаллонную бочку, он, по общему мнению, явно уступал малышу Хогану по прозвищу Задница (впрочем, последний тоже не считался фаворитом, по крайней мере в этом году: слишком еще молод).

Вслед за Спайером мэр представил Боба Кормера, диск-жокея с льюистонского радио. Этого публика встретила теплее, послышались даже визги молоденьких поклонниц Кормера. За ним последовал Джон Уиггинс, директор средней школы Гретны, горячо приветствуемый старшим поколением и гораздо сдержаннее (мягко говоря) младшим. Каким-то образом Уиггинсу удалось одновременно выразить признательность первым и свое «пфе» вторым.

Наконец, мэр Шарбонно объявил:

— А теперь самый молодой и в тоже время многообещающий участник Открытого чемпионата Гретны по по-

еданию пирогов, на которого мы все возлагаем большие надежды... — Он сделал паузу. — *Дэвид Хоган-младший!*

Публика взорвалась аплодисментами, а кто-то принял-ся скандировать: «По-ка-жи им, Зад-ни-ца!»

Кто-то захохотал, кто-то при этом нахмурился (в первую очередь, конечно, мэр — главный блюститель порядка и этических норм), сам же Задница и ухом не повел. На губищах у него блуждала еле уловимая, таинственная ухмылка, в то время как насупившийся мэр повязывал ему салфетку вокруг шеи и убеждал вполголоса не обращать внимания на идиотов, дыша при этом пивным перегаром.

Настоящую же бурю аплодисментов вызвало появление последнего участника, легендарного обжоры Билла Трейвиса. Рост его превышал шесть футов пять дюймов, при этом он был худой как щепка. В поселке любили добродушного, общительного механика с автозаправки «Амок», что возле железнодорожной станции.

Всем до одного было известно, что чемпионат Гретны по поеданию пирогов значил, по крайней мере для Билла Трейвиса, гораздо больше, нежели возможность получить лишние пять долларов в качестве приза. Были тому две причины. Во-первых, очень многие заезжали на бензоколонку поздравить Билла с победой и заодно заправить бак, так что примерно месяц после соревнования бизнес шел великолепно. Люди пользовались случаем, чтобы не только заправиться, но и сменить масло, накачать шины, купить кое-что из запчастей или же просто попить «кокаколы», пивка или кофейку, болтая с Биллом, пока он осматривал или ремонтировал их тачки. Тем более, что Билл поболтать был всегда не прочь, потому-то его все в Гретне и любили.

Неизвестно, выплачивал ли ему Джерри Мейлинг, хозяин бензоколонки, премии за победу на конкурсе или же ограничивался прибавкой к зарплате. Как бы то ни было, с заработками у Билла Трейвиса было все в порядке: вскоре после своей первой победы он купил прелестный двухэтажный коттедж на Саббатус-роуд, тут же прозванный неким остроумцем «домом, построенным на пирож-

ках». Вероятно, было в этом некоторое преувеличение, но тут мы подходим ко второму обстоятельству, вследствие которого победа на «пирожковом чемпионате» так много значила для Билла Трейвиса.

Для Гретны и окрестностей он был, безусловно, событием номер один: для большинства забавным развлечением, но для многих еще и способом заработать (или же спустить) большие деньги. Дело в том, что на конкурсе существовал своего рода тотализатор, почти как на бегах. Шансы претендентов на победу горячо обсуждались, о каждом из них (главным образом, об их аппетите) наводили справки через родственников и знакомых, «спортивные снаряды» — а они каждый год были разные — имели свою классификацию: так, яблочный пирог считался «тяжелым», а абрикосовый почему-то «легким», хотя съевший три-четыре абрикосовых пирога обрекал себя на несколько дней строгой диеты и бега трусцой. Брусничный пирог, избранный в тот год, слыл «золотой серединой» и, разумеется, игроки заранее старались разузнать, кто из претендентов питает слабость к бруснике, а кто ее терпеть не может.

Наконец, все, какие только можно, сведения о кандидатах были собраны, тщательнейшим образом проанализированы, и ставки сделаны. Точная сумма автору, конечно, неизвестна, но полагаю, что она составила не меньше тысячи. Вам это, может быть, покажется сущим пустяком, но для крошечного городка пятнадцать лет назад это были громадные деньги.

Поскольку соревнование проходило у всех на глазах и было строго ограничено во времени (десять минут), что по идеи исключало всякое жульничество, никто не возражал против того, чтобы и сами претенденты делали ставки, конечно, на самих себя. Билл Трейвис так и поступал. Поскольку он в тот год был явным фаворитом, то его шансы оценивались как пять к одному, то есть чтобы выиграть, скажем, полсотни, ему следовало поставить на себя двести пятьдесят. Не очень-то хороший расклад, но такова цена успеха, впрочем, в своей победе он не сомневался. Под гром аплодисментов, сияя белозубой улыбкой, вскочил он на помост, как только мэр объявил в микрофон:

— А теперь несравненный чемпион Гретны, великий **Билл Трейвис!!!**

— У-у-ух! — в один голос выдохнула публика.

— Сколько на этот раз осилишь, Билл? — кричал кто-то.

— Уж наверняка не меньше десятка, — отвечали ему.

— Эй, Билли, не подведи меня! Я на тебя поставил двадцать баксов!

— Оставь мне хоть кусочек, Билл! Хоть попробовать!

С деланной скромностью кивая и улыбаясь публике, Билл Трейвис позволил мэру повязать себя салфеткой, после чего занял место у правого края стола, там, где во время соревнования будет находиться мэр Шарбонно. Справа налево участники расположились таким образом: Билл Трейвис, Дэвид Хоган-Задница, Боб Кормер, директор школы Джон Уиггинс, Кэлвин Спайер.

Затем мэр Шарбонно представил Сильвию Додж, президента Женского общества Гретны, вероятно, со временем открытия Америки, без которой конкурс пожирателей пирогов был также немыслим, как и без многолетнего чемпиона Билла Трейвиса: она лично инспектировала пекарню и была ответственной за качество каждого пирожка, причем процесс проверки включал и контрольное взвешивание на аптекарских весах.

Сильвия, по-королевски улыбаясь толпе, произнесла краткую речь насчет того, как счастлива она, что столько людей собрались отдать дань памяти первым поселенцам, отцам-основателям нашей великой страны, достойными наследниками и продолжателями дела которых являются республиканцы во главе с мэром Шарбонно («Не забудьте вновь проголосовать за него на предстоящих в ноябре выборах», — призвала она) на местном уровне, а на общенациональном — с Ричардом Никсоном, подхватившим факел свободы из рук «нашего горячо любимого генерала».*

* Имеется в виду генерал Дуайт Эйзенхаэр, президент США в 1953- 61 гг. Никсон в его администрации был вице-президентом, а выборы 1960 года, уже как кандидат в президенты, проиграл Джону Кеннеди.

После этих слов в громадном брюхе Кэлвина Спайера громко заурчало. Все знали, что Кэлвин был, во-первых, демократом, а во-вторых, католиком, что в глазах Сильвии Додж приравнивалось к смертному греху. Она одновременно смущалась, выдавила жалкую улыбку и покрылась пятнами гнева, после чего обратилась к «присутствующей на этом торжестве нашей славной молодежи» с призывом «достойно нести звездно-полосатый стяг», быть патриотами своей страны и всегда помнить, что курение — мерзкая, вредная привычка, от которой бывает рак. «Славная молодежь», которая какие-нибудь восемь лет спустя проявит свой патриотизм демонстрациями против войны во Вьетнаме, а курить будет в основном не «кэмел» или «мальборо», а марихуану и гашиш, слушала леди Додж без энтузиазма, с нетерпением ожидая начала потехи.

— Меньше слов, больше дела! — выкрикнул кто-то под одобрительные возгласы остальных. — Пора начинать!

Мэр Шарбонно торжественно вручил Сильвии секундомер и полицейский свисток, чтобы подать сигнал по истечении контрольных десяти минут.

— Готовы? — обратился он к претендентам.

Вся пятерка подтвердила готовность номер один.

— Внимание... — разнесся голос мэра по Главной улице. Он поднял коротенькую толстую руку и тут же резко дал отмашку: — НАЧАЛИ!!!

Пять физиономий одновременно склонились к тарелкам. Посыпалось громкое чавканье, напоминающее топот сапог по грязи. Болельщики заорали, поддерживая своих любимцев, но уже как только претенденты расправились с первым пирогом, многие начали понимать, что назревает сенсация.

Хоган-Задница, чьи шансы из-за его молодости и неопытности оценивались как один к семи, жрал, будто одержимый, челюсти его с пулеметным треском сокрушили корку (по правилам необходимо было съесть только верхнюю корку, а нижнюю можно оставить), а когда она исчезла у него во чреве, он издал губами гулкий всасывающий звук, словно громадный пылесос, и начинка пирога последовала вслед за коркой. Секунд через пятнадцать он

оторвался от тарелки, весь вымазанный брусничной начинкой, тогда как легендарный Билл Трейвис не справился еще и с *половиной* пирога!

Мэр, обследовав тарелку Хогана, объявил, что она достаточно чиста, и положил второй пирог. Выяснилось, что с первым Задница разделался за сорок две секунды, установив рекорд соревнований за все годы их проведения.

На второй он накинулся с удвоенной яростью. Билл Трейвис, покончив наконец с первым пирогом, обеспокоено поглядывал на неожиданного конкурента. Впоследствии он говорил друзьям, что столь достойный соперник появился у него впервые с 1957 года, когда Джордж Гамаш заглотнул три пирога за четыре минуты, после чего свалился замертво, и его еле откачали. Откуда взялся этот чертов парень, или это, может, и есть черт? При мысли о деньгах, которые он может потерять, в голове у Билла помутилось, и он удвоил усилия.

Но если Трейвис их удвоил, то Задница утроил. Не только скатерть и салфетка, но и лоб и даже волосы его были заляпаны брусничным джемом, создавая впечатление, что он им потеет.

— Готово! — воскликнул он, отваливаясь от тарелки, прежде чем Билл Трейвис успел прогрызть верхнюю корочку.

— Полегче, паренек, полегче, — проговорил ему на ухо Шарбонно: он сам поставил десять долларов на Билла Трейвиса. — С таким темпом как бы тебе не стало плохо.

Задница его как будто и не слушал, вгрызаясь в третий пирог. Челюсти его работали, как мясорубка. И тут...

И тут я должен прервать свой рассказ, чтобы поведать об одной немаловажной детали. В аптечке Хоганов имелась некая бутылочка, на три четверти наполненная жидкостью противного желтого цвета, быть может, самой гадостной, которая только существует на земле: касторовым маслом. Так вот, теперь бутылочка была пуста. Дэви-Задница, предвкушавшая сладостную месть, вылакал эту мерзость до последней капли и даже облизал горлышко.

Доканчивая третий пирог (Кэлвин Спайер, явный аутсайдер, еще не справился и с первым), Задница прибег к заранее продуманному трюку. Вместо пирогов он представил жирных, вонючих крыс со вспоротыми животами, а вместо брусничного джема — вываливающиеся из крысинах животов тухлые внутренности...

Тем временем с третьим пирогом было покончено, и он принял за четвертый, опережая легендарного Билла Трейвиса на целый пирог. Толпа, всегда падкая на сенсацию, уже неистово поддерживала без пяти минут нового чемпиона.

Однако становиться чемпионом Задница не имел ни желания ни сил: он уже выдохся, и не смог бы продолжать в таком темпе, даже если бы ставкой была его собственная жизнь. К тому же, победа была для него равносильна поражению: не победы он жаждал, но мести. Касторка уже начала бунтовать у него в желудке, рот открывался и закрывался, как у вытащенной на берег рыбы. Он потребовал пятый пирог, который должен был стать последним, и, уронив голову, вгрызся в корку, после чего принял всасывать в себя брусничный джем. В желудке громко забурчало: час страшной мести наступил.

Переполненный сверх всякой меры желудок Хогана, наконец, восстал. Задница поднял голову, повернулся к Биллу Трейвису и открыл рот, щерясь зубами, синими от брусники.

Содержимое его желудка выплеснулось неудержимым желто-голубым фонтаном, обдавая несчастного Трейвиса, который успел лишь издать нечленораздельный звук. Дамы в испуге завизжали, а Кэлвин Спайер с расширенными от ужаса глазами перегнулся через стол и блеванул прямо на прическу Маргерит Шарбонно, супруги мэра. Та с воплем принялась ощупывать волосы, покрытые жуткой смесью из брусники, вареных бобов и частично переваренных гамбургеров (последние два блюда были ужином Кэла Спайера), затем обернулась к своей лучшей подруге, Марии Лейвин, и тут же ее вытошило на ее замшевый жакет.

Дальнейшие события произошли практически одновременно.

Билл Трейвис обдал мощной струей рвоты два первых ряда зрителей. При этом на лице его было такое выражение, как будто он никак не мог поверить, что все это — не сон.

Джон Уиггинс, директор средней школы Гретны, раскрыл рот и, будучи воспитанным человеком, сделал *это* в собственную тарелку.

Мэр Шарбонно, внезапно обнаружив себя председательствующим сборищем холерных больных вместо вполне достойного мероприятия, собирался уже объявить чемпионат прерванным по техническим причинам, но вместо этого лишь испачкал микрофон.

— Господи, спаси и сохрани! — взмолилась Сильвия Додж, после чего ее довольно скромный ужин — устрицы с лимоном, салат из шинкованной капусты, кукурузные хлопья с сахаром и маслом, а также кусочек шоколадного пирожного — нашел запасный выход и смаочно растекся по мэрскому смокингу.

Хоган-Задница переживал свой звездный час, стоя на импровизированной сцене и, с улыбкой до ушей, раскланиваясь перед публикой. Блевотина покрыла все вокруг. Рвало всех без исключения. Какого-то парня в джинсах вытошило прямо на пробегавшего мимо, совершенно ошалевшего пекинеса, и бедная псина чуть не захлебнулась. Миссис Брокуэй, супруга пастора методистской церкви, испустила долгий стон, за которым последовали остатки ростбифа, жареного картофеля и яблочного мусса. Последний, впрочем, был вполне готов к повторному употреблению. Джерри Мейлинг, явившийся понаблюдать за новым триумфом своего механика, решил убраться подобру-поздорову из этого дурдома, но не успел он отбежать и пятнадцати ярдов, как поскользнулся и плюхнулся в теплую, вонючую лужу, после чего сдержаться уже не мог. Ему оставалось лишь поблагодарить Бога за то, что надоумил его надеть в тот вечер рабочий комбинезон. Мисс Норман, учительницу английского и латыни, стоило в собственный кошелек, достаточно объемный, чтобы принять в себя хозяйствский ужин. Ну, и так далее...

Хоган-Задница наблюдал за этим пандемониумом с чувством глубокого удовлетворения и законной гордости. Никогда ему еще не было так хорошо, так покойно на душе... Он взял из дрожащей руки мэра Шарбонно микрофон, обтер его салфеткой и проговорил...

17

— Соревнование закончилось вничью!

Вернув микрофон мэру, он спустился с трибуны и отправился домой, к матери, которая не присутствовала на соревновании, так как не с кем было оставить двухлетнюю сестренку Дэви.

— Ты победил?! — воскликнула она, как только он вошел, весь в брусничном джеме и блевотине, так и не сняв с шеи салфетку.

Дэви молча поднялся к себе, заперся в комнате и рухнул на кровать...

С этими словами я допил «коку» Верна и швырнул бутылку в кусты.

— Замечательно! — одобрил Тедди мой рассказ. — А дальше, дальше-то что было?

— Понятия не имею.

— Как это ты *понятия не имеешь*? — не понял он.

— Очень просто: это значит конец истории. Если автор не знает, что было дальше, значит, рассказу конец.

— Что-о-о?! — возмущенно протянул Верн, с таким разочарованно-обиженным видом, будто ему вместо обещанной ватрушки подсунули лягушку. — В чем же тут суть? Чем, черт тебя побери, все это закончилось?

— Додумывайся сам, — объяснил ему Крис, — у тебя же есть *собственное* воображение.

— Еще чего! — возмутился Верн. — Он сочинил эту странную историю, вот пускай он и применит *свое* воображение!

— Да, Горди, чем же в конце концов все это кончилось для Задницы? — принял наставить и Тедди. — Ты уж давай, досказывай...

— Ну, — замялся я, — думаю, что уж папаша-то его присутствовал, конечно, на соревновании и, придя домой, задал сыночку хорошую трепку.

— Точно, — согласился Крис, — скорее всего, так и было.

— А ребята, — добавил я, — продолжали дразнить его Задницей, вот только к этой кличке прибавилась, наверное, еще одна: Рыгайло-Блевайло.

— Тосклиwyй какой-то конец, — угрюмо заметил Тедди.

— Потому-то я его и опустил.

— А ты не хочешь переделать его? — предложил Тедди. — К примеру, он, пристрелив папашу, убегает из дома и присоединяется к техасским рейнджерам... Как тебе это нравится?

Мы с Крисом обменялись взглядами, и Крис незаметно покрутил пальцем у виска.

— Ну, если так нравится *тебе*... — не стал я возражать Тедди.

— А про Ле-Дио ничего новенького нет?

— Сейчас нет, может, попозже будет. — Мне не хотелось его огорчать, однако рассказывать что-то про Ле-Дио у меня не было ни малейшего желания. — Жаль, что тебе не понравилась эта история.

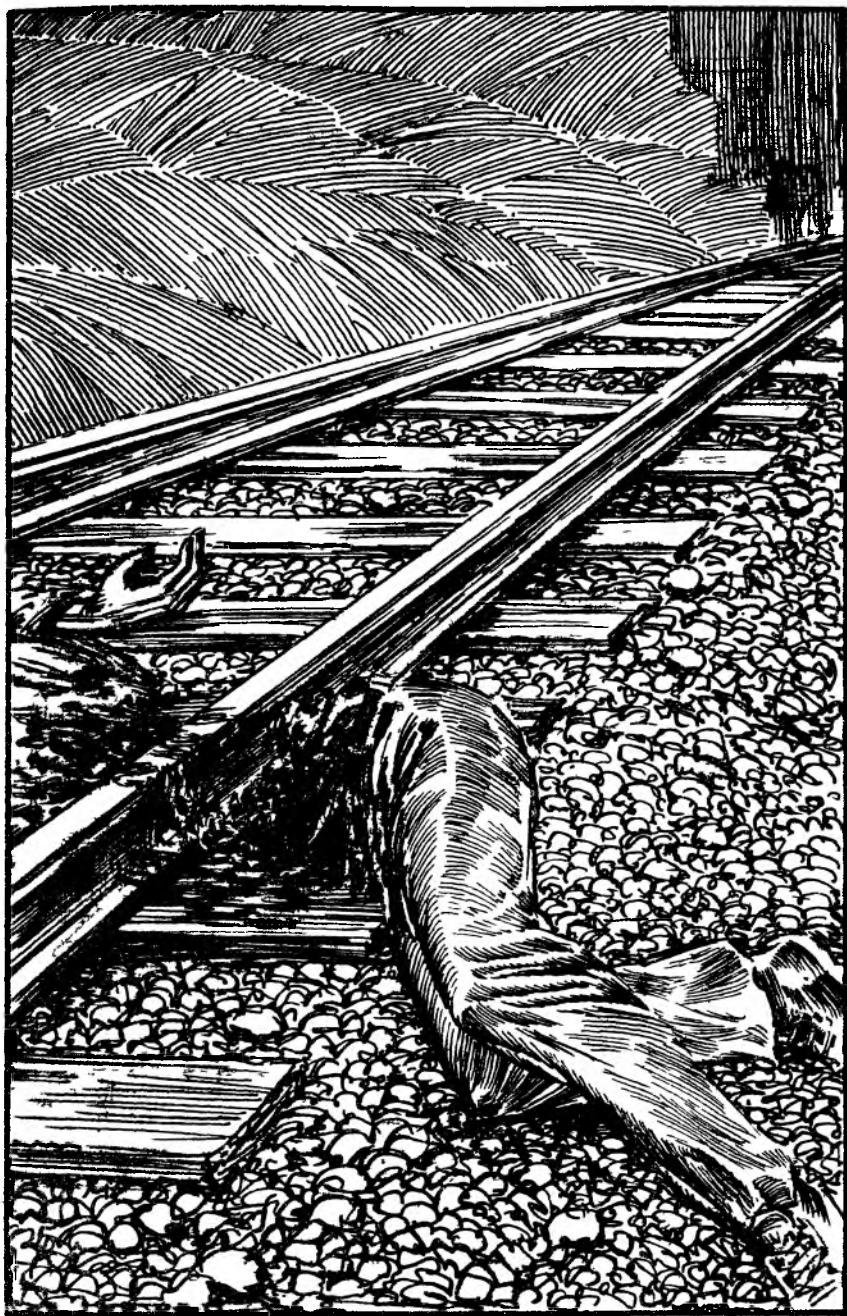
— Да нет же, еще как понравилась, особенно про блевотину, — принял уверять Тедди. — Вот только конец маленько подкачал.

— Да, — согласился Верн, — то, как всех там вывернуло наизнанку, было великолепно. А насчет конца Тедди прав.

— Ладно, пусть будет так, — вздохнул я.

Крис поднялся: пора было трогаться в путь. Было еще совсем светло, и небо продолжало сиять какой-то пронзительной голубизной, однако тени сильно удлинились — дело шло к вечеру. Ребенком, помнится, мне всегда казалось, что вечера на исходе лета наступали как-то уж слишком неожиданно, совсем не так, как, скажем, в июне, когда и в половине десятого было еще совсем светло.

— Который час, Горди? — спросил Крис.

Взглянув на часы, я поразился: уже шестой...

— Да, пора, — заторопился и Тедди. — Нужно разбить лагерь засветло, чтобы успеть собрать дров. К тому же я проголодался.

— Ладно, начнем устраиваться на ночлег в половине седьмого, — решил Крис. — Возражений нет?

Их не было. Мы двинулись в путь, но уже не по шпалам, а по щебенке возле рельс. Река вскоре осталась далеко позади, так, что ее и слышно уже не было. То и дело приходилось хлопать себя по лицу и шее, отгоняя комаров. Впереди теперь шли Верн и Тедди, оживленно обсуждая содержание последних выпусков комиксов, а Крис, засунув руки в карманы, двигался со мною рядом. Рубашка, все еще повязанная на поясе, хлопала его по бедрам и коленям, словно фартук.

— Я слямзил у папаши несколько штук «уинстона», — сообщил он. — Покурим после ужина.

— Правда?! — обрадовался я. — Это здорово.

— После ужина, — повторил Крис. — Закурить после еды — самое милое дело.

— Это точно.

Некоторое время мы шли молча.

— А рассказ у тебя вышел классный, — неожиданно сказал Крис. — Не обращай на них внимания, — он кивнул в сторону Верна и Тедди, — у них просто не хватает мозгов, чтобы понять.

— Да ну, фигня это...

— Перестань. Не фигня, и ты это прекрасно понимаешь. Ты собираешься его записать? Ну, обработать и перенести на бумагу?

— Наверное... Только позже. Я, видишь ли, не умею писать вот так, сразу. Рассказ должен сначала сложиться в голове, так сказать, дозреть.

— А как насчет концовки? Верн дурачок — конец этой истории, по-моему, как раз таким и должен быть. Как в жизни, в нашей поганой жизни...

— Чем же она такая уж поганая?

— А что, нет?

Крис нахмурился, но тут же рассмеялся:

— А знаешь, я завидую тебе. Они из тебя выскакивают, словно пузырьки газа из «кока-колы», если хорошенько взболтать бутылку.

— Что-что из меня выскакивает? — переспросил я, хотя, похоже, прекрасно понимал, о чем он.

— Да эти твои байки. Ведь это просто невероятно: ты их рожаешь одну за другой, а им все конца нет. Вот увидишь, Горди, ты станешь великим писателем.

— Не думаю.

— Станешь. А может, когда-нибудь напишешь и о нас, о нашем детстве: как мы жили, чем занимались...

— Уж о тебе-то точно напишу, — ткнул я его локтем в бок. Отсмеявшись, мы еще немного помолчали, затем он так же неожиданно спросил:

— В школу тянет?

Я пожал плечами. Что тут сказать? Разве в школу вообще может тянуть? После каникул хочется, конечно, повидать друзей, посмотреть на новых учителей. К концу лета иногда даже устаешь от отдыха, но эта усталость — ничто по сравнению с усталостью от учебы, которая наступает уже на второй неделе после начала занятий.

— А знаешь, Горди, к следующим летним каникулам мы уже будем совсем другими, — сказал вдруг Крис.

— Как это? *Почему?*

— Средняя школа — не начальная. Там все будет по-другому, почти как в колледже. Меня, Тедди и Верна запишут, скорее всего, в производственный класс, как и всех отстающих, — будем вытасчивать пепельницы и мастерить клетки для птиц. Верн, может, даже загремит во вспомогательный... Тебе же прямая дорога в гуманитарный, «продвинутый» класс. Там у тебя будут новые друзья, не чета нам... Уж до них-то смысл твоих рассказов станет не на третьи сутки доходить... Вот так, Горди.

— Черт с ними, с рассказами. Я не собираюсь расставаться ни с тобой, ни с Тедди, ни с Верном.

— Ну и дурак.

— Почему же это я дурак. Потому что не хочу бросать друзей?

Замедлив шаг, он задумчиво взглянул на меня, словно решая: сказать или не говорить? Верн с Тедди уже опередили нас чуть ли не на милю. Солнце, клоняясь к закату, выглядывало из-за верхушек деревьев, окрашивая все вокруг в золотистый цвет. Рельсы поблескивали уже не на всем протяжении, а лишь местами, как будто через каждые шестьдесят ярдов кто-то по ним рассыпал бриллианты. Тем не менее, было все так же жарко, и пот продолжал катить с нас градом.

— Да, бросить, если ежу понятно, что *такие* друзья тебя до добра не доведут, — жестко сказал, наконец, Крис. — Тем более с такой семьей, как у тебя. Ведь я все знаю про твоих стариков: на тебя им совершенно начхать. Твой старший брат был для них единственным солнышком в окошке... Вот так же и мой собственный папаша: когда Фрэнк угодил за решетку, у него крыша поехала. На нас, младших, принялся срывать зло... Твой-то хоть тебя не лупит, но это, может, даже хуже. Если ты ему объявишь, что по собственному желанию записался в производственный класс, знаешь, как он скорее всего прореагирует? Перевернет страницу своей гребаной газеты и скажет: «Отлично, Гордон, пойди спроси у мамы, что у нас на ужин». И не говори мне, что это не так. Уж я-то знаю...

Возражать ему я и не собирался. Он, разумеется, был прав, но как же, черт побери, больно услыхать такое о своем родителе, пусть даже от лучшего друга.

— Ты, Горди, еще ребенок...

— Ну, спасибо, папочка!

— *Хотел бы я быть твоим папочкой!* — ответил он неожиданно зло. — Ты бы у меня только попробовал заикнуться о производственном классе! Ведь эти твои рассказы... Это же дар Божий, настоящий талант, как ты не понимаешь! Собираешься зарыть его в землю, будто дитя малое, за которым некому присмотреть. Только круглые дураки и маленькие дети, оставшиеся без присмотра, вечно все теряют, неспособны сохранить то, что дает им Бог. Ну, так вот, если уж за тобой некому присматривать, быть может, мне следует этим заняться.

Мне показалось, что он ждет, когда я на него наброшуясь с кулаками. Лицо его сделалось несчастным под зелено-вато-золотистыми лучами предзакатного солнца. Крис понимал, что только что нарушил неписаный ребячий закон, свято соблюдавшийся в те времена: можно говорить все, что угодно, о другом пацане, можно смешивать его с грязью, обливать его дермом, но о родителях его *ни в коем случае* нельзя было произнести худого слова. Это было табу, за нарушение которого полагалась неотвратимая и жестокая кара.

— Подумай, Горди, что будет с тобой, с твоими историями, которые никто из нас не понимает, если ты вместе с нами пойдешь в этот идиотский производственный класс лишь потому, что не хочешь разбивать компанию. Ты станешь таким же болваном, как мы, будешь кидаться ластиками на уроках, красть по мелочам из магазинов, у тебя появятся приводы в полицию. А когда немножко подрастешь, то будешь вместе с нами угонять тачки, чтобы катать девиц по сельским кабакам, потом трахнешь одну из них, она обвинит тебя в изнасиловании, и ты на долгие годы загремишь в исправительную колонию, а дальше все покатится как по наезженным рельсам. И ты уже не напишешь *ничего* — ни эту историю про пожирателей пирогов, ни какую-либо другую. Ты станешь просто одним из многих дураков, у которых вместо мозгов — дермо.

Представляете, все это мне выложил двенадцатилетний мальчишка! Но когда Крис Чамберс это говорил, лицо у него было такое — словно у умудренного жизнью старика, познавшего все на свете... Тон его был совершенно спокойным, даже каким-то бесцветным, но именно он вселил в меня настоящий ужас.

Крис схватил меня за руку и сжал так, что пальцы у меня свело судорогой. Я посмотрел ему в глаза и содрогнулся: они были совершенно мертвыми, как у восставшего из гроба трупа.

— Я знаю, что говорят о моих родных и обо мне, — лихорадочно зашептал он, — знаю, что люди обо мне думают и чего от меня ожидают. В тот раз никто ведь даже

не спросил меня, брал я деньги или нет: все было решено заранее...

— А ты их брал?

Вопрос этот вырвался у меня сам собой. Про это я у Криса никогда не спрашивал и, очевидно, не спросил бы.

— Конечно... — На мгновение он замолчал, смотря вслед Тедди и Верну. — И ты это знал, так же как и Тедди, и *все остальные*, даже, быть может, Верн.

Я собирался было возразить, но тут же передумал: он был абсолютно прав, что бы я там ни толковал своим родителям насчет того, что любой человек должен считаться невиновным до тех пор, пока не доказано обратное. Да, я действительно знал, что деньги взял он.

— А никому не пришло в голову, что я, может быть, раскаялся и попытался их вернуть?

Глаза у меня расширились:

— Ты *правда* пытался?

— Я же сказал «*может быть*»... А может, я это и сделал? Может, я отдал их этой старой чертовке, леди Саймонс, но несмотря на это меня наказали, поскольку деньги так и не всплыли? А на следующей неделе старая чертовка заявила в школу в новой юбке...

Я уставился на Криса, пораженный, не в силах вымолвить ни слова. Он как-то жалко ухмыльнулся, но его глаза вовсе не смеялись.

— Повторяю, «*может быть*». Это всего лишь предположение.

Новую коричневую юбку леди Саймонс я прекрасно помнил. Мне еще тогда подумалось, что в ней она даже как-то похорошела, помолодела вроде бы...

— И сколько же там было, Крис?

— Почти семь баксов.

— Бог ты мой...

— А теперь представь себе, как я рассказываю всем и каждому, что действительно взял эти деньги, однако потом леди Саймонс взяла их *у меня*... Кто это утверждает?! Крис Чамберс, братец Фрэнка Чамберса и «Глазного Яблока»? Поверил бы мне кто-нибудь, как ты полагаешь?

— Бог ты мой! — повторил я в ужасе. — Конечно же, никто бы не поверил.

Опять эта ужасная ухмылка и льдинки вместо глаз...

— И еще: как думаешь, если бы на моем месте был кто-нибудь из приличной семьи, скажем, из Касл-вью, решилась бы эта сука на такое?

— Да ни в жизнь!

— То-то и оно. Если бы это было так, она бы заявила: «Ну, хорошо, хорошо, простим тебя на этот раз, но больше так не делай...» Что же касается *меня*... Ну, может, она уже давно положила глаз на эту юбку, а тут представился такой случай. Но мне и в голову не могло прийти, что *учительница*... Да, ладно, о чем тут вообще говорить?

Он прикрыл лицо ладонью, и я понял, что сейчас он заплачет.

— Крис... А почему бы и тебе не попробовать поступить в гуманитарный класс? С мозгами у тебя, по-моему, все в порядке.

— Так ведь все уже решено, дурашка! Такие вещи учителя решают в своем кругу, не спрашивая нас. Для них главный критерий — это поведение, ну и, конечно, репутация семьи. Не дай Бог, какой-нибудь хулиган испортит примерных деток! И тем не менее, я все же попытаюсь. Не знаю, получится ли, но попробовать стоит. Я, видишь ли, мечтаю поступить в колледж и убраться из Касл-рока к чертям собачьим, чтобы никогда больше не видеть моего любимого папочки и дорогих брательников. Хочу уехать туда, где меня никто не знает, где ко мне не станут относиться как к прокаженному с рождения. Удастся ли мне это? Не знаю, но буду стараться.

— А почему же не удастся?

— Из-за людей. Вот так всегда: из кожи лезешь вон, стараясь выплыть на поверхность, но всегда найдутся такие, кто тебя утопит.

— О ком ты?

Наверное, подумал я, он говорит об учителях, о взрослых сволочах вроде этой мисс Саймонс, которой вдруг понадобилась новая юбка, или о своем братце «Глазном

Яблоке» и его друзьях-приятелях «Тузе», Билли и Чарли, а может, и о своих стариках...

Однако он не их имел в виду.

— Я, Горди, говорю о своих же товарищах, о наших с тобой корешах. — Он показал на Тедди и Верна, дождавшихся нас в отдалении. Они громко хохотали над чем-то своим, при этом Верн чуть не лопался от смеха. — Ты удивлен? Между тем, это чистая правда. Именно друзья хватают меня за ноги, не давая выплыть. Спасти же их уже нельзя, можно только вместе с ними пойти ко дну. Ты тоже пойдешь с ними ко дну, Горди, если не сträхнешь с себя этот груз.

— Ну вы, черепахи, чего там застряли?! — заорал Верн, все еще хохоча.

— Идем! — ответил ему Крис и, прежде чем я смог что-то сказать, бросился бежать к Верну и Тедди. Догнать его я так и не сумел.

18

Мы прошли еще милю, прежде чем решили устраиваться на ночлег. Темнота еще не наступила, но дожидаться ее ни у кого не было желания, и дело тут не только в том, что приключений на сегодня нам хватило выше крыши. Мы уже находились в Харлоу, в лесной чаще, а где-то впереди нас ожидало свидание с трупом пацана, возможно, изуродованным до неузнаваемости, начавшем разлагаться, изъеденным червями и мухами. Наткнуться на такое в темноте? Нет уж, увольте... Где-то я читал к тому же, что душа умершего бродит вокруг тела до тех пор, пока его не похоронят по-христиански, и мне вовсе не хотелось проснуться ночью от воплей и стенаний призрака Рея Брауэра, увидеть его горящие неземным огнем глаза среди окрестных сосен. Мы рассчитали, что сейчас нас отделяет от него с десяток миль по меньшей мере — расстояние, по нашему мнению, вполне достаточное, чтобы не опасаться привидения, хотя, конечно, никаких привидений не существует.

Верн, Крис и Тедди собрали хворост и развели прямо на щебенке маленький костер. Крис соорудил вокруг него что-то вроде небольшой насыпи: лес был сухим, как порох, и рисковать нам не хотелось. Тем временем я заострил несколько веток — получились шампуры — и нанизал на них гамбургеры. Мы заспорили, как лучше их готовить — на огне, или же подождать, пока получатся угли (спор этот, впрочем, был абсолютно беспредметным: собачий голод не позволял нам дожидаться углей). Тут же выяснилось, что спичек у нас маловато, и Тедди заявил, что умеет добывать огонь с помощью трения двух кусков дерева друг о друга, на что Крис обозвал его врунишкой. Верн успокоил их, сказав, что у него есть зажигалка. В результате всей этой возни у нас получился не костер, а настоящий пожар, и, чтобы притушить его слегка, нам пришлось изрядно напрячь мочевые пузыри.

Когда пламя слегка приутихло, я приспособил шампуры над огнем, и мы уселись в кружок, наблюдая, как с гамбургеров сначала закапал жир, а потом они стали покрываться румянной корочкой. Тут же рты у нас наполнились слюной, а в животах заурчало.

Не в силах больше дожидаться, каждый из нас ухватил по «шашлыку» и впился в него зубами. Гамбургеры, обуглившиеся снаружи, однако сырье внутри, были, тем не менее, настоящим лакомством. Мы в два счета проглотили их, вытерли ладонями рты, после чего Крис полез в рюкзак (пистолет лежал там же, на дне, и из того, что он не сообщил о нем Верну и Тедди, я заключил, что для них это секрет) и вытащил оттуда коробку из-под пластиря, в которой находились чуть помятые сигареты. Каждый из нас прикурил от горящего сучка, после чего мы с наслаждением откинулись на спину, наблюдая за струйками дыма, исчезающими в сумраке, и ловя полнейший кайф. Никто не затягивался: мы просто втягивали в себя дым и тут же выдыхали, сплевывая (теперь-то я знаю, как распознать начидающего курильщика: они, как правило, плюются как верблюды). Чувствовали мы себя прекрасно. Докурив до самого фильтра, мы швырнули окурки в огонь.

— Ничего нет лучше сигареты после еды, — заметил Тедди.

— Это точно, блин, — согласился Верн.

Тем временем небо из синего становилось фиолетовым. Сумрак нагнал на меня печаль, и одновременно пришло ощущение покоя.

Мы нашли достаточно ровное место возле насыпи, где и разложили наши «постели», после чего опять уселись у костра поболтать с часок. Это была обычная болтовня мальчишек, еще не достигших пятнадцати лет, после чего единственной темой разговоров становятся девочки. Мы спорили о том, кто лучше всех водит машину в Касл-роке, останется ли Бостон в высшей лиге и как прошли каникулы. Тедди рассказал, как один пацан на пляже в Брун-сунке ударился обо что-то головой, прыгнув с волнореза, и чуть не утонул. Мы также поперемывали косточки учителям, сойдясь на том, что мистер Брукс самый большой засранец в касл-рокской средней школе, миссис Коут — такая стерва, равной которой белый свет не видывал. По словам Верна, пару лет назад она так отдубасила одного из учеников, что тот чуть не ослеп. Я посмотрел на Криса, ожидая, что он вспомнит мисс Саймонс, однако Крис не проронил ни слова и на меня даже не глядел: он слушал Верна и при этом согласно кивал.

Темнота постепенно сгущалась. Никто из нас не вспомнил про Рея Брауэра, однако в мыслях у всех был именно он, по крайней мере, у меня-то точно...

Есть что-то жуткое и в то же время завораживающее в том, как тьма сгущается в лесу, где нет ни фонарей, ни света из окон, ни неоновых реклам, ни потока машин — ничего, что бы хоть чуть-чуть рассеяло сумрак. Родители не зовут детей домой, ужинать и спать, нет никаких привычных городских звуков... Горожанин, застигнутый наступлением ночи в лесной чаще, воспринимает сие природное явление скорее как природный катаклизм, вроде весеннего разлива Касл-ривер.

При мысли о духе Рея Брауэра, который может материализоваться из этого мрака в любую секунду, чтобы прогнать нас, нарушителей его *покоя*, туда, откуда мы

явились, у меня больше не возникало ни ощущения безоглядного страха, ни приступов тошноты — лишь только неожиданная жалость к этому парнишке, такому одионокому и беззащитному в ночи. Как же он тут пробирался один, ночью, через лес, и никто на свете, — ни папа с мамой, ни Иисус Христос со всеми своими святыми — никто его не предупредил, не спас, не отвратил беду? Теперь он, всеми покинутый, лежал весь изуродованный под железнодорожной насыпью... Внезапно я почувствовал, что вот-вот разрыдаюсь.

Чтобы этого не случилось, мне пришлось буквально с ходу сочинить очередную историю из серии Ле-Дио — про то, как американский пехотинец, смертельно раненный, исповедуется своему сержанту в любви к родине и к девушке, которая осталась его ждать там, далеко-далеко, за океаном. Перед глазами у меня стояло во время этого рассказа совсем другое лицо, гораздо моложе, черты которого уже исказила смерть, глаза остекленели, а из уголка рта тянулась к подбородку струйка запекшейся крови. Кругом же вместо черепичных крыш и острых церковных шпилей воображаемого городка Ле-Дио, я видел мрачный ночной лес и чуть поблескивающие при свете звезд два ряда рельс.

19

Проснулся я за полночь от пронизывающего холода, недоумевая, кто и с какой стати распахнул на ночь окна у меня в спальне. Может, Денни? Он как раз мне снился — как мы с ним ездили в Национальный парк Гаррисона кататься на волнах и загорать на пляже. Это было четыре года назад...

Нет, я не у себя в спальне, и кто-то другой — не Денни — прильнул ко мне спиной, в то время как еще чья-то голова, вернее, ее тень, приподнялась чуть поодаль, вслушиваясь в ночную тишину.

— Какого черта? — пробормотал я с искренним изумлением.

Отвагом был протяжный стон, вроде бы Верна.

Наконец я начал что-то понимать и вспомнил, где и с кем я нахожусь. Интересно, сколько я проспал — несколько минут? Нет, быть того не может: тонкий серп месяца висел практически посередине чернильного неба...

— Уберите от меня *это*! — послышался горячечный шепот Верна. — Я буду хорошо себя вести, клянусь! И кольцо на унитазе буду поднимать, прежде чем пописать... Ей-Богу, я буду хорошим мальчиком, только уберите его от меня!..

Это было похоже на молитву. Пораженный, я сел и испуганно позвал:

— Эй, Крис! Ты не спишь?

— Тс-с! — ответил Крис: это он, приподняв голову, вслушивался вочные звуки. — Нет, ерунда, показалось...

— Ничего не показалось, — возразил Тедди. Оказывается, он тоже не спал. — Я совершенно отчетливо слышал...

— Да что там такое?! — воскликнул я, все еще плохо соображая. Спросонья я слабо ориентировался во времени и пространстве — именно это и пугало, то, что я, не понимая, что происходит, не смогу защититься в случае опасности.

И тут — словно ответ на мой вопрос — из леса донесся долгий, полный ужаса вопль. Так, наверное, кричит женщина в агонии.

— Господи Иисусе! — со слезами в голосе захныкал Верн, натягивая одеяло на голову и прижимаясь ко мне всем телом, словно до смерти напуганный щенок. Я оттолкнул его, но он опять прижался.

— Это малыш Брауэр, — хрипло зашептал Тедди, — вернее, его призрак бродит по лесу...

— О, Боже! — залепетал Верн. Судя по всему, ему эта идея не показалась сумасшедшей. — Даю слово, что больше никогда не буду воровать неприличные журналы в супермаркете и скармливать морковку псу! Ну, пожалуйста... Я буду хорошо себя вести!.. — Похоже, он, не в силах справиться с ужасом, пытался подкупить Бога чем угодно, лишь бы ушел этот кошмар. — Клянусь, я больше

никогда не стану курить сигареты без фильтра! И ругаться матом не буду! И кашу буду всю съедать за завтраком! Обещаю...

— Да замолчишь ты наконец?! — рявкнул на него Крис, но даже в его голосе я ощутил страх. Интересно, подумал я, покрылся ли он весь гусиной кожей, вроде меня, и встали ли у него волосы дыбом или нет?

Верн, понизив голос до еле внятного шепота, продолжал тем временем развивать идею относительно новой жизни, которую он собирается начать, если только Господь оставит его этой ночью в живых.

— Может, это какая-нибудь птица? — предположил я.

— Нет, не думаю, — ответил Крис. — Это, наверное, дикая кошка. Папаша рассказывал, что они вот так орут, собираясь спариваться. Похоже на женский вопль, да?

— Ага...

В горле у меня словно застрял комок.

— Только ни одна женщина так громко вопить не может, — заявил Крис, и тут же неуверенно добавил: — Или все-таки может? Ты как считаешь, Горди?

— Да это привидение, — зашептал Тедди. Лунный свет поблескивал в стеклах его очков зловещими искорками. — Надо пойти посмотреть...

Вряд ли он сказал это серьезно, но мы с Крисом, как только он попытался подняться, на всякий случай уложили его назад, причем, наверное, сделали это довольно грубо — от страха нервы у нас были напряжены, так же как, впрочем, и мышцы.

— Пустите меня, козлы! — зашипел Тедди, вырываясь. — Сказал — пойду, значит, пойду! Я хочу посмотреть на привидение! Если я чего-то захочу, то...

Мы — в том числе и Тедди — замерли: из леса вновь послышался душераздирающий вопль, нарастаая октава за октавой, пока не замер на верхней точке регистра, после чего стал снижаться до басового звука, напоминающего жужжание громадного шмеля. Вслед за этим раздался взрыв бешеного хохота — и воцарилась пронзительная тишина.

— Ох, Господи Иисусе, Боже милостивый, — в священном ужасе выговорил Тедди.

О том, чтобы пойти посмотреть, он больше и не помышлял. Мы все вчетвером сбились в плотную кучку, и, наверное, не только у меня промелькнула мысль о бегстве. Так бы мы, скорее всего, и поступили, если бы заночевали у Верна в поле, как сказали предкам, но теперь Касл-рок был черт-те где, а от одного воспоминания о мосте через реку, который к тому же придется переходить в темноте, кровь застыла в жилах. Точно так же немыслимо было бежать в другую сторону, туда, где лежал труп Рея Брауэра. Таким образом, мы очутились в ловушке, и если это чудище в лесу намеревается до нас добраться, то помешать ему не сможет ничто...

Крис предложил установить посменное дежурство, и мы с ним согласились. Дежурить первым выпало Верну, а мне — последним. Верн уселся по-турецки поближе к костру, а остальные снова залегли, тесно прижавшись друг к другу.

Я был абсолютно уверен, что уснуть больше не удастся, и тем не менее уснул, вернее, задремал, готовый в любой момент вскочить и броситься бежать. Мне чудились кошмарные вопли, а один раз я увидел, — хотя, скорее, это показалось — как среди деревьев промелькнуло что-то бесформенно-белое, вроде простины. Потом я куда-то провалился, и мне приснился пляж в Брунсуике, тот самый, где Тедди видел чуть не потонувшего парнишку, который, ныряя, ударился обо что-то головой. Пляж был на озерце, образовавшемся на месте карьера, где когда-то добывали гравий, и мы с Крисом любили ездить туда купаться.

Мне снилось, как мы лениво плывем на спине под палящим июльским солнцем. Вокруг с визгом и хохотом плескалась ребятня. Мимо нас проплыла на надувном резиновом матрасе миссис Коут. Почему-то она была одета в свою неизменную и всесезонную школьную униформу: серый костюм — жакет с юбкой, толстый свитер, который она надевала вместо блузки под жакет, брошка в виде цветочка, приколотая на почти несуществующую

грудь, и, разумеется, туфли на высоких каблуках, свисающих с матраса в воду. Ее иссиня-черные — как у моей мамы — волосы были, опять же как обычно, закрученены на затылке в тугой узел, а очки поблескивали на солнце.

— Дети, ведите себя прилично, — противно-скрипучим голосом проговорила она, подплывая к нам, — а то я в два счета вышибу из вас дурь. Вы знаете, что попечительский совет школы разрешил мне применять телесные наказания? Вы, мистер Чамберс, пойдете сейчас к доске.

— Я хотел вернуть деньги, — сказал ей Крис, — но их взяла леди Саймонс! Слышите? Она их у меня взяла. К ней вы тоже примените телесные наказания, или как?

— К доске, мистер Чамберс, пожалуйте к доске.

Крис в отчаянии посмотрел на меня, как бы говоря: «Ну, что, прав я оказался? Я знал, что так все и будет», и принял уныло грести к берегу. Обернувшись, он попытался что-то произнести, и вдруг его голова исчезла под водой.

— Горди, помоги! Спаси меня, Горди! — крикнул он, на мгновение вынырнув и тут же погружаясь снова.

Сквозь прозрачную воду я увидел, что Криса держат за щиколотки и тянут вниз двое голых мальчишек с совершенно пустыми, лишенными зрачков глазами, словно у древнегреческих статуй. Один был Тедди, а второй — Верн. Опять голова Криса оказалась на секунду на поверхности, и он, протягивая мне руку, издал ужасный вопль не своим, а каким-то женским голосом. Вопль, нарастаая, разнесся по пляжу, усеянному людьми, однако никто не обратил на него ни малейшего внимания, и даже бронзовая от загара атлетическая фигура спасателя, дежурившего на вышке, не пошевелилась. Те двое дернули Криса вниз, он захлебнулся криком, уходя все глубже в теперь уже почти черную воду, в его обращенном ко мне взгляде было отчаянье и безумная мольба, а руки все тянулись вверх, к солнечным лучам. Вместо того, чтобы нырнуть и попытаться его спасти, я, словно обезумев, поплыл к берегу, а может, и не к берегу, по крайней мере туда, где, казалось, было безопасно. Но прежде, чем я достиг мелкого места, вокруг моей икры сомкнулась чья-то холодная как лед

ладонь и принялась тянуть меня на глубину. Крик ужаса готов был вырваться из груди, когда я понял, что это уже не сон: кто-то и в самом деле тянул меня за ногу.

Открыв глаза, я увидел Тедди: он будил меня, чтобы я его сменил на дежурстве.

— А где Крис? — пробормотал я, еще не до конца очнувшись ото сна. — Он жив?

— Дрыхнет твой Крис без задних ног, — проворчал Тедди. — Оба вы хороши: еле тебя добудился.

Остатки сна слетели с меня, и я уселся у костра, а Тедди залег досыпать.

20

Как я уже говорил, мне выпало дежурить последним. Сидя у костра, я с переменным успехом боролся со сном: то встрихивался, то опять проваливался в дрему. И хотя жуткие вопли больше не повторялись, ночь эта была далеко не тихой — чуть ли не ежеминутно до меня доносился то победный вскрик охотящегося филина, то жалобный стон некоего зверька, очевидно, ставшего добычей, то более крупный зверь с шумом и треском продирался сквозь заросли, и все это на фоне непрекращающегося стрекота сверчков. Я то клевал носом, то снова вскакивал, как ошпаренный, после очередного ночного звука, и если бы я вот таким образом исполнял обязанности часового где-нибудь в Ле-Дио, то меня непременно отдали бы под трибунал и, скорее всего, расстреляли.

Под утро меня сморило окончательно и бесповоротно, однако уже перед рассветом я заставил себя проснуться. Светало. Часы на моей руке показывали без четверти пять.

Я поднялся — при этом в позвоночнике что-то хрустнуло, — отошел на пару сотен футов от распростертых тел моих товарищев и помочился на замшелый пень. Ночные страхи постепенно отступали от меня, и ощущать это было приятно.

Вскарабкавшись на насыпь, я присел на рельс и принялся рассеянно подбрасывать носком кроссовки щебень. Будить остальных я не спешил: хотелось в эти предрассветные мгновения побывать в одиночестве.

Утро наступало быстро. Сверчки затихли, таинственные тени как бы испарились, отсутствие каких-либо запахов предвещало еще один жаркий день, возможно, один из последних... Пробуждались ото сна и птицы: откуда-то появился крапивник, присел на сук громадного поваленного дерева, откуда мы брали хворост для костра, почистил перышки и полетел дальше по своим делам.

Не знаю, как долго я сидел вот так на рельсе, наблюдая за багровеющим на востоке горизонтом. Наверное, достаточно долго, поскольку в брюхе у меня заурчало — пора завтракать. Я уже хотел подняться и начинать будить ребят, как вдруг посмотрел направо и осталбенел: в каких-то десяти ярдах от меня стоял олень.

Сердце у меня подпрыгнуло так, что, вероятно, выскочило бы изо рта, не прикрой я его ладонью. Я замер без движения, впрочем, сдвинуться с места я не смог бы, даже если бы очень захотел. Глаза у оленя были вовсе не карие, а бархатно-черные, как у внутренней поверхности шкатулок с драгоценностями, какие я видел в ювелирной лавке. Маленькие ушки были словно сделаны из замши. Животное взглянуло на меня, чуть склонив голову, будто заспанный парнишка с всклокоченными волосами, в джинсах с манжетами и залатанной рубахе цвета хаки со стоячим — по тогдашней моде — воротником был для него явлением вполне обычным. Мне же олень казался неким чудесным видением, незаслуженным, а потому необъяснимым, даром свыше.

Довольно долго (по крайней мере, так мне показалось) мы смотрели друг на друга, затем животное повернулось ко мне спиной, нагнулось и, беззаботно помахивая белым хвостиком-обрубком, принялось щипать травку. Олень ел, не обращая на меня ни малейшего внимания и совершенно меня не опасаясь! Да и чего ему бояться? Это я боялся не то что шевельнуться, но даже старался не дышать.

Внезапно рельс, на котором я продолжал сидеть, мелко завибрировал, и через какое-то мгновение олень поднял голову, тревожно поглядывая в сторону Касл-рока и поводя коричневато-черным носом. Наконец, зверь встрепенулся, в три прыжка достиг зарослей и там исчез — лишь ветка хрустнула под копытом, будто одиночный выстрел в тиши.

Зачарованный, я продолжал смотреть туда, где только что пасся олень, пока грохот приближающегося поезда не стал явственным. Тогда я скатился с насыпи туда, где ребята, разбуженные тем же грохотом, уже потягивались и зевали спросонья.

«Вопящий призрак», как выразился Крис, был уже почти забыт: при свете дня охвативший нас тогда, в夜里, ужас казался просто-напросто смешным до неприличия, досадным эпизодом, который следовало предать забвению.

Рассказ о встрече с оленем вертелся у меня на языке, но что-то подсказывало мне, что говорить им ничего не надо — пусть это останется моей тайной. И действительно, до настоящего момента я об этом случае нигде ни словом не обмолвился, а описав ту встречу, почувствовал, что на бумаге мои ощущения в тот момент передать просто невозможно. В общем, это был не только самый запоминающийся, но и — как бы это выразить? — самый чистый эпизод всей моей жизни. Воспоминания о нем как-то смягчают последующие довольно жуткие события, которых мне довелось пережить немало. Ну, например, мой первый день в джунглях Вьетнама, когда один из моих сослуживцев лишь на какое-то мгновение высунулся из окопа и тут же повалился навзничь, зажимая ладонями место, где у него только что был нос. Или тот день, когда доктор объявил, что наш младший сын может родиться гидроцефалом (слава Богу, появился он на свет почти нормальным, только с немного увеличенной головой). Или те долгие, кошмарные недели, когда, агонизируя до бесконечности, умирала мать... В такие вот моменты я вспоминал тот предрассветный час, бархатисто-карие глаза и маленькие, замшевые ушки великолепного, совершенно не пугающегося меня животного, настоящего чуда.

природы... Впрочем, кто это способен понять? Ведь посторонним нет дела до потайных уголков нашей души. Помните, ведь именно с этих слов я начал свой рассказ?

21

Рельсы поворачивали теперь на юго-запад и шли через настоящий бурелом. Лес тут был преимущественно хвойным, с густым, практически непроходимым подлеском. Прежде чем двинуться в путь, мы позавтракали собранной в этом подлеске черникой. Ее здесь было видимо-невидимо, но, несмотря на это, желудки наши лишь наполнились слегка, а через полчаса принялись требовать более солидной пищи. Не только губы и пальцы, но даже наши обнаженные до пояса тела (было только восемь, но жара уже заставила нас скинуть рубашки) стали синими от черники. Верн принял мечтать вслух о яичнице с беконом, из-за чего чуть не схлопотал по шее.

Это был действительно последний из долгой серии поразительно жарких дней и, думаю, худший из всех. Тучки, появившиеся было на горизонте, растаяли без следа уже к девяти часам, небо приобрело стальной оттенок, усугубляя уже и так невыносимое пекло, струйки пота скатывались вниз, оставляя следы-дорожки на покрытых пылью спинах и груди, над головой вились оводы и слепни — в общем, ощущение было пренеприятнейшим, а понимание того, что путь до цели предстоял еще довольно долгий, отнюдь не добавляло энтузиазма. И тем не менее, двигались мы быстро, принимая во внимание жару: всем нам не терпелось увидеть, наконец, мертвое тело, даже если при этом нам не поздоровится — черт его знает, недаром же говорят, что с мертвецами дела лучше не иметь. Но, несмотря ни на что, мы были преисполнены решимости добраться до конечной цели — в конце концов, мы это заслужили.

Где-то в половине десятого Крис с Тедди, шедшие впереди, заметили воду, о чём и прокричали нам с Верном. Мы тут же подбежали к ним. Крис, радостно смеясь, показывал куда-то пальцем:

— Смотрите! Это бобры соорудили!

Чуть впереди под насыпью пролегала широкая дренажная труба. Бобры заткнули ее правый конец, соорудив нечто вроде небольшой плотины из палок и сучьев, скрепленных листьями, ветками и глиной. В результате образовалось маленькое водохранилище, наполненное чистой, сверкающей на солнце водой, над поверхностью которой в нескольких местах возвышались домики зверьков с острыми крышами, напоминающими эскимосские чумы. В пруд впадал ручеек, деревья вокруг которого были лишены коры почти до трехфутовой высоты.

— Ремонтная служба быстренько все это ликвидирует, — заявил Крис.

— Это почему же?

— А для чего, как вы думаете, здесь проложена труба? Чтобы вода не подмывала драгоценную насыпь. Так что пруд здесь не потерпят ни в коем случае. Бобров частично перестреляют, остальные уйдут сами, а плотину их разрушат, после чего на этом месте останется трясина, которая тут, скорее всего, была и раньше.

— А бобры как же? — спросил Тедди.

— Это их проблемы, — пожал плечами Крис. — По крайней мере, управлению железных дорог на такие мелочи плевать.

— Интересно, можно ли здесь искупаться? — Верн жадно смотрел на воду. — Глубины хватит?

— Чтобы узнать, надо попробовать, — резонно ответил Тедди.

— Кто будет первым?

— Я! — вызвался Крис.

Он бросился вниз, на бегу скользяая кроссовки. Одним движением он снял с себя джинсы вместе с трусами, затем поочередно снял носки и ласточкой прыгнул в воду. Через несколько мгновений голова его со слипшимися волосами показалась на поверхности, и он закричал:

— Отлично, мужики! Здесь просто здорово!

— Глубоко? — осведомился Тедди: плавать он так и не научился.

Крис встал на дно, плечи его поднялись над поверхностью. На одном из них я заметил что-то серовато-черное. «Наверное, грязь», подумал я. Немного погодя я пожалел, что не взгляделся повнимательнее...

— Давайте сюда, вы, трусишки! — кричал нам Крис.

Повернувшись, он поплыл саженками к противоположному берегу, затем обратно, но к тому времени мы уже скидывали с себя одежду. Верн прыгнул первым, за ним я.

Вода была просто потрясающей — прохладной, чистой и какой-то ласково-шелковистой. Подплыв к Крису, я встал на дно, и мы, счастливо улыбаясь, посмотрели друг на друга. Крик ужаса вырвался у нас одновременно: серовато-черное пятно у Криса на плече оказалось громадной, жирной пиявкой. Такая же, очевидно, присосалась и ко мне, поскольку челюсть у Криса отвисла, а оказавшийся рядом Тедди заверещал на манер подсвинка под ножом мясника. Мы все втроем очертя голову бросились на берег.

Теперь я знаю о пресноводных пиявках гораздо больше, нежели тогда, и тем не менее эти, в общем-то, совершенно безобидные существа продолжают вселять в меня чуть ли не мистический ужас. Как известно, их слюна содержит анестезирующие и противосвертывающие вещества, присасываясь, они не причиняют никакой боли, поэтому если их не видеть, то ничего и не заметишь, пока они сами не отвалятся, насытившись, или же не лопнут.

Оказалось, что в пруду этих тварей полным-полно. Когда мы выскочили на берег и Тедди посмотрел на собственное тело, его чуть кондрашка не хватила.

Один лишь Верн пока ни о чем не подозревал, с удивлением наблюдая за нами из воды:

— Да что там такое? Что за вопли-сопли?

— *Пиявки!* — взвизгнул Тедди, дрожащими пальцами отдирая тварей от ляжек и отшвыривая их как можно дальше от себя. — Кровопийцы гребаные!

— А-а-а! — заорал Верн, выскакивая из воды, словно ошпаренный.

Меня всего трясло, будто от холода, хотя жара стояла невыносимая. Сдирая пиявок с груди и рук, я всеми силами старался удержаться и не зареветь белугой.

— Посмотри-ка, Горди, — Крис повернулся ко мне спиной, — много их там еще? Ради всего святого, Горди, сними с меня эту гадость!

Я отодрал от спины Криса штук пять или шесть, после чего он мне помог таким же образом.

Ужас уже немного отпустил меня, когда я, опустив глаза, увидел, вероятно, пррабушку всех этих тварей, к тому же вспухшую от моей крови, наверное, вчетверо и превратившуюся из серовато-черной в багрово-красную блямбу колоссальных размеров. Устроилась она — где бы вы думали? — прямо у меня в паху. Это уже было чересчур. Я все еще старался не показать вида, но в голове у меня помутилось.

Тыльной стороной ладони я попытался смахнуть отвратительного слизняка. Не тут-то было. Заставить себя дотронуться до мерзкого создания еще раз было выше моих сил. Я повернулся к Крису, но выговорить ничего не смог, а лишь показал пальцем на то место. Физиономия Криса из побледневшей сделалась пепельно-серой.

— Сам я не могу, — пробормотал я, сдерживая подступившую внезапно тошноту. — Ты мне... не поможешь?..

Он отшатнулся от меня с перекошенным лицом, не в силах отвести глаз от кошмарной картинки.

— Н-нет, Горди... Извини, но я не могу... Н-нет... А, черт!

Он наконец оторвал взгляд от пиявки, сложился пополам, и его вырвало на песок.

«Ты должен сделать это сам, — принялся убеждать себя я, стараясь не смотреть на омерзительное существо, которое, тем временем, продолжало раздуваться. — Ну же, давай, покажи, что ты мужчина. Это же последняя. Последняя...»

Я все-таки заставил себя дотронуться до пиявки, и в тот же миг она лопнула, словно переполненный воздухом шарик, вот только вместо воздуха из лопнувшей гадины брызнула моя собственная кровь, липкая и теплая.

Я тихонько заплакал. В слезах я отвернулся от ребят и принялся одеваться. Сделав над собой невероятное усилие, я с ужасом понял, что больше не в состоянии контролировать себя. Плечи мои тряслись от рыданий, сдержать которые я уже не мог.

Ко мне подбежал все еще голый Верн:

— Посмотри, Горди, их больше нет на мне? — Он принялся тормошить меня за локоть, весь трясясь, как в пляске святого Витта. — Ну, Горди, посмотри же! Я стряхнул их всех, да? Больше ни одной нет?

Смотрел он при этом куда-то мимо меня, глаза его расширились и закатились так, что виднелись одни белки.

Я молча кивнул, продолжая рыдать. Похоже, я становлюсь плаксой... Надев рубашку, я застегнул ее на все пуговицы, после чего натянул носки и кроссовки. Рыдания понемногу стихали, наконец, прекратились и всхлипывания.

Подошел Крис, вытирая рот пучком листьев вяза. Вид у него был испуганно-виноватый.

Одевшись, мы несколько мгновений молча смотрели друг на друга, а затем принялась взбираться на насыпь. Лишь один раз я оглянулся, и взгляд мой как назло упал на ту самую здоровенную пиявку, что лопнула от моего прикосновения. Выглядела она довольно жалко, но все еще омерзительно.

Четырнадцать лет спустя, когда вышел мой первый роман, я решил на полученный гонорар впервые посмотреть на Нью-Йорк. В программу поездки входил полный джентльменский набор туриста: шоу в мьюзик-холле Радио-сити, смотровая площадка Эмпайр стейт билдинг (к чертям собачьим Всемирный торговый центр — здание, потрясшее мое воображение в фильме о Кинг-Конге, снятом еще в 1933 году, навсегда останется для меня самым высоким в мире), ночная жизнь Таймс-сквер и все такое прочее. Издатель мой, мистер Кейт, был до смерти рад возможности похвастаться передо мной своим городом. Последним пунктом программы была прогулка на морском пароме до Стейтен-айленда. Свесившись через перила и посмотрев за борт, я вдруг содрогнулся от внезапно нахлынувшего воспоминания: в воде плавали

сотни использованных презервативов, которые удивительно живо мне напомнили ту самую раздавленную пиявку. Мистер Кейт заметил, очевидно, как по лицу у меня пробежала тень и покачал головой:

— Да, зрелище не очень привлекательное... Свинство какое!

Не мог же я, в самом деле, объяснить ему, что вовсе не резинки вызвали у меня чувство омерзения и что ему не стоит извиняться за своих не слишком-то чистоплотных сограждан?

В тот вечер, как вы уже, наверное, догадались, я изрядно налился...

22

Не знаю, как далеко мы отошли от гнусного пруда, когда это со мной произошло. Я уже начал было успокаиваться, убеждая себя в том, что ничего страшного, черт побери, не случилось, что это всего лишь пиявки, подумаешь, невидаль какая, когда перед глазами у меня все помутилось, и я свалился прямо на рельсы, при этом, судя по всему, сильно ударившись головой о шпалу. Сознание покинуло меня, и я как будто утонул в громадной пуховой перине.

Чьи-то руки перевернули меня лицом вверх. Наверно, те же ощущения испытывает боксер после нокаута, когда рефери, склонившись к нему, начинает считать до десяти. Сквозь ватную пелену доносились до меня слова:

— Как думаешь, с ним...

— ...Перегрелся на солнце...

— Горди, ты нас слы...

Я им, наверное, ответил что-то совсем уж неудобоваримое, поскольку лица их приняли *крайне* озабоченное выражение.

— Необходимо что-то предпринять. — Голос принадлежал Тедди. — До дома мы его не донесем.

После этих слов я снова провалился в небытие. Через какое-то время туман вокруг меня рассеялся, и я расслышал Криса:

— Ну, ты как, Горди? Очнулся?

— Да вроде бы, — сказал я и попытался сесть.

Перед глазами тут же вспыхнули мириады ослепительных искр и так же мгновенно погасли. Я открыл и снова прикрыл глаза — искры не возвращались. Тогда я очень медленно встал.

— Ну, ты и напугал нас, Горди, — проговорил Крис. — Водички хочешь?

Я кивнул. Он протянул мне флягу с теплой водой, и я сделал три больших глотка.

— Что с тобой было, Горди? — обеспокоено спросил Верн.

— Да вот, посмотрел на твою физиономию и тем самым совершил непростительную ошибку...

— Гы-гы-гы! — расхохотался Тедди. — Во дает! Еще и щутить изволит! Ну, значит, Горди, с тобой и правда все в порядке.

— Ты в порядке? — настойчиво переспросил Верн.

— Вполне. Да, теперь все о'кей. Просто как вспомню этих кровопийц, так и с катушек долой...

Они согласно кивнули: каждый, вероятно, ощущал что-то похожее.

Мы перекусили в теньке и продолжили путь — Крис с Тедди впереди, а мы с Верном в роли замыкающих. Идти, судя по всему, оставалось уже недолго.

23

На самом деле это было не совсем так, и если бы мы додумались взглянуть на дорожную карту, то сразу бы поняли почему. Нам было известно, что тело Рея Брауэра находилось где-то возле дороги, упирающейся в берег Ройял-ривер неподалеку от железнодорожного моста. Именно там Билли и Чарли со своими девочками устроили импровизированный пикничок, там же они и обнаружили труп, думали мы. От Касл-ривер до Ройял было миль десять, которые мы, по идее, уже должны были пройти.

Однако десять миль было напрямую, тогда как железнодорожная колея делала изрядный крюк, огибая холмистую местность под названием Утесы. Крюк этот был

прекрасно виден на карте, оттуда же можно было заключить, что расстояние между Касл и Ройял-ривер по железной дороге равнялось не десяти милям, а шестнадцати.

Крис начал догадываться об ошибке, когда миновал уже полдень, а Ройял-ривер и в помине не было. Он решил забраться на высокую сосну, чтобы осмотреться, а когда слез, то огорошил нас известием, что если мы ускорим шаг, тогда до Ройял доберемся часам примерно к четырем.

— Не фига себе! — присвистнул Тедди. — Ну, и что же нам делать.

Мы переглянулись: лица у нас были злые, усталые и голодные. То, что поначалу казалось захватывающим приключением, на самом деле вылилось в утомительный, тяжелый и, не исключено, опасный поход. Кроме того, нас, наверное, уже начали разыскивать, и если Майло Прессман и не вызвал полицию, это вполне мог сделать машинист поезда, с которым мы едва разминулись на мосту через Касл-ривер. Обратный путь до Касл-рока мы намеревались проделать на какой-нибудь попутке, однако часам к семи уже должно было стемнеть, а после наступления темноты поймать попутку, да еще в такой пустынной местности, нечего было и пытаться.

Я попробовал вызвать перед глазами образ «моего» оленя, щиплющего травку, но и это не принесло облегчения. Положение наше было отчаянным.

— Лучше, несмотря ни на что, двигаться вперед, — вывел нас из оцепенения Крис. — Так что пошли.

Он повернулся и, опустив голову, побрел по рельсам в своих покрытых пылью кроссовках. Минуту мы раздумывали, а затем, растянувшись цепочкой, последовали за ним.

24

Удивительно, но за все долгие годы, миновавшие с тех памятных дней на исходе необыкновенно жаркого лета, я крайне редко предавался размышлению о них, потому, наверное, что они неизменно вызывают у меня ассоциации столь же неприятные, как, например, зрелище утопленника, выброшенного на берег после недельного пребывания

под водой. В результате я никогда не подвергал сомнению наше решение продолжить путь, точнее, не правильность этого решения, а то, как оно было принято.

А ведь все могло сложиться иначе, и тогда, возможно, Крис, Тедди и Верн были бы живы до сих пор. Нет, они не погибли тогда ни в лесной чащбе, ни на железнодорожной колее; в этой повести вообще нет ни одного погибшего, исключая, разве что, нескольких пиявок да бедняги Рея Браузера, который, впрочем, был мертв еще до начала моего рассказа. Истина, однако, заключается в том, что из нас четверых, бросавших монетки, чтобы решить, кому отправляться за продуктами в магазин «Флорида», в живых остался лишь один, тот, кто туда в конце концов отправился, то есть ваш покорный слуга, автор этих строк. Трое из четверых умерли, не достигнув возраста, позволяющего баллотироваться в президенты... И если правда то, что порой кажущиеся незначительными события способны иметь далеко идущие последствия, пускай хотя бы косвенные, то, может быть, и в самом деле все бы сложилось по-другому, если бы мы в тот момент оставили нашу затею и махнули в Харлоу ловить попутку.

Мы бы, безусловно, так и поступили, если б только знали, что и Билли Тессио, и Чарли Хоген, и старший братец Криса по прозвищу «Глазное Яблоко», а кроме них и Джек Маджетт, и Норман «Волосан» Бракович, и Вэнс Дежарден, и даже сам «Туз» Меррил усаживались именно в тот момент, когда мы решали, как быть дальше, в побитый «форд» Меррила и розовый «студебеккер» Вэнса, чтобы поехать посмотреть на труп парнишки.

Мы не могли знать, что не прошло и тридцати шести часов с момента, когда Верн подслушал страшную тайну, как его братец Билли проболтался Джеку Маджетту, а Чарли — «Тузу». Те поклялись здоровьем матери хранить услышанное в секрете, однако уже к полудню об этом знала вся их банда. Можно себе представить, как эти два ублюдка относились к собственным матерям...

Вся шайка-лейка собралась на совет, и «Волосан» Бракович высказал уже известную вам, дорогой мой читатель, мысль о том, что было бы неплохо попасть на первые

полосы газет и в программы теленовостей, для чего необходимо «случайно» обнаружить труп, а для пущей убедительности погрузить в машины побольше рыболовных снастей. Дескать, мы тут собирались порыбачить, господин констебль, и вот полюбуйтесь, что выудили...

Когда мы вышли, наконец, на финишную прямую, они как раз свернули с автострады на дорогу, ведущую к Роял-ривер.

25

Первые тучки появились на небе к югу от нас часов около двух, но поначалу мы на них не обратили никакого внимания: последние дожди прошли в самом начале июля, с какой же стати быть дождю сейчас? Однако тучи постепенно сгущались, становились свинцовыми и мало-мало двигались в нашу сторону. Я приглядился к горизонту повнимательнее, надеясь увидеть характерную пелену, которая указывала бы на уже начавшийся дождь милях в двадцати, а может, и в пятидесяти от нас, однако ее пока не было. Тучи же продолжали сгущаться.

Выяснилось, что Верн натер ногу. Мы остановились, ожидая, пока он подложит немного мха под пятку левой кроссовки.

— Как думаешь, Горди, дождь будет? — спросил Тедди.

— Похоже на то.

— Вот, блин, — вздохнул он, — ну и денек... А может, оно и к лучшему: жара достала окончательно...

Из-за больной ноги Верна нам пришлось сбавить шаг. В том, что дождь будет, отпали последние сомнения после того, как в небе откуда ни возьмись появились стаи галдящих птиц, и сам воздух как-то резко изменился: из прозрачного, чуть подрагивающего он сделался каким-то густо-жемчужным, насыщенным влагой, хотя жара ни капельки не спала. Наши удлинившиеся тени также потеряли резкие очертания. Небо с южной стороны приобрело медный оттенок. Мы опасливо поглядывали на тучи, выросшие до колossalных размеров и уже готовые закрыть солнце. То и дело в них сверкали ослепительные

вспышки, на мгновение делая их светло-серыми вместо свинцово-фиолетовых. Из-под ближайшей тучи ударила громадная ветвистая молния, такая яркая, что я не мог не зажмуриться. Вслед за ней раздался оглушительно долгий раскат грома.

Мы немного поворчали по поводу дождя, но в глубине души каждый из нас жаждал освежающей влаги... только без пиявок.

Было чуть больше половины четвертого, когда впереди, в просвете между деревьями, блеснула полоска воды.

— Наконец-то! — радостно воскликнул Крис. — Это Ройял!

У нас как будто появилось второе дыхание, так мы рванули к долгожданной реке. Тем временем ливень приближался. Воздух еще более загустел, и за какие-то секунды температура упала градусов на десять. Взглянув себе под ноги, я вдруг обнаружил, что тень моя совсем исчезла.

Мы снова шли попарно, внимательно вглядываясь в склоны насыпи по обе стороны дороги. Я ощутил внезапную сухость во рту. Солнце в последний раз выглянуло из-за туч и больше уже не показывалось. Картина эта — громадная туча, сверкающая золотом по краям — напомнила мне одну из иллюстраций к Ветхому Завету. Наконец солнечные лучи исчезли вовсе, а за ними тучи поглотили и последний кусочек голубого неба. Мы, словно лошади, почуяли запах реки, а может, это был запах океана, готового вот-вот обрушиться сверху на иссохшую, истомившуюся по влаге землю. Назревал, судя по всему, настоящий потоп.

Я старался внимательно смотреть на обочину, однако разверзшееся небо приковывало взгляд помимо моей воли. Прохладный ветер все крепчал. Внезапно прямо у меня над головой сверкнула такая ослепительная вспышка, что глаза сами собой зажмурились: похоже, сам Господь сфотографировал меня, по пояс голого мальчишку, куда-то бредущего по железнодорожной колее. Где-то ярдах в пятидесяти рухнуло сраженное молнией громадное дерево, а последовавший вслед за этим раскат грома заставил меня содрог-

нуться. Больше всего на свете мне сейчас хотелось очутиться дома, в уютном безопасном месте вроде погреба, где хранилась картошка, с хорошей книжкой...

— О, Боже! — вскрикнул Верн фальцетом. — Господи Иисусе, вы только посмотрите!

Взглянув туда, куда указывал пальцем Верн, я увидал голубовато-белый огненный шар, двигавшийся к нам над левым рельсом с треском и шипением, напоминавшем рассерженного кота. Мы замерли в оцепенении, разинув рты и все еще не веря в существование подобных штуковин, а шар тем временем промчался мимо нас и, удалившись футов на двадцать, вдруг лопнул с громким треском и исчез, распространив вокруг резкий озоновый запах.

— Какого черта я вообще тут делаю? — пробормотал Тедди.

— Вот это да! — возбужденно воскликнул Крис, потрясенный зрелищем. — Глазам своим поверить не могу! Вот так штука, а?!

Я, однако, в этой ситуации был согласен скорее с Тедди. Как и ему, мне было весьма не по себе, а одного взгляда на небо хватило, чтобы закружилась голова. Очередная молния ударила совсем рядом, запах озона стал сильнее, а раскат грома последовал практически безо всякой паузы.

Звон в ушах еще не стих, когда послышался ликующий вопль Верна:

— ВОТ ОН!!! НУ, НАКОНЕЦ ТО! СМОТРИТЕ, ВОН ТАМ ОН!!! Я ЕГО ВИЖУ!

Достаточно прикрыть глаза, и я снова и снова вижу Верна стоящим на рельсе, словно первооткрыватель на капитанском мостике, прикрыв ладонью глаза от очередной вспышки, другой же рукой указывая куда-то вдаль.

Мы побежали к Верну, при этом я повторял про себя: «*Его просто-напросто подвело воображение. Сначала пиявки и жара, теперь эта гроза... Ему, конечно, помешалось*». Однако, как бы мне ни хотелось, чтобы это так и было, я уже понимал, что Верну вовсе не помешалось. В тот миг я осознал, что зря ввязался в это гиблое дело, что любоваться на мертвое тело у меня не было ни малейшего желания.

Там, куда указывал Верн, прошедшие ранней весной ливни частично размыли насыпь, образовав канаву фути в четыре, до которой у ремонтной службы либо никак не доходили руки, либо ее просто не заметили. Канава заросла уже черникой, откуда высовывалась белая, как воск, ладонь. Запах оттуда шел отвратный.

Я старался не дышать, остальные, по-моему, тоже.

Сильный ветер хлестал нас теперь уже со всех сторон, однако я его не замечал, думая, что обязательно сойду с ума, если сейчас услышу выкрик Тедди: «Парашютистам приготовиться к прыжку!» Лучше бы было увидеть все тело сразу, а не одну эту восковую ладонь... Она и сейчас встает у меня перед глазами всякий раз, когда я слышу или же читаю о каком-нибудь ужасном происшествии или преступлении.

И вновь блеснула молния, потом еще и еще раз. Раскаты грома следовали один за другим, словно боги устроили там, на небесах, гонки на огненных колесницах.

— Бли-и-ин, — протянул Крис. Ругательство вышло у него каким-то полуздохом, полуусхлипом.

Верн нервно облизнул губы, а Тедди молча стоял и смотрел. Ветер то сдувал его длинные, спутанные волосы с ушей, то снова закрывал их. На лице его застыла абсолютно ничего не выражаящая маска, хотя позднее мне стало казаться, что *ничто* на нем все же промелькнуло...

По мертвой ладони ползали взад-вперед черные мураши.

Лес вокруг нас как будто тяжело вздохнул, заметив, наконец, наше присутствие — это по кронам деревьев ударили первые, тяжелые капли дождя.

По голове и рукам застучали капли размером в десятицентовик. Изголодавшаяся по влаге земля впитывала их мгновенно.

Эти первые громадные капли сыпались, наверное, не более пяти секунд. Мы с Крисом озадаченно переглянулись.

И тут разверзлись хляби небесные, и начался всемирный потоп...

Крис спрыгнул с насыпи к промоине, волосы у него уже намокли и слиплись. Я последовал за ним. Верн с Тедди поспешили за нами, но мы с Крисом оказались у тела Рея

Брауэра первыми. Лежал он ничком. Крис вопросительно посмотрел на меня, взгляд у него был серьезным, совсем взрослым. Поняв, чего он хочет, я молча кивнул.

Думаю, что тело оказалось тут, внизу, безо всяких видимых увечий, а не там, на рельсах, изуродованным до неузнаваемости, потому что парнишка в последний момент попытался увернуться от поезда. Лежал он головой к насыпи, в позе ныряльщика перед прыжком. Его темные, рыжеватые волосы слегка вились, на них виднелась запекшаяся кровь, однако ее было совсем немного. Одет он был в темно-зеленую футболку и джинсы. Обуви не было, но чуть поодаль, в зарослях черники, я заметил низкие кроссовки. Это меня поначалу удивило — почему это они валяются отдельно? — но потом я понял, в чем тут дело.

Все мои родные и друзья считают, что мое богатое воображение — бесценный дар Божий, что оно не только позволяет зарабатывать на жизнь, но и дает мне никогда скучать, словно бесплатное кино, которое можно смотреть, когда захочешь. В общем-то, они правы, но иногда, особенно по ночам, воображение рисует мне такое, что лучше было бы никогда не видеть. Вот и сейчас, глядя на эти валяющиеся в стороне кроссовки, я отчетливо увидел, как кроссовки слетели у него с ног от страшного удара поездом, удара, который и отнял у него жизнь.

Только теперь я осознал это с ужасающей отчетливостью: парнишка не спит, не приболел, он мертв, безнадежно мертв, он никогда уже не встанет с этой постели из черники, никогда не наденет свои кроссовки, не вернется домой, вообще теперь по отношению к нему одно лишь слово имеет смысл: НИКОГДА. Он мертв, умер. Конец...

Мы перевернули его лицом вверх, подставив его под проливной дождь, сверкающие молнии, оглушительные громовые раскаты.

Его лицо и шею покрывал сплошной ковер из муравьев и жуков, копошащихся вокруг выреза футболки. Широко раскрытые глаза представляли собой не менее кошмарное зрелище: один закатился так, что виден был только белок, а второй смотрел прямо на нас, не мигая. Кровь, очевидно из носа, запеклась на верхней губе и на подбородке, а

правая сторона лица была сплошным кровоподтеком. И все равно, выглядел он не столь ужасно, как я предполагал. Однажды Деннис с силой распахнул дверь именно в тот момент, когда я собирался ее открыть с противоположной стороны, так у меня кровоподтеки на физиономии были еще страшнее, плюс к тому, конечно, кровь из носа, и тем не менее я даже не отказался ужинать в тот вечер.

Изо рта Рея Брауэра выполз громадный жук и, перебежав по щеке, свалился в чернику.

— Видали? — сказал Тедди срывающимся голосом. — Держу пари, у него там, внутри, полным-полно жуков, даже, наверное, *в мозгу*...

— Заткнись, Тедди! — прикрикнул на него Крис, и Тедди с видимым облегчением его послушался.

Небо прочертила ярко-голубая молния, отразившись в глазах парнишки, которые словно ожили на миг, как будто он обрадовался, что его, наконец, нашли, и нашли именно мы, ребята одного с ним возраста.

Только теперь я заметил, какой тяжелый от него исходит дух. Уверенный, что меня вот-вот стошнит, я поспешил отвернуться, однако позывов, как ни странно, не было. Тогда, чувствуя, что *это* мне необходимо, я сунул в рот два пальца, но и это не помогло: спазм сжал желудок, но не более того.

Шум ливня и громыханье грома совершенно заглушили рокот моторов двух автомобилей, подъехавших со стороны Харлоу, и уж тем более никто из нас не слышал приближающихся шагов. Потому-то мы и застыли в оцепенении, когда «Туз» Меррил, перекрывая грозу, заревел:

— А эти тут откуда взялись?!

26

От неожиданности мы так и подпрыгнули, а Верн вскрикнул — как выяснилось позже, ему показалось, что это труп так заорал.

Мы, еле дыша от страха, подняли глаза. У дальнего от нас края заболоченного участка, там, где лесополоса скрывала от нас проселочную дорогу, стояли «Туз» Мер-

рил и Чамберс «Глазное Яблоко». От нас их отделяла лишь плотная дождевая пелена, за которой четко просматривались их красные нейлоновые куртки — из тех, что можно купить в любой студенческой лавке по предъявлении билета учащегося, а выступающим за университетские команды их выдают бесплатно.

— Так это младший мой братишкa! — присвистнул «Глазное Яблоко». — Ах, ты, гаденыш, сукин сын!

Крис, разинув рот, уставился на брата. Его насквозь мокрая, грязная рубаха все еще была обвязана вокруг пояса, а на голых плечах резко выделялись темно-зеленые от дождя лямки рюкзака.

— Ты, Рич, лучше сюда не лезь, — сказал он чуть дрожащим голосом. — Он наш. Это мы его нашли.

— Вы?! — заорал «Глазное Яблоко». — Чертa с два! Нашли его мы, мы же и сообщим о нем в полицию.

— Ничего не выйдет, «Глазное Яблоко», — сказал я, чувствуя, как закипаю от ярости. Если бы мы только могли предположить, что так все обернется... что они явятся сюда на *автомобилях*... Именно это почему-то разозлило меня больше всего: они приехали в комфорте, *на машинах*, тогда как мы... Ну, нет, им не удастся воспользоваться, как всегда, так называемым правом старшего. После всего, что с нами было — нет, не выйдет!

— Нас здесь четверо. «Глазное Яблоко», — продолжил я с угрозой. — Только попробуйте!

— И попробуем, малыш, *попробуем*, — с усмешкой ответил тот.

Ветви у него за спиной зашевелились, и на поляне появились, ругаясь и отплевываясь от заливающей лицо воды, Чарли Хоген и брат Верна, Билли. Внутри у меня все похолодело, когда вслед за этими двумя из-за кустов вылезли Джек Маджетт, «Волосан» Бракович и Вэнс Дежарден.

— А вот и мы, — ухмыльнулся «Туз», — так что вы, ребятишки, давайте-ка...

— ВЕРН!!! — заорал вдруг Билли Тессио, багровея и сжимая пудовые кулачищи. — Ах, ты, сученок! Так ты подслушивал, да? Ты сидел под крыльцом, да?!

Верн затрясся, а Чарли Хоген ласково проговорил:

— Ну, что, змееныш, доигрался? Сейчас узнаешь, как шпионить и подглядывать. Сейчас твой братец тебе покажет, как совать нос в чужие дела, а я еще добавлю.

— Да ну-у? — внезапно выступил Тедди. Глаза его за толстыми стеклами очков сверкнули в безумной ярости. — Вот только троньте его или кого-нибудь из нас! Ну же, рискните! Вы же такие взрослые, сильные, попробуйте! Давайте!

Билли и Чарли уговаривать не пришлось: с угрожающим видом они вместе двинулись вперед. Верн задрожал еще сильнее, однако с места не пошевелился: бок о бок с ним стояли его друзья, с которыми он столько вынес, которые добирались сюда с ним вместе отнюдь *не на автомобилях*.

Внезапно «Туз» положил ладони на плечи Чарли и Билли, осаживая их.

— А теперь послушайте меня, — спокойно сказал он, обращаясь к нам, словно учитель к непонятливым ученикам. — Нас больше, чем вас, к тому же, мы гораздо сильнее. Мы даем вам шанс: исчезните отсюда, куда — не наше дело. Чтоб через минуту вас тут не было! Усвоили?

Братец Криса хохотнул, а «Волосан» похлопал «Туза» по плечу, одобряя его великодушие. Тем временем «Туз» продолжал с улыбкой удава, вздумавшего побеседовать с кроликом, прежде чем сожрать его на ужин:

— Давайте, сваливайте отсюда, а его мы заберем с собой. Вздумаете упираться — надерем вам задницу, а его так или иначе заберем. К чему вам лишние неприятности, мальцы? Кроме того, — добавил он с видом человека, пытающегося лишь восстановить справедливость, — это ведь Билли и Чарли его нашли, поэтому, ха-ха, все почести по праву должны достаться им.

— Да они перетрусили как зайцы! — оборвал его Тедди. — Верн все нам рассказал: они себя не помнили от страха. — Он состроил гримасу ужаса, пародируя Чарли Хогена — было очень похоже. — «Господи, Билли, что же теперь делать? О Боже, Билли, лучше бы мы

вообще не угоняли эту тачку! Какой кошмар, Билли, какой ужас. Взгляни-ка, Билли, я, кажется, описался...»

Этого Чарли стерпеть уже не мог. Физиономия его перекосилась, однако что-то все же удержало его от того, чтобы немедленно растерзать Тедди.

— Не знаю, как тебя зовут, сученок, — сдавленно проговорил он, — но попадешься ты мне еще...

Я скосил глаза на Рея Брауэра: тот лежал, все так же уставясь таинственным «нормальным» глазом в затянутое тучами небо, как будто происходящее вокруг его совершенно не касалось. Гром продолжал погромыхивать, но ливень стал уже стихать.

— А ты, Горди, что скажешь? — обратился ко мне «Туз», придерживая Чарли за локоть и при этом напоминая опытного дрессировщика, сдерживающего разъяренного тигра. — Есть же в тебе что-то от брата, а он был вполне разумным парнем. Скажи своим дружкам, чтобы отвалили. Четырехглазый оскорбил Чарли, поэтому тот должен ему ответить, но только так, слегка, ну, а потом разойдемся по-хорошему. Договорились?

Напрасно он упомянул о Денни. До этого я был готов поторговаться с ним, сказать «Тузу», что, как тому и без меня известно, Билли и Чарли струсили и сами отказались от своего права «первооткрывателей», Верн это слышал собственными ушами, а значит, ни они, ни тем более их дружки не обладают в отношении тела никакими преимуществами. Вывод: тело Рея Брауэра по праву наше, мы выстрадали это право на мосту через Касл-ривер, когда нас с Верном едва не сшибло поездом, на свалке, где мы схлестнулись с Майло Прессманом и его идиотом-супер-псом Чоппером, в пруду, где нас чуть не сожрали пиявки. Да и вообще... Короче говоря, я собирался урезонить его, чтобы все было по-честному. Шансов, конечно, было мало, но может, в чем-то он со мной и согласился бы. Однако он ни к селу ни к городу приплел сюда Денниса, и вместо увещеваний у меня, помимо моей воли, вырвался мой собственный смертный приговор:

— А пошел-ка ты к такой-то матушке, дешевка, раздолбай говеный!

Нижняя челюсть у «Туза» отвисла, образуя идеальной формы овал: услыхать такое — и от кого?! — ему, наверное, в жизни не доводилось. Все прочие представители обеих враждебных сторон также уставились на меня, ушам своим не веря.

Из оцепенения нас вывел Тедди радостным воплем:

— Вот это да! Молодец, Горди, круто ты его!

Я и сам не мог поверить, что *такое* ляпнул. Словно в кульминационный момент пьесы пьяный актер сморозил со сцены такое, что не лезло ни в какие ворота. Мы не знали оскорблений страшнее, чем «дешевка», даже если оставить в стороне упоминание о «матушке». Краем глаза я заметил, как Крис, сбросив с плеч рюкзак, лихорадочно принялся рыться в его недрах, но для чего — я в тот момент еще не понял.

— Славно, славно... — оправился от потрясения «Туз». — Что ж, мужики, приступим. Кроме Лашанса никого не трогать, им же я сам займусь. Руки ему переломаю, гадине.

Я похолодел. Не так, как тогда, на мосту, но это, наверное, потому что страха уже почти не осталось. До меня как-то сразу дошло, что он не шутит, он действительно собирается переломать мне руки. Много лет прошло с тех пор, но и теперь у меня нет ни малейшего сомнения в том, что именно так он и намеревался поступить.

Они медленно приближались сквозь дожевую пелену. Джеки Маджетт вытащил из кармана ножик-выкидуху и нажал на кнопку. Шестидюймовое лезвие сверкнуло под слабыми лучами уже начавшего пробиваться сквозь тучи солнца. Верн с Тедди по обеим сторонам от меня храбро приняли боевую стойку, при этом на лице у Верна отразилось мужество отчаяния. Тедди же не унывал нисколько.

Парни приближались, выстроившись в линию, шлепая армейскими ботинками по размытой дождем земле. Тело Рея Брауэра лежало у наших ног, словно огромной ценности трофея, который мы решили защищать до последнего. Я приготовился ударить первым, когда в руке у Криса тускло блеснула вороненая сталь.

БА-БАХ!!!

Боже, что за звук! До сих пор он сладостной мелодией звучит у меня в ушах. Чарли Хоген высоко подпрыгнул на месте; «Туз» Меррил мгновенно перевел взгляд с меня на Криса, при этом челюсть у него снова отвалилась; «Глазное Яблоко» выглядел так, словно его пыльным мешком ударили. Тем не менее, очнулся он первым:

— Эй, Крис, это же отцовская «пушка»! Да он тебе руки-ноги повыдергивает...

— Тебя ждет кое-что похлеще, — с угрозой проговорил смертельно побледневший Крис. Глаза его пылали. — Горди прав: вы — не что иное, как дешевки, грязные, вонючие дешевки. Если бы Чарли и Билли, обнаружив мальчишку, не наложили в штаны, разве мы бы отправились за ним черт знает куда? Эти два засранца струсили и выложили все «Тузу» Меррилу, чтобы тот принял за них решение. — Крис сорвался на крик: — *Вы не получите его, поняли?! После всего, что было, не получите! Это я вам говорю! Вам ясно?*

— Послушай, — принялся уговаривать его «Туз», — опусти-ка «пушку», пока не отстрелил себе же что-нибудь. — Самообладание быстро возвращалось к нему, и он, со своей обычной ухмылочкой, стал снова приближаться. — Дай-ка быстренько ее сюда, вонючка, не то я заставлю тебя ее сожрать!

— Ей-Богу, «Туз», еще один шаг — и я тебя пришью...

— Тогда ты ся-я-дешь, дорогой мой, — пропел «Туз» все с той же ухмылочкой.

Дружки его наблюдали за ним с каким-то благоговейным ужасом, точно так же мы с Тедди и Верном смотрели на Криса. Конечно же, «Туз» Меррил, бандит и хулиган, от которого на ушах стояла вся округа, не мог предположить ни на секунду, что двенадцатилетний мальчишка способен в него выстрелить. Полагаю, он ошибался. Вряд ли Крис просто так позволил бы ему отнять у него отцовский пистолет. В тот миг я был уверен, что вот-вот грянет беда, и такая, которой я еще не знал. Может, и до убийства дойдет. И все это из-за премии, назначеннной тому, кто найдет мальчишку, которого давным-давно и в живых-то уже нет...

Мягко, словно жалея «Туза», Крис произнес:

— Ну, выбирай, что тебе отстрелить: руку или ногу.

Мне все равно — давай выбирай ты.

Вот это-то и остановило «Туза» Меррила.

27

С ума можно сойти: на его физиономии я прочел страх. «Туз» Меррил испугался! Такого еще не было. Напугало его, скорее, не то, что сказал Крис, а то, как он это сказал. Если Крис и блефовал, то делал он это просто гениально, хотя, честно говоря, не думаю, что это был блеф. Да и все остальные поверили, что он говорит вполне серьезно. Лица у всех были такими, как будто кто-то поднес огонь к очень короткому бикфордову шнуре — еще секунда — другая, и раздастся взрыв.

«Туз» мало-помалу приходил в себя. Лицо его снова сделалось жестким, губы вытянулись в струнку, он смотрел сейчас на Криса, как смотрят на человека, сделавшего важное, но рискованное деловое предложение: ну, что — стоит с тобой поиграть, или же послать тебя к черту? Он словно замер в ожидании, сумев либо подавить страх, либо удачно его скрыть. Судя по всему, он понял, что риск чересчур велик, но тем не менее «Туз» был еще опасен, быть может, даже более, чем раньше. Оба они с Крисом балансировали сейчас на грани фола — сорвись любой из них, и это могло оказаться роковым для обоих.

— Ну, хорошо. — «Туз» обращался к одному лишь Крису. — Но не надейся, гаденыш, что это так вот сойдет тебе с рук.

— Еще как сойдет, — возразил ему Крис.

— Ты, говнюк! — внезапно заорал «Глазное Яблоко». — Ты даже представить себе не можешь, что тебе за это будет.

Крис оставался невозмутим:

— Поцелуй меня в задницу.

«Глазное Яблоко» с глухим рычанием двинулся к брату. Пуля ударила в лужу футах в десяти впереди него, взметнув фонтанчик брызг. «Глазное Яблоко», отскочив, выругался.

— И дальше что? — осведомился «Туз».

— Дальше вы сядете в свои тачки и уберетесь отсюда назад, в Касл-рок. Иначе я за себя не отвечаю. Его, — Крис осторожно, почти благоговейно тронул тело Рея Брауэра носком кроссовки, — его вы не получите, это точно. Вы меня поняли?

— Ну, погоди же... — К «Тузу вернулась его ухмылочка. — Неужели ты не понимаешь, что мы тебя достанем, и очень скоро?

— Может, да, а может, нет...

— Доста-а-нем, — ухмыляясь, протянул «Туз». — И вот тогда, приятель, тебе придется по-настоящему хреново. Тебе будет больно, очень больно... Не могу поверить, что до тебя это не доходит. Больница, куча переломов — все это я тебе обещаю. Клянусь мамой...

— Ты лучше поспеши домой — потрахаться со своей мамой. Она, говорят, обожает, когда ты ее трахаешь.

«Туз» не то что побледнел, а как-то посерел:

— Ну, все, парень, считай — ты труп. Чтоб кто-то сказал о моей матери такое...

— А я слыхал, что твоя матушка — любительница потрахаться, особенно с тем, кто больше заплатит, — сообщил ему Крис. «Туз», побагровев, двинулся к нему, а Крис тут же добавил:

— А еще говорят, что она готова это сделать с кем угодно даже за десять центов. Она, я слышал...

В это мгновение налетел такой шквал, по сравнению с которым предшествовавшая гроза казалась сущей чепухой. Градины — каждая размером с куриное яйцо — загрохотали по кронам деревьев, по превратившейся в трясину земле, по нашим головам и плечам, а также по лицу Рея Брауэра, о котором все как будто забыли.

Первым не выдержал Верн: с диким воплем он ринулся вверх по насыпи. За ним, обхватив голову руками, последовал Тедди. С противной стороны Вэнс Дежарден и «Волосан» Бракович отступили под защиту деревьев, однако остальные не двинулись с места, более того, «Туз» опять заухмылялся.

— Останься, Горди, — чуть слышно прошептал Крис. В голосе его была мольба. — Останься со мной, дружище.

— Я с тобой, — успокоил я его.

— Ну, что вы там решили?? — крикнул он «Тузу», и на этот раз голос его был тверд, более того, в нем опять зазвучал вызов.

— Мы до тебя доберемся, — пообещал ему «Туз». — Не думай, что я это забуду, не надейся. Ты свое еще получишь.

— Давай, давай проваливай. А что будет потом — мы еще поглядим.

— Погоди, Чамберс, я до тебя доберусь. Я тебя...

— А ну, пошел отсюда! — заорал Крис и поднял пистолет.

«Туз» стал медленно отступать. Минуту-другую он еще смотрел на Криса, потом кивнул, повернулся и бросил своим:

— Пойдем отсюда... — Обернувшись, он еще раз посмотрел на нас с Крисом: — До скорого свидания, мои дорогие!

Они скрылись за деревьями, а мы с Крисом остались на месте, не обращая внимания на молотящий нас град, от которого кожа уже покраснела, и все вокруг покрылось серовато-белым ковром. Наконец, сквозь шум града доносился рокот двух заводимых моторов.

— Стой тут, — велел мне Крис, а сам двинулся к лесополосе.

— Крис! — чуть ли не в панике окликнул я его.

— Подожди, я должен посмотреть. Оставайся на месте.

Его не было довольно долго, по крайней мере, так мне показалось. Я уже начал думать, что «Туз» с «Глазным Яблоком» где-то затаились и схватили Криса, оставив меня тут одного, вместе с Реем Брауэром. Через какое-то время Крис вернулся.

— Мы победили, — сообщил он, — они смылись.

— Ты в этом уверен?

— Абсолютно. Они уехали, обе машины.

Он чемпионским жестом вознес руки над головой — в одной из них все еще был пистолет, — затем опустил их и улыбнулся. Более печальной улыбки я в жизни не видел.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга, а потом одновременно опустили глаза. Внезапно меня обнял ужас: глаза у Рея Брауэра стали широченными, белыми-белыми и совершенно лишенными зрачков — как у древнегреческих статуй. Причину я понял практически мгновенно, однако ужас от этого не уменьшился: его глазные впадины заполнились градом, который постепенно таял, и вода стекала по щекам, словно мертвый парнишка оплакивал свою горестную судьбу — быть бессловесным призом, за который только что чуть не подрались между собой две незнакомые ему команды лоботрясов. Одежда его также стала белой от града, превратившись в некое подобие савана.

— Да, Горди... — вздохнул Крис, — невеселое это было для него зрелище...

— К счастью, он уже ничего не видит и не слышит.

— Ты в этом уверен? А его душа, тот самый призрак, что нас напугал ночью? Быть может, он догадывался, что здесь должно произойти, а?

Сзади хрустнула ветка. Уверенный, что «Туз» и его парни подкрались к нам с противоположной стороны, я резко обернулся, однако Крис лишь мельком туда взглянул и тут же снова принял разглядывать тело. Это были Верн с Тедди в мокрых, прилипших к тощим ногам джинсах. На лицах обоих сияли улыбки до ушей, как у собаки, которой хозяин вынес, наконец, долгожданную мозговую кость.

— И что мы будем делать дальше? — спросил тем временем Крис то ли меня, то ли самого себя, а может быть, и Рея Брауэра — именно на него он в тот момент и смотрел. Меня вдруг начала пробирать дрожь.

— Как это, «что»? — удивленно переспросил Тедди. — Заберем его отсюда, разве нет? Все будут считать нас героями, ведь мы это заслужили, правда?

Он недоуменно переводил взгляд с меня на Криса, потом снова на меня.

Крис всхрипнул, сбрасывая с себя оцепенение. Закусив губу, он подошел Тедди и обеими руками сильно толкнул того в грудь. Тедди попытался удержать равно-

весие, но это ему не удалось, и он гулко шлепнулся задницей в грязь, хлопая глазами на Криса. Верн тоже смотрел на него так, как смотрят на сумасшедшего. Возможно, в ту минуту он был недалек от истины.

— Ты, бесстрашный парашютист, сейчас лучше помолчи, — процедил Крис, обращаясь к Тедди. — Трусишка, зайка серенький...

— Да мы *от града* убежали! — красный от стыда и злости, крикнул Тедди. — Крис, ты что, думаешь, я *их* испугался? Я грозы боюсь, ничего с собой поделать не могу! Этих бы я в два счета уделал, клянусь мамой! Я грозы боюсь, как не знаю чего, в этом все дело. Вот, дьявол! Ничего с собой поделать не могу!

Все так же сидя в луже, он заревел.

— Ну, а ты? — обратился Крис к Верну. — Ты тоже боишься грозы, как черт ладана?

Верн, так и не пришедший в себя после внезапной вспышки ярости у Криса, ошеломлено качал головой.

— Я думал, мы все побежим... — промямлил он.

— Ах, ты думал. Ты еще и мысли читаешь? Понял, что мы все сейчас рванем, потому и рванул первым?

Верн слотнул два раза и ничего не ответил.

Крис диким взглядом смотрел на него еще некоторое время, а затем повернулся ко мне:

— Думаю, Горди, надо устроить ему темную.

— Ну, если тебе так хочется...

— Конечно! Как у скаутов... — В его голосе послышались странные, чуть истерические нотки. — Ну да ладно, это потом... Сейчас давай решать, что делать с трупом. Предлагаю соорудить носилки из веток и рубашек, как в той книжке, помнишь? Ну, что скажешь. Горди?

— Можно, конечно, так и поступить, но если эти гады...

— Да пошли они туда-то и туда-то! — взорвался Крис. — Тут собрались одни трусишки, да? Что вы дрожите прямо так уж? Что они нам могут сделать, я вас спрашиваю?!

— Крис, они могут настучать констеблю.

— Так вот, слушайте, что я вам скажу! Он наш, и мы обязаны вытащить его отсюда. Ясно вам?!

— Они и наврут с три короба, чтобы только нам нагадить, — настойчиво сказал я. Голос у меня был каким-то больным. — Ты что, не знаешь их? Они друг друга запросто закладывают, а нас-то и подавно. У них это в крови...

— А МНЕ ПЛЕВАТЬ! — снова взревел Крис и вдруг бросился на меня с кулаками.

В ту же секунду он, споткнувшись о грудную клетку Рея Брауэра, растянулся на земле. Я ждал, что он тут же поднимется и, может быть, двинет мне в челюсть, но он остался лежать головой к насыпи в позе готового к прыжку ныряльщика, точно в такой же позе мы нашли Рея Брауэра. Я даже посмотрел на ноги Криса — на месте ли его кроссовки. И тут вдруг Крис зарыдал, горько, истерически, замолотил кулаками по грязи, голова его задергалась из стороны в сторону, тело затряслось в конвульсиях. Тедди и Верн уставились на него, пораженные: никто и никогда не видел Криса Чамберса плачущим. Минуту спустя я взобрался на насыпь и присел на рельс. Тедди с Верном последовали за мной. Так мы и сидели молча под проливным дождем, а Крис с Реем Брауэром лежали внизу, в грязи, чуть ли не в обнимку друг с другом.

28

Прошло не менее двадцати минут, прежде чем Крис присоединился к нам на насыпи. К этому времени в тучах образовался просвет, сквозь который хлынули солнечные лучи. За какие-то сорок пять минут растительность вновь обрела утерянный за лето ярко-зеленый цвет. Крис был весь в грязи, волосы его спутались и стояли дыбом, а единственными светлыми пятнами на физиономии были круги вокруг глаз, где он вытер слезы.

— Ты прав, Горди, — сказал он, — к черту всякие там премии. Мир, ладно?

Я кивнул. Минут пять прошли в полном молчании, затем я кое о чем подумал — на случай, если они все же настучат Баннерману. Спустившись с насыпи и по-

дойдя к месту, где стоял Крис, я присел на корточки и принялся тщательно прочесывать пальцами мокрую траву и грязь.

— Что это ты делаешь? — заинтриговано спросил подошедший Тедди.

— Они, наверное, слева, — сказал Крис, указывая на это место пальцем.

Там я и продолжил поиски и через минуту-другую обнаружил обе стреляные гильзы, тускло поблескивавшие под лучами солнца. Я протянул их Крису. Он кивнул и сунул их в карман джинсов.

— А теперь идем, — сказал он.

— Эй, да вы что?! — запротестовал Тедди. — Давайте заберем его!

— Слушай сюда, глупышка, — принялся объяснять ему Крис, — если мы его заберем, то попадем в колонию. Горди абсолютно прав: эти подонки могут сочинить все, что угодно. Что, если они заявили, что это *мы* его убили? Как тебе это понравится?

— А мне плевать, — уперся Тедди точно так же, как несколько минут назад сам Крис. Вдруг в глазах его блеснула безумная надежда: — Да и много ли нам дадут, двенадцатилетним? Подумаешь, пару-тройку месяцев...

— Тедди, — принялся мягко убеждать его Крис, — с судимостью не берут в армию.

Я был абсолютно уверен, что это не так, но возражать, разумеется, не стал: Крис попал точно в цель. С минуту Тедди недоверчиво смотрел на него. Губы у него задрожали, и он, наконец, выдавил:

— Это точно?

— Спроси у Горди.

Он взглянул на меня с надеждой.

— Точно, — соврал я, — это совершенно точно, Тедди. Всех добровольцев первым делом проверяют, не состоят ли они на учете в полиции.

— А, черт!

— Нужно как можно скорее попасть к мосту, — сказал Крис. — Потом мы обойдем Касл-рок и вернемся домой с другой стороны, а если нас станут спрашивать, где мы

пропадали, скажем, что заблудились на холмах за кирпичным заводом.

— А Майло Прессман? — напомнил я. — И эта паскуда из магазина «Флорида»?

— Ну, мы можем сказать, что Майло напугал нас до полусмерти, поэтому мы и решили отправиться к кирпичному заводу, чтобы разбить палатку там.

Я кивнул: это объяснение показалось мне достаточно убедительным. Оно должно сработать, при условии, конечно, что Тедди с Верном не расколются.

— А что, если наши предки сберутся вместе? — спросил Верн.

— Тебя это беспокоит? Меня нет: стариk мой наверняка ведь до сих пор не просыпается.

— Тогда идем, — заторопился Верн, озабоченно поглядывая на лесополосу, словно оттуда в любую минуту мог появиться констебль Баннерман со сворой гончих. — Пошли, пока опять какая-нибудь чертова гроза не разразилась.

Мы поднялись, готовые тронуться в путь. Вокруг как сумасшедшие пели птицы, вне себя от восторга по поводу только что прошедшего дождя, вновь показавшегося солнца, всей этой послегрозовой свежести, массы выползших на поверхность дождевых червей, да и вообще такой прекрасной жизни... Словно по команде, мы одновременно взглянули на Рея Брауэра.

Он снова лежал в одиночестве, так, как мы его оставили, перевернув лицом вверх. Руки его раскинулись, словно приветствуя засиявшее на небе солнце. Поза эта была почти прекрасной и даже величественной, если бы не кровоподтек на щеке, не запекшаяся кровь от носа к подбородку, если бы тело уже не начало раздуваться и вокруг него не вились появившиеся вместе с солнцем трупные мухи. И, конечно, если бы не запах... Он был с нами одного возраста, и он умер, погиб, а мы живы. Я с ужасом отринул мысль о том, что в смерти может быть что-то величественно прекрасное.

— О'кей, — сказал Крис чуть хрипло, — давайте-ка двигаться в темпе.

Мы чуть ли не бегом отправились в обратный путь. Разговаривать никому не хотелось. Не знаю, как остальные, но я почувствовал необходимость кое-что обмозговать. Это «кое-что», связанное с телом Рея Брауэра, беспокоило меня тогда, продолжает беспокоить и теперь.

Обширный кровоподтек на одной стороне лица, небольшая рваная рана на темени, запекшаяся кровь из носа — и больше ничего, по крайней мере, ничего видимого. Бывает, в пьяной драке получают повреждения похлеще и, чуть оправившись, ударяются в запой по новой... И тем не менее, его *должно было сбить поездом* — иначе почему с него слетели кроссовки? А как это так вышло, что машинист его не заметил? Мог ли поезд отбросить его в сторону, но не убить при этом? Думаю, что при определенном стечении обстоятельств такое вполне могло случиться. Ударило ли его поездом в челюсть в тот момент, когда он попытался увернуться? А может, он еще был жив в течение нескольких часов и там лежал дрожа, один-одинешенек, отрезанный от всего мира? Может, он и умер-то от страха? Вот точно так же умерла однажды птица с перебитым крылом, умерла прямо у меня на руках. Перед смертью ее тельце трепетало, клюв открывался и закрывался, будто в предсмертном крике, темные блестящие глазки с мольбой смотрели прямо на меня, потом дрожь прекратилась, клюв остался полуоткрытым, а темные глазки словно затянуло белесой пленкой. То же самое могло произойти и с Реем Брауэром. По-видимому, он умер, измученный нескончаемым ужасом, не имея больше сил цепляться за жизнь.

Но больше всего меня, похоже, беспокоило другое. Помнится, в радионовостях сообщалось, что он отправился за ягодами. Позднее я специально перелистал в библиотеке газетные подшивки — все правильно, он ушел в лес собирать ягоды, а значит, должен был взять с собой корзинку, ведерко или же что-то в этом роде. Однако ничего подобного поблизости от тела мы не обнаружили. Мы нашли сам труп, нашли кроссовки, и больше ничего. Быть может, он выбросил корзинку где-то между Чемберленом и тем болотистым участком местности в Харлоу,

где и нашел свою смерть. Сначала, очевидно, он, наоборот, цеплялся за этот предмет, напоминающий о доме, о тепле и безопасности, однако по мере того, как он осознавал весь ужас своего положения — одиночество, отсутствие всякой надежды на помощь, необходимость уповать лишь на собственные силы, — по мере того, как страх пронизывал все его существо, он, должно быть, совершенно бессознательно зашвырнул корзинку куда-нибудь в кусты у насыпи.

Не раз возникало у меня желание попытаться найти эту корзинку — если она, конечно, вообще существовала. И даже много лет спустя меня неоднократно посещало искушение отправиться одним прекрасным, солнечным утром в Харлоу одному, без жены и детей, выруть на ту самую проселочную дорогу в своем почти новехоньком «форде»-пикапе, а добравшись до места, достать из багажника свой старенький рюкзак, стянуть рубашку с плеч и обвязать ее рукавами вокруг пояса... Потом натереть грудь и плечи жидкостью от комаров и прорваться сквозь кусты к тому самому заболоченному участку. Интересно, пожелтела ли там трава по форме его распостертого тела? Ну конечно же, нет, ничто там уже не напоминает о том давнем происшествии, нужно же, в конце концов, мыслить здраво и не давать волю своей чрезмерной писательской фантазии... Затем я заберусь на насыпь, поросшую теперь уже густой травой, и не спеша побреду вдоль ржавых рельс по полуслгнившим шпалам в сторону Чемберлена...

Все это глупости. Двадцать лет минуло с тех пор и, конечно же, та корзинка для черники давно сгнила в густом кустарнике, раздавлена гусеницами бульдозера, расчищавшего очередной участок под строительство, или же просто обратилась в прах. И тем не менее, я не могу оторваться от мысли, что она до сих пор там, где-то возле старой заброшенной узкоколейки. Время от времени желание поехать поискать ее становится прямо-таки всепоглощающим. Оно, как правило, посещает меня по утрам, когда супруга моя принимает душ, а ребятишки смотрят очередную серию «Бэтмена» или «Скуби-ду» по 38-му бостонскому каналу. В такие минуты я вновь становлюсь

тем Горди Лашансом, который много лет назад отправился с друзьями на поиски тела погибшего сверстника. Я снова ощущаю себя мальчишкой, но тут же меня будто окатывает холодным душем, и я задаю вопрос: *каким именно мальчишкой из двоих?*

Я потягиваю крепкий чай, наблюдаю за солнечными зайчиками, скачущими через жалюзи по кухне, вслушиваюсь в шум воды из ванной и в звуки телевизора из гостиной, чувствуя пульс на виске, что означает пару рюмок лишних накануне вечером, и думаю, что отыскать это ведерко (или там, корзину), безусловно, можно. Я мог бы прочесать кусты вдоль насыпи и все-таки найти эту штуковину, а потом... В этом-то все и дело: а потом что? Да ничего, я просто подниму корзинку, поверчу ее в руках, ощупаю ее, думая о том, что последний, кто дотрагивался до нее, уже давным-давно лежит в сырой земле. Может, он оставил там записку? «Помогите, я потерялся», или что-то в этом духе... Чушь какая, кто же идет в лес по ягоды и захватывает с собой карандаш с бумагой? А если все-таки? Воображаю, какой благоговейный ужас меня охватит, если это и в самом деле так. Нет, мне положительно необходимо отыскать эту корзинку как некий символ, подтверждение того, который из нас двоих — нет, пятерых — жив, а который умер. Необходимо подержать ее в руках, почувствовать ее, своею кожей ощутить все эти бесконечные дожди, пролившие на нее за долгие годы, снега, покрывавшие ее зимой, солнечные лучи, сиявшие над ней. И вспомнить, где были я и что поделывал, когда все это происходило, кого любил, кого ненавидел, по какому поводу смеялся и почему плакал... Я найду ведерко, ощупаю его, прочитаю на его поверхности длинную книгу бытия, всмотрюсь в собственное отражение в тусклом металле, покрытом ржавчиной и следами времени. Вы понимаете меня?..

не останавливалась ни на минуту. Ни один из нас не скулил, не жаловался, хотя все до одного до крови натерли ступни и были страшно голодны. У меня к тому же голова раскалывалась от жуткой боли, а ноги горели адским пламенем. Два раза нам пришлось прыгать с насыпи вниз, пропуская поезда. Один из них оказался попутным, однако шел слишком быстро, чтобы на него вскочить. К мосту через Касл-ривер мы вышли перед рассветом. Крис оглядел его и повернулся к нам:

— К черту, я пойду через мост напрямую. Если меня сбьет поезд, что ж, по крайней мере эта свинья «Туз» Меррил будет лишен удовольствия со мной расправиться.

Мы все последовали за Крисом через мост — точнее было бы сказать, потащились. Поезда, на наше счастье, не было. Затем мы перелезли через ограду свалки (в такую рань, да еще в воскресенье, ни Майло, ни Чоппером тут, конечно, и не пахло) и напрямик вышли к колодцу. Первым попробовал ледяную воду Верн, потом и остальные, окатившись до пояса, напились так, что больше не было возможности. Утро выдалось прохладным, поэтому нам пришлось надеть рубашки. Доковыляв до нашего пустыря, мы остановились и уставились на хижину, в которой все и начиналось. Смотреть друг на друга нам почему-то не хотелось.

— Ну, ладно, — вздохнул наконец Тедди, — увидимся в среду в школе. Я лично до тех пор, скорее всего, буду спать как убитый.

— И я, — отозвался Верн. — Грубая сила меня износила...

Крис стоял молча, что-то насвистывая сквозь зубы.

— Эй, дружище, — окликнул его Тедди, явно ощущая себя неловко, — только без обид, договорились?

— Без обид, — эхом отозвался Крис. Внезапно его мрачная, изможденная физиономия осветилась радостной улыбкой: — А все-таки, черт побери, нам это удалось! Мы им показали, всем им, так ведь?

— Ага, — тихо вздохнул Верн, — показали... Теперь Билли покажет *мне*.

— Ну и что? — возразил Крис. — Я тоже получу свое от Ричи, Горди, скорее всего, от «Туза», а Тедди — от кого-нибудь еще. Важно, что нам это удалось, елки-моталки!

— Точно, удалось, — без особой уверенности проговорил Верн.

Крис взглянул на меня, ища поддержки.

— Нам это удалось, ведь так? — спросил он тихо. — Игра стоила свеч, разве нет?

— Стоила, Крис, безусловно, стоила, — заверил его я.

— Да идите вы все на фиг, — махнул рукой Тедди, как будто мы говорили о какой-то совсем уж полной ахинее. — Устроили здесь, понимаешь, пресс-конференцию по поводу успешного завершения выдающейся экспедиции. Давайте-ка скорее по домам, а то, наверное, предки уже включили нас в список жертв новоявленного маньяка. Ну, прощаемся?

Мы обменялись на прощание рукопожатием, и Тедди с Верном потопали в свою сторону. Я собирался уже отправиться к себе, но что-то меня удержало.

— Я провожу тебя? — предложил Крис.

— Конечно, если тебе так хочется.

Некоторое время мы брали молча. В этот ранний час Касл-рок все еще спал как убитый. Тишина стояла полнейшая, и у меня возникло ощущение, что вот сейчас мы повернем за угол, на Карбайн-стрит, и там увидим «моего» оленя, мирно щиплющего травку.

— Они расколются, — проговорил наконец Крис.

— Безусловно, только не сегодня и не завтра. Думаю, пройдет достаточно много времени, прежде чем у них развязутся языки. Быть может, годы.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Видишь ли, Крис, они напуганы, в особенности Тедди. Он страшно боится, что его могут не взять в армию. Верн тоже до чертиков напуган. Теперь у них будет немало бессонных ночей этой осенью, время от времени кто-то из них едва не проболтается, но, думаю, вовремя прикусит язык. И вот еще что. Знаешь, это, конечно, выглядит полнейшей чушью, но мне кажется, они постараются забыть обо всем, что произошло.

Поразмыслив, Крис медленно кивнул.

— Мне как-то не пришло в голову взглянуть на вещи под таким углом. Ты, Горди, прямо-таки видишь людей насквозь.

— Хотелось бы мне, чтобы так и было.

— Так оно и есть.

Мы еще немного помолчали.

— Никогда мне не выбраться из этой дыры, — проговорил вдруг Крис с тяжелым вздохом. — Что ж, будешь приезжать из колледжа на летние каникулы, а мы с Верном и Тедди, отпахав семичасовую смену, сможем с тобой встречаться в кабачке у Сьюки: вспомнить былое, да и просто поболтать. Если тебе, разумеется, захочется, только вряд ли...

Он горько усмехнулся.

— Слушай, перестань! Какого черта ты себя хорошишь? — накинулся на него я, стараясь, чтобы в голосе моем звучал металл.

В то же время в ушах у меня были слова Криса: «А может, я это и сделал? Может, я отдал деньги старой чертовке, леди Саймонс, но несмотря на это меня наказали, поскольку они так и не всплыли? А на другой день старая чертовка заявила в школу в новой юбке...» Передо мною встали глаза Криса в тот момент, когда он это говорил, почти срываюсь на крик.

— Я и не собираюсь хоронить себя, дружище, — печально проговорил Крис, — я просто называю вещи своими именами. И хватит об этом.

Мы дошли до перекрестка, где начиналась моя улица, и там остановились. Часы показывали четверть седьмого. У магазина, принадлежащего дядюшке Тедди, остановился фургон с надписью «Санди Телеграм». Водитель в футболке и джинсах швырнул на крыльцо пачку газет. Перевернувшись в воздухе, она шлепнулась последней страницей — с комиксами — вверх. Фургон поехал дальше. Я почувствовал, что нужно сказать Крису нечто крайне важное, но слова не шли.

— Давай «пять» дружище, — устало проговорил он.

— Крис, подожди...

— Пока, я говорю.

Я протянул ему ладонь.

— Ладно, до скорого.

Ответил он уже своей обычной беззаботной улыбкой:

— До скорого. Давай, чеши домой, готовь задницу для порки!

Посмеиваясь и что-то напевая, он отправился своей дорогой. Шагал он легко, как будто вовсе не натер до крови ступни, вроде меня, не протопал несколько десятков миль практически без отдыха, как будто его не искусили комары и слепни. Было такое впечатление, словно он возвращался после увеселительной поездки в роскошный особняк, а не в трехкомнатный домишко (более подходящим словом была бы «хибара») с покосившейся входной дверью и разбитыми окнами, где вместо стекол были вставлены листы фанеры, к подонку-брату, который, вероятно, уже его поджидает в предвкушении трепки, которую задаст «оборзевшему салаге», к неделями не просыпающемуся отцу... Слова застревают у меня в горле, когда я вспоминаю тот миг. Вообще, я совершенно убежден — хотя какой же я писатель после этого? — что для любви не нужно слов, и более того, слова могут убить любовь. Вот точно так же, если, незаметно приблизившись к оленю, шепнуть ему на ухо, чтобы он не боялся, что никто его не обидит, то зверь в одно мгновение исчезнет в лесной чаще — ищи ветра в поле. Так что слова — это зло, а любовь — совсем не то, что воспевают все эти безмозглые поэты вроде Маккьюэна. У любви есть зубы, и она кусается, любовь наносит раны, которые не заживают никогда, и никакими словами невозможно заставить эти раны затянуться. В этом противоречии и есть истина: когда заживают раны от любви, сама любовь уже мертва. Самые добрые слова способны убить любовь. Поверьте мне, что это так — уж я-то знаю. Слова — моя профессия, моя жизнь.

Черный ход оказался запертым, однако мне было хорошо известно, где спрятан запасной ключ. На кухне, тихой и ослепительно чистой, никого не было. Я осторожно повернул выключатель. Что-то не припоминаю, чтобы мне когда-либо доводилось вставать с постели раньше матери...

Скинув с себя рубашку, я засунул ее в пластиковую корзину для грязного белья возле стиральной машины, затем вытащил из-под мойки чистую тряпку и тщательно вытерся ею — лицо, шею, грудь, живот. После этого я расстегнул молнию на джинсах и растер пах, пока кожа не покраснела, особенно в том месте, где присосалась гигантская пиявка. Кстати, у меня там до сих пор маленький шрам в форме полумесяца. Жена однажды поинтересовалась его происхождением, и я совершенно непроизвольно соврал ей что-то, уже не помню что.

Закончив с растиранием, я с омерзением выбросил ставшую грязной тряпку.

Выудив дюжину яиц, я взболтал шесть штук в кастрильке, добавил туда немного ананасового сока и четверть кварты молока и только присел, чтобы все это проглотить, как в дверях появилась мама с сигаретой во рту. На ней был вылинявший розовый фартук, а тронутые сединой волосы она стянула в тугой пучок на затылке.

— Ты где пропадал, Гордон?

— В поход с ребятами ходили, — ответил я, приступая к еде. — Сначала мы расположились в поле у Верна, но потом решили отправиться к кирпичному заводу. Мама Верна обещала сообщить тебе. Разве она этого не сделала?

— Может, она сказала отцу...

Словно розовое привидение, мама проскользнула мимо меня к мойке. Под глазами у нее были синяки. Она испустила тяжелый вздох, почти что всхлип:

— Почему-то именно по утрам мне так не хватает Денниса... Всегда захожу к нему в комнату, а там пусто, понимаешь, Гордон, пусто...

— Да, я понимаю.

— Он постоянно спал с распахнутыми окнами, а его одеяло... Ты что-то сказал, Гордон?

— Нет, мама, ничего.

— А одеяло он натягивал на себя до самого подбородка, — закончила она фразу и, повернувшись ко мне спиной, уставилась в окно. Меня охватила дрожь.

31

Никто так ничего и не узнал.

То есть тело Рея Брауэра было, конечно, найдено, но ни мы, ни шайка «Туза» Меррила никакого к этому отношения уже не имели. Хотя, быть может, анонимный звонок в полицию, в результате которого труп был обнаружен, и имел прямое отношение к «Гузу», по-видимому, решившему, что так будет безопаснее для всех. В любом случае, родители наши остались в неведении относительно того, где мы были и что поделывали в выходные накануне Дня труда.

Как Крис и предполагал, папаша его еще не вышел из глубокого запоя, а мать, по своему обыкновению, отправилась на это время в Льюистон к сестре, оставив младших на попечении «Глазного Яблока». Тот день и ночь ошибался с «Тузом» и его бандой, таким образом девятилетний Шелдон, пятилетняя Эмери и двухлетняя Дебора оказались предоставленными самим себе.

Матушка Тедди забеспокоилась на вторую ночь и позвонила матери Верна, которая ее успокоила, сообщив, что накануне ночью видела свет в палатке, разбитой у них в поле. Мамаша Тедди, поостыв, выразила надежду, что мы там, не дай Бог, не курим, на что ее собеседница заявила что ни Верн, ни Билли табаком не балуются, как и, по ее мнению, друзья их.

Что же касается моего старика, он, разумеется, задал мне несколько вопросов, на которые получил весьма уклончивые ответы, однако, по всей видимости, они его удовлетворили. Пообещав, что как-нибудь сходит со мной на рыбалку, он закончил разговор и более к нему не возвращался. Быть может, кое-что и всплыло бы, если бы

наши предки собирались вместе по горячим следам, в течение недели-другой, но этого не произошло. В общем-то, им всем было наплевать.

Майло Прессман счел за благо держать язык за зубами; очевидно, тщательно все взвесив, он пришел к выводу, что показания нескольких человек, пускай и несовершеннолетних, о том, как он натравил на меня пса, не сулят ему ничего хорошего.

Таким образом, история эта не стала достоянием публики, однако она имела продолжение.

32

Однажды, уже в конце месяца, я возвращался домой из школы, как вдруг черный «форд» модели 1952 года, обогнав меня, притормозил у тротуара. Тачка эта была с массой прибамбасов: перламутрово-белые колпаки на колесах, высокие хромированные бамперы, искусственная роза на антенне, а на багажнике красовалась нарисованная карта. Была она весьма необычной: сверху одноглазый валет, в нижней половине хохочущий бесенок, а еще пониже — надпись готическим шрифтом: **БЕШЕНЫЙ КОЗЫРЬ**.

Дверцы машины распахнулись, и оттуда показались старые знакомые — «Туз» Меррил и «Волосан» Бракович.

— Так ты говоришь, дешевка? — ухмыльнулся Меррил. — Говоришь, моя матушка это обожает?

— Ну, малыш, считай, что ты покойник, — присовокупил «Волосан».

Уронив сумку с учебниками, я со всех ног бросился назад, к перекрестку, однако почти тут же получил сильнейший удар в затылок и запахал носом по асфальту. В глазах у меня вспыхнули не искры, а настоящий фейерверк. Когда они подняли меня за шиворот, я уже ревел вовсю, но не от боли в разбитых в кровь локтях и коленях, даже не от страха, что они действительно сделают из меня отбивную. Крис был абсолютно прав: самые горькие слезы — это слезы отчаяния, бессильной ярости.

Я, словно обезумев, стал вырываться, и это мне почти уже удалось, когда «Волосан» двинул мне коленом в пах.

Боль была такая, что сознание у меня помутилось и, перестав что-либо соображать, я заорал, нет, скорее завизжал, как поросенок под ножом мясника.

«Туз» с каким-то сладострастием, широко размахнувшись дважды саданул меня по физиономии. Первый удар отключил мой левый глаз (открылся он лишь спустя четыре дня), вторым он мне сломал нос. Звук при этом был такой, как будто кто-то разгрыз грецкий орех. Тут-то и появилась старуха Чалмерс с сумками в изуродованных артритом руках и с неизменной гаванской сигарой в уголке рта (старуха была довольно колоритной личностью). На секунду осталенев от представшей перед ней картины, она заверещала:

— Эй, что вы с ним сделали, подонки? Полиция! Поли-и-иция!!!

— Не дай тебе Бог, гаденыш, встретиться со мной еще раз, — прошипел «Туз» с своей ухмылочкой и нехотя отпустил меня.

Согнувшись пополам, я корчился на асфальте, не сомневаясь в том, что вот-вот отдам концы. Слезы катились из глаз, но все же я разглядел, как «Волосан» занес ногу в армейском ботинке, чтобы ударить напоследок. Мгновенно во мне снова вспыхнула ярость. Забыв про боль, я ухватил его обеими руками за ногу и впился зубами в джинсы с такой силой, что челюсти хрустнули. Вопль его заглушил мой собственный, он запрыгал на одной ноге, и в ту же секунду каблук «Туза» опустился на мою левую ладонь, ломая пальцы. Опять раздался хруст разгрызаемого ореха... «Туз» — руки в карманах — неторопливо двинулся к «форду», за ним запрыгал «Волосан», помимо-мимо оборачиваясь и выплевывая грязные ругательства в мой адрес. Обессиленный, весь в слезах, я кое-как присел на тротуаре. Тетушка Чалмерс доковыляла до меня и, наклонившись, поинтересовалась, нужен ли мне врач. Стараясь сдержать поток слез, я ответил, что не нужен. Тогда она запричитала:

— Звери, надо же, какие звери! Я видела, как он тебе врезал напоследок... Бедный мой мальчик, у тебя рука распухла, и все лицо в крови...

Она привела меня к себе домой, дала мокре мокрое полотенце — вытереть кровь с носа, который к тому времени стал напоминать громадных размеров сливу, угостила здоровенной чашкой пахнувшего лекарством кофе, который, надо сказать, меня здорово успокоил, и при этом не переставала причитать и настаивать на вызове врача, от чего я наотрез отказался. Наконец она сдалась, и я отправился домой. Двигался я крайне медленно: в паузе все распухло, и каждый шаг давался с огромным трудом.

При одном взгляде на меня у отца с матерью волосы встали дыбом. По правде говоря, меня страшно удивило, что они вообще что-либо заметили... Тут же начались расспросы: кто это сделал? Смогу ли я опознать негодяев? (Последний вопрос задал, разумеется, отец, не пропускавший ни одной серии «Обнаженного города» и «Неприкасаемых»). Я заявил, что знать их не знаю и опознать вряд ли смогу, добавив, что я смертельно устал и хотел бы прилечь. Думаю, что у меня был шок, а тут еще подействовал кофе тетушки Чалмерс, очевидно, более чем наполовину разбавленный крепчайшим бренди. В общем, я сказал, что они, скорее всего, иногородние, может, из Льюистона или Оборна.

Родители все же отвезли меня к доктору Кларксону (он, кстати, до сих пор жив, хотя уже тогда был настолько стар, что почти не вставал с кресла-качалки). Доктор выправил мне кости носа и пальцев, дал матери рецепт на болеутоляющее, затем под каким-то предлогом выпроводил их из смотровой комнаты, после чего, нагнув голову, словно боксер на ринге, принял меня допрашивать:

— Гордон, кто это сделал?

— Не знаю, доктор Клар...

— Врешь.

— Ей-Богу, сэр, не вру. Я действительно не знаю.

Лицо его медленно наливалось кровью.

— С какой стати ты выгораживаешь этих кретинов? Воображаешь, что они тебе за это скажут спасибо? Как бы не так — они лишь посмеются и назовут тебя полным идиотом, а выбрав подходящий момент, добавят еще.

— Честное слово, я их не знаю.

Ответ мой страшно разозлил его, но что он мог поделать? Только покачать седой как лунь головой и, что-то бормоча по поводу малолетних преступников, отправить меня к родителям.

Мне было абсолютно все равно, что скажут «Туз» и «Волосан» и назовут ли они меня идиотом, я думал в тот момент только о Крисе. «Глазное Яблоко» сломал ему руку в двух местах и так ему изукрасил физиономию, что она напоминала солнце на закате. В предплечье ему пришлось вставить стальной стержень, чтобы кость срослась. Криса отыскала миссис Макджинн, изо рта и из ушей у него лилась кровь. Когда она привела его к врачу и Крис слегка очухался, то заявил, что в темноте свалился с лестницы, ведущей в погреб.

— Да, очень похоже, — сказал на это врач, качая головой точно так же, как доктор Кларксон качал в моем случае, и тут же позвонил констеблю Баннерману.

Пока он это делал, Крис осторожно спустился с лестницы, придерживая сломанную руку на перевязи, и позвонил из автомата на улице миссис Макджинн (первый раз в жизни он звонил в «коллект» и, как позднее мне рассказывал, до смерти боялся, что соседка откажется ответить на звонок, платить за который предстояло ей, однако она ответила).

— Крис, с тобой все в порядке? — спросила она.

— Да, благодарю вас.

— Извини, что я не смогла побывать с тобою, Крис, но у меня пироги...

— Ничего, миссис Макджинн, все нормально. У меня к вам просьба. Видите «бьюик» у нас во дворе?

«Бьюик» десятилетней давности принадлежал матери Криса. Когда у него перегревался мотор, а случалось это сплошь и рядом, от него на всю округу воняло горелым машинным маслом.

— Вижу, — осторожно ответила миссис Макджинн. Все это ей до чрезвычайности не нравилось — с Чамберсами, как известно, никакого дела лучше не иметь.

— Вы не могли бы попросить маму — а раз «бьюик» во дворе, значит, она дома — спуститься в погреб и вынуть лампочку на лестнице?

— Крис, я же сказала — у меня пироги...

— Я очень вас прошу, — неумолимо продолжал Крис, — сделать это сейчас же. Скажите ей, что иначе мой братец сядет за решетку.

Последовала продолжительная пауза и, наконец, миссис Макджинн сдалась. Лишних вопросов задавать она не стала: меньше знаешь, спокойней спиши. Констебль Баннерман незамедлительно посетил Чамберсов, но в итоге для Ричи Чамберса все кончилось благополучно.

Верн с Тедди также получили свое, хотя и в меньшей степени, нежели мы с Крисом. Дома Верна уже поджидал Билли с кочергой, но только после четвертого или пятого удара Верн отключился окончательно. Билли, напуганный, что убил брата, тут же прекратил избиение, однако Верн очухался довольно быстро. Тедди они поймали втроем в один не очень-то прекрасный для него вечер, когда он шел домой с «нашего» пустыря. Ему набили морду и расколотили очки, причем он попытался дать сдачи, но кто же станет драться со слепым?

В школе мы были неразлучны, словно единственные из целой дивизии бойцы, которым удалось вырваться из окружения. Никто из одноклассников толком ничего не знал, однако ходили упорные слухи, что мы не только не побоялись сцепиться со старшими ребятами, но и довольно лихо им утерли нос. На этот счет из уст в уста передавались дичайшие истории — одна неправдоподобней другой.

Со временем, когда кровоподтеки сошли и раны зажили, Верн с Тедди отошли от нас и сформировали собственную команду из сопляков и салажат, которые боготворили их и которыми они помыкали как хотели, словно эсэсовские надсмотрщики в концлагере. Штаб-квартирой у них осталась все та же хибара на пустыре.

Мы с Крисом появлялись там все реже и реже, и какое-то время спустя перестали вовсе. Как-то, весной 1961 года, я забрел туда от нечего делать, — вонь там стояла, как на скотном дворе, — и больше, насколько мне

помнится, я уже туда не заглядывал. Мало-помалу Тедди и Верн стали для меня практически чужими: при встрече мы, разумеется, здоровались, но не более того. Такое случается сплошь и рядом: друзья приходят и уходят, а жизнь продолжается... Иногда я вспоминаю тот сон и две фигуры под водой, старающиеся утопить третьего. Может, оно и к лучшему, что так все кончилось. Кто-то тонет, кто-то выплывает, а жизнь идет своим чередом. Справедливо это или нет, но это так.

33

Верн Тессио погиб в 1966 году во время пожара в Льюистоне, когда огонь уничтожил многоквартирный дом из тех, что в Бруклине или Бронксе называют трущобами. По заявлению пожарной охраны, дом загорелся часа в два ночи, а к рассвету от него остались одни головешки. В ту ночь там была пьянка, на которой присутствовал и Верн. Как часто бывает, кто-то уснул с горящей сигаретой, может, это даже был он. В общем, его труп был одним из пяти, которых смогли опознать лишь только по зубам.

Тедди попал в кошмарную автокатастрофу. Случилось это в 1971, а может, и в начале 1972 года. Как я уже упоминал не раз, служба в армии стала для него настоящей идеей фикс. Едва достигнув возраста, когда можно было подавать документы в пункт набора добровольцев, он запросился в авиацию, однако был признан годным лишь к нестроевой, и то ограниченно. Все, кто хоть один раз видел Тедди — его очки и слуховой аппарат, — не сомневались, что так и получится, все, но только не Тедди. И бесполезно было убеждать его: однажды его временно исключили из школы за то, что он назвал руководителя службы профориентации «дерымаком задрипаным». В другой раз Тедди харкнул в физиономию директору, когда тот заикнулся о необходимости подумать о какой-нибудь другой профессии.

За многочисленные прогулы, опоздания и нарушения дисциплины Тедди оставили на второй год, но школу он как-то умудрился окончить. Он пошел по стопам «Туза»

и «Волосана»: купил древний «шевроле-белэйр» и принял-ся ошиваться по тем же самым злачным местам: дискотека, кабачок Сьюки (он теперь закрыт), бильярдная, бар «Тигр с похмелья» и т.п., иногда заглядывая в Управление общественных работ Касл-рока, чтобы получить очередную халтуру — уборку мусора или ремонт дорожного покрытия. Постоянной работы у него, естественно, не было.

Авария произошла в Харлоу. «Белэйр» был до отказа набит друзьями и подружками Тедди, двое из которых пристали к нему еще в 1960-м. Не знаю, сколько бутылок они успели осушить, но только «шевроле» начисто своротил телеграфный столб, после чего перевернулся аж шесть раз. Лишь одна девица из всей компании осталась в живых, да и то лучше бы ей умереть на месте: полгода она провела в барокамере, не подавая признаков жизни, после чего чья-то милосердная рука повернула краник аппарата искусственного дыхания. Тедди же хоронили в наглухо закрытом гробу.

Крису удалось поступить на курсы подготовки в колледж, причем все, кроме, разумеется, меня, его от этого настоятельно отговаривали. Родители считали, что он только зря теряет время, дружки вообще не понимали, зачем ему вдруг понадобилось корпеть над учебниками, руководитель службы профориентации не верил в его способности, учителям же отнюдь не улыбалась перспектива ежедневно лицезреть этого хулигана в кожаной куртке на молниях и в высоких армейских ботинках на фоне благовоспитанных мальчиков и девочек из добропорядочных семей, всегда аккуратно одетых и причесанных, готовых день и ночь зубрить алгебру, латынь и естествознание. Среди них Крис, с его вечно всклокоченными волосами и курткой в заклепках, выглядел, ясное дело, белой вороной.

С десяток раз он был близок к тому, чтобы бросить учебу. Особенно его достал папаша, не перестававший брюзжать, что «этот сопляк возомнил себя умнее отца», что «нужно деньги зарабатывать, а не заниматься ерундой», ну и так далее. Однажды, в сильном подпитии, он

треснул Криса бутылкой «рейнголда» по голове, после чего Крис оказался у доктора, своего старого знакомого, которому пришлось наложить на его скальп четыре шва. Его старые дружки (большинство из которых сейчас сидит, а остальные либо уже отсидели, либо скоро сядут) устроили за ним настоящую охоту на улицах. Ответственный за профориентацию убеждал его пройти хотя бы краткий курс профессионального обучения, чтобы впоследствии не оказаться у разбитого корыта. Но хуже всего было то, что в младшей школе Крис изрядно запустил учебу, и теперь ему приходилось нагонять.

Чуть ли не каждый вечер мы с ним занимались вместе, иногда по шесть часов кряду. Меня эти занятия просто выматывали, а временами и пугали: пугало какое-то остервенение Криса по отношению к учебе. Тем не менее, отставание его казалось непреодолимым: прежде чем приступить к введению в алгебру, ему пришлось повторять дроби, потому что, когда их проходили в пятом классе, они с Тедди и Верном учились играть в покер. Прежде чем выучить по-латыни «Отче наш, иже еси на небесех», Крис должен был уяснить, что такое существительное, предлог и дополнение. На первой странице его учебника английской грамматики красовалась аккуратно выведенная надпись: Е..Л Я ГЕРУНДИИ. Содержание его сочинений было неплохим, мысли его отличались оригинальностью, но в правописании он был, мягко говоря, не силен, а уж пунктуация вообще ему казалась темным лесом. Учебник Уоррингера стал для него настольной книгой, а когда один экземпляр истрепался до того, что стало невозможно его раскрыть, он тут же приобрел другой, в твердой обложке.

И тем не менее, дела его шли в гору. Я тоже не блистал: по успеваемости в классе был седьмым, а Крис поднялся до девятнадцатого места, но нас обоих приняли в университет штата Мэн, только я получил место в кампусе* Ороно, а Крис — в Портленде. Представляете, он пошел на юридический, туда, где вообще сплошная латынь!

* Студенческий городок.

Ни я, ни он практически не общались с девочками, не назначали свиданий. Очевидно, большинство наших знакомых, включая и Тедди с Верном, считали нас гомиками, однако наши с Крисом отношения были, по-моему, гораздо ближе. Нас тянуло друг к другу, словно магнитом. Что касается Криса, причину этого, по-моему, объяснить не надо, со мною же все было несколько сложнее. Его жгучее желание вырваться из Касл-рока, из болота, что его затягивало, стало для меня частицей моего собственного «я», причем лучшей частицей. Я просто-напросто не мог оставить Криса в этом болоте, иначе вместе с ним в нем бы погибла вот эта самая, лучшая часть моего естества.

Шел к концу 1971 год. Крис вышел из общежития перекусить в гриль-баре. В очереди, прямо перед ним, стояли двое, между ними вспыхнула ссора по поводу того, который из них первый. Один из них вытащил нож. Крис, этот вечный миротворец, стал их разнимать и получил удар в горло. Умер он практически моментально. Позднее выяснилось, что его убийца имел четыре судимости и лишь за неделю до того был освобожден из тюрьмы по истечении срока заключения.

Я прочел об этом в газетах. Крис к тому времени только что поступил в аспирантуру, я же преподавал английский в средней школе, был уже в течение полутора лет женат, супруга вскоре должна была родить, и я тоже пытался родить свою первую книгу. Когда мне на глаза попался заголовок «Аспирант убит кинжалом в ресторане Портленда», я сказал жене, что сбегаю ей за молочным коктейлем, а сам сел в машину, выехал на окраину города, припарковался и проплакал навзрыд, наверное, с полчаса. Я очень люблю свою жену, но рыдать при ней, конечно, было невозможно. Уж слишком это дело интимное...

34

Теперь, наверное, нужно сказать немного о себе.

Как вы уже знаете, я стал писателем. Многие критики считают, что все мои писания — дерньмо, и иногда мне кажется, что они правы, однако мне все же доставляет

удовольствие вписывать «свободный литератор» в графу «род занятий» многочисленных анкет, который приходится заполнять, скажем, при получении кредита в банке или в конторе медицинского страхования.

Как это началось? Вполне обычная история: моя первая книга неплохо разошлась, по ней сняли фильм, который неожиданно стал суперхитом, к тому же получил неплохие отзывы критики. Тогда мне было только двадцать шесть. Затем последовала вторая книга и фильм по ней, потом третья и еще один фильм. Маразм, короче... В то же время жена вполне довольна моими успехами, у нас свой дом и трое детишек, все они — отличные ребята, в общем, я могу считать, что жизнь удалась и что, пожалуй, у меня есть все для счастья.

С другой стороны, как мне уже приходилось отмечать, писательский труд перестал мне приносить прежнюю радость. Эти бесконечный звонки, визиты... Иногда у меня жутко болит голова, и тогда приходится запираться в темной комнате, ложиться ничком и ждать, пока боль стихнет. Врачи утверждают, что это не классическая мигрень, а результат постоянного стресса, и уговаривают меня сменить образ жизни, работать менее напряженно, и все такое прочее. Какая глупость... Как будто это от меня зависит. Впрочем, время от времени я сам за себя беспокоюсь, но, что гораздо хуже, начинаю сомневаться, а нужно ли кому-нибудь то, что я делаю.

Забавно, но я не так давно вновь повстречался с «Тузом» Меррилом. Вот ведь как вышло: друзья мои мертвы, а «Туз» жив-здоров. Я видел, как он отъезжал с фабричной стоянки по окончании трехчасовой смены, когда в последний раз мы с ребятами навещали дедушку, то есть моего старика.

У него и сейчас был «форд», только не 1952-го, а 1977 года, с наклейкой «Рейган/Буш-1980» на заднем бампере. Он сильно располнел и полысел, его некогда красивое, с тонкими чертами лицо превратилось в упитанную харю. Он равнодушно скользнул по мне взглядом, не узнавая в тридцатидвухлетнем мужчине мальчишку, которому когда-то сломал нос.

Я решил понаблюдать за ним. «Форд» подкатил к замусоренной стоянке рядом с «Похмельным тигром», Меррил вылез из машины и, подтягивая на ходу брюки, заковылял к бару. Дальнейшее я мог вполне себе представить: вот он открывает дверь и под приветственные крики остальных завсегдатаев, усаживается на табурет, который протирает ежедневно, кроме воскресений, по меньшей мере часа по три кряду с тех пор, как ему исполнился двадцать один год, вот залпом выпивает первую кружку...

«Так вот ты каким стал, «Туз», — подумал я, трогаясь с места.

Слева, за фабрикой, виднелась Касл-ривер, не такая широкая, как тогда, но и не такая грязная. Железнодорожного моста уже не было, а река осталась. Как и я сам.

ХУДЕЮЩИЙ

Глава первая 246

«Худеющий», — шепчет старый цыган с гниющим носом Уильяму Халлеку в тот момент, когда он со своей женой Хейди выходит из здания суда. Только одно слово доносится до него вместе с запахом его дыхания. «Худеющий». Прежде, чем Халлек успевает отшатнуться, старый цыган протягивает руку и проводит скрюченным изуродованным пальцем по его щеке. Рот раскрывается, как рана, обнажая надгробия зубов, торчащих из голых десен. Эти редкие зубы — почтевшие и зеленоватые... между ними просовывается язык, вылезает наружу и облизывает потрескавшиеся губы, растянутые в улыбке.

Худеющий.

Воспоминание вернулось к Билли Халлеку по понятной причине: в семь утра он стоял на весах, обернув поясницу полотенцем. Снизу доносился аппетитный запах яичницы с ветчиной. Пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть цифру на шкале. Нет, не просто вытянуть, а наклониться. Каждый раз приходилось наклоняться. Он был крупным мужчиной. Слишком крупным, как доктор Хустон рад был ему сообщить. *На тот случай, если тебе никто об этом не говорил, позволь, я тебе сообщу*, сказал ему Хустон во время последнего осмотра. *Мужчина с твоими доходами и твоими привычками вступает в царство сердечных приступов примерно лет в тридцать восемь, Билли. Тебе нужно сбросить вес.*

Сегодня утром новости оказались неплохими: он неожиданно сбросил три фунта — с 249-ти до 246-ти.

В последний раз, когда он отважился встать на весы, стрелка указывала на 251, правда, он был в брюках, а в

кармане лежала мелочь, да еще ключи, его армейский ножик. К тому же, весы в ванной наверху врали в большую сторону — в этом он был почти уверен.

Будучи еще обыкновенным нью-йоркским мальчишкой, он где-то слышал, что цыгане обладают даром предвидения. Может, это и есть тому доказательство? Попытался засмеяться, но дальше слабой и довольно неуверенной улыбки дело не пошло: рановато было закруглять смешком «цыганское дело». Должно пройти время, и все уляжется; он был достаточно зрелым человеком, чтобы понять это. А пока от мысли о цыганах было тошно. Он от души надеялся, что в жизни больше ни одного из них не встретит и отныне на гулянках будет лишь забавляться хиромантией да баловаться спиритической планшеткой Уиджа — скромно и безобидно.

— Билли?! — Зов снизу.

— Иду!

Он оделся, заметив с почти подсознательной досадой, что потеря им трех фунтов ничего не значила для его трусов — они по-прежнему туговаты. Сорок два дюйма в обхвате. На Новый Год бросил курить точно в 00.01, и началась расплата. Ничего себе расплата за отказ от дурной привычки. Спустился по лестнице — сорочка расстегнута, галстук переброшен через шею. Линда, его четырнадцатилетняя дочь, как раз выходила из дома во «флиртующей» юбочке. Махнула конским хвостом прически, перехваченным на сей раз вполне сексуальным бархатным бантом. Под мышкой — учебники, в другой руке два небольших помпона для парада мажореток — один белоснежный, другой ярко-красный.

— Пока, пап!

— Счастливо, Лин!

Халлек сел за стол и первым делом схватил «Уолл-стрит джорнел».

— Возлюбленный! — сказала Хейди.

— Моя дорогая! — с шутливым пафосом ответил он и немедленно отложил газету.

Жена поставила перед ним дымящуюся яичницу, английскую сдобы с изюмом и пять кусочков поджаристого бекона. Хорошая еда. Сама скользнула на стул напротив

него и закурила «Вантаж-100». Минувшие январь и февраль были несколько напряженными — слишком много «обсуждений» — фактически, закамуфлированных ссор, слишком много ночей в постели спиной к спине. Но выход нашли: она перестала подкалывать его по поводу веса, а он прекратил нудить по поводу ее полутора пачек сигарет в день. В итоге весна получилась недурная. На фоне достигнутого между ними перемирия произошли и некоторые другие приятные вещи. Во-первых, Халлек получил повышение, и немалое. «Грили, Пенсли и Киндер» теперь стали «Грили, Пенсли, Киндер и Халлек». Мать Хейди исполнила свою давнюю угрозу и вернулась к себе в Вирджинию. Линда наконец-то выбилась в ведущие парада мажореток, что для Билли стало сущим благом, так как ее сценические потуги порядком напрягали. В общем, все пошло нормально.

Потом в городе появились цыгане.

«Худеющий», сказал старый цыган; и что там за гадость приключилась с его носом? Сифилис, что ли? Рак? А может, и что-то похлеще, вроде проказы? Да черт с ним, в конце-то концов! Выброси из головы!

— Не можешь выбросить из головы эту историю? — внезапно спросила Хейди. Так внезапно, что Халлек вздрогнул. *Билли, не твоя вина была.* Так сказал судья.

— Да нет, я не о том думал.

— А о чём ты думал?

— Да «Джорнел»... — ответил он. — Там говорят, что в нынешнем квартале жилищное строительство опять затормозилось.

Не его вина — это точно. Судья верно сказал. Судья Россингтон. Кэри — для друзей.

Для друзей вроде меня, подумал Халлек. Сколько партий в гольф с Кэри Россингтоном. На гулянке у нас накануне Нового Года два года назад, когда я решил бросить курить и не сделал этого. Кто мял твою такую вызывающую титьку во время традиционных обменов новогодними поцелуями? Не может быть! Ну конечно же — добрый славный Кэри Россингтон, провалиться мне на этом месте!

Да. Добрый старый Кэри Россингтон, перед которым Билли оспаривал полтора десятка муниципальных судеб-

ных дел. Добрый старый Кэри Россингтон, с которым Билли время от времени играл в покер в клубе. Добрый старый Кэри Россингтон, который не уронил себя, когда его старый приятель по гольфу и покеру Билли Халлек (Кэри иной раз хлопал его по спине и орал: «Ну, как твои... висят. Большой Билл?!») предстал перед ним не для того, чтобы оспаривать статью муниципального закона, а по обвинению в убийстве в результате наезда автомобиля.

И когда Кэри Россингтон не ударил лицом в грязь, все сделал, как положено, — кто сказал детишкам: У-у-у-у?!! Кто их напугал? Кто нашелся во всем замечательном городе Фэйрвью, чтобы пугать детишек?! Да никто! Никто их не пугал. Да и кто они такие в конце-то концов? Всего лишь сброд грязных цыган. Чем скорее они уберутся из Фэйрвью в своих универсалах и трейлерах, облепленных пошлыми наклейками, тем лучше. Чем быстрее...

...Тем худее.

Хейди раздавила сигарету в пепельнице.

— Я тебя слишком хорошо знаю. Вся эта затея с застройкой — дерьмо.

Билли предполагал то же самое. Предполагал, что и она над этим серьезно думает. Лицо ее было сегодня слишком бледным, и выглядела она на свои тридцать пять, что случалось редко. Поженились они уж очень молодыми, юными прямо. Он до сих пор помнил, как коммивояжер, явившийся к ним спустя три года после свадьбы, предлагая пылесосы, посмотрел на двадцатидвухлетнюю Хейди Халлек и вежливо спросил: «Девочка, а твоя мама дома?»

— Хм... аппетит ты мне такими сравнениями все равно не испортишь, — сказал он, и верно: яичница была уничтожена довольно быстро, от бекона не осталось и следа. Он выпил половину бокала апельсинового сока и подарил в благодарность большую улыбку доброго славного Билли Халлека. Она попыталась изобразить ответную улыбку, но не очень-то получилось. Он представил себе дощечку, висящую на ней: «Мой улыбатор временно вышел из строя». Протянул ей руку через стол. — Хейди, все теперь в порядке. Даже если и нет, все равно — закончено.

— Да, да, я знаю. Знаю.

— А Линда?..

— Все прекратилось. Она говорит... говорит, подруги ей сочувствуют... поддерживают.

В течение недели после того, как это стряслось, его дочери пришлось туда. Из школы она приходила вся в слезах или на грани слез. Пропал аппетит, стала бледной. Халлек решил с ума не сходить и шума не затевать. Поговорил с классной руководительницей Линды по физкультуре и урокам парадных маршней для девочек мисс Ниринг. В итоге удостоверился (ах, какое славное юридическое словечко!) в том, что дочку дразнили. Подшучивания и подкалывания были грубыми и не смешными, как и водится у девчонок ее возраста, к тому же весьма плоскими, учитывая обстоятельства: ну чего иного можно ожидать, если шутки про мертвого ребенка были верхом остроумия?

Он предложил Линде прогуляться с ним пешком по улице. Улица Лантерн Драйв застроена по обеим сторонам безвкусными домами с палисадниками. Стоимость этих жилищ составляла примерно 75 тысяч долларов. Цена возрастила по мере приближения к местному клубу и достигала 200 тысяч, но это уже с плавательными бассейнами и саунами внутри каждой виллы.

Линда была в шортах, одна штанина которых поползла по шву... и Халлек заметил, что ноги ее выросли, став такими длинными, что виднелись нижние желтые трусики. Сердце кольнули жалость и страх. Девочка росла и, видимо, сама понимала, что шорты ей уже малы и слишком изношены. Подумал: бедная девочка надевала их, потому что чувствовала подсознательно — они служили ей мостиком в безопасное детство, в то самое детство, где папочки не предстают перед судом (не важно, сколь краток процесс перед лицом твоего старого партнера по гольфу и пьяного нахала, лапающего груди твоей жены, — Кэри Россингтона, который отобьет молотком приговор).

Ты понимаешь, Линдошка, что это был несчастный случай?

Она кивает головой, не глядя на него.

Да, пана.

Она появилась между двумя автомобилями и не глядела по сторонам. Я просто не имел возможности остановиться. Абсолютно не было времени.

Пап, я не хочу больше слушать про это.

Я знаю. И сам не хочу об этом говорить. Но ты же слышишь обо всем... в школе.

Она со страхом смотрит на него. Пап! А ты что, в школу?..

Ходил? Да, ходил. Но в половине четвертого, вчера, не раньше. Там никаких детей уже не было. Я никого не видел, никто не узнает.

Она испытывает облегчение.

Я слышал, что другие дети тебе житья не дают. Мне очень жаль.

Да нет, не так уж страшно, говорит она, взяв его за руку. А ее лицо со свежей россыпью агрессивно-красочных угрей на лбу говорит совсем иное. Эти угри словно кричат ему, что обращение с ней — жестокое. Вот какова расплата за то, что отец был арестован.

Я слышал также, что ты держишься молодцом. И не делаешь из этого большой проблемы. Потому, что если чужие заметят слабину, они тебя достанут.

Да, я знаю, мрачно отвечает она.

Мисс Ниринг сказала, что прямо гордится тобой, говорит он. Немножко привирает. Мисс Ниринг такого не говорила, но, во всяком случае, хорошо отзывалась о Линде, а это для Халлека значит многое, не меньше, чем для его дочери. И цель достигнута. Впервые ее глаза оживляются, когда она смотрит на Халлека.

Что, она прямо так и сказала?

Так и сказала, подтверждает Халлек. Ложь дается легко и звучит убедительно. Почему бы нет? Последнее время он и так много врал.

Она стискивает его ладонь и благодарно улыбается.

Им очень скоро все это надоест, Линдочка. Найдут другую кость, чтобы грызть. Какая-нибудь девочка нечаянно забеременеет, с какой-нибудь учительницей случится истерика, или какой-нибудь пацан попадется на торговле гашишем: Тут тебя, как говорится, и снимут с крючка. Поняла?

Внезапно она раскидывает обе руки и крепко обнимает его. Он решает, что она, в сущности, не так уж быстро растет и что не всякая ложь есть зло. Папочка мой любимый, говорит она.

И ты моя любимая девочка, Линдочка.

Он тоже обнимает ее, и в этот момент кто-то на всю катушку в его мозгах врезает стретеоусилитель, и он слышит снова двойной стук: первый — когда передний бампер его «девяносто восьмого» бьет по старой цыганке с ярким алым платком на голове, второй — когда передние колеса подпрыгивают на ее теле.

Вопли Хейди.

Халлек еще крепче обнимает свою дочь, ощущая на коже мурашки.

— Сделать еще яичницу? — спросила Хейди, нарушив его раздумья.

— Нет. Нет, спасибо. — Он виновато посмотрел на пустые тарелки: как бы ни шли дела, хоть из рук вон плохо, они никогда не лишали его ни сна, ни аппетита.

— Ты уверен, что?..

— О'кей! — Он улыбнулся. — Ты — о'кей, я — о'кей, Линда — о'кей. Как говорят в мыльных операх, кошмар позади, нельзя ли нам вернуться к нашей жизни?

— Прекрасная идея. — И на сей раз она смогла ответить ему вполне искренней улыбкой.

Внезапно ей стало снова меньше тридцати.

— Дожарить тебе бекон? Там еще два кусочка осталось.

— Нет, — сказал он, вспомнив, как тую сидели трусы на его талии (талия называется! Ха-ха? Последний раз у тебя была талия где-то в 1978 году — шайба ты хоккейная!), то и дело приходится живот поджимать. Вспомнил про весы и сказал:

— А знаешь, давай-ка еще один кусочек. Три фунта сбросил, как-никак.

Жена уже возилась у плиты. Несмотря на его первоначальное «нет». *Иногда она видит меня насквозь до такой степени, что это даже угнетает*, — подумал он. Хейди обернулась.

— А ты все думаешь об этом?

— Да нет же! — отрезал он. — Ну может, в конце концов, человек тихо-мирно сбросить три фунта веса? Ты же сама говоришь, что хотела бы видеть меня немножко... худеющим

... не таким толстым. — Ну вот, опять Хейди навела его на мысли о цыгане. *Будь он неладен!* Изъеденный нос цыгана, его чешуйчатый скрюченный палец, коснувшийся щеки прежде, чем он успел отшатнуться. Так отшатываются от прикосновения паука или от шевелящегося месива жуков и червей под трухлявым бревном.

Хейди поставила перед ним бекон и поцеловала в висок.

— Извини. Ешь и теряй вес. Но помни, что там Билли Джоэл говорит на этот счет...

I love you just the way you are...

«Люблю тебя такой, как есть...» — пропели они в унисон.

Он схватил было «Джорнэл», но показалось слишком тоскливо. Поднялся из-за стола, вышел из дома, подобрал на цветочной клумбе нью-йоркскую «Таймс». Этот мальчишка-почтальон непременно швырнет газету на цветы. К тому он же так и не удосужился запомнить фамилию Билли. Что взять с двенадцатилетнего подростка.

Вернувшись с газетой, Халлек раскрыл ее на спортивных новостях и принялся за бекон. Когда Хейди поставила перед ним еще одну сдобы, облитую тающим сливочным маслом, он уже основательно углубился в таблицу результатов игр. Халлек машинально съел и сдобы, не обратив на это обстоятельство никакого внимания.

Глава вторая

245

В городе судебный процесс по поводу строительных недоделок длился уже более трех лет, и можно было ожидать, что он протянется в той или иной форме еще столько же, если не больше. И вдруг все неожиданно закончилось наилучшим образом. Истец во время перерыва в судебных заседаниях согласился на смехотворно низкую неустойку. Халлек не растерялся и подсунул своему кли-

енту на подпись бумагу о добрых намерениях. Клиент, хозяин фабрики красителей из Скенектади, в присутствии своего потрясенного адвоката взял и подписал все шесть копий письма, а судебный нотариус немедленно заверил подлинность подписей. Билли сидел во время всей процедуры неподвижно, скрестив пальцы на коленях, чувствуя себя так, словно выиграл в нью-йоркскую лотерею. Еще до обеденного перерыва дело было уложено и закрыто.

Билли потащил своего клиента к О'Ланни, заказал «Чивас» с водой для клиента и мартини — для себя. Потом позвонил домой Хейди.

— Мохонк, — коротко сообщил он ей, когда та подняла трубку. Так назывался курорт неподалеку от Нью-Йорка, где они давным-давно провели свой медовый месяц (подарок от родителей Хейди) и влюбились в это место, проводя с тех пор там нередко отпуск.

— Что?

— Мохонк, — повторил он. — Если не хочешь, попрошу Джюлиан из конторы.

— Ну уж, фигушки! Билли, а в чем дело?

— Ты хочешь поехать или нет?

— Ты что? Конечно! На этот уикенд?

— Завтра же, если договоришься с миссис Бин, чтобы она прибыла и позаботилась о Линде. Пусть проследит, чтобы все было вымыто, оргии не устраивались и чтобы...

Его слова заглушил радостный вопль Хейди:

— Билли! Неужто?! Неужто получилось?!

— Кэнли намерен успокоиться. Кэнли уже успокоился. После почти четырнадцати лет дурацких волокит твой супруг победил для хороших ребят. Победа неоспорима. С Кэнли договорились по-хорошему, и я теперь — король!

— Ой, Билли! Блеск! — завизжала она на сей раз так громко, что в трубке засвистало и Билли отодвинул ее в сторону.

— Как думаешь, Линда не будет возражать, если мы смоемся на пяток дней?

— Она только рада будет! Представляешь, сидеть у телека до часу ночи, болтать с Джоржией Дивер о мальчиках и лопать мой шоколад! А может, ты шутишь? Не холодновато ли будет в такое время? Твой джемпер

упаковать? Возьмешь полушибок или пальто? Или и то, и другое?

Он предложил ей выбрать вещи по своему усмотрению и вернулся к клиенту. Клиент уже наполовину осушил большой бокал виски «Чивас» и желал рассказать польские анекдоты. На радостях он выглядел так, словно его пыльным мешком по голове огрели. Халлек отпил мартини и вполуха выслушал избитые остроты о польских плотниках и польских ресторанах. Мысли его витали далеко отсюда. Дело могло бы иметь далеко идущие последствия. Конечно, рановато говорить о серьезной перемене в его карьере, но — чем черт не шутит? Очень недурно выиграть процесс с крупной фирмой. Это может означать, что...

— первый удар кинул Хейди вперед, она невольно стиснула пальцы; он смутно ощущал боль в гениталиях. Удар был такой резкий, трудно вообразить, что с ними случилось бы, если бы не ремни безопасности. Кровь брызнула вверх — три капли размером с монетку оросили ветровое стекло. Хейди еще не визжала — это будет позднее, — а он не успел ничего сообразить. Понимание происшедшего пришло со вторым ударом. И он...

— допил остатки мартини. На глаза навернулись слезы.

— С вами все в порядке? — забеспокоился клиент по имени Дэвид Дагенфилд.

— В порядке... Даже не представляете себе, до какой степени все в порядке. — Билли протянул руку клиенту. — Поздравляю, Дэвид. — Он больше не будет думать о несчастном случае, больше не будет вспоминать о цыгане с гниющим носом. Он стал отличным парнем, и это ощущалось в крепком рукопожатии Дагенфилда, в его немного усталой улыбке.

— Спасибо тебе, друг, — сказал Дагенфилд. — Большое спасибо. — Он вдруг перегнулся через стол и неуклюже обнял Билли Халлека. Билли тоже слегка стиснул его в объятьях. Но когда клиент опустил руки и случайно задел пальцем щеку Билли, ему вновь вспомнилось зловещее прикосновение цыгана.

Он коснулся меня, подумал Халлек, и хотя это было прикосновение клиента, друга, он невольно содрогнулся.

Возвращаясь домой, он пытался думать о Дагенфилде, потому что мысли эти были приятными, но когда проезжал по мосту Триборо, обнаружил, что думает о Джинелли.

Почти весь полдень он провел с Дэвидом Дагенфилдом в ресторане О'Лани. Но первое, что пришло в голову, — повести своего клиента к «Трем братьям», ресторан, которым негласно заправлял Ричард Джинелли. Кажется, годы прошли с тех пор, как Халлек посетил «братьев» в последний раз. Учитывая репутацию Джинелли, это было неразумно. Но он прежде всего вспомнил «Трех братьев», где были прекрасные обеды и вообще можно неплохо провести время, хотя Хейди не очень жаловала это место и самого Джинелли. Билли полагал, что она его боится. Он проезжал мимо Ган-Хилл Роуд, когда мысли вновь вернулись к цыгану, как приученный конь непременно возвращается в свою конюшню.

Сперва ты подумал о Джинелли. Когда ты в тот день вернулся домой, и Хейди плакала, сидя на кухне, ты первым делом подумал о Джинелли. «Слушай, Рич, я сегодня убил старую женщину. Могу я заглянуть к тебе в город? Потолковать надо».

Но Хейди была рядом, и она бы его не поняла. Рука Билли, потянувшаяся к телефону, вернулась обратно. Внезапно до него отчетливо дошло: он, преуспевающий юрист из Коннектикута, попав в скверную ситуацию, ничего лучшего не придумал, как обратиться к нью-йоркской шпане, к деятелю, который имел привычку расстреливать конкурентов.

Джинелли — высокий мужчина, не красавец, но и не урод. У него был сильный, но в то же время ласковый голос, который никак не ассоциировался с образом свирепого уголовника и убийцы. Судя по полицейским бумагам, он был связан со всеми тремя братьями. В тот день Билли хотел услышать именно его голос, после того как шеф полиции Фэйрвью Данкан Хопли отпустил его.

—... или так и будете сидеть весь день?

— А? — Билли очнулся от своих размышлений. Обнаружил, что сидит за столиком в переполненном ресторане.

— Я говорю, платить будете или...

— А? Да, да! — Билли торопливо вытащил деньги, забрал у официанта сдачу и вместе с клиентом покинул ресторан.

Теперь, возвращаясь на машине домой из Нью-Йорка, подумал, что Дагенфилд не смог отвлечь его от навязчивых мыслей. Что же, попробуем Мохонк. Надо в конце концов отделаться от старой цыганки, от старого цыгана, хотя бы на время забыть о них.

И снова он вспомнил Джинелли.

Билли познакомился с ним через фирму, которая семь лет тому назад выполняла какую-то работу для Джинелли. Халлеку поручили это дело как самому младшему юристу. Ни один из старших и солидных адвокатов не пожелал связываться с Джинелли, поскольку уже тогда репутация его была весьма скверной. Билли не стал спрашивать Кирка Пеншли, зачем вообще фирма согласилась иметь Джинелли в качестве клиента. Понимал, что в ответ ему предложат заниматься своими бумагами и не соваться к руководителям с вопросами по поводу их политики. Он подозревал, что у Джинелли имеется какой-нибудь скелет в шкафу, фигулярно выражаясь.

Халлек начал свою трехмесячную работу в качестве адвоката ассоциации «Трех братьев», ожидая, что будет с трудом преодолевать антипатию и страх перед своим клиентом. Но вместо этого увлекся личностью Джинелли. Тот оказался притягательной персоной, с ним было просто интересно общаться. Более того, и Джинелли отнесся к Билли с подчеркнутым уважением, которого тот не удостаивался в своей фирме целых четыре года.

Билли притормозил машину у Норуолкского турнайкета, чтобы оплатить выезд на магистраль. Машинально открыв шкафчик, вытащил из-под дорожной карты пачку печенья и принялся рассеянно жевать. Крошки посыпались ему на грудь.

Вся работа с Джинелли была завершена задолго до того, как главный суд Нью-Йорка выдвинул против него иск за организацию гангстерских расправ накануне войны наркобанд. Обвинение было выдвинуто Верховным Судом Нью-Йорка весной 1980 года и благополучно похоронено осенью 1981-го — главным образом из-за пятидесятипро-

центной смертности среди основных свидетелей обвинения. Например, один взорвался в автомобиле, где находился вместе с тремя охранявшими его полицейскими. Другой скончался, когда ему проткнули горло отломанной рукояткой зонтика. В этот момент свидетель сидел перед чистильщиком сапог.

Два решавших свидетеля, естественно, заявили, что они вовсе не уверены в том, что подслушали именно голос Ричи Джинелли, когда тот отдавал приказание убить бруклинского наркобарона по фамилии Ричовски.

Западный порт. Южный порт. Почти приехал. Халлек снова пошарил в «бордажке», нашупал пакетик арахиса, который подавали в самолете. Малость залежалый, но есть можно. Билли Халлек принялся жевать орехи, не ощущая вкуса.

Он и Джинелли все эти года обменивались рождественскими открытками, иногда встречались, чтобы поужинать или пообедать, — обычно у «Трех братьев».

Постепенно совместные обеды прекратились. Виной тому отчасти была Хейди, которая прониклась глубокой антипатией к Джинелли, а отчасти и сам Рич.

— Ты воздержись на время от визитов сюда, — сказал он однажды Билли.

— Почему это? — невинно спросил Билли, словно только вчера вечером не грызлись с Хейди из-за этого.

— Ну, потому что, с точки зрения общественности, я — гангстер, — ответил Джинелли. — Понимаешь, Уильям, молодых адвокатов, которые общаются с гангстерами, по службе не продвигают. В этом все дело. Я хочу, чтобы ты был чистеньkim, незамаранным и рос по службе.

— Хм... значит, в этом все дело?..

Джинелли как-то странно улыбнулся.

— Ну-ну, в общем... есть и другие причины.

— Какие же?

— Уильям, я надеюсь, тебе никогда не придется узнать об этом. Но время от времени ты все же заглядывай кофейку попить. Поболтаем, похоммим. Короче, не пропадай, вот что я хочу тебе сказать.

И Билли время от времени заглядывал (хотя признавал, что такие визиты становились все реже и реже), а когда

оказался перед судом по обвинению в наезде и убийстве по небрежности, он прежде всего вспомнил Джинелли.

Но добрый старый бабник Кэри Россингтон обо всем позабочился, шепнул ему разум. Зачем вдруг задумался о Джинелли? Мохонк — вот о чем стоит думать. И о Дэвиде Дагенфилде, который принес удачу. И о потере нескольких фунтов веса.

Однако, подъезжая к дому, он поймал себя на том, что опять вспоминает фразу, сказанную ему Джинелли: *Уильям, я надеюсь, тебе никогда не придется узнать об этом.*

Узнать — что? — подумал Билли. А навстречу бежала Хейди, которая обняла и поцеловала его, и Билли на время забыл обо всем.

Глава третья МОХОНК

Это была их третья ночь в Мохонке, и они как раз закончили заниматься любовью — шестой раз за три дня: головокружительная перемена после скромных двух раз в неделю. Билли лежал рядом с ней, испытывая удовольствие от аромата духов «Анаис-Анаис», смешанного с запахами ее чистого пота иекса. На какой-то миг в ленивоблаженные размышления опять вплелся образ старой цыганки за миг до того, как его «Олдс» нанес удар. Послышался звон бутылочки «Перье», и образ пропал.

Он повернулся к жене и крепко обнял ее.

Она обхватила его одной рукой, а другой провела по его бедру.

— Ты знаешь, — сказала она, — если я кончу еще раз, то потеряю часть мозга, могу вообще стать безмозглой.

— Да это миф! — Билли улыбнулся.

— Что мозги теряются при оргазме?

— Чушь. Чушь, что якобы теряешь мозговые клетки отекса. Если это и происходит, то они потом восстанавливаются. Это точно.

— Ну, раз ты так говоришь...

Она удобнее прижалась к нему. Рука, блуждавшая по его бедру, слегка коснулась пениса, пошевелила расти-

тельность (в прошлом году он с разочарованием обнаружил там седину) и погладила его живот.

Внезапно она приподнялась на локте, немножко испугав его. Он только начал дремать.

— Послушай, а ты и в самом деле потерял в весе!

— М-м-м?...

— Билли Халлек, ты худеешь!

Он шлепнул себя ладонью по животу, который иногда называл «домом, который построил Будвейзер», и засмеялся.

— Не слишком-то. Все равно выгляжу, как единственный мужик в мире на седьмом месяце беременности.

— Да, ты еще пока толстый, но не такой, как прежде. Уж я-то знаю. Когда последний раз взвешивался?

Он подумал и вспомнил: в то утро, когда договорились с Кэнли. Он тогда весил 246.

— А! Ну, помнишь — я еще тебе сказал, что потерял три фунта?

— Ты утром первым делом взвесься.

— А здесь в ванной весов нет, — сказал Халлек удовлетворенно.

— Шутишь, что ли?

— Нет. Мохонк — цивилизованное место.

— Надо найти весы.

Он начал задремывать. Пробормотал:

— Ну, если хочешь...

— Хочу.

«Хорошая жена», — подумал он. Последние пять лет, когда он начал устойчиво прибавлять в весе, то и дело объявлял, что садится на диету и начинает заниматься физзарядкой. Но диеты немедленно становились самообманом: то утром сосисок перехватит помимо кефира или наспех проглотит пару гамбургеров в субботу, пока Хейди отсутствует где-нибудь на аукционе или распродаже шмоток. Пару раз даже остановился в паршивой забегаловке, где торговали горячими сэндвичами с мясом. Впечатление такое, что микроволновая печь выпаривала мясо, оставляя только кожу. Тем не менее набрал этих тощих бутербродов и съел все без остатка. Пиво свое любил по-прежнему, хотя еда оставалась главным удовольствием. Устоять перед кулинарными соблазнами он просто не мог, а уж когда

следил за каким-нибудь матчем по телевизору, то грыз все, что под руку подворачивалось.

Утренняя зарядка длилась обычно с неделями, потом оказывалось, что некогда, или просто пропадал интерес. В прихожей покрывался пылью набор гантелей. Каждый раз, когда спускался вниз, ему казалось, что гантели смотрят на него с обидой и укором. Поэтому старался лишний раз не смотреть в ту сторону.

Потом Билли изо всех сил втягивал живот и заявлял Хейди, что сбил вес до 236. Она в таких случаях кивала головой, говорила, что это хорошо, что она довольна и замечает разницу. Но она также замечала в мусорном ведре пустые пакеты из под чипсов, кукурузы и прочего. С тех пор, как Коннектикут принял закон о приеме стеклотары, скопления пивных бутылок в чулане стали не меньшим укором, чем покинутые гантели.

Она видела его спящим. Хуже того, видела, как он делает пи-пи. А ведь когда справляешь малую нужду, втянуть живот никак не удается. Он попытался, но оказалось невозможно. Она знала, что фунта три он потерял, от силы — четыре. Можешь, конечно, дурачить свою жену, имея любовницу, но весом ее не проведешь. Женщина, которая по ночам время от времени ощущает этот вес на себе, четко знает, сколько ты весишь. Но она улыбалась и говорила: *Конечно, дорогой, ты выглядишь лучше*. Может, и не все было продиктовано ее добротой — он ведь тоже помалкивал на счет сигарет. Просто таким путем она поддерживала в нем чувство собственного достоинства.

— Билли?

— А? Что? — Он снова очнулся от дремы и взглянул на нее недовольно.

— А чувствуешь ты себя хорошо?

— Хорошо... нормально... Слушай, зачем эти вопросы?

— Понимаешь... иногда говорят, что неожиданная потеря веса может быть признаком чего-то.

— Ой, да я отлично себя чувствую. А ты мне не даешь заснуть. Придется доказать тебе... прыгнуть еще раз на твои кости, что ли?

— Давай.

Он застонал, а она рассмеялась. Вскоре оба заснули. Он видел сон. Оба снова выходят из магазина «Купи и сэкономь». Только теперь Билли осознавал, что видит сон, и знал, что должно будет случиться. Хотел сказать Хейди, чтобы она прекратила свои манипуляции, поскольку ему необходимо сосредоточиться на дороге: ведь скоро между двумя припаркованными автомобилями выскочит цыганка, точнее, между желтым «Субару» и темно-зеленым «Файрбердом». Ее седые волосы заколоты грошовой пластмассовой прищепкой, и она не будет смотреть по сторонам, а только прямо перед собой. Билли хотел сказать Хейди, что это их единственный шанс вернуть все назад, изменить, сделать правильным.

Но он не мог произнести ни слова. Наслаждение пробудилось от прикосновения ее пальцев. Сначала они легонько поигрывали, потом взялись за дело всерьез (его член твердел во сне, он слегка отвлекся от дороги при звуке застежки-молнии, которую она открывала небольшими рывками); наслаждение смешалось с ощущением страшной неизбежности. Вот уже показался впереди желтый «Субару», припаркованный позади зеленого «Файрберда» с белой полосой. Между ними ярко вспыхнули язычески пестрые цвета, куда более яркие, чем рекламные щиты Детройта или «Тойота Вилладж». Билли попытался закричать: *Перестань, Хейди! Вот же она! Я ее снова убью, если ты не прекратишь! Умоляю. О, Боже, нет! Нет! Умоляю тебя, Господи!*

Но фигура уже появилась между двух машин. Халлек попытался отпустить педаль акселератора и нажать на тормоз, но нога словно прилипла к проклятому акселератору и продолжала давить на него со всей силой. Руль заклинило, он весь сжался перед ударом, и тогда голова цыганки повернулась к нему, но перед ним была вовсе не старуха! Это был цыган с гниющим носом, у которого не было глаз. В тот момент, когда его «Олдсмобиль» врезался в него, сбив с ног, Халлек успел увидеть пустые глазницы, обращенные прямо к нему. Губы старого цыгана образовали полумесяц зловещей улыбки под его кошмарным носом.

Взметнулась сморщенная рука над капотом «Олдса», кованые кольца, браслеты язычников. Три капли крови

на ветровом стекле. Смутное ощущение острой боли, когда пальцы Хейди впились в него в момент оргазма, ускоренного шоком.

И услышал шепот, перекрывший отчетливо все другие звуки. Он донесся снизу, сквозь ковровое покрытие дорогого автомобиля: *Худеющий*. Билли проснулся, вздрогнув. Повернулся на бок и бросил взгляд в окно. Крик перехватило спазмом. Серп луны улыбкой завис над Адирондаками. На один миг ему увиделся старый цыган: голова слегка склонена набок, глаза — две яркие звездочки, заглядывавшие в их комнату во тьме ночи. Их свет — мертвенно-холодный, как у светлячков или огоньков на болоте, которые ему довелось видеть в Северной Каролине. И холодная улыбка полумесяца, таившая замысел мести.

Билли судорожно перевел дух, зажмурил глаза и снова раскрыл их. Луна снова стала луной. Спустя три минуты он уснул.

Новый день выдался ясным, и Халлек сдался на уговоры супруги вскарабкаться к тропам Лабиринта. Земли Монхонка были испещрены сложной сетью туристских троп: от самых обыкновенных до очень трудных. Лабиринт считался «умеренным», и во время медового месяца они с Хейди дважды совершили восхождение. Он помнил, какое удовольствие доставляли ему эти прогулки, — карабкался по кручам, а следом за ним — Хейди, смеющаяся, требующая, чтобы он поторапливался, увалень этакий. Помнил, как прятывались через узкую расщелину. Он зловещим голосом бормотал своей молодой жене: «Ты чувствуешь, как трясется под ногами почва?» — это когда они прятывались в самую узкую часть. Было очень тесно, но она ухитрилась шлепнуть его по заднице.

Халлек признался самому себе (но никогда, никогда — Хейди), что теперь больше всего боялся этих узких щелей. Во времена медового месяца он был стройным парнем, крепким, благодаря работе на лесоповале в западном Массачусетсе. Теперь он стал на шестнадцать лет старше и на много фунтов тяжелее. Весельчак доктор Хустон обрадовал его сообщением, что он вступил в возраст пороков сердца. Мысль об инфаркте на полпути в горы была тревожающей, хотя не слишком. Гораздо актуальнее опасность застрять в

одной из тех узких каменных глоток, через которые вились тропы к вершине. По-крайней мере через четыре таких пассажа придется с трудом протискиваться.

Ужасно не хотелось застрять в одном из таких мест.

Или еще такой вариант: бедняга билли Халлек застремает в расщелине и тут же получает инфаркт. Два удовольствия сразу!

В конце концов он согласился попробовать, при условии, что она одна доберется до вершины, если он вдруг окажется не в форме, чтобы продолжать восхождение. И еще одно условие: сначала они зайдут на «Нью-Плац» и купят там ему мокасины «сникерс». Хейди приняла оба условия с готовностью.

В городе Халлек обнаружил, что «сникерс» успели уступить место иной продукции, и никто больше даже не помнит, что это такое. Он купил пару зелено-серебристых спортивных туфель с цепкими подошвами для восхождений в горы и с большим удовольствием примерил удобную обновку. Тут же припомнил, что не носил матерчатых туфель пять... нет, шесть лет. И вот нынче снова надел такие.

Хейди восторгалась ими и говорила, что он точно выглядел потерявшим лишний вес. У выхода из обувного магазина стояли весы-автомат с рекламой ТВОЙ ВЕС — ТВОЯ СУДЬБА. Халлек видел такую рекламу в последний раз, когда был еще мальчишкой.

— А ну, прыгай, герой! — сказала Хейди. — Вот монетка.

Халлек почему-то не сразу встал на весы, испытывая смутное беспокойство.

— Давай скорей! Хочу посмотреть, сколько ты сбросил.

— Хейди, ты же знаешь, что эти уличные весы врут.

— Ну и пускай! Давай, Билли, смелей!

Он нехотя передал ей сумку и встал на весы. Она бросила монетку. Монетка звякнула, и на панель автоматически выдвинулись две серебристые металлические пластиинки. Над той, что повыше, был указан вес, пониже — его будущее, его судьба. Халлек удивленно вздохнул.

— Я так и предполагала, — сказала Хейди, стоя возле него. В голосе недоумение и сомнение, словно не знала — радоваться, бояться или сомневаться. — Я знала, что ты похудел!

Позднее Халлек подумал, что ее невольный возглас удивления был вызван тем фактом, что он во всей своей одежде, со швейцарским ножом в кармане, с обильным завтраком в желудке весил 232. Четырнадцать фунтов потери веса с тех пор, как уладил дело Кэнли.

Но не столь стремительная потеря веса заставила его изумиться. Предсказание будущего! Нет, там не было банальностей типа **ФИНАНСОВЫЕ ДЕЛА СКОРО УЛУЧШАТСЯ**, или **ВИЗИТ СТАРЫХ ДРУЗЕЙ**, или **НЕ ПРИНИМАЙТЕ ПОСПЕШНЫХ РЕШЕНИЙ**.

Там было лишь одно слово черными буквами: **ХУДЕЮЩИЙ**.

Глава четвертая 227

По дороге в Фэйрвью оба в основном молчали. Хейди вела машину, пока до Нью-Йорка не осталось миль пятнадцать и движение стало довольно плотным. Припарковались на обочине, и она уступила ему место за рулем. Водительских прав его никто не лишил. Верно, что старуха погибла, что труп ее был страшно изуродован, но Билли Халлек так и не получил ни единого прокола в водительских правах Коннектикута. Добрый старый бабник Кэри Россингтон об этом позаботился.

— Ты что, не слышишь, Билли?

Он бросил на нее мимолетный взгляд и вновь сосредоточился на дороге. Халлек стал теперь куда более дисциплинированным водителем: клаксоном почти не пользовался, рукой из окна автомобиля не размахивал, лучше примечал ошибки других и менее склонен был их прощать. Конечно, убийство старой цыганки уважения к себе не прибавило, да еще и ночными кошмарами замучило, но водителя из него сделало образцового.

— Ой, прости... я не рассыпал...

— Я просто сказала — «Спасибо тебе за чудесные каникулы». — Хейди улыбнулась и погладила его по руке. Для нее небольшой отпуск действительно получился отличным. Она умела выбросить из головы все негативное:

старую цыганку, судебное разбирательство, цыгана с разлагающимся носом. Все это для Хейди стало неприятностями прошлого, вроде периода дружбы Билли с тем нью-йоркским головорезом.

Но пришла иная мысль, и улыбка исчезла с ее лица, когда она снова внимательно посмотрела на мужа.

— Не за что, — ответил он. — Всегда рад услужить, пой дорогая.

— Когда прибудем домой...

— Я снова прыгну на твои кости! — с наигранным энтузиазмом воскликнул он и изобразил широкую улыбку. На деле он думал, что вряд ли бы поднялся, даже если бы перед ним прошелся парад далласских «Каугерлз» в костюмчиках голливудского Фредерика. И дело было вовсе не в том, что в Мохонке они вдруг зачастили. Дело было в «Судьбе» — «ХУДЕЮЩИЙ». Не могло быть на весах такого предсказания — просто игра воображения. Нет, все выглядело не менее реальным, чем название газеты. Вот что было самым страшным — реальность этой надписи: ХУДЕЮЩИЙ! Да никакому безумцу в голову не пришло бы вставлять в набор предсказаний подобное. У «предсказателей» набор всегда был один и тот же, вроде предстоящего путешествия или встречи со старыми друзьями. Никогда не бывало и быть не могло даже такой более деликатной формы, скажем: вам предстоит немного сбавить вес.

Значит, имела место галлюцинация.

Именно так!

Отсюда следует, что у него крыша поехала.

Ну, ну, брось! Это уже слишком.

Да нет, не слишком. Плохая новость, когда воображение выходит из-под контроля.

— Ты, конечно, можешь прыгнуть на меня, если хочешь, — сказала Хейди, — но я желала бы, чтобы ты прыгнул на весы в ванной...

— Ладно тебе, Хейди! Ну, сбросил в весе — подумашь, дело!

— Я даже горжусь тем, что ты возвращаешь себе форму, Билли. Но мы с тобой последние пять дней были постоянно вместе, и мне просто в голову не приходит, почему и как ты теряешь вес.

Он внимательно посмотрел на нее, но она не ответила взглядом: смотрела прямо перед собой в ветровое стекло, сложив руки на животе.

— Хейди...

— Ты ешь столько же, сколько всегда. Даже, может быть, немного больше. Горный воздух, знаешь, возбуждает аппетит.

— Не надо подслащивать пиллюлю, — сказал он, притормаживая, чтобы бросить в автомат дорожную пошлину. Губы его сжались, а сердце забилось чаще. Внезапно супруга вызвала в нем раздражение. — Скажи прямо, что я прожорливый боров. Чего крутиться вокруг да около? Я не обижусь.

— Ну почему ты так?! — воскликнула она. — Зачем ты меня обижаешь? Билли, ведь все было так чудесно.

Ему не надо было оборачиваться к ней на сей раз, чтобы понять по ее дрогнувшему голосу, что она на грани слез. Он тут же раскаялся, но раскаяние не убило раздражения и страха, который таился под ним.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал он, стиснув руль так, что костяшки на пальцах побелели. — Никогда. Но терять в весе — это же хорошо, Хейди. И не стоит меня за это бить.

— Да не всегда это хорошо! — крикнула она. Он даже вздрогнул, и машина слегка вильнула. — И ты сам прекрасно понимаешь, что это вовсе не всегда хорошо!

Теперь она плакала и рылась в сумочке в поисках салфетки. Он протянул ей свой платок, и она вытерла глаза.

— Можешь говорить все, что хочешь, Билли. Можешь злиться, можешь придираться ко мне. Можешь вообще испортить все впечатление от нашего отпуска, если хочешь. Но я люблю тебя, Билли, и я должна сказать то, что нужно сказать. Когда люди начинают терять вес без всякой причины, это может означать заболевание. Это даже одно из семи предостережений рака. — Она сунула ему платок обратно. Когда он взял его из ее рук, пальцы Хейди были холодными.

Слово было произнесено. Рак. Рифма: рак — дурак. Одному Богу известно, сколько раз это слово возникало в голове с тех пор, как он встал на весы возле обувного

магазина. Так отворачиваешься от назойливых крикливых нищих... или от хватких цыганят, бегущих по улице впереди табора. Цыганята пели странные песни — вроде бы и монотонные, но в то же время завораживающе-приятные. Они умели ходить на руках, удерживая босыми ногами тамбурины. А как они жонглировали! Любой «шапито» за пояс заткнут. Крутят пластмассовые тарелки на пальцах и даже на носу, да еще смеются при этом. Похоже, что все заражены какими-то кожными заболеваниями, много косоглазых, с заячьей губой. Когда обнаруживаешь перед собой внезапно такое дикое сочетание бурной жизненной активности с уродством, ничего не остается, как отвернуться. Нищие, цыганята, рак. Такое беглое порхание мыслей испугало его.

Но все равно — лучше припечатать словом.

— Я себя просто классно чувствовал, — повторил он свою мысль уже, наверное, в шестой раз с тех пор, как Хейди ночью начала задавать вопросы о его здоровье. Да ведь так оно и есть, черт подери! — Я зарядку делал, кстати.

Тоже верно... по-крайней мере последние пять дней. И по Лабиринту поднялись вместе. Хоть и одышка мучала всю дорогу, и живот пришлось поджимать в узких расщелинах, но ведь нигде не застрял. Да Хейди сама страдала от одышки даже больше, чем он, — дважды просила остановиться передохнуть. Билли дипломатично не упомянул ее частые перекуры.

— Я верю, что ты себя отлично чувствуешь, — сказала она. — Это замечательно. Но замечательно было бы еще и к врачу сходить. Ты уже более полутора лет у него не проверялся. Уверена, что доктор Хустон по тебе соскучился.

— А я думаю, он сам всего лишь мелкий наркоман.

— Мелкий — что?

— Ничего.

— Билли, говорю тебе, невозможно потерять двадцать фунтов за две недели благодаря лишь утренней зарядке.

— Я не болен.

— Ну, тогда можешь просто посмеяться над моей мнимостью.

Остаток пути до Фэйрвью ехали молча. Халлеку хотелось обнять ее, сказать — да, конечно же, он так и сделает,

как она советует. Но помешала странная до абсурдности мысль. Абсурдная, но исключительно тревожная.

Друзья мои! А может быть, у современных цыган появился новый вид проклятия? Как вы смотрите на такую возможность? Прежде они превращали вас в оборотня, насылали демона, чтобы среди ночи он вам башку оторвал, — и все в таком духе. Но времена меняются, не так ли? Что если этот старик прикоснулся ко мне, чтобы наслать на меня рак? Она права — ни с того ни с сего так в вете не теряют. Такая потеря — предвестница чего-то очень нехорошего. Вроде шахтерской канарейки, которая внезапно помирает в клетке. Рак легких, белокровие... меланома...

Безумная идея, но из головы никак не выходила: что если он прикоснулся ко мне и наслал на меня рак?

Линда приветствовала их поцелуями и, к их ободнному изумлению, вытащила из духовки великолепную пиццу с грибами. Обслуживала их на бумажных тарелочках, на которых нарисовала большого любителя этого блюда, их кота Гарфилда. Спросила, как прошел их второй медовый месяц, и прежде, чем они успели раскрыть рты, чтобы рассказать ей о своем путешествии, она закричала: «Ой! Кстати, чуть не забыла!» — и в течение всего обеда пересказывала им содержание сериала ужасов. Естественно, ей самой это было куда интересней, чем родителям, но Халлек и его супруга пытались выслушать со вниманием. Еще бы — столько новостей за неделю!

Убегая, Линда звонко чмокнула Халлека в щеку:

— Пока, худоба!

Халлек понаблюдал в окно, как она оседлала велосипед и помчалась по улице с развевающимся «хвостом». Потом повернулся к Хейди с потрясенным видом.

— Короче! — сказала она. — Ты намерен меня выслушать?

— Ты ей сказала. Подговорила ее сказать мне такое. Женский заговор, так сказать?

— Ничего подобного.

Он внимательно посмотрел ей в лицо и устало кивнул.

— Ладно... верю.

Хейди решительно погнала его в ванную, где он в итоге разделся донаaga, повязав только полотенце вокруг поясницы. У него вдруг возникло сильное ощущение «дежа-вю» — дислокации времени. Чувство того, что все это он уже когда-то пережил и видел. Оно было до тошноты острым. Абсолютная копия того момента, когда он вот так стоял на весах с полотенцем вокруг поясницы. Не хватало только запаха яичницы с ветчиной, доносившегося снизу. Все остальное было точным повторением.

Нет. Не точным. Одна вещь не совпадала.

Тогда он вытянул шею, наклонился, чтобы через собственное брюхо разглядеть цифры на весах. Теперь ему наклоняться было не нужно. Весы показывали 229.

— Ну что ж. Теперь все ясно, — сказала Хейди. — Я договариваюсь с доктором Хустоном.

— Да эти весы врут, — слабо возразил Халлек. — Они всегда врали. Потому я их и любил.

Она посмотрела на него холодно.

— Хватит, друг мой. Достаточно этой болтовни. Последние пять лет ты все сетовал, что весы врут в большую сторону. В ярком свете ванной он видел, насколько искренне она встревожена. Кожа на ее скулах натянулась.

— Стой здесь, — сказала она и вышла из ванной.

— Хейди?

— Подожди там! — она спустилась с лестницы вниз.

Вернулась со стандартной коробкой сахара, на которой было крупно отпечатано: «Вес 10 фунтов». Она поставила коробку на весы. На шкале появились цифры «012».

— Я так и думала, — мрачно сказала Хейди. Я ведь и сама взвешиваюсь. В сторону минуса она не врут и никогда не врали. Люди с повышенным весом любят неточные весы. Легче отметить реальные факты. Если...

— Хейди...

— Если весы показали 229, значит на самом деле ты весишь 227. Так что...

— Хейди...

— Позволь назначить визит к врачу.

Он помолчал, глядя на свои ноги, потом покачал головой.

— Билли!

— Я сам договорюсь о визите к врачу, — сказал он.

— Когда?

— В среду. Поговорю с ним в среду. Хустон по средам после обеда обычно отправляется в клуб и играет в гольф. Я сам с ним поговорю.

— А почему сегодня же не позвонить? Прямо сейчас?

— Хейди, — сказал он. — Не надо. Хватит. — И что-то в выражении его лица убедило ее, что давить больше не следует. В тот вечер она ни словом не затронула большую тему.

Глава пятая 221

Воскресенье, понедельник, вторник.

Билли сознательно избегал весов наверху. Наедался от души, хотя голодным себя не чувствовал — скорее, сила привычки. Перестал прятать в кладовке пакеты с разными орешками и печеньем. Жевал сыр с крекерами, засахаренную кукурузу, чипсы и прочее, наблюдая футбольные матчи по телевизору в воскресенье. В понедельник с утра на работе ел конфеты, а после обеда бутерброды с сыром. Что-то из этих двух компонентов или оба вместе повлияли на его пищеварение. С четырех до девяти вечера его ужасно пучило, и он то и дело портил воздух. Линда возмущенно вышла из гостиной, объявив, что вернется только в том случае, если ей дадут противогаз. Билли виновато улыбнулся, но не сдвинулся с места. Его личный опыт подсказывал, что убегать бесполезно. Этот запах словно прилипал к тебе.

Позднее, глядя сериал «Правосудие для всех», он вместе с Хейди съел целый пакет крекеров с сыром «Сара Ли».

Во вторник, возвращаясь домой, купил возле магистрального турникета пару чизбургеров и, управляя машиной, уничтожил бутерброды в один момент.

Когда миновал Западный порт, Билли вдруг ощущил, будто его разум отделяется от тела. Это не было ни мыслью, ни отражением реальности, но именно разделением. Вспомнил чувство физической тошноты, которое ощущал на весах в ванной по возвращении из Мохонка. Ему показалось, что

он вступил в новую фазу мышления. Словно некая астральная сущность принялась изучать его вплотную, и она стала его попутчиком. Что же видел этот попутчик? Нечто скорее смешное, нежели страшное. Мужчину, которому скоро стукнет тридцать семь, в туфлях «Болли», с контактными линзами «Бош и Ломб», в тройке стоимостью шестьсот долларов. Тридцатишестилетний толстый американский самец кавказского происхождения, сидящий за рулем «Олдсмобиля-98» модели 1984 года и пожирающий огромный бутерброд, с которого капает майонез и падают ошметки салата на его темно-серую жилетку. Над таким зрелищем можно только хохотать.

Он выбросил остатки второго бутерброда в окно и с ужасом посмотрел на свои пальцы, запачканные смесью соуса и майонеза. После чего сделал единственно разумную для данной ситуации вещь — расхохотался. И тут же пообещал себе: «Хватит! Этому безобразию пора положить конец».

Вечером, когда он сидел у камина и читал «Уолл-стрит джорнэл», пришла Линда. Пожелала спокойной ночи, поцеловала, слегка отстранилась и сказала:

— Слушай, пап! А ты становишься похожим на Сильвестра Сталлоне!

— О, господи! — воскликнул он, закатив глаза, после чего оба рассмеялись.

Билли Халлек обнаружил, что процедура взвешивания начала обретать черты некоего ритуала. С какого момента это началось? Он не знал. Еще будучи молодым парнишкой, он иногда становился на весы, бросал мимолетный взгляд на шкалу и отправлялся дальше. В какой-то момент, начиная со 190 фунтов и до нынешней почти восьмушки тонны, возник этот ритуал.

Какой к черту ритуал? — сказал он себе. *Привычка. Всего лишь привычка.*

Ритуал, упрямо прозвучал шепот из глубин сознания. Он был агностиком и не переступил порога какой-либо церкви с тех пор, как ему исполнилось девятнадцать. Но ритуал распознавал сразу, когда видел его. Процедура со взвешиванием уподобилась коленопреклонению. *Ты ви-дишь, Господи, как регулярно я это делаю. Так спаси и*

сохрани этого белого перспективного юриста от сердечного приступа или от среднестатистического инфаркта в возрасте сорока семи. Именем холестерина и ожирения. Аминь.

Ритуал начинается в ванной. Сначала сними одеяния. Облачись в темно-зеленый плюшевый халат. Брось грязное белье в стиральную машину. Если костюм надевал пару раз и не запачкал, повесь его аккуратно в шкаф на плечики.

В ванную входи с благоговением. Это исповедальня твоего веса и, соответственно, твоей судьбы. Сними халат, повесь на крюк возле умывальника. Помочись. Если есть хоть малейшие позывы сходить по-большому, сделай непременно. У него не было ни малейшей идеи, сколько могут в среднем весить его экскременты, но принцип был незыблемым: избавься от любого лишнего груза.

Хейди исподволь приметила этот ритуал и однажды не без легкого сарказма спросила, не желает ли он в подарок к дню рождения страусиное перо. Тогда, сказала она, он сможет вставлять его себе в глотку и парочку раз блевануть перед тем, как взвешиваться. Билли предложил ей тогда не выпендриваться... а ночью подумал, что идея-то, в принципе, не такая уж плохая.

И вот наконец однажды утром, в среду, Халлек впервые послал весь этот ритуал к чертовой бабушке. Утром в среду Халлек стал еретиком. Он стал чернее сектантов «черной мессы», поскольку вроде этих поклонников дьявола сознательно перевернул все вверх тормашками, как они переворачивают распятие.

Сперва он оделся, положил в карманы всю мелочь, какую смог найти (плюс, разумеется, его армейский нож), надел свои самые тяжелые башмаки, сожрал мощный завтрак, игнорируя настойчивые позывы шлаков организма на волю. Два яйца, поджаренные с ветчиной, тост и прочее были залиты апельсиновым соком и чашкой кофе (три кусочка сахара).

Со всей этой смесью, бурлящей в животе, Халлек поднялся в ванную, где встал на весы и посмотрел на шкалу. Смотреть на нее было неприятно, а в этот момент — тем более.

Он взглянул внимательно.

221.

Такого быть не может! Сердце учащенно забилось в груди. Чушь собачья! Что-то свихнулось тут окончательно. Что-то...

— Прекрати, — хрипело прошептал Халлек. Он попятился от весов, как пятится от пса, готового укусить. Приложил ко рту тыльную сторону ладони и начал тереть ею губы.

— Билли? — Хейди поднималась по лестнице.

Халлек повернул голову влево и увидел собственное побелевшее лицо в зеркале, под глазами — красноватые мешки, которых раньше не было. Лесенка морщин на лбу показалась более глубокой.

Рак, подумал он вновь, и это слово смешалось с шепотом старого цыгана.

— Билли, ты наверху?!

Рак. Точно он, проклятый. Вот и все. Каким-то образом он меня проклял. Старуха была его женой... или сестрой... и он наложил на меня свое проклятье. Неужели такое возможно? Неужели? Неужто уже сейчас рак пожирает меня изнутри, подобно тому, как его нос...?

Тихий сдавленный стон вырвался из глотки. Лицо в зеркале было воплощением болезненного ужаса — набрякшая физиономия инвалида. В этот момент Халлек почти полностью убедился: у него — рак.

— Билли-и-и!

— Я здесь. — Его голос прозвучал ровно. Почти.

— А я тут ору, ору!

Извини. Только не поднимайся сюда, Хейди. Не смотри на меня в таком виде, а то отправишь меня сразу в эту чертову клинику «Мэйо». Ради Бога, оставайся там. Прошу тебя.

— Ты не забудешь записаться к доктору Майклу Хустону?

— Нет, — ответил он. — Я запишуся.

— Спасибо, дорогой. — Хейди милосердно удалилась.

Халлек помочился, помыл руки и лицо. Когда он решил, что принял свой нормальный вид, спустился с лестницы, пытаясь беззаботно наслаждаться.

Никогда в жизни ему еще не было так страшно.

Глава шестая

217

— Сколько сейчас весишь? — спросил доктор Хустон. Халлек решил говорить начистоту и прямо сообщил ему, что потерял около тридцати фунтов за три недели.

— Ого! — воскликнул Хустон.

— Хейди малость волнуется. Сам знаешь — эти жены такие...

— Она права, что волнуется, — сказал Хустон.

Майкл Хустон был для Фэйрвью образцом мужчины: красавец доктор с седыми волосами и ровным загаром. Когда видишь его под тентом за столиком бара в клубе, невольно думаешь, что перед тобой молодая версия героя известного сериала — доктора Маркуса Велби. Теперь он сидел в баре у плавательного бассейна, который здесь называли корытом. На Хустоне были красные штаны для гольфа, подпоясанные широким белоснежным ремнем, туфли для гольфа — естественно, тоже белоснежные. Рубашка — фирмы «Лакост», часы — «Роллекс». Пил он «пинеколада». Его стандартной шуточкой была: «пенис-колада». У них с женой росли два невероятно красивых ребенка, жили они в большущем доме в нескольких минутах ходьбы от клуба — на улице Лантерн Драйв. Этим обстоятельством Дженни Хустон любила похвастаться, когда выпивала, заявляя, что дом стоил свыше ста пятидесяти тысяч. Хустон ездил на коричневом «Мерседесе» с четырьмя дверцами. Супруга — на «Кадиллаке-Симаррон», напоминавшем «роллс-ройс», страдающий геморроем. Их детишки посещали частную школу в Уэстпорте. Местные сплетни, которые чаще всего оказывались правдой, утверждали, что Майкл и Дженни Хустон, видимо, достигли своего *модуса вивенди*: он был маниакальным бабником, а она начинала принимать виски каждый день с трех часов. *Типичная семья Фэйрвью*, подумал Халлек и вдруг, помимо страха, ощутил усталость. Он в самом деле слишком хорошо знал эту публику.

Билли посмотрел на собственные сверкающие белые туфли и подумал: *Перед кем выпендриваешься? Все эти одеяния — ритуальные перья племени.*

— Завтра я хочу видеть тебя у себя в кабинете, — сказал Хустон.

— Да у меня еще процесс в суде...

— Плюнь на процесс. Это гораздо важнее... А пока вот что скажи: у тебя никаких кровотечений не было?

— Нет.

— Ну, буквально даже из скальпа, когда причесывалась?

— Нет.

— Какие-нибудь незаживающие ранки? Нарывы?

— Нет.

— Отлично, — сказал Хустон. — Кстати, я сегодня заработал восемьдесят четыре очка. Каково, а?

— Я думаю, еще пару лет тебе придется поиграть, прежде чем станешь мастером, — ответил Билли.

Хустон засмеялся. Подошел официант. Хустон заказал еще один «пенис-колада», Халлек — один «Миллер»: страшно захотелось вдруг пива.

Майкл Хустон наклонился к нему. Взгляд его был серьезен, и Халлеку снова стало страшно. Словно тонкая игла начала прощупывать очертания его желудка. С тоской он подумал, что в его жизни произошла перемена и отнюдь не к лучшему. Отнюдь. Он был очень напуган. Месть цыгана.

Строгий взгляд Хустона зафиксировался на Билли, и тот услышал:

— Пять шансов из шести, что у тебя рак, Билли. Мне нет нужды даже рентген делать. Твое завещание в порядке? Хейди и Линда не пропадут? Знаешь, когда ты еще относительно молод, тебе и в голову не приходит что такое может с тобой произойти. Однако может. Еще как может.

Сообщив тихим бесстрастным голосом эту самую важную для Билли информацию, Хустон неожиданно спросил:

— Сколько нужно носильщиков, чтобы похоронить черномазого из Гарлема?

Билли с легкой фальшивой улыбкой покачал головой.

— Шесть, — сказал Хустон. — Четверо несут гроб, а двое — тащат радиоприемник.

Хустон рассмеялся, а Халлек увидел мысленно картину: цыгана, поджидавшего возле здания суда. Позади него,

на участке, где стоянка была запрещена, находился старый пикап. На нем аляповато намалевана яркая картина: единорог, стоящий на коленях и склонивший голову перед цыганкой с охапкой цветов в руках. На цыгане была зеленая жилетка с пуговицами, сделанными из серебряных монет. Глядя на Хустона, смеющегося над собственной шуткой, Билли подумал: *Оказывается, ты помнишь гораздо больше, чем тебе казалось вначале. Думал, что запомнил только нос этого мужика! А н нет! Ты запомнил практически все.*

Дети. В кабине фургона сидели дети и смотрели на него бездонными карими глазами. Глаза их были почти черными. *Худеющий*, сказал старик, и несмотря на шершавость пальца, его прикосновение было почти любовным.

Номера Делавера, неожиданно вспомнил Билли. На их машине были номерные знаки Делавера. Возле бампера наклейка с изображением...

На руках Халлека появилась гусиная кожа. Хотелось заорать, как однажды орала тут женщина, которой показалось, будто ее ребенок утонул в бассейне.

Билли Халлек вспомнил, как впервые увидел цыган, когда они явились в Фэйрвью.

Они припарковали машины вдоль главной улицы, и тотчас на газоны высыпали дети, затеяв игры. Цыганские мамашы сбились в кучки, о чем-то болтая и наблюдая за детишками. Наряжены пестро, но не так по-деревенски, как в голливудских версиях тридцатых и сороковых годов. Женщины были в летних пестрых платьях, в брюках, а те, что помоложе, щеголяли в джинсах. Выглядели ярко, полными жизни, но в чем-то опасными.

Молодой парень выскоцил из микробаса «Фольксваген» и принялся жонглировать увеличенными копиями булав кегельбана. КАЖДОМУ НУЖНО ВО ЧТО-НИБУДЬ ВЕРИТЬ — было начертано на его рубашке с короткими рукавами. — И СЕЙЧАС Я ВЕРЮ, ЧТО ВЫПЬЮ ЕЩЕ ПИВА. Дети Фэйрвью побежали к нему, словно притянутые магнитом, с радостными криками. Парень играл бицепсами, на груди прыгал огромный крест. Мамаши Фэйрвью торопливо забирали своих детишек и уводили их прочь. Другие матери оказались менее проворными. Ребята по-

старше направились к цыганским детям, а те прервали свои игры и наблюдали за их приближением. *Горожане, говорили их темные глаза. Эти городские дети повсюду, куда ни сунься. Мы знаем ваши глаза и прически, знаем, как блестят на солнце скрепы-исправилки на ваших зубах. Мы не знаем, где будем завтра, но знаем, где будете вы. И как вам не надоедают одни и те же лица, одни и те же места? Наверное, потому вы так нас ненавидите.*

Билли, Хейди и Линда в тот день были (за два дня до того, как Халлек убьет старую цыганку) всего лишь в четверти мили отсюда. Они расположились пикником на полянке и ждали начала первого концерта духового оркестра в нынешнем сезоне. Большинство народа оказалось здесь по той же причине, что наверняка было известно цыганам.

Линда поднялась, отряхивая сзади свои джинсы «Ливайс», и направилась к жонглирующему цыгану.

— Линда, вернись! — резко окликнула ее Хейди. Ее пальцы ощупывали воротник свитера. Когда она бывала чем-то расстроена, это был ее обычный жест. Халлек предполагал, что она сама не знает за собой такой привычки.

— Мам, ну почему? У них там представление, кажется.

— Потому что они цыгане, — сказала Хейди. — Держись от них подальше. Они все жулики.

Линда посмотрела на мать, потом перевела взгляд на отца. Билли только пожал плечами. На лице дочери он увидел разочарование, а Хейди все теребила воротник свитера, явно чем-то недовольная.

Парень забросил свои булавы обратно в микробас одну за другой. Девушка неземной красоты начала бросать ему одну за другой пять индейских дубинок. Парень принялся жонглировать ими, подбрасывая некоторые вверх из-под мышки и крича при этом: «Хой!»

Пожилой человек в спецовке фирмы «Ошкош» и в клетчатой рубашке раздавал какие-то рекламные листовки. Прекрасная женщина, бросившая молодому жонглеру дубинки, выскочила из фургона с мольбертом. Установила его, и Халлек подумал: *Сейчас выставит какие-нибудь морские пейзажи, возможно, еще фотографии*

президента Кеннеди. Однако вместо картин она установила на подставке мишень. Кто-то из фургона кинул ей рогатку.

— Джина! — крикнул ей жонглер, подбрасывая индейские дубинки, и широко улыбнулся красавице, обнаружив отсутствие нескольких передних зубов. Линда вдруг решительно села на траву. Ее понятие мужской красоты формировалось извечными программами ТВ. Красота молодого цыгана погасла в один миг. Хейди перестала ощупывать воротник свитера.

Девушка бросила рогатку парню, а он бросил одну дубинку и, не меняя темпа, заменил ее рогаткой. Халлек тогда подумал: *невозможный трюк*. Парень сделал пару-тройку кругов, потом перебросил ей рогатку обратно и ухитрился успеть поднять дубинку, пока остальные кувыркались в воздухе. Посыпались разрозненные аплодисменты. Кое-кто из местных улыбался, Билли тоже поймал себя на этом. Но остальные смотрели настороженно.

Девушка отбежала от мишени, извлекла из нагрудного кармашка шарики от подшипников и стрельнула из рогатки три раза подряд в самый центр мишени — *плоп, плоп, плоп*. Никто из цыган ничего не продавал. Это было совершенно очевидно. Не было здесь и гадающих на картах.

Тем не менее полицейский автомобиль Фэйрвью вскоре прибыл, и из него вышли двое полицейских. Один был Хопли — начальник полиции, мужчина лет сорока, несколько грубовато красивый. Цыганская активность несколько сбавила темп, еще некоторые мамаши воспользовались этим, чтобы увести своих завороженных детей. Дети постарше протестовали, а малыши заплакали, когда их утаскивали прочь со зрелица.

Хопли начал обсуждать с молодым жонглером факты текущей жизни (дубинки, раскрашенные в синий и красные цвета, были рассыпаны по траве). К их беседе присоединился и пожилой цыган в спецовке. Он что-то сказал, и Хопли покачал головой. Заговорил, сильно жестикулируя, жонглер. Он подошел к патрульному полицейскому, сопровождавшему Хопли. Вся эта картина была до боли знакома, и Халлек вспомнил: типичная разборка игроков на матче бейсбола.

Цыган в спецовке взял жонглера за руку и потянул его на пару шагов назад, при этом выглядел, как школьный наставник, разнимающий «горячие головы». Парень сказал что-то еще, и Хопли снова покачал головой. Тогда он начал что-то выкрикивать, но до Билли доносились только голоса.

— Мам, а что там происходит? — спросила Линда, явно заинтригованная.

— Ничего особенного, — ответила Хейди. Она вдруг начала собирать и укладывать вещи. — Вы закончили есть?

— Да, спасибо. Пап, может, ты знаешь — чего это там?

У него на языке вертелось; *Ты наблюдаешь классическую сцену, Линда. Происходит Изгнание Непрошеных.* Но глаза Хейди были строго нацелены на его лицо, губы плотно сжаты, — совершенно очевидно, она считала, что здесь не место для грубых шуток.

— Не очень сам понимаю, — ответил он. — Просто различие во мнениях.

«Ничего особенного» было ближе к истине: собак ни на кого не спустили, резиновыми дубинками не махали, и «воронок» с решетками на окнах не припарковывался поблизости. Театральным жестом парень высвободил руку из пальцев «наставника», быстро собрал индейские дубинки и снова принялся жонглировать ими. Но от гнева рефлексы подводили, и представление получилось на сей раз убогим. Две дубинки упали почти немедленно, причем одна стукнула его по ноге. Некоторые из детей засмеялись.

Второй полицейский нетерпеливо направился было к упрямому парню, но Хопли удержал его. Потом Хопли прислонился к дереву, сунул большие пальцы за широкий пояс и уставился куда-то в пустоту. Он сказал что-то другому полицейскому. Тот с готовностью вытащил записную книжку из кармана брюк, лизнул палец, перелистал ее и направился к ближайшей машине — дряхлому «Кадиллаку-купе» начала шестидесятых годов. Что-то старательно писал, потом перешел к фургону «фольксвагена» — микробасу.

Цыган подошел к Хопли и начал что-то торопливо говорить. Хопли пожал плечами и отвернулся. Патрульный полицейский перешел к старому «Форду-универсалу». Цыган оставил Хопли и подошел к молодому парню.

Что-то ему доказывал, размахивая руками в теплом весеннем воздухе. Билли Халлек начал терять интерес и отвел взгляд от цыган, которые совершили ошибку, остановившись в Фэйрвью по пути из ниоткуда в никуда.

Жонглер внезапно повернулся и направился к микробасу, бросив остальные дубинки на траву (микробас был припаркован позади пикапа с намалеванной женщиной и единорогом). Цыган наклонился и собрал их, о чем-то говоря Хопли. Хопли снова пожал плечами. Билли Халлек не был телепатом, но знал, что Хопли получает удовольствие от всей ситуации. Это так же верно, как то, что на ужин он, Хейди и Линда будут доедать какие-нибудь остатки после пикника.

Молодая цыганка, стрелявшая из рогатки, попыталась заговорить с жонглером, но он, проходя мимо, сердито отмахнулся и влез в маленький автобус. Она постояла немного, глядя на пожилого цыгана с охапкой дубинок, и тоже полезла в микробас. Халлек, уже весьма безразлично наблюдавший за всем, в этот миг не смог оторвать от нее взгляда. Волосы ее были длинными, от природы волнистыми, они черными волнами спускались по спине. Блуза со штампованным рисунком и скромная юбка могли быть приобретены на самой дешевой распродаже, но тело цыганки удивляло экзотичностью и изяществом — кошка, пантера, леопард. Когда она ступила ногой в фургон микробаса, юбка на миг приподнялась, и он успел увидеть прекрасные линии ее бедер. В этот момент он безумно захотел ее и мысленно представил себя лежащим на ней в самый темный час ночного времени. Пробуждение былой страсти. Обернулся к Хейди. Ее губы были сжаты в ниточку, даже побелели, глаза смотрели, как тусклые монеты: Его взгляда на цыганку она не заметила, но увидела приподнявшуюся юбку и то, что под ней скрывалось, и все, конечно, поняла.

Полицейский с записной книжкой подождал, пока девушка скрылась в машине, захлопнул блокнот, сунул его в карман и подошел к Хопли. Цыганские женщины созывали своих детишек к машинам. Старый цыган с охапкой дубинок снова подошел к Хопли и опять что-то сказал. Хопли решительно и бесповоротно отказал, покачав головой.

На этом все и решилось.

Подъехала еще одна патрульная машина, на крыше которой лениво поворачивался фонарь-мигалка. Цыган посмотрел на нее, потом окинул взглядом городской сад Фэйрвью с его дорогостоящими площадками для игр, эстрадой-раковиной. На деревьях кое-где еще разевались разноцветные ленты — остатки украшений на Пасху, которую отмечали в прошлую воскресенье. На деревьях уже начинали распускаться листья.

Цыган направился к своему автомобилю, который возглавлял весь караван. Когда заработал мотор, все остальные завели машины, загудели, закашляли старые двигатели: Халлек услышал стук множества изношенных клапанов. Увидел сизый дым из выхлопных труб. С ревом и попукиванием «Универсал» выполз на дорогу от обочины, остальные двигались следом по направлению к Нью-Йорку.

— У них все огни зажжены! — воскликнула Линда. — Прямо как на похоронах!

— Тут еще два пряничка остались, — сказала Хейди. — Ешь.

— Не хочу. У меня уже полный живот. Папа, а эти люди?..

— У тебя никогда не будет бюста в тридцать восемь дюймов, если не будешь есть, — перебила ее Хейди.

— Я решила не иметь бюста в тридцать восемь дюймов, — отпарировала Линда, очередной раз поразив Халлека своим тоном светской дамы. — Сейчас в моде попки.

— Линда Джоан Халлек!

— Дай-ка мне пряничек, — сказал Халлек.

Хейди бросила на него холодный взгляд.

— О... тебе хочется этого? — И бросила ему пряник-кольцо. Сама закурила сигарету «Вантаж-100». Билли в итоге съел оба пряника. Хейди выкурила полпачки к тому времени, как концерт подошел к концу. При этом довольно сухо отвергала попытки Билли ее развеселить и только по дороге домой смягчилась. Цыгане были забыты. По крайней мере, до того дня.

Когда он заглянул в спальню Линды, чтобы пожелать ей спокойной ночи и чмокнуть в лоб, она спросила его:

— Пап, а куда полицейские их гонят из города?

Билли осторожно посмотрел на дочь, чувствуя одновременно и раздражение, и абсурдное удовлетворение, — вопрос все же польстил. Когда ей надо было узнать, сколько калорий в ломте немецкого шоколадного торта, она обращалась к Хейди. К Билли она шла, когда вопросы были потруднее. Порой он считал это несправедливым.

Он присел на ее постель и подумал — до чего же она еще юная. Билли был уверен, что его дочка лишена дурных наклонностей. Ее легко было обидеть, скажем, ложью. Наврать ей что-нибудь о том, что сегодня происходило у городского сада, — потом эта ложь тебе же и аукнется. Билли хорошо помнил, как отец внушал ему, что онанизм приводит к заиканию. Его отец был славным человеком во всех отношениях, но Билли никогда не простил ему эту ложь. Линда успела не раз поставить его в трудные ситуации: они прошли голубых, оральный секс, венерические заболевания и возможность того, что Бога нет. С детьми честность — утомительная штука.

Почему-то вдруг вспомнился Джинелли. Чтобы Джинелли сказал своей дочке на его месте? *Эту нежелательную публику следует держать подальше от городов, маленькая. Вот так обстоит дело: держать нежеланные элементы подальше от городов.*

И ведь так оно и есть — никуда не денешься.

— В общем-то, да... полиция их прогоняла из города. Понимаешь, душенька, это цыгане. Бродяги.

— Мама сказала, что они — жулье.

— Ну... многие из них организуют жульнические игры, дают фальшивые предсказания людям. Когда приезжают в такой городок, как Фэйрвью, полиция просит их двигаться дальше. Иногда они изображают, что будто бы их страшно унизили, оскорбили, и возмущаются. Но на самом деле особенно и не возражают.

Банг! В голове поднялся маленький флагок: ложь №1.

— Они раздают плакатики и листовки, в которых сообщается, где они будут выступать в следующий раз. Обычно договариваются с каким-нибудь фермером, владельцем угодий за городом, платят ему и устраивают на его земле табор, через несколько дней уезжают.

— А зачем они вообще приезжают? Чем они занимаются?

— Хм... понимаешь, всегда есть люди, которым хочется, чтобы им погадали на будущее, а также азартные игры некоторых привлекают. Но, как правило, в таких играх цыгане жульничают. *А может, и быстрый экзотический секс*, подумал Халлек, вспомнив задравшуюся юбку, когда красавица влезала в маленький фургон. *Интересно, как она двигается?* Разум ответил: *Как океан, готовый разразиться штормом, — вот так.*

— И люди у них покупают наркотики?

Нынче нет нужды покупать наркотики у цыган, дорожая. Всегда можно приобрести их на школьном дворе.

— Может быть, гашиш, — сказал он. — Или опиум.

Он прибыл в эту часть Коннектикута подростком и с тех пор обитал тут, в Фэйрвью, и еще в соседнем Северном порту. Цыган не видел почти двадцать пять лет... По крайней мере с тех пор, как жил подростком в Северной Каролине. Тогда он потерял пять долларов, проиграв в «колесо фортуны», — трехмесячное сбережение на подарок матери ко дню рождения. Вообще-то им запрещалось допускать к таким играм детей младше шестнадцати, но, разумеется, если покажешь монетку или длинную зеленую бумажку, — можешь делать ставку. Некоторые вещи никогда не меняются, подумал он, особенно старая истина: когда деньги говорят, никто не уходит. Если бы его еще вчера спросили, он пожал бы плечами и предположил, что больше бродячих цыган и таборов не существует. Но, видимо, это племя кочевников вечно. Приходят, не имея корней, и так же уходят: людское перекати-поле — готовы заключить любую сомнительную сделку и вовремя скрыться из города с долларами в засаленных кошельках, передаваемых по наследству. Они выжили. Гитлер пытался их истребить заодно с евреями и гомосексуалистами, но они, видно, переживут еще тысячу гитлеров.

— А я думала, что наш парк открыт для всех, он — всеобщее достояние, — сказала Линда. — Нам в школе так говорили.

— В какой-то мере это так, — ответил Халлек. — «Всеобщее» означает общую собственность жителей города. Налогоплательщиков.

Банг! Ложь №2. Налоги никакого отношения не имеют к общественным территориям в Новой Англии.

— Налогоплательщики? — сказала она с недоумением в голосе.

— Надо получить разрешение на использование общественных угодий.

Кланг! Ложь №3. Эта идея была отброшена в 1931-ом, когда группа фермеров, выращивавших картофель, основала Хувервиль в самом сердце Люистона, штат Мэн. Город обратился в Верховный Суд Рузвельта, но там их даже слушать не стали. И все потому, что хувервильцы избрали парк Петтингилл, чтобы разбить там свои палатки, а парк Петтингилл оказался общей землей.

— Так бывает и когда приезжает цирк «Шрайн», — подкрепил он свой довод.

— А почему цыганам не дают разрешения? — голос ее уже звучал сонно, слава Богу.

— Может быть, забыли что-то оформить...

Ни малейшего шанса, Лин. Только не в Фэйрвью. Тем более, когда видишь парк со стороны Лантерн Драйв и клуба: за этот вид, за такой пейзаж ты приличные деньги заплатил, так же как и за частные школы, где обучаются компьютерному программированию для банков на новеньких «Эпл» и «ТРС-80», не говоря уж о сравнительно чистом воздухе и тишине в ночи. Конечно же, нет возражений против цирка «Шрайн», тем более их нет — против празднества «Пасхальное яйцо». Но цыгане? Извините, — вот Бог, вот — порог, не забудьте вашу шляпу. Грязь мы с первого взгляда распознаем. Руками ее не касаемся. Зачем? Есть прислуга, которая все выметет из дома. Когда грязь появляется в городских общественных местах, у нас есть Хопли.

Но эти истины не для девочки-школьницы, подумал Халлек. Такие истины познаются жизнью. Может, узнаешь их от своих однокашниц, или само придет. *Не наши они люди, девочка, и держись от них подальше.*

— Спокойной ночи, папа.

— Спокойной ночи, Лин.

Он еще раз поцеловал ее и вышел.

Дождь со штормовыми порывами ветра забарабанил по окну его кабинета. Халлек проснулся, словно не от сна, а от дремоты. *Не наши они люди, девочка*, подумал он вновь и тихо засмеялся. Звук собственного тихого смеха испугал: только чокнутые смеются в одиночестве. Это и делает их чокнутыми.

Не наши люди.

Если раньше он в это не верил, то поверил теперь.

Теперь, когда он стал «Худеющим».

Халлек наблюдал, как медсестра Хустона вытянула из него одну-две-три пробы крови из левой руки и расставила их в контейнер, как яйца в картонку. Ранее Хустон дал ему три карточки на анализ стула и попросил прислать ему результат. Халлек мрачно сунул их в карман, потом наклонился для ректо-анализа, содрогаясь от унизительной процедуры, которая хуже некуда. Жуткое ощущение чужеродного вторжения.

— Расслабься, — сказал Хустон, надевая со щелчками резиновые перчатки. — Пока не чувствуешь обе мои руки на твоих плечах, можешь не беспокоиться. — Он рассмеялся.

Халлек зажмурил глаза.

Хустон увиделся с ним через два дня, поскольку, по его словам, главное — анализ крови. Халлек уселся в приторно уютной комнате (картины с изображением парусника-клиппера, борющегося с волнами, глубокие кресла, толстый мягкий ковер серого цвета), где Хустон консультировал пациентов. Сердце Билли тяжко билось, на висках выступили капельки холодного пота. *Не стану распускаться перед мужиком, отпускающим шуточки в стиле черномазых*, сказал он себе с мрачной решимостью и уже не первый раз. *Если придется поплакать выеду из города, припаркуюсь где-нибудь и сделаю это.*

— Знаешь, все выглядит прекрасно, — спокойно сказал Хустон.

Халлек заморгал. Страх успел настолько глубоко въестся в его душу, что ему показалось, будто он ослышался.

— Что?

— Все выглядит прекрасно, — повторил Хустон. — Можем еще повторить тесты, если хочешь, Билли, но я

шока что не вижу в этом необходимости. Скажу более, твоя кровь выглядит даже лучше, чем в двух прежних анализах. Холестерин снизился, то же самое с триглицеридами. Еще больше потерял в весе — моя медсестра зафиксировала утром 217 фунтов. Но что я могу сказать? Ты все еще на тридцать фунтов превышаешь норму, и я не желаю тебе опять потерять из виду собственный член. — Он улыбнулся. — А вот чего б я действительно желал, так это узнать твой секрет похудания.

— Нет у меня никакого секрета, — ответил Халлек. Он испытывал замешательство и огромное облегчение. Точно как пару раз в колледже, когда чудом сдал экзамены, не подготовившись к ним.

— Пока воздержимся от выводов — подождем результатов серии Хеймана—Рейхлинга.

— Чего?

— Твои говяные карточки, — сказал Хустон и расхохотался. — Может, в них что-нибудь вылезет. Но я тебе скажу, Билли, двадцать три различных анализа твоей крови — отличные. Картина убедительная. Халлек шумно выдохнул. Шумно и судорожно.

— Я... мне так страшно было.

— Помирают молодыми те, кто такого страха не знает, — ответил Хустон. Он выдвинул ящик письменного стола и извлек пузырек с маленькой ложечкой, прикрепленной на цепочке к пробке. Ручка ложки, заметил Халлек, была в форме Статуи Свободы. — Примешь малость?

Халлек покачал головой. Он был доволен. Ему приятно сидеть тут, сложив руки на животе — на своем уменьшенном животе — и наблюдая, как самый преуспевающий семейный доктор Фейрвью втягивал кокаин сначала одной ноздрей, потом — другой. Затем он спрятал бутылочку обратно в стол, вытащил другую и коробочку маленьких тампонов. Обмакнул тампон в пузырек и протер им ноздри.

— Дистиллированная вода, — пояснил он. — Предохраняет пазухи. — Хустон подмигнул Халлеку.

И со всей этой дурью в башке он, наверное, лечил детишек от воспаления легких, подумал Халлек. В дан-

ный момент доктор Хустон не мог не вызывать его симпатии, потому что сообщил прекрасную новость. Хотелось только одного: сидеть здесь, сложив руки на уменьшенном собственном животе, и исследовать ощущения нахлынувшего облегчения, испытывать их, как новый велосипед или новый автомобиль. Ему представилось, что когда он будет покидать приемную Хустона, почувствует себя заново рожденным. Режиссер, снимающий в этот момент фильм о нем, мог бы вполне сделать музыкальным фоном «Так сказал Заратустра» Рихарда Вагнера. От этой мысли Халлек улыбнулся, а потом засмеялся.

— Поделись хохмой, — сказал Хустон. — В этом грустном мире нам нужны любые хохмы, Билли-бой. — Он шумно втянул ноздрями и снова смазал пазухи носа тампоном.

— Ничего особенного, — ответил Халлек. — Просто... понимаешь, я уж очень был перепуган. Представил себе, как буду вести себя, пораженный раком.

— Может, еще и придется такое представить, — сказал Хустон. — Но не в нынешнем году. Мне, в принципе, даже и не нужны результаты анализа по Хэйману—Рейхлингу, чтобы сообщить тебе об этом. Рак имеет свое определенное внешнее обличье. По-крайней мере, когда он сжирает тридцать фунтов веса.

— Но я-то жрал, как и прежде. Я сказал Хейди, что больше стал заниматься физкультурой. А она мне говорит, что на утренних зарядках столько веса не сбросишь. Только жир свой уплотнишь.

— Ну, это не так. Последние исследования показали, что физические упражнения гораздо важнее диеты. Но она права в другом: для мужика-тяжеловеса, вроде тебя, вернее, такого, каким ты был, это необычно. Толстые мужики, которые начинают яро заниматься физкультурой, обычно заканчивают надежным второклассным тромбозом. От него не помрешь, но особенно и не погуляешь, в гольф не поиграешь и тому подобное.

Билли подумал, что кокаин делает Хустона разговорчивым.

— Короче, ты этого не понимаешь, я этого не понимаю, — сказал он. — Но тут я уж слишком многоного не

понимаю. Мой приятель-нейрохирург в городе пригласил меня посмотреть года три назад рентген черепа. К нему пришел студент из университета Джорджа Вашингтона, с жалобами на ослепляющие головные боли. Моему коллеге они показались типичными проявлениями мигрени, и парень выглядел предрасположенным к приступам мигрени. Но там мудрить-то было нечего. Подобные симптомы — признак мозговых опухолей, даже если у пациента отсутствуют обонятельные галлюцинации, — знаешь, то дерьмом пахнет, то тухлятиной, то поп-корном и прочим. Мой приятель сделал ему серию рентгеновских обследований и направил в клинику для анализа спинного мозга. И ты представляешь, что они обнаружили?

Халлек покачал головой.

— Этот парень по учебе — в лучшей тройке студентов университета, но оказалось, что у него почти отсутствует мозг. В центре черепной коробки обнаружились несколько переплетенных жгутов из ткани коры головного мозга — этакое макраме, представляешь? Мой коллега показал мне снимки. Просто поразительно! Эти жгуты управляли всем — от дыхания до оргазма. А остальная часть черепушки была занята спинномозговой жидкостью. Понять такого мы не могли: получалось, что эта жижа осуществляла его мыслительные процессы. Но так или иначе, он по-прежнему учится, по-прежнему страдает от мигрени и выглядит как человек, страдающий от мигрени. Если не помрет от сердечной болезни, где-то после сорока лет у него это может и пройти.

Хустон выдвинул ящик стола в очередной раз, повторил кокаиновую процедуру, предложил Халлеку, но тот только покачал головой.

— Или вот еще, — продолжил Хустон. — Лет пять назад пришла ко мне пожилая дама, жаловавшаяся на боли в деснах. Она, правда, уже умерла. Если назову тебе ее имя, сразу вспомнишь. Короче, я ее осмотрел и глазам не поверил. Последние зубы у нее выпали лет десять назад, ей уж было под девяносто. Так вот, у этой бабки прорезались новые зубы — пять штук! Не удивительно, что десна болели: третья партия зубов пошла. И это в восемьдесят восемь лет.

— Ну, и что ты сделал? — спросил Халлек. Он слушал доктора вполуха, как убаюкивающее жужжание или тихую музыку в магазине поношенных вещей. Голова была занята другим. Наверняка, кокайн Хустона не давал такого чувства удовлетворения, какое он теперь испытывал и саковал. Промелькнул было образ цыгана с разлагающимся носом, но в нем сейчас не было больше той темной силы, которая вызывала хронический страх.

— Что я сделал? — переспросил Хустон. — Господи, да что я мог сделать? Прописал ей усиленный вариант мази «Нум-Зит» — чем смазывают десны младенцев, когда у них прорезываются молочные зубы. До смерти у нее еще успели вырасти дополнительные три зуба.

— Я и с другими случаями сталкивался — сколько угодно. Каждый врач имеет дело с такими вещами, которым порой нет объяснения. Мы ни черта толком не знаем хотя бы о метаболизме. Знаешь, что это? Химические реакции в клетках, которые поддерживают нашу жизненную энергию, обмен веществ. Есть, к примеру, такие люди, как Данкан Хопли, — знаешь его?

Халлек кивнул. Шеф полиции Фэйрвью, гонитель цыган, этакий вариант местного Клинта Иствуда.

— Он жрет так, словно каждая еда — последняя в его жизни, — сказал Хустон. — Святой Моисей, я в жизни не видывал такого обжору! Но вес у него сохраняется постоянно на ста семидесяти. Поскольку рост у него шесть футов, то вес его как раз в норме. У него метаболизм буквально кипит. Он сжигает калории вдвое быстрее, чем, скажем, Ярд Стивенс.

Халлек кивнул. Ярд Стивенс был хозяином единственной в Фэйрвью парикмахерской под названием «Выше голову!» А весил не менее трехсот фунтов. Иной раз думаешь: не иначе ему жена шнурки на ботинках завязывает.

— Ярд примерно такого же роста, что и Данкан Хопли, — продолжал Хустон. — Но когда я видел его за обедом, он едва прикасался к еде, ел как птичка. Может, правда, он тайком в сортире наверстывает. Но не думаю. У него и рожа-то вечно какая-то голодная. Сам знаешь.

Билли слегка улыбнулся и кивнул. Он знал. Ярд Стивенс выглядел, как говорила его матушка, так, словно ему от еды никакого толку не было.

— Скажу тебе больше, хотя эти разговоры, я думаю, — между нами: и тот, и другой курят. Ярд Стивенс утверждает, что выкуриивает пачку «Мальборо» в день. Данкен говорит, что выкураивает две пачки «Кэмела» в день, а это значит — три, а то и три с половиной. Ты когда-нибудь видел Данкена без сигареты во рту или в руках?

Билли подумал немного и покачал головой. Тем временем Хустон обслужил себя очередной мощной понюшкой.

— Все! Хватит! — сказал он и решительно задвинул ящик стола. — В общем, Ярд выкуриивает полторы пачки легких сигарет, а Данкен — три пачки или больше крепких сигарет. Но из них двоих Ярд Стивенс нарывается на рак активнее, чем другой. Почему? Из-за проблемы метаболизма, а темпы метаболизма каким-то образом связанны с раком. Есть врачи, которые заявляют, что мы найдем средство лечения рака, когда разгадаем генетический код. Ну, может быть, какие-то разновидности рака. Но никогда мы до конца не раскроем тайну рака, пока полностью не поймем природу метаболизма. Что и возвращает нас к Билли Халлеку — невероятно худеющему человеку. Или лучше так: сокращающему массу. Не увеличивающему массу, а именно — сокращающему. — Хустон по-дурацки расхохотался над собственным суррогатом юмора. Билли подумал: *Если кокаин вытворяет с тобой такое, лучше уж принимать пряники-колечки.*

— Ты не знаешь, отчего я теряю в весе?

— Нет. — Хустон был явно доволен этим фактом. — Но я полагаю, что ты внушил себе похудеть. Так делают, ты знаешь. Примеров самовнушения полно. Приходит иной деятель, который хочет сбросить вес. Обычно у таких из-за страха перед ожирением сердце дает сбои, обмороки случаются во время игры в теннис или бадминтон. Я им прописываю хорошую успокаивающую диету, которая в течение пары месяцев позволяет еженедельно сбрасывать от двух до пяти фунтов. Таким манером можно сбросить от шестнадцати до сорока фунтов без всяких проблем и неудобств. Все хорошо. Только большинство людей теря-

ют в весе гораздо больше. Они соблюдают диету, но теряют в весе больше, чем ею предусмотрено. Тут словно некий часовой в мозгу пробуждается, который годами спал, а теперь начинает орать: «Пожар!» Метаболизм ускоряется, потому что часовой приказал ему устраниить лишние фунты, покуда весь дом не рухнул.

— О'кей, — сказал Халлек. Ему хотелось верить Хустону. На работе он взял отгул, и теперь им овладело желание отправиться домой и сообщить Хейди, что с ним все в порядке, подняться с ней наверх и заниматься любовью при солнечном свете в их спальне. — Верю!

— Если будешь по-прежнему терять вес, проведем полный курс обследования на ускорение метаболизма, — сказал Хустон. — Я, конечно, тут развивал мысль о том, что мы мало что мыслим в метаболизме, но иногда подобное обследование дает очень много. Я, правда, думаю, что до этого дела не дойдет. Мне кажется, темп похудания замедлится: на этой неделе — фунтов пять, на следующей — три, потом — один. А там — встанешь на весы и обнаружишь, что снова набрал.

— Спасибо тебе. У меня, знаешь, гора с плеч. — Халлек крепко пожал руку врачу.

Хустон улыбнулся заговорщически, хотя по сути дела, ничего не понял из того, что происходит с Халлеком. Главное — не рак.

— Для того мы и тут, Билли-бой.

Билли-бой направился домой, к супруге.

— Он так и сказал, что все в порядке?

Халлек кивнул.

Она крепко обняла его. Он ощущил соблазнительную упругость ее грудей.

— Пошли наверх?

Она посмотрела на него смеющимися глазами.

— Значит, ты — о'кей?

— Именно.

Они поднялись наверх. Секс был восхитительным.

Потом Халлек заснул и увидел сон.

Глава седьмая ПТИЧИЙ СОН

Цыган превратился в громадную птицу — стервятника с гниющим клювом. Он парил над Фэйрвью, сбрасывая с себя пепел вроде каминной сажи.

«Худеющий», — скрипуче прокаркал цыган-стервятник, пролетая над парком, над клубом, над «Уолденбукс», что на углу улиц Мэн и Девон, над «Эста-Эста» — неплохим итальянским рестораном Фэйрвью, над почтой, над заправочной станцией «Амоко», над современной стеклянной коробкой публичной библиотеки и, наконец, над засоленными пустотами к заливу.

Худеющий — всего одно слово, но оно несло в себе проклятие, и Халлек воочию в этом убеждался. Все в этом очаровательном городке Новой Англии, расположенным в самом сердце края Джона Чивера, все его преуспевающие, вежливые жители — все умирали от голода.

Он торопливо, быстрее и быстрее, шагал по главной улице, будучи при этом невидимым, — во сне все возможно, и с ужасом наблюдал последствия цыганского проклятия. Фэйрвью словно превратился в прибежище спасенных из концлагеря. Дети с большими головами и скелетообразными тельцами орали на богатых лужайках своих домов. Из кафе-мороженого «Вишня сверху», спотыкаясь и шатаясь, вышли две женщины в роскошных платьях. Их лица-черепа, обтянутые кожей, провалившиеся глаза, выпирающие скулы, шеи торчали из ямы между костлявыми плечами.

Появился Майкл Хустон, он кое-как передвигался, напоминая огородное пугало на тонких ногах с крупными суставами, на его почти бесплотном остове свободно болтался костюм. В костлявых пальцах он держал сосуд с кокаином. «Попробуй! — завизжал он Халлеку голосом крысы, угодившей в капкан, — предсмертный крик животного. — Попробуй! Он ускорит твой метаболизм, Билли-бой! Попробуй! Попробуй...»

С растущим ужасом Халлек понял, что рука, протягивающая ему сосуд, вовсе не рука как таковая, а кости. Человек был ходящим и говорящим скелетом.

Он повернулся, чтобы бежать, но, как это бывает в кошмарах, не мог сдвинуться с места. Хотя Билли находился на тротуаре главной улицы, ему казалось, что он пытается бежать в глубокой и густой липкой грязи. В любой момент скелет — Майкл Хустон настигнет его и... и коснется его плеча. А может быть, костяшки пальцев вцепятся ему в глотку.

«Попробуй! Попробуй! Попробуй!» — визжал крысиный пронзительный голос Хустона. Визг этот приближался. Халлек знал, что, если обернется, это видение будет совсем рядом, вплотную к нему, глазные яблоки будут устремлены кошмарным взглядом из пустых глазниц на него, голые челюсти будут щелкать и раскрываться.

Он увидел Ярда Стивенса, выходящего из салона «Выше голову!», его халат разевался вокруг несуществующего более живота. Ярд каркал, как ворона, а когда обернулся к Халлеку, оказалось, что это вовсе и не Ярд, а Рональд Рейган. «Где мое остальное? — заорал он. — Где мое остальное?! ГДЕ МОЕ ОСТАЛЬНОЕ?!!!»

«Худеющий», — шептал теперь Майкл Хустон в самое ухо Халлека, и теперь случилось то, чего он так опасался: костлявые пальцы скелета коснулись его, вцепились в рукав, и Халлеку показалось, что он сходит с ума от этого прикосновения. «Худеющий, совсем исхудал... Это была его жена, Билли-бой, его жена... А тебе — кранты. Совсем дело дрянь...»

Глава восьмая БРЮКИ БИЛЛИ

Билли проснулся, сильно вздрогнув, тяжело дыша. Приложил ладонь ко рту. Хейди мирно спала рядом с ним, плотно укрывшись покрывалом. Весенний ветер шумел за окном в кронах молодой листвы.

Халлек бросил испуганный взгляд на спальню, чтобы убедиться, что Майкл Хустон или его версия в виде скелета не присутствует в комнате. Нет, это была его обычная спальня, где ему знаком каждый уголок. Кошмар

начал размываться в памяти... и все же какая-то его остаточная часть заставила Билли придвигнуться ближе к Хейди. Прикасаться к ней он не стал — она спала всегда очень чутко, — зато оказался в зоне ее тепла и стащил на себя небольшую часть ее покрывала.

Всего лишь сон.

Худеющий, упрямо повторил в сознании голос.

Потом он снова уснул.

Утром после кошмарного сна весы в ванной показали 215, и Халлек ощущил надежду. Только два фунта. Кокаин или нет, но Хустон оказался прав: процесс начал замедляться. Посвистывая, он спустился вниз и съел яичницу из трех яиц и полдюжины сосисок из гирлянды.

По пути к станции электрички он смутно припомнил ночной кошмар. Но, скорее, это было не воспоминанием, а странным чувством, «дежавю». Проезжая мимо «Выше голову!», салона, зажатого между «Отличным мясом» Фрэнка и магазином «Игрушки-радость», выглянул в окно машины и в какой-то миг ожидал увидеть несколько шатающихся, спотыкающихся скелетов, словно каким-то образом благополучный Фэйрвью превратился в Биафру. Но люди на улице выглядели прекрасно, просто превосходно. Ярд Стивенс во плоти помахал ему рукой, и Халлек жестом ответил на приветствие. Подумал: *Твой метаболизм предупреждает тебя — бросай курить, Ярд.* Мысль вызвала легкую улыбку. К тому времени, как электричка прибыла на Большую Центральную, последние фрагменты страшного сна были забыты.

Успокоившись на счет потери веса, Халлек в следующие четыре дня на весы не становился вовсе и даже особенно их не вспоминал. И вдруг он чуть не угодил в постыдную ситуацию во время очередного судебного разбирательства перед лицом судьи Хилмера Бойнтона, у которого юмора было не больше, чем у сухопутной черепахи. Ситуация получилась дурацкая — такие видишь в плохих снах в старшем школьном возрасте.

Халлек поднялся, чтобы заявить протест, и вдруг его брюки поползли вниз.

Собственно, он даже не встал, а только начал подниматься, когда обнаружил, что штаны стали соскальзывать с бедер, ягодиц прямо к коленям. Он торопливо сел на место. А наступил как раз тот момент, когда его протест был бы весьма объективен, и тот факт, что он вдруг сел на место, вызвал некоторое недоумение. Щеки его залила краска стыда.

— Это ваше возражение, мистер Халлек, или газовая атака?

Правда, только немногие из присутствующих слегка засмеялись.

— Ничего, ваша честь, — пробормотал Халлек. — Я... я передумал. Бойтон хмыкнул. Процесс продолжался, а Халлека прошиб пот: он не представлял, как ему теперь подняться.

Десять минут спустя судья объявил перерыв. Халлек остался сидеть на своем месте, делая вид, что изучает бумаги. Когда комната почти опустела, он поднялся, держа руки в карманах брюк, надеясь, что выглядит достаточно естественно. Разумеется, он просто-напросто поддерживал штаны от сползания вниз.

Запершись в туалете, Билли снял пиджак, повесил его на крюк и осмотрел брюки. Потом снял пояс, и штаны с застегнутой молнией сползли к ступням, только звякнула мелочь в кармане. Он присел на унитаз, поднял перед собой ремень и осмотрел его, как древний свиток. Линда подарила его два года назад в День Отца, теперь он рассматривал его, ощущая, как учащенно от страха забилось сердце.

Дочь купила ему ремень, который оказался немного маловат. Халлек вспомнил, как подумал о простительном оптимизме Линды. Во всяком случае, он застегивал его на вторую дырочку, и это было в самый раз. Только потом, когда бросил курить, стало трудновато его застегивать, даже используя первую дырочку.

После того, как бросил курить... но до того, как сбил цыганку.

Теперь в ремне использовались другие дырки — за четвертой — пятая и, наконец, шестая.

С растущим страхом Халлек осматривал ремень, который куда более лаконично и правдиво все рассказал, чем

это сделал доктор Майкл Хустон. Потеря веса продолжалась, возрос темп, а вовсе не затормозился. Вот и дошел до последней дырки в ремне фирмы «Ник», который всего пару месяцев назад решил тихо-мирно спрятать и купить другой — подлиннее. Теперь нужная была седьмая дырка, а ее не было.

Посмотрел на часы: пора было возвращаться в зал. Но кое-что стало куда важнее, нежели проблема судьи Бойтона, — оспаривать или нет какое-то завещание.

Халлек прислушался. В мужском туалете больше никого не было. Приподняв штаны и придерживая их, он вышел из кабинки. Остановившись перед зеркалом, он позволил им вновь свалиться. Задрал рубашку, чтобы лучше осмотреть живот.

Невольно ахнул, и тут же горло сдавил спазм, — только и всего, но вполне достаточно. Брюхо исчезло. Был нормальный живот. Штаны лежали на полу, рубашка задрана из-под расстегнутого жилета — поза комичная, но факты были на лицо. Реальные факты, как обычно, можно истолковывать и обсуждать — в юридических делах к этому быстро привыкаешь, — но сравнение, которое пришло в голову, было неопровергимым. Он выглядел, как юнец, напяливший на себя одежды отца. Халлек стоял перед зеркалом напротив ряда умывальных раковин и истерично думал: *Маскарад! Детская игра. Осталось только усики себе подрисовать.*

В глотке рождался хохот от зрелища упавших порток, из которых торчали его волосатые ноги в черных нейлоновых носках. В этот момент он внезапно и просто поверил... во все. Цыган проклял его, и никакое это не раковое заболевание. Рак был бы куда милосерднее и быстрее. Здесь нечто иное, и познание этого только начиналось.

Голос кондуктора закричал в его голове: *Следующая станция Пропажа аппетита на нервной почве! «Анорексия невроза»! Приготовьтесь к выходу заранее!*

Хохот, похожий на вопль, или вопль, похожий на хохот, рвался наружу. Да какая разница?!

Кому сказать такое? Хейди? Она сочтет меня сумасшедшим.

Но Халлек никогда еще не чувствовал себя более в здравом рассудке, чем теперь.

Хлопнула наружная дверь туалета.

Халлек спрятался в ближайшей кабине и испуганно закрылся на задвижку.

— Билли? — Голос Джона Паркера, его ассистента.

— Я здесь.

— Бойтон сейчас выйдет. С тобой все в порядке?

— Нормально, — ответил он. Глаза его были закрыты.

— У тебя что, — запор? С желудком не того?

— Да, что-то прихватило малость.

— Мне надо срочно пакет отправить. Скоро вернусь.

— О'кей.

Паркер вышел. Халлек снова уставился на ремень. Он не мог идти на судебное заседание к Бойтону, поддерживая штаны руками через карманы пиджака. Что же делать?

Вспомнил вдруг про свой швейцарский солдатский нож — добрая старая армейская штука, которую он всегда выкладывал из кармана, становясь на весы в одежде. Так было в далекие добрые деньки до того, как цыгане прибыли в Фэйрвью.

И какого хрена вы приперлись? Ну почему не отправились в Уэстпорт или в Стрэтфорд?

Он раскрыл нож и торопливо провертел седьмую дырку в ремне. Дыра получилась рваной и уродливой, но временно годилась. Халлек подтянул штаны, продел и застегнул ремень, привел себя в порядок, надел пиджак и покинул туалет. Впервые обратил внимание на то, как развеиваются штанины вокруг его ног — его тонких ног. А другие не замечают этого? — подумал он с новой волной стыда. Видели, как скверно на мне сидят шмотки? Или делали вид, что не замечают? Обсуждали...

Плеснул на лицо воды из крана и вышел из туалета.

Когда он входил в зал заседаний суда, Бойтон как раз появился в шелестящей черной тоге судьи. Сердито посмотрел на Билли, который сделал руками извиняющийся жест. Лицо Бойтона осталось непроницаемым: извинения не приняты. И снова пошло нудное заседание. Кое-как Билли закруглил этот рабочий день.

Он стоял на весах в ту ночь, дождавшись, когда заснут Хейди и Линда. Смотрел на шкалу, не веря глазам своим. Долго смотрел.

195.

Глава девятая 188

На следующий день Халлек поехал и купил себе одежду. Выбирал лихорадочно, словно новые одеяния, которые будут ему в пору, все решат. Купил и новый пояс «Ник», покороче размером. Он обратил внимание на то, что знакомые перестали поздравлять его с потерей веса. С какого момента это началось?

Надел обновки, отправился на работу, вернулся домой. Слишком много выпил, съел дополнительную порцию за ужином, хотя и не испытывал большого желания. Еда тяжелым грузом легла в желудок. Миновала неделя, и новые одежды перестали выглядеть элегантно — они стали висеть на нем мешковато.

Он подошел к ванной. Сердце тяжело билось в груди, даже в глазах отдавалось. Болела голова. Потом он обнаружит, что до крови прикусил нижнюю губу. Образ весов в мыслях вызывал детский страх: они стали гоблином, домовым в его жизни. Минуты три стоял он возле них, кусая нижнюю губу, не замечая боли и солоноватого вкуса крови. Был вечер. Внизу Линда смотрела по телевидению «Компанию Трех», Хейди на «Коммодоре» в кабинете Халлека проверяла домашние расходы за неделю.

Собравшись с духом, словно перед прыжком в холодную воду, он ступил на весы.

188.

Спазм схватил живот изнутри, показалось, что рвоты не избежать. Он мрачно сделал усилие, чтобы удержать свой ужин на месте, — питание было ему необходимо, — горячие здоровые калории.

Тошнота прошла. Снова посмотрел на шкалу внизу, тупо вспомнив слова Хейди: *Они врут не в сторону плюса, а в сторону минуса.* Вспомнил слова Майкла

Хустона, который сказал, что при 217 он все равно на 30 фунтов тяжелее нормы. *Но не теперь, Майкл, подумалось устало. Теперь я... я — Худеющий.*

Он сошел с весов, неожиданно ощущив некоторое облегчение. Наверно, такое облегчение испытывает приговоренный к высшей мере, когда без двух минут двенадцать являются надзиратель и священник, и звонка от губернатора ждать бессмысленно. Оставались еще какие-то мелкие формальности, но конец наступил. И все это было реальностью. Если обсуждать такое с окружающими, они подумают, что он либо шутит, либо спятил, — в цыганские проклятия больше никто не верил. А может быть, и никогда не верил: они были деклассированы в мире, который наблюдал, как сотни морских пехотинцев вернулись домой из Ливана в гробах; в мире, который следил за тем, как заключенные из Ирландской Освободительной Армии довели себя голодовкой до смерти. Мир был свидетелем и других подобных чудес, которые оказались вполне реальны. Он убил жену старого цыгана с разлагающимся носом, а его партнер по гольфу, любитель полапать чужих жен, судья Кэри Россингтон взял да и отпустил его, только по плечу похлопал. И тогда старый цыган решил свершить собственное правосудие над жирным юристом из Фэйрвью, которого впервые жена решила обслужить рукоблудием в процессе управления автомашиной. Правосудие, которое было бы по вкусу человеку вроде его прежнего приятеля Джинелли.

Халлек выключил в ванной свет и вышел, думая о приговоренных, направляющихся к месту казни. *Глаза не надо завязывать, отец... у кого-нибудь есть сигаретка?* Он слабо улыбнулся.

Хейди сидела за его письменным столом: слева — квитанции и счета, перед ней мерцающий зеленый экран, чековая книжка — на клавиатуре, словно музыкальные ноты. Обычная картина, повторяющаяся в первую неделю каждого месяца. Однако она не выписывала чеков, и пальцы ее не бегали по клавишам: просто сидела с сигаретой в руке. Когда обернулась к нему, Билли увидел в ее глазах столько грусти, что у него сердце сжалось.

Вновь вспомнил об избирательном восприятии, забавном свойстве разума не замечать того, чего не хочется

видеть... вроде того, как затягивал пояс на несоразмерных брюках вокруг уменьшающейся талии, или не замечал темных кругов под глазами супруги, этого отчаянного вопроса в ее глазах.

— Да, я продолжаю терять вес, — сказал он.

— О, Билли... — Она судорожно вздохнула. Однако выглядела теперь даже получше, и Халлек предположил, что Хейди просто довольна тем, что разговор пошел в открытую. До того они не осмеливались затевать разговор на эту тему. Точно так же в его кабинете никто не осмелился говорить: *Твои шмотки начинают походить на продукцию Омара, шьющего палатки, Били-бой... У тебя ничего там не растет злокачественного? Рачком тебя никто не наградил случайно, Билли? А может, внутри у тебя растет этакая черная фиговина, что все твои соки пожирает подчистую?* О, нет, подобной гадости никто никогда не скажет — предпочтут, чтобы сам все обнаружил. Однажды на суде начинаешь терять штаны, когда встанешь, и в лучших традициях Перри Мейсона говоришь: «Я протестую, ваша честь!» — и никто ничего тебе не скажет, сделают вид, что не заметили.

— Да, — сказал он и делано хохотнул.

— Сколько?

— Весы в ванной показывают сто восемьдесят восемь.

— О, Господи!

Он кивнул в сторону ее сигареты.

— Можно я тоже одну выкую?

— Да, если хочешь, Билли. Ты об этом не говори ничего Линде. Ни слова.

— А в этом и нужды нет, — сказал он, закуривая. От первой затяжки голова слегка пошла кругом. Нормально. Даже приятно. Лучше, чем тупой страх, сопровождавший окончание «избирательного восприятия». — Она и так знает, что я теряю в весе непрерывно. По ее глазам увидел. Просто до сегодняшнего вечера я толком сам не знал, что вижу.

— Надо опять к Хустону обратиться, — сказала она. На лице — выражение сильного испуга, крайней тревоги, в глазах больше не было сомнения и печали. — Метаболическая серия...

— А знаешь, что, Хейди, — начал он и остановился.

— Что? — спросила она. — Что, Билли?

Чуть было не сорвалось с языка. Чуть было не выложил ей все. Что-то остановило его, и в последствии он так и не смог понять — что же именно... разве что на какой-то миг, сидя сбоку у своего письменного стола, в то время, как их дочь в другой комнате смотрела телевизор, он ощутил лютую ненависть к Хейди.

Воспоминание о том, что происходило за минуту до того, как старуха вышла в поток автомобильного движения, ярко вспыхнуло в сознании. Хейди сидела рядом вплотную к нему, левой рукой обняла его за плечи, а правой — прежде, чем он сообразил, что происходит, — расстегнула ему молнию на брюках. Почувствовал, как ее опытные пальцы легко просунулись внутрь через трусы.

Подростком Билли Халлек иногда злоупотреблял (со вспотевшими ладонями и остановившимся взглядом) тем, что его приятели называли «дрочильные книжки». В этих «дрочильных книжках» попадались как раз такие картички — «классная баба» держит в пальцах член мужика. В общем-то, ерунда — «мокрые сны». Да только вот в тот момент Хейди ухватила его член. И начала дрочить, черт бы ее подрал. Тогда он бросил на нее удивленный взгляд, а она ответила этакой шаловливой улыбкой.

— Хейди, ты что...

— Ш-ш-ш... Не говори ни слова.

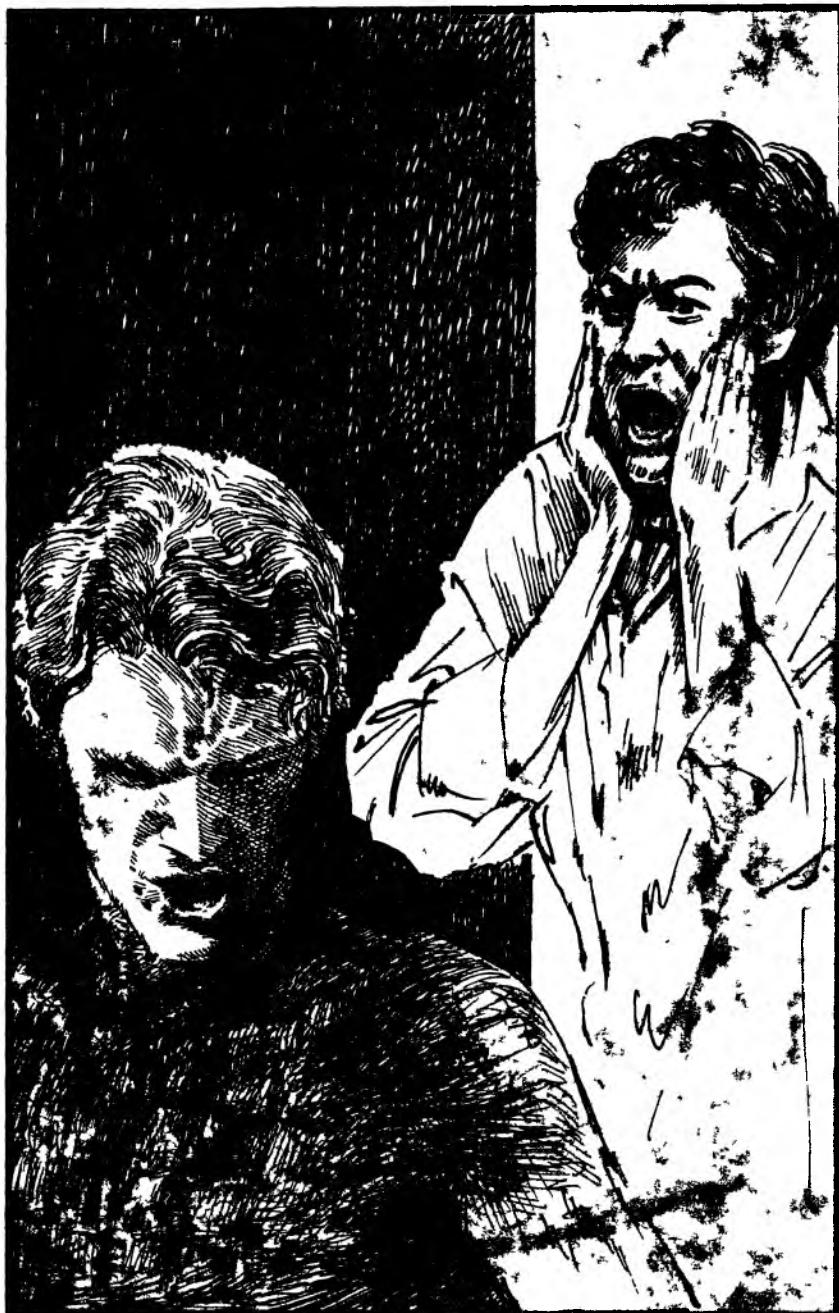
Что на нее нашло? Никогда прежде таких вещей не делала, и Халлек готов был поклясться, что подобное ей и в голову никогда не приходило. Но тут вдруг затеяла, а старая цыганка выскочила перед носом.

О! Да скажи ты правду! Уж коли наступает прозрение, не лучше ли быть откровенным во всем с самим собой? Не ври себе — для вранья времени не остается. Только факты!

Ну, хорошо. Пусть будут только факты. Неожиданная выходка Хейди потрясающе возбудила его, возможно, именно потому, что была столь неожиданной. Он потянулся к ней правой рукой, а она задрала спереди юбку, обнаружив самые заурядные желтые нейлоновые трусики. Они его никогда не возбуждали прежде, а теперь... еще

как! Или сам ее жест, когда задирала юбку? Кстати, и этого она прежде не делала так. Факт состоял также в том, что процентов восемьдесят пять его внимания было отвлечено от управления автомобилем, хотя такая ситуация в девяти из десятка параллельных миров разрешилась бы благополучно. В течение рабочей недели улицы Фэйрвью бывали не просто спокойными, а сонными. Впрочем, что об этом толковать? Он не был в девяти из десяти параллельных миров, а находился именно в том, единственном. *Факт* состоял в том, что старая цыганка *не выскочила* между «субару» и «файрбердом»: она *вышла* между двумя машинами, держа авоську с покупками в старческой узловатой руке. Такие сетчатые сумки обычно берут с собой англичанки, когда совершают прогулку по центру городка с его магазинами. Халлек запомнил, что в авоське у старухи была коробка стирального порошка «Дуз». Верно, что по сторонам она не глядела, но *факт* состоял в том, что он оказался на грани взрывного оргазма. Все его сознание, за исключением крохотной его доли, было переключено на область ниже пояса, где руки Хейди двигались взад и вперед неторопливыми сладостными движениями, то сжимая, то ослабляя хватку пальцев. Его реакция была безнадежно замедленна, все оказалось безнадежно поздно, а рука Хейди придушила оргазм, когда его затрясло от наслаждения в течение каких-то секунд, которые стали неизбежными и, в итоге, страшными.

Таковы были *факты*. Но — минуточку, друзья и соседи! Ведь были и еще два факта, не так ли? Первый: если бы Хейди не выбрала именно тот день для своего эротического эксперимента, Халлек без труда овладел бы ситуацией в качестве водителя автотранспортного средства. «Олдс» остановился бы по меньшей мере футах в пяти от цыганки, остановился бы — пусть с визгом тормозов, из-за которого вздрогнули бы все матери, катившие коляски с младенцами вдоль тротуаров. Возможно, он заорал бы из окна: «Смотри, куда идешь!» — а старуха посмотрела бы на него со страхом и отсутствием какого-либо понимания. Он и Хейди проследили бы, как она торопливо ковыляет через улицу, и сердца их тоже забились бы от испуга. Может быть, Хейди разозлилась бы от того, что

А.Н. Миронов 93

все покупки на заднем сиденье перевернулись вместе с сумкой и рассыпались по полу.

Но все было бы в порядке. Не было бы слушания в суде и старого цыгана с гнилым носом, поджидающего снаружи, чтобы погладить пальцем по щеке и произнести одно кошмарное слово проклятия. То был первый, побочный, вспомогательный факт. Второй последовал из первого: он заключался в том, что причиной всему происшедшему была Хейди — ее ошибка с начала до конца. Он не просил ее сделать то, чем она занялась, не говорил ей: «Послушай! Почему бы тебе не сдрочить мне, пока катим домой, Хейди? Три мили — время есть». Нет. Она сама занялась этим... и, как ни странно, время было мистически точно подгадано.

Да, ее ошибка, но старый цыган об этом не знал, а Халлек получил проклятие и общую потерю веса в шестьдесят один фунт. И вот теперь она сидит перед ним с темными кругами под глазами, с поблекшей кожей на лице, но ни то, ни другое не убьет ее. О, нет! Ее старый цыган не коснулся.

Вот так и проскочил мимо тот момент, когда он мог бы сказать ей просто: *Ты знаешь, я верю в то, что теряю вес из-за проклятия*. Вместо этого некая примитивная катапульта запустила его сознание грубую вспышку ненависти, эмоциональный булыжник в ее сторону.

— Слушай... — сказал он.

— Что, Билли?

— Пожалуй, верно, — схожу опять к Майклу Хустону, — ответил он совсем не то, что собирался выскажать. — Ты, пожалуй, позвони ему, скажи, что я приду для метаболической серии анализов. Какого хрена, в конце-то концов, как говаривал Альберт Эйнштейн?

— Билли, мой дорогой! — Она протянула обе руки к нему, и он нырнул в ее объятия. Поскольку они принесли ему утешение, он устыдился мимолетной вспышки ненависти, посетившей его мгновение назад... Но в последующие дни, когда Фэйрвью вступил как следует в расцвет весны, готовясь к лету, ненависть стала посещать его чаще, невзирая на все его попытки как-то выбросить ее из головы, хотя бы приостановить, удержать.

Глава десятая

179

Он записался на серию метаболических анализов через Хустона, который разговаривал менее оптимистично, узнав, что неуклонная потеря веса Халлека продолжается и что он сбросил с прошлого месяца еще двадцать девять фунтов.

— Какое-то вполне нормальное объяснение этому есть, — сказал Хустон, перезвонив спустя три часа Халлеку. Он сообщил ему о дате и времени приема в клинике. Халлеку его фраза сказала о том, что «вполне нормальное объяснение» стало темной лошадкой.

— Ага, — тихо отозвался Халлек, глядя вниз, туда, где прежде был его живот. Никогда бы не поверил, что такое выдающееся брюхо может полностью исчезнуть. Из-за него кончиков туфель было не видать, приходилось нагибаться, чтобы посмотреть — не нужно ли почистить обувь. Не поверил бы в такое, когда после изрядной выпивки приходилось подниматься по лестнице, угрюмо сжимая портфель в руке, обливаясь потом и раздумывая — уж не нынче ли ночью грянет сердечный приступ с его парализующей болью в левой части груди. Но это было правдой: брюхо исчезло. Каким-то зловещим образом это брюхо представлялось ему теперь другом.

— Ты думаешь, что нормальное объяснение все же есть? Какое? — спросил он Хустона.

— Вот те ребята тебе и скажут, в чем оно состоит, — ответил Хустон. — Будем надеяться.

Визит был назначен в клинику Хенри Глассмана, небольшое учреждение в Нью-Джерси. Билли предстояло провести там трое суток. Ориентировочная стоимость пребывания там и анализов была такова, что Халлек невольно порадовался: страховка все покроет.

— Ладно. Пошли мне открытку с пожеланием доброго здоровья, — вяло сказал Халлек и положил трубку.

Прием был назначен на 12 мая, то есть через неделю. В оставшиеся дни Билли наблюдал, как продолжается его физическая эрозия, всеми силами пытался сдерживать внутреннюю панику, побеждал собственную слабость и вообще, держался как настоящий мужчина.

— Папа, ты что-то уж очень сильно теряешь в весе, — сказала с тревогой Линда как-то за ужином. Халлек хмуро положил себе три куска жареной свинины в яблочном соусе, благополучно разделался с ними, потом пару порций поджаристого картофеля с соусом. — Если ты на диете, то лучше бросить ее.

— Разве это похоже на диету? — сказал Халлек, указав вилкой, с которой капал соус, на свою тарелку.

Говорил он спокойно, но лицо Линды вдруг исказилось, она вышла из-за стола, всхлипывая, и удалилась.

Халлек бесстрастно посмотрел на жену, она ответила таким же бесстрастным взглядом.

Вот так наступает конец света, подумал он. Не с громом и молнией, а через похудание.

— Я поговорю с ней, — сказал он, поднимаясь.

— Если ты с таким видом, как у тебя сейчас, пойдешь к ней, еще больше напугаешь девочку, — сказала Хейди, и в этот момент он вновь ощущил мимолетно сверкнувшую, как металл, вспышку ненависти.

186. 183. 181. 180. Словно некто — использовал на нем чудовищный ластик, стирая его на нет фунт за фунтом. Когда в последний раз он весил 180? В колледже? Нет... скорее всего, когда был старшеклассником.

За тот же период до 12 мая в одну из бессонных ночей он вспомнил книжку о вудуизме, которую когда-то читал. Объяснение этому колдовству давалось такое: оно действует, потому что жертва считает, что вудуизм действует. Ничего сверхъестественного — просто сила внушения.

Может быть, подумал Халлек, Хустон был прав, и я просто внушил себе, что я худею... поскольку тот старый цыган хотел, чтобы я так думал. Только теперь не могу уже остановиться. Я бы, наверно, миллион долларов заработал, написав ответ на книгу Нормана Винсента Пила. Назвал бы так: «Сила негативного мышления».

Однако разум подсказал, что вся эта старая идея о силе внушения — просто-напросто мусор. *Все, что сказал старик, — одно лишь слово: «Худеющий». Он не провозгласил: «Могуществом, коим наделен я, проклинаю тебя, и да утратишь ты от шести до девяти фунтов в неделю веса твоего, пока не подохнешь». Не произносил*

заклинаний «Ини-миничили-бини», скоро тебе понадобится новый пояс «Ник».

Если все дело в психологии, в силе внушения, то вопрос о том, что ему предпринять, не снимается. Как ему бороться с этой напастью? Нет ли способа внушить себе, что он снова становится толстым? Пойти к гипнотизеру, к психиатру и объяснить ему, в чем проблема? Гипнотизер внушит ему как следует, что проклятье старого цыгана больше не действует. Может, и сработает?

Скорее всего — нет.

Вечером за два дня до отправления в клинику Глассмана он стоял на весах и смотрел на шкалу. 179. И вдруг то, что, видимо, давно бродило в подсознании, выплыло наружу: ему надо потолковать на эту тему с судьей Кэри Россингтоном.

Россингтон обычно по пьянке становился нахальным бабником, зато в трезвом виде был человеком славным и способным понять другого. К тому же он не был болтуном и умел хранить чужие тайны. В то же время Халлек допускал, что по пьянке Россингтон мог и проболтаться, если крепко поддаст. Он может и ляпнуть что-то по поводу параноидальных идей Билли Халлека насчет цыган и проклятий. Однако Билли полагал, что Россингтон дважды подумает, прежде чем рассказать такое. В общем-то ничего незаконного не произошло на суде: случай был азбучный, типично муниципальный, но уж если придаться и быть дотошным, следовало признать, что свидетелей не пригласили, все было решено со слов обвиняемого. И хотя судья Россингтон был умен и опытен, в принципе, к таким мелочам можно было придраться.

Полиция не провела и не представила анализа на алкоголь. Россингтон со своего судейского места не потребовал этого, проигнорировал основополагающий пункт процесса по делу о наезде. Он обязан был провести и еще кое-какие расследования по делу, но не провел.

Нет, Халлек был вполне уверен, что вся эта история огласки не получит, разве что лет через пяток, когда все быльем порастет. Думать нужно было о текущем времени, о текущем году. Если все так продолжиться, уже летом он будет выглядеть как жертва фашистских концлагерей.

Он быстро оделся, спустился вниз и извлек из шкафа легкий пиджак.

— Ты куда? — спросила его Хейди с кухни.

— Я ненадолго. Скоро вернусь.

Леда Россингтон открыла дверь и посмотрела на Халлека так, словно увидела его впервые. Она стояла перед ним при свете лампы: аристократическое лицо, черные волосы туго уложены на затылке, зеленое платье от Диора, простое, но элегантное, — тысячи за полторы.

От ее взгляда он ощущал смущение и неловкость. *Неужто я так похудел, что она меня не узнает?* Но даже в своей новой паранойе этому он поверить не мог. Конечно, лицо его похудело, появились новые морщинки у рта, бледные мешки под глазами от бессонных ночей, но все равно, лицо его оставалось прежним, узнаваемым лицом Билли Халлека. За ее спиной стояла массивная лампа из кованого железа — имитация уличного фонаря в Нью-Йорке 80-х годов прошлого века стоимостью в 687 долларов. Свет ее был достаточен, чтобы осветить фигуру Халлека в дверях. Вряд ли потеря веса сделала его совсем не узнаваемым.

— Леда, это я, Билли. Билли Халлек.

— Разумеется. Привет, Билли. — Ее рука в нерешительности пощипывала бусы на шее. Он заметил, что для пятидесяти девяти лет она, конечно, моложава, благодаря операциям подтягивания кожи. Но шея ее выглядела уже по-старчески дряблой.

Кажется, она пьяная. Или... Он подумал о Хустоне вдыхающем носом белый порошок. Наркотики? Леда Россингтон? Трудно в это поверить. И тут же другая мысль: Она испугана. Она в отчаянии. Что же такое могло случиться? Не связано ли это каким-то образом с тем, что происходит со мной?

Дурацкая идея... Тем не менее ему вдруг срочно захотелось выяснить, почему у Леды Россингтон так плотно сжаты губы, почему у нее под глазами такие же мешки, как у него, почему пальцы ее, перебиравшие бусы на шее, дрожали?

Билли и Леда Россингтон молча смотрели друг на друга, а потом заговорили почти одновременно.

— Леда, Кэри у себя?

— Кэри дома нет... Он...

Она смолкла, а он жестом предложил ей продолжать.

— Его вызвали в Миннесоту. У него серьезно заболела сестра.

— Это любопытно, — сказал Халлек. — Тем более, что никакой сестры у него нет.

Она улыбнулась. Улыбка воспитанной дамы, предназначеннная тем, кто позволил себе невольную бес tactность. Получилась, однако, не улыбка, а нечто мало на нее похожее: Леда только растянула губы.

— Я сказала «сестра»? О, мы тут все так переволновались. Это брат, его брат.

— Леда, Кэри — единственный сын у своих родителей, — тихо сказал Халлек. — Наши семейные вопросы и происхождение мы с ним обсудили за рюмкой в салоне Хастура. Года четыре назад. Вскоре после этого Хастур сгорел дотла. Сейчас на том месте магазин «Король в желтом». Моя дочка там джинсы покупает.

Он и сам не знал, зачем излагал подобные детали. Подспудно думалось, что такой разговор позволит ей держаться попроще. И вдруг при тусклом свете фонаря увидел, как блеснула слеза на ее щеке, покатившись к уголку рта. Слезы блестели под ее глазами. Пока он говорил, она быстро пару раз моргнула, и по другой щеке покатилась еще одна слеза.

— Уходи, — сказала она. — Уходи, Билли, хорошо? Не задавай вопросов. Я на них отвечать не буду.

Халлек приметил в ее глазах за пеленой слез решимость. Она твердо решила не говорить, где находится Кэри. Под влиянием неожиданного импульса, который он и впоследствии не мог объяснить, он расстегнул молнию своей куртки и распахнул ее. Услышал, как она ахнула от неожиданности.

— Посмотри на меня, Леда, — сказал он. — Я потерял семьдесят фунтов веса. Ты слышишь? Семьдесят фунтов!

— Какое это имеет отношение ко мне? — хрипло произнесла она. Лицо ее заметно побледнело, отчего румяна на щеках обрели клоунскую контрастность. Глаза

смотрели со страхом, зубы слегка обнажились, словно она готова была зарычать.

— К тебе это не имеет никакого отношения, но с Кэри я хотел бы потолковать. — Халлек перешагнул порог, держа куртку распахнутой. *Очень хотел бы, подумал он. Если прежде сомневался, то теперь уверен в этом.*

— Прошу тебя, Леда, скажи мне где он. Он здесь?

Она ответила вопросом на вопрос. У него буквально перехватило дыхание, и он оперся о косяк двери.

— Это цыгане, Билли?

Он перевел дыхание с легким стоном.

— Так где он, Леда?

— Сначала ответь на мой вопрос — это цыгане?

Теперь, когда Халлек получил возможность все выскажать в открытую, он обнаружил, что ему это дается с большим трудом. Он слготнул и кивнул головой.

— Да. Я так думаю. Проклятье. Что-то вроде проклятья. — Он сделал паузу. — Нет, не что-то вроде. К чему увиливать? Я считаю, что цыган наложил на меня проклятье.

Билли ожидал услышать издевательский хохот — такую реакцию он не раз видел в своих снах и фантазиях. Но она вдруг поникла, склонив голову. Весь ее облик олицетворял обреченность и печаль. Несмотря на собственные страх и отчаяние, Халлек испытал к ней сочувствие, увидев воочию ее страх и растерянность. Он шагнул к ней и мягко коснулся ее руки. Когда она подняла к нему лицо, он вздрогнул, увидев на нем выражение откровенной ненависти, даже шагнул прочь, часто заморгав, прислонился к косяку двери. Выражение ее лица было олицетворением той внезапной вспышки ненависти, которую Билли мимолетно испытывал как-то вечером к Хейди. Теперь это чувство было явно направлено на него, и ему стало страшно.

— Все из-за тебя, — прошептала она. — ты виноват во всем! Какого черта ты сбил эту старую манду? Ты, ты виноват!

Он не в силах был произнести ни звука и просто смотрел на нее, широко раскрыв глаза. *Старая манда?* В голове был сумбур. *Неужели я не ослышался? Кто бы*

мог поверить, что Леда Россингтон способна вслух сказать хоть одно неприличное слово? Вторая мысль была: Все не так, Леда. Хейди виновна, а не я. Она это классно сделала. Я просто обалдел.

Ее лицо сменило выражение: теперь она смотрела на Халлека вежливо и бесстрастно.

— Входи, — сказала она.

Леда принесла ему мартини с джином, которого он попросил, — в большом бокале. На миниатюрный позолоченный меч были нанизаны две оливки и две маринованных луковки. Мартини оказался крепковатым, против чего Халлек отнюдь не возражал, хотя и отдавал себе отчет в том, что с выпивкой ему следует отныне быть осторожным, если не хочет упиться в чужом доме. Опыт последних трех недель показал, что с потерей веса стала утрачиваться его способность держаться молодцом, когда перебирал лишнего.

Тем не менее он сделал приличный глоток и благодарно закрыл глаза, когда алкоголь теплом разлился в животе. Чудесно, подумал он. *И высококалорийно.*

— Он в Миннесоте, — бесстрастно сказала Леда, усаживаясь в кресло тоже с бокалом мартини в руке. Ее бокал был еще больше, чем у Билли. — Но он вовсе не с визитом к родственникам. Кэри — в клинике Мэйо.

— Мэйо...

— Он убежден, что у него рак, — продолжала она. — Майкл Хустон у него ничего не обнаружил. Ничего не обнаружил и дерматолог, к которому он обратился в городе. Но он все равно уверен, что у него рак. Ты знаешь, сначала он решил, что у него лишай, думал, что подцепил у кого-то.

Билли опустил голову и уставился в пол, испытывая крайнее смущение. Но в этом не было нужды: Леда смотрела поверх его плеча, в стену. Часто, по-птичьи, отпивала, и в ее бокале заметно убывало.

— Я смеялась над ним, когда он впервые мне такое сказал. Смеялась и говорила: «Кэри, если ты это называешь лишаями, тогда ты знаешь о венерических заболеваниях меньше, чем я о термодинамике». Мне не следовало насмехаться, но это было хоть каким-то способом развеять его мрачное настроение. Его тревогу? Нет, скорее страх.

Майкл Хустон дал ему какой-то крем, который не подействовал, и дерматолог дал какие-то мази, которые тоже не помогали. Ему делали уколы, и все бесполезно. И тогда я вспомнила старого цыгана с разлагающимся носом, как он во время уик-енда после того суда протиснулся из толпы на блошином рынке в Рейнтри, Билли. Он подошел и коснулся его. Да, он приложил руку к лицу Кэри и что-то сказал ему. Я тогда спросила Кэри и еще раз потом, когда это начало разрастаться, но он мне ничего не говорил, только головой качал.

Халлек отпил второй глоток в тот момент, когда Леда поставила на столик свой пустой бокал.

— Рак кожи, — сказала она. — Он был убежден в этом, поскольку он излечим в девяноста процентах случаев. Я знаю, как его мысли работают. Глупо было бы не знать, прожив с ним двадцать пять лет, наблюдая, как он усаживается в кресло судьи и решает проблемы недвижимости, потом выпивает, потом решает проблемы недвижимости, потом лапает чужих жен, решает проблемы с недвижимостью... Ладно. Сижу и думаю, какую речь произнесу на его похоронах. Что-нибудь такое: «Он скупил много земли в Коннектикуте, где теперь построены супермаркеты, он полапал множество бюстгальтеров, выпил множество коктейлей и оставил меня богатой вдовой. С ним я провела лучшие годы моей жизни, приобрела шмоток больше, чем было в моей жизни оргазмов». Давайте уйдем отсюда, завалимся в какой-нибудь приличный кабак, потанцуем. А потом кто-нибудь, возможно, так надерется, что забудет, что я трижды делала подтяжку кожи — дважды в Мехико-Сити и разок в Германии, и стащит с меня бюстгальтер. Тыфу ты, черт. Что я тебе несу такое? Мужчины вроде тебя интересуются только своей работой и футболом.

Она снова заплакала. Билли теперь понял, что бокал, который она только что осушила, далеко не первый за этот вечер. Он смущенно заворочался в кресле и отпил из своего бокала. В желудке опять стало тепло.

— Он уверен, что это рак кожи, потому что не способен поверить в такую старомодную чушь, как цыганское проклятье. Но я видела по его глазам, Билли, особенно в

последний месяц... в них таилось, особенно по вечерам — понимание... до него что-то дошло. Я думаю, потому он и уехал, что я разглядела это в его глазах. Налить еще?

Билли покачал головой и проследил, как она подошла к бару и налила себе еще мартини, увидел, что она делала элементарный коктейль с джином, запах которого уловил на расстоянии.

Что же произошло с Кэри Россингтоном? В чем там дело? Часть его разума не желала знать ответа на этот вопрос. Хустон явно не провел параллели, не увидел связи между тем, что происходит с Билли и с Россингтоном. Да и с чего бы, собственно? Хустон ничего не знал о цыганах. Кроме того, Хустон регулярно бомбардировал свой рассудок белыми торпедами.

Леда вернулась с бокалом и села в кресло.

— Если он позвонит и скажет, что возвращается, — спокойно заговорила она, — я поеду на нашу виллу в Каптиве. Там дикая жара в это время года, но джина у меня хватит. Я жару не замечаю, а с ним оказаться наедине — выше моих сил. Все еще люблю его, это факт. По-своему люблю. Но выносить этого больше не могу. Представить себе, что он лежит в соседней кровати... подумать, что он... он может дотронуться до меня... — Она поежилась и немного расплескала содержимое бокала. Потом разом выпила и откровенно, не стесняясь, рыгнула.

— Леда, так что же с ним конкретно? Что случилось?

— Случилось? Случилось? Билли, дорогой, а я думала, что сказала тебе. Или, может, ты сам как-то узнал.

Билли покачал головой. Он начал верить в то, что вообще ни о чем не подозревает.

— На нем чешуя растет. Кэри покрываются чешуей.

Билли разинул рот.

Леда коротко хохотнула невеселым смешком и слегка покачала головой.

— Нет, не совсем так. Его кожа превращается в чешую. Он демонстрирует обратную эволюцию. Чудо-юдо. Превращается не то в рыбу, не то в рептилию.

Она внезапно захочотала с визгом, от которого у Халлека мурашки побежали по спине. *Она близка к безумию*, подумал он, и от этого стало еще страшнее. *Я*

*думаю, она уедет в Каптиву в любом случае. Ей нужно
убраться из Фейрвью, если хочет сохранить рассудок.*

Линда прикрыла рот ладонями и извинилась. Билли не смог ничего сказать, только кивнул и встал, чтобы налить себе еще.

Теперь, когда он не смотрел на нее, ей стало легче говорить, а Билли умышленно задержался возле бара.

Глава одиннадцатая ВЕСЫ ПРАВОСУДИЯ

Кэри был вне себя от ярости, когда старый цыган потролгл его по лицу. Он поехал, чтобы повидаться с шефом полиции Рейнтри Алленом Чокером на следующий день после суда. Чокер был партнером по покеру и человеком понимающим.

Он сказал Кэри, что цыгане прибыли в Рейнтри прямо из Фэйрвью. Чокер ожидал, что они уедут вскоре сами по себе. И так уж пять дней тут болтались, обычно три дня для них — нормальный срок. Как раз достаточно, чтобы все заинтересованные подростки городка узнали свою судьбу, а безнадежно импотентные мужчины и климактерические женщины под покровом темноты пробрались в их табор, чтобы получить снадобья и мази. Через три дня интерес городка к цыганам сходил на нет. Чокер решил, что они просто дожидаются воскресной бараходки — «блошиного рынка». Это было ежегодным мероприятием в Рейнтри, на которое стекались жители четырех близлежащих городков. Аллен Чокер сказал Кэри, что решил позволить цыганам обработать толпу на «блошином рынке», вместо того, чтобы шпионать их, — это все равно что осиное гнездо разворошить. Но если в понедельник утром не отправятся, придется их вытурить.

Однако такая мера не понадобилась. Утром в понедельник табор покинул ферму, где располагался, оставил пустые бутылки и банки, черные пятна от костров, на которых готовили еду, и несколько покрывал, настолько завшивевших, что Чокер распорядился прикасаться к ним только длинными шестами.

В какой-то момент между закатом и рассветом цыгане снялись и покинули Рейнтри. Чокер сказал своему партнеру по покеру Кэри Россингтону, что они могли хоть улететь на другую планету, — ему наплевать. Главное — избавились.

В воскресенье после полудня старый цыган прикоснулся к лицу Кэри. Ночью они уехали. В понедельник утром Кэри зашел к Чокеру и подал жалобу (ее юридическая основа Леде Россингтон была неизвестна). Во вторник утром начались неприятности. После душа Кэри, спустившись к завтраку в одном халате, сказал: «Посмотри-ка, что это у меня?».

На коже чуть выше солнечного сплетения у него оказалось шершавое пятно. Оно было светлее окружающей кожи, которая имела приятный цвет кофе со сливками (гольф, теннис, плаванье и лампы для загара зимой).

Пятно имело желтоватый оттенок, как у мозолей на пятках. Леда потрогала его и отдернула палец. Пятно было шершавым, как наждак, и странно твердым. *Броня, мелькнуло у нее в голове.*

— Ты не думаешь, что этот чертов цыган меня чем-то заразил? — спросил ее Кэри с беспокойством. — Какая-нибудь инфекция? Парша?

— Но он же коснулся твоего лица, а не груди, дорогой, — ответила Леда. — Давай-ка быстрей одевайся. У меня бриоши горячие. Надень темно-серый костюм с красным галстуком. Ты — душка моя.

Два дня спустя вечером он позвал ее в ванную. Так закричал, что она бегом бросилась туда (*Все наши худшие открытия происходят в ванной*, подумал Билли). Кэри стоял без рубашки, в руке жужжала электробритва, глаза уставились в зеркало.

Пятно желтой отвердевшей кожи сильно увеличилось. По форме оно напоминало дерево, корона которого разрослась от груди к низу живота до пупка. Впрочем, и пятном это уже нельзя назвать — скорее, нарост толщиной в восьмушку дюйма. Она увидела на нем трещины, некоторые столь глубокие, что можно было просунуть в них монетку. Выглядело это страшно.

— Что это? — почти закричал он. — Леда, скажи, что это значит?

— Я не знаю. — Она постаралась говорить спокойно. — Тебе надо сходить к доктору Хустону. Прямо завтра, Кэри.

— Нет. Не завтра, — сказал он, глядя на себя в зеркало, на кору желтоватой плоти. — Завтра, может, и лучше. Но лучше послезавтра. Нет, нет, не завтра.

— Кэри...

— Леда, дай мне крем «Нивея».

Она передала ему баночку с кремом и понаблюдала, как он мажет желтоватый панцирь на животе, прислушиваясь к шуршащему звуку и почувствовала, что не может этого перенести. Леда вышла из ванной и направилась к себе в комнату. По ее словам, в тот момент она впервые была рада, что у них раздельные кровати, сознательно рада, что он не сможет коснуться ее во сне. Ночью долго не смогла заснуть, прислушиваясь к шуршащим звукам, когда он скреб пальцами по странному наросту.

А на следующую ночь он сообщил ей, что ему становится лучше. Потом подтвердил, что дело, кажется, пошло на поправку. Но она по глазам видела, что он обманывает, — и даже не столько ее, сколько себя. В экстремальной ситуации Кэри оставался таким же эгоистом, каким был всегда. Впрочем, Леда тут же добавила, что и она стала порядочной эгоисткой за годы жизни с ним. Ей самой нужна была хоть какая-то иллюзия.

На третью ночь он вошел к ней в спальню в одних пижамных штанах. Глаза его смотрели печально и испуганно. Леда перечитывала какой-то роман Дороти Сайерс, свое любимое чтиво. Книжка выпала из ее рук, лишь только она взглянула на него. Наверное она бы даже заорала, если бы спазм не перехватил горло. Билли Халлек подумал, что ни одно человеческое чувство не может быть уникальным, хотя иногда кажется иначе. Кэри Россингтон прошел такой же период самообмана, что и он, после чего следовало потрясение.

Леда обнаружила, что желтая корка (или чешуя) покрыла весь живот Кэри и почти всю грудь. Безобразные бугры с подпалиной. Черные трещины беспорядочными зигзагами

покрывали корку сеткой. В глубине этих трещин можно было приметить красноту, на которую лучше было не смотреть. Сперва можно было подумать, будто трещины располагались хаотически, как в бомбовой воронке, но оказалось, что это не так. С каждого края желтая плоть была слегка приподнята. Чешуя. Но не рыбья, а грубая чешуя рептилии, вроде ящерицы, игуаны или даже аллигатора.

Левый сосок его груди был еще виден, а правый полностью скрылся под уродливыми панцирем, который уже проникал ему под мышку. Исчез пупок и...

— Он спустил свои пижамные штаны, — продолжала свой рассказ Леда, допивая третий бокал все теми же маленькими птичьими глотками. Снова слезы потекли по ее щекам. — Вот тогда я обрела голос, начала орать, чтобы он прекратил. Он послушался, но я успела заметить, что эта дрянь распространилась ниже. Член еще не был затронут, но лобковые волосы уже исчезли под ней.

— Ты вроде бы говорил, что у тебя пошло на поправку, — сказала я.

— Я так и думал, — ответил он мне. А на следующий день назначил встречу с Хустоном.

Который, видимо, рассказал ему про парня без мозгов, подумал Халлек, и еще про бабку с третьим комплектом зубов и предложил понюхать кокаина.

Спустя неделю Россингтон предстал перед консилиумом лучших дерматологов Нью-Йорка. Они сказали, что им известен его недуг и направили его на гамма-облучение. Чешуйчатая плоть продолжала распространяться. Никакой боли он не чувствовал, только зуд на пограничных местах между прежней кожей и этим кошмарным нашествием. Только и всего. Новая плоть была совершенно бесчувственна. Как-то он сказал ей с жутковатой потрясенной улыбкой, что загасил окурок на собственном животе и никакой боли не ощутил.

Она заткнула уши и закричала, чтобы он прекратил.

Дерматологи сказали Кэри, что немного ошиблись. Кэри спросил их, что это значит. Вы, мол, сказали, что все знаете, во всем уверены. Они ему ответили, что такие вещи случаются, правда, редко, ха-ха, очень редко. Все анализы были проведены, и они поняли, что пошли не тем

путем. Завели свои научные непонятные разговоры о мощных витаминах, глангулярных инъекциях, которые начали применять к нему. Пока проводился новый курс лечения, первые чешуи появились на шее Кэри, под подбородком и наконец — на лице. Вот тогда дерматологи в конце концов признали, что зашли в тупик. Правда, только в данный момент, разумеется. Подобные вещи не могут быть неизлечимыми. Современная медицина... специальная диета... и т.д. и т.п.

Кэри и слушать ничего не хотел, когда Леда пыталась завести разговор о старом цыгане. Однажды замахнулся на нее, словно ударить хотел, а она успела заметить, что кожа между большим и указательным пальцами его руки тоже отвердела.

— Рак кожи! — крикнул он. — Это рак кожи, рак кожи, рак кожи! И прошу тебя, раз и навсегда заткнись насчет того старого выродка!

Разумеется, только его теория имела хоть какой-то номинальный смысл, поскольку Леда несла мистическую средневековую чушь. Однако Леда была уверена, что все это проделка старого цыгана, который подошел в толпе блошиного рынка к Кэри Россингтону и коснулся его лица. Она знала это и поняла по его взгляду, когда он поднял на нее руку, что он тоже об этом знает.

Он взял отпуск, договорившись с Гленном Петри, который был потрясен, узнав, что его старый друг и партнер по гольфу Кэри Россингтон заболел раком кожи.

Леда рассказала Халлеку про следующие две недели, которые ей не хочется вспоминать. Кэри спал как мертвый то в их комнате наверху, то внизу в кресле, то на кухне, положив голову на руки. Начал много пить. Садился в кресло в гостиной, держа за горлышко бутылку виски чешуйчатой рукой, и смотрел по телевизору комедии типа «Герои Уайлд» и «Семейные ссоры». Так он просиживал перед телевизором часов до двух или трех ночи. И все время пил виски, как пепси-колу, прямо из горлышка.

Иногда по ночам он плакал. Она подходила и наблюдала его рыдающим в то время, как Уорнер Андерсон, заключенный в коробке их «Сони» кричал: «Вперед, к видеолен-

там!» с таким энтузиазмом, словно пригласил своих любовниц на круиз до Арубы в компании с ним. В иные ночи, по счастью редкие, он давал волю ярости, спотыкаясь бродил по дому с бутылкой виски в руке, переставшей быть рукой, и кричал, что у него рак кожи («Ты слышишь?! Рак кожи!»), который он подхватил под лампами для загара, и что он засудит этих гадов, которые ему такое устроили, разорит засранцев дотла! Без портка их оставит! Во время подобных вспышек он порой ломал вещи.

— Я в итоге поняла, что такие припадки ярости с ним происходят после того, как приходит миссис Марли, привезти по дому, — сказала она бесстрастно. — Когда она появлялась, он поднимался на чердак и отсиживался там. Если бы она его увидела, весь городок немедленно бы обо всем узнал. Я думаю, он более всего чувствовал себя отверженным, когда сидел там в одиночестве в темноте, а потом ночью давал волю своим эмоциям.

— Значит, он уехал в клинику Мэйо, — сказал Билли.

— Да, — ответила она и наконец взглянула на него. Лицо ее выглядело пьяным и перепуганным. — Что с ним будет, Билли? Во что он может превратиться?

Билли покачал головой: ни малейшего представления. Более того, он имел не больше желания разбираться в этом вопросе, чем в запечатленной на снимке знаменитой сцене, где южновьетнамский генерал стреляет в ухо вьетконговскому коллаборационисту. Каким-то зловещим образом ситуации показались ему схожими.

— Я тебе говорила, что он нанял частный самолет до Миннесоты? Не мог вынести, чтобы люди увидели его таким. Я тебе говорила об этом, Билли?

Билли снова покачал головой.

— Что же с ним дальше будет?

— Я не знаю, — ответил Халлек и подумал: — Кстати, а что со мной будет, Леда?

— В конце, когда он сдался и решил лететь, обе его руки превратились в подобие когтей. А глаза... глаза — две блестящие точки в таких чешуйчатых провалах-глазницах. Нос у него... — Она поднялась из кресла, направилась к нему, сильно ударившись об угол столика. *Сейчас она этого не заметила*, подумал Халлек, но

завтра у нее будет синяк. Будет удивляться, где это так ушиблась.

Она схватила его руку. Глаза были широко раскрыты от ужаса. Заговорила сбивчиво, хрипло, изо рта сильно несло джином:

— Он теперь выглядит как аллигатор, — сказала она, почти перейдя на шепот. — Да, вот так он и выглядит, Билли. Прямо словно из болота выполз и напялил на себя человеческую одежду. Да, похоже, что он превращается в аллигатора, и я рада, что он уехал. Рада. Я думаю, если бы он не уехал, уехала бы я. Упаковала бы сумку и...

Она наклонялась все ближе и ближе к нему, и Билли поднялся, не в силах более переносить это. Леда Россингтон качнулась назад, и Халлек едва успел поймать ее за плечи... он, похоже, тоже порядочно перебрал. Промахнувшись он, и она могла бы раскроить себе голову о столик, покрытый стеклом и окантованной бронзой (587 долларов). Как раз о него она только что ушибла ногу, только теперь дело могло закончиться не ссадиной, а смертью. Посмотрев в ее полубезумные глаза, Билли подумал, что, может, она бы и не возражала против того, чтобы умереть.

— Леда, мне пора уходить.

— Ну конечно! Просто зашел выпить, верно, Билли, дорогой?

— Извини, — сказал он. — Я ужасно сожалею обо всем, что произошло. Поверь, это так. — И вдруг добавил: — Будешь говорить с Кэри, передай ему мои наилучшие пожелания.

— С ним теперь трудно разговаривать, — рассеянно ответила она. — У него внутри рта то же самое происходит. Десна меняются, язык покрывается панцирем. Я не могу с ним говорить, а его реплики звучат просто как мычание.

Он отступал в холл, желая оказаться подальше от нее, от ее размеженного, такого воспитанного тона, от ее сумасшедшего взгляда.

— Да, он в самом деле превращается в подобие аллигатора, — сказала она. — Возможно, придется в итоге опустить его в бассейн... им, наверное, нужно, чтобы кожа была влажной. — Слезы снова потекли из ее опухших,

покрасневших глаз, и Билли заметил, что она проливает коктейль из бокала себе на туфли.

— Спокойной ночи, Леда, — прошептал он.

— Ну почему, Билли? Почему ты сбил эту старуху? Почему ты обрушил на Кэри и меня такое? Почему?

— Леда...

— Приходи через пару недель, — сказала она, направляясь к нему в то время, как он лихорадочно нащупывал дверную ручку позади себя и огромным усилием воли заставлял себя сохранять на лице подобие слабой улыбки. — Приходи. Я хочу посмотреть на тебя, когда ты потеряешь еще фунтов сорок-пятьдесят. Вот уж посмеюсь. Буду хохотать и хохотать!

Он нашел дверную ручку и повернул ее. Свежий прохладный воздух обвеял его пылающее потное лицо.

— Спокойной ночи, Леда. Прости меня, извини...

— Подавись ты своими извинениями! — завизжала она и швырнула в него бокал. Он разбился вдребезги о дверной косяк справа от Билли. — Зачем ты убил ее, ублюдок?! Зачем ты на нас обрушил такие несчастья?! Зачем?! Зачем?! Зачем?!

Халлек дошел до перекрестка Парк Лайн и Лантерн Драйв и опустился на скамейку под навесом автобусной остановки. Его бил озноб, во рту был скверный вкус, голова кружилась от алкоголя.

Он думал: *Я сбил и убил ее и теперь теряю вес и не могу остановиться. Кэри Россингтон провел суд, отпустил меня, хлопнув по плечу, а теперь он в клинике Мэйо, и если верить его жене, он выглядит как беженец из питомника аллигаторов Мориса Сендака. Кто еще тут замешан? Кому еще мог отомстить старый цыган?*

Он вспомнил о двух полицейских, изгонявших цыган, когда они прибыли в их городок и собирались развернуть свои представления в городском парке. Один из полицейских был всего лишь оруженосцем, водителем патрульной машин.

Исполнителем приказов.

Чьих приказов? Ну, разумеется, начальника полиции, Данкена Хопли.

Цыган прогнали потому, что у них не было разрешения выступать в городском саду. Они, конечно, понимали, что дело не в разрешении: причины гораздо глубже. Когда хочется прогнать цыган, предлог всегда найдется. Бродяжничество. Нарушение общественного спокойствия. Плевки на тротуары. Да что угодно!

Цыгане договорились о таборе с фермером к западу от городка — мрачным стариком по имени Арнкастер. Всегда находилась такая ферма и такой мужик, и цыгане всегда устраивались. *У них носы натренированные, чтобы выискивать таких людей, как Арнкастер*, подумал Билли, сидя на скамейке и прислушиваясь к первым каплям весеннего дождя, забарабанившего по навесу. *Простая эволюция. Достаточно двух тысяч лет кочевой жизни. Поболтать с людьми. Может, кому-то бесплатно погадать?* Узнали имя одного жителя, у которого есть земля, но и долгов немало, и про парня, который не любит своего города и не уважает общественных порядков. *Прислушаешься и непременно узнаешь имена. Непременно пронюхаешь про местного Арнкастера в самом богатом городке. А то и про двух или трех таких.*

Свои машины они располагали в круг, как и палатки. Точно так же их предки двести, четыреста, восемьсот лет назад располагали в таборе свои кибитки и тачки. Они получали разрешение на разведение костров. Ночью болтали и смеялись, из рук в руки переходила бутылка или две.

Все это, думал Халлек, могло быть вполне приемлемо для Хопли.

Те, кто хотел что-то купить у цыган, могли съездить по западной дороге Фэйрвью к жилищу Арнкастера. Оно располагалось в стороне от всеобщего обозрения, но и зрелище представляло собой жалкое. Впрочем, цыгане предпочитали именно такие места. Оттуда им предстояло двинуться в Рейнтри или Уэстпорт, а дальше — в неведомом направлении. Так обычно и делалось.

За исключением того, что после несчастного случая и проклятия старого цыгана формула «так обычно и делалось» больше никуда не годилась.

Халлек вспомнил, что Хопли дал цыганам два дня срока. Когда они и не подумали подчиниться, он их

вынудил убраться. Сначала Джим Робертс отменил разрешение о разведении костров. Хотя в течение предыдущей недели каждый день бывали сильные дожди, Робертс сказал им, что опасность пожаров внезапно возросла. Извините. Кстати, пусть не забывают, что огнеопасными являются не только костер, но и плитки на газовых баллонах, мангалы и печурки.

Затем Хопли, как уже бывало в подобных ситуациях, посетил местные точки бизнеса, где у Ларса Арнкастера кредиты были изрядно просрочены. Сюда, разумеется, входили магазин инструментов и скобяных изделий, склад кормов и семян и кооператив фермеров. Хопли мог заглянуть также и к Закари Маршану в Объединенный банк Коннектикута, где хранился заклад Арнкастера на недвижимость.

Работа есть работа. С этим чашку кофе выпил, с тем — пообедал, у того что-нибудь купил. И вот на закате следующего дня кредиторы Ларса Арнкастера уже звонят ему и говорят, что неплохо было бы убрать этих чертовых цыган подальше от города и как они были б ему призательны.

Результат Данкену Хопли был, конечно же, известен. Арнкастер направился к цыганам, вернул им то, что оказалось лишним по их договоренности об аренде территории, оказался глух к их протестам (Халлек вспомнил молодого жонглера, который явно не успел свыкнуться с идеей собственной уязвимости в этой жизни). А договор, кстати, не был подписанным документом, и потому судиться было бы смешно.

Арнкастер вполне трезвый, возможно, объяснил им, что обходится с ними как порядочный человек и возвращает им лишние деньги. Другое дело — Арнкастер пьяный. В этом случае он мог объясняться подробней, сказать им, что в городе есть могущественные деятели, которые требуют, чтобы цыгане убирались подальше. На него, бедного фермера, оказали жесткое давление, которого он вынести просто не может. Тем более, что половина так называемых хороших людей в городке давно зуб на него имеют.

Вряд ли цыгане (разве что за исключением жонглера) стали спорить, права качать и требовать долгих объяснений.

Билли поднялся и медленно побрел домой под холодным дождем и ветром. В спальне горел свет — Хейди его ждала.

Водителю патрульной машины не за что мстить. И не Арнкастеру: тот просто увидел возможность не терять пятьсот долларов и попросил их вон, потому что иного выхода не было.

Данкен Хопли?

Возможно. Очень даже возможно, подумал Билли. В чем-то Хопли выполнял функции сторожевого пса, хорошо натренированного, чтобы хранить в неприкосновенности покой Фэйрвью. Однако Билли сомневался, разделяет ли старый колдун его мнения, понимает ли суть. Для него все свелось к тому, что после суда Хопли вытурил их из городка. К изгнанию они были привычны. Другое дело, что Хопли не расследовал причин гибели старухи...

Вот это уже существенно.

Отказ от расследования? Билли, не смеши меня. Отсутствие расследования — грех халатности. Хопли не стал проверять его на алкоголь. Ты знаешь, что это граничит с покрытием преступления, и Кэри Россингтон тоже это знал.

Ветер усилился, дождь стал сильнее. На улице капли плескались в лужах, освещаемых уличными фонарями вдоль Лантерн Драйв. Под ветром скрипели ветви деревьев, и Билли с беспокойством посмотрел на небо.

Мне надо повидать Данкена Хопли.

Какая-то важная мысль готова была родиться, но он тут же вспомнил пьяное испуганное лицо Леды Россингтон. Подумал о словах Леды: *С ним теперь трудно разговаривать... у него внутри рта то же самое происходит... его реплики звучат как мычание.*

Нет, только не сегодня. Нынче с него достаточно.

— Куда ты ходил, Билли?

Хейди лежала в постели под пятном света от ламп и читала. Теперь отложила книгу и посмотрела на него. Билли заметил темные круги под ее глазами. Однако в эту ночь жалости к ней он не почувствовал.

Подумал, а может, сказать? — Я был у Кэри Россингтона. Поскольку его не было дома, я выпил с его женой,

выпил довольно крепко. Ни за что не угадаешь, Хейди, что мне она сказала. Кэри Россингтон, который тебя лапал накануне Нового Года, превращается в крокодила. Когда он погрет, из его кожи можно будет делать отличные портфели.

— Да так, нигде, — ответил он. — Просто бродил и размышлял.

— От тебя пахнет так, словно ты в куст можжевельника свалился. Джин?

— Ну-ну... примерно так. Только свалился в «Паб» Энди.

— И сколько ты принял?

— Пару.

— А пахнет как все пять.

— Хейди, ты что — меня допрашиваешь?

— Нет, дорогой. Но я хочу, чтобы ты себя уж слишком-то не изводил. Эти доктора, я надеюсь, поймут что-то после метаболической серии.

Халлек хмыкнул.

— Я только благодарю Бога, что это не рак, — сказала она. Лицо ее выглядело встревоженным.

Он подумал и чуть не ляпнул: *хорошо все наблюдать со стороны*. Не сказал, но, видимо, что-то отразилось на его лице, потому что ее лицо приняло такое несчастное, горестное выражение.

— Прости меня, — сказала она. — Так трудно сказать что-либо, чтобы не прозвучало обидно, плохо...

Да уж, девочка, подумал он. И снова мимолетная вспышка ненависти к ней. После выпивки это чувство вызвало депрессию и физическое недомогание. Тут же все прошло, оставив лишь ощущение стыда. Кожа Кэри превращалась Бог знает во что — годилось только для показа в бродячем цирке. Данкан Хопли может быть и в порядке, а может, Халлека ожидало там нечто еще более жуткое. Черт возьми, потеря веса, возможно, еще не самое страшное.

Он разделся, включив лампу, и обнял Хейди. Сначала она чувствовала себя скованно. Когда он решил, что ничего хорошего не будет, Хейди вдруг расслабилась. Билли услышал ее сдавленный всхлип и с грустью поду-

мал, что в беде познается благородство натуры. Почему он раньше этого не понимал?

— Хейди, прости, — сказал он.

— Если бы я могла хоть что-то сделать. — Она снова всхлипнула. — О, если бы чем-то могла помочь тебе, Билли.

— Можешь, — сказал он и потрогал ее грудь.

Они занялись любовью. А потом он заснул, забыв обо всем. Утром весы показали 176.

Глава двенадцатая ДАНКЕН ХОПЛИ

У себя в конторе он договорился относительно отпуска для проведения метаболических анализов. Кирк Пенсли был до неприличия готов удовлетворить его просьбу в любой форме, из чего Халлек сделал горький вывод: от него хотят избавиться. После того, как исчезли его три подбородка, ввалились щеки, а кости на лице стали выпирать, он стал для конторы своеобразным пугалом.

— Ну, конечно же! О чём речь?! — воскликнул Пенсли прежде, чем Билли до конца изложил свою просьбу. Слишком радушно звучал его голос — так говорят люди, понимающие, что дело — дрянь, но формально этого не признающие. Глаза его скользнули к тому месту, где у Билли Халлека прежде был живот. — Бери столько времени, сколько тебе потребуется, Билл.

— Три дня мне будет достаточно, — ответил он.

Теперь он звонил Пенсли из телефонной будки возле кафетерия Баркера и говорил ему, что придется взять более трех дней. Да, более трех дней, но, возможно, не только для метаболических анализов. Утраченная идея снова неясно зародилась в голове. Она еще не была оформленной надеждой, но хотя бы кое-что.

— На сколько дней? — спросил Пенсли.

— Я точно и сам не знаю, — сказал Халлек. — Может, две недели. Может, даже и месяц.

На другом конце провода воцарилась тишина, и Халлек представил себе подтекст, который прочел в его словах

Пенсли: *На самом деле я имею в виду, Кирк, то, что больше уж мне не вернуться. Выяснилось, что у меня рак. Теперь будет облучение, лекарства от боли, интерферон, если удастся его раздобыть, лаэтрил, если решимся отправиться в Мехико. Когда в следующий раз увидишь меня, Кирк, я буду в длинном ящике с шелковой подушечкой под головой.*

И Билли, привыкший за последние шесть недель к чувству хронического страха, впервые ощущил гнев. *Я вовсе этого не подразумеваю, черт тебя подери. По крайней мере, пока еще нет.*

— Не проблема, Билл. Передадим дело Худа Рону Бейкеру, а остальные могут и подождать.

Это уж точно, подлец. Ты сегодня же все мои дела передашь другим. А дело Худа ты еще на прошлой неделе отдал Рону Бейкеру. Он мне позвонил сам, спрашивал, куда я положил бумаги по этому делу. А насчет того, что другие дела подождут, Кирк, так эти дела — всего-навсего куриные шашлыки на твоей вилле в Вермонте. Так что не пытайся быть хитрожопым со мной.

— Хорошо, я передам ему все досье, — сказал Билли и, не удержавшись, добавил: — Он уже часть из них получил, кстати.

Раздумье на другом конце провода. Потом:

— Ну, хорошо... если что нужно, я готов...

— Есть еще одна просьба, — сказал Билли. — Она может показаться тебе очень странной.

— Какая? — осторожно спросил Кирк Пенсли.

— Помнишь, у меня неприятность была в начале весны? Несчастный случай?

— Да-а.

— Женщина, которую я сбил, была цыганкой. Ты знал об этом?

— Это было в газетах, — сдержанно ответил Пенсли.

— Она была из... из... как у них это называют? Банда? Табор. Да, цыганский табор, коллектив, что ли. Они расположились неподалеку от Фэйрвью. Договорились с местным фермером за наличные...

— Подожди секундочку, буквально чуток, — перебил его Пенсли. Теперь его голос звучал сухо, не так, как у

платного плачальщика, что Билли устраивало куда больше. Он даже улыбнулся, представив себе сорокапятилетнего Пенсли, лысого, невысокого — футов пять ростом, хватавшего на столе блокнот и ручку. Кирк в работе был одним из самых эффективных и деловых ребят из всех, кого Халлек знал. — О'кей, говори. Как имя местного фермера?

— Арнкастер. Ларс Арнкастер. После того, как я сбил женщину...

— Ее имя?

Халлек закрыл глаза и напряг память. Как странно — он ни разу не вспомнил ее имени с самого суда.

— Лемке, — ответил он наконец. — Ее звали Сюзанна Лемке.

— Л-е-м-п-к-е?

— Без «п».

— О'кей.

— После несчастного случая цыгане решили, что они нежеланные гости в Фэйрвью. У меня есть данные, что они направились в Рейнтри. Не смог бы ты проследить их дальнейший путь оттуда? Мне нужно знать, где они находятся сейчас. За расследование плачу из своего кармана.

— Да уж, непременно, — сказал Пенсли. — Что ж, если они двинулись к северу, в Новую Англию, я думаю, мы сумеем их разыскать. Если же отправились на юг, в Джерси, трудно гарантировать. Тебя что, Билли, беспокоит судебное дело по этому поводу?

— Нет, — ответил он. — Но мне нужно поговорить с мужем этой женщины. Если он был ее мужем.

— О! — только и ответил Пенсли, и снова Халлек прочел его мысли, как если бы он их высказал ему вслух по телефону: *Билли Халлек закругляет свои дела, приводит в порядок свои финансовые книги. Видимо, хочет выдать старому цыгану чек, а может, хочет просто извиниться перед ним и позволить дать себе в глаз.*

— Спасибо тебе, Кирк, — сказал Халлек.

— Не за что, — ответил Пенсли. — Ты, главное, поправляйся.

— О'кей. — Билли повесил трубку. Его кофе на столике остыл.

Его не очень удивило то обстоятельство, что в полицейском участке всеми делами заправлял помощник Рэнд Фоксурт. Он достаточно радушно приветствовал Халлека, но взгляд его был рассеянным. Наметанным глазом Билли сразу приметил, что корзинка «входящих» бумаг на столе Фоксурта была куда более перегруженной, чем корзина «выходящих».

Униформа Фоксурта выглядела безукоризненной, но глаза были несколько налиты кровью, как с приличной попойки.

— Данк малость простудился, — сказал он в ответ на вопрос Билли. Халлек почувствовал по тону, что такой ответ полицейский выдавал уже великое множество раз. — Его нет пару дней на работе.

— О! — Сказал Билли. — Простуда, значит?

— Вот именно, — ответил Фоксурт, многозначительно посмотрев в глаза Билли.

Дежурная в приемной сообщила Билли, что доктор Хустон отправился к пациенту.

— Это срочно. Пожалуйста, передайте ему, что мне нужно буквально пару слов ему сказать.

Конечно, проще было бы подъехать самому и поговорить, но Халлеку не хотелось ехать через весь город. В результате он сидел в телефонной будке (в которой не так давно с трудом помещался) напротив полицейского участка. Хустон наконец взял трубку.

Голос его звучал холдно, официально, с явным раздражением. Халлек, который, кажется научился читать чужие мысли, понял смысл этого тона: *Билли, ты больше не мой пациент. Я наблюдаю твой необратимый распад, и это действует мне на нервы. Единственное, чего я хочу от пациента, представить мне то, чему я могу поставить диагноз и выписать рецепт. Если ты этого сделать не способен, тогда нам не о чем договариваться. Мы с тобой, конечно, неплохо играли в гольф, но я не думаю, что кто-то из нас станет утверждать, будто мы когда-либо были друзьями. У меня есть карманный телефон «сони», есть диагностическое оборудование стоимостью в 200.000 долларов и такой список лекарств, что если мой компьютер его отпечатает, лист*

протягивается от моего порога до перекрестка Парк Лейн и Лантерн Драйв. Я себя отлично чувствую с такой оснасткой. Чувствую себя полезным. А тут являешься ты и делаешь из меня лекаря семнадцатого века с банкой пиявок от высокого давления и золотом для трепанации черепа. Мне не нравится ощущать себя таким, Билл. Совсем не нравится. Так что, исчезни. Я умываю руки. Зайду посмотреть на тебя в гробу... если, разумеется, сам туда не лягу прежде.

— Современная медицина, — пробормотал Билли.

— Что, Билли? Давай быстрее, а то меня пациент ждет, и вообще, я здорово занят.

— У меня один вопрос, Майкл, — сказал Билли. — Что там с Данкеном Хопли?

Тишина на другом конце провода длилась секунд десять.

— А почему ты считаешь, что с ним что-то случилось?

— Его нет на участке, Рэнд Фоксуорт сказал, что у него простуда, но явно врет и к тому же делать этого не умеет.

Последовала другая долгая пауза.

— Как юрист, Билли, ты меня поймешь. Я не имею права распространять подобную информацию, не хочу терять работу.

— Ну, знаешь, если кто-нибудь обнаружит, что у тебя там в бутылке в ящике стола, ты не просто потеряешь работу, а полетишь с нее.

Снова пауза. Когда Хустон заговорил, его голос был сдавленным от ярости... и подспудного страха.

— Это что — угроза?

— Да нет же, — устало ответил Билли. — Ты только на меня не рычи, Майкл. Скажи просто — в чем дело с Хопли.

— А зачем тебе знать?

— Бога ради, Майкл. Ты — живое доказательство того, насколько человек может быть толстокожим. Знаешь, о чем я говорю?

— Ни малейшей идеи, что ты имеешь...

— В последний месяц ты увидел три очень странных заболевания в Фэйрвью. Никакой связи между ними ты не заметил. В чем-то оно и понятно: они настолько отличаются

одно от другого. А с другой стороны, они сходны в том, что чрезвычайно странны. Я подумал: может, другой доктор, который не заталкивает себе в ноздри на полсотни долларов кокаина каждый день, смог бы заметить такую связь, несмотря на различие симптомов.

— Подожди минуточку!

— Нет, ждать не собираюсь. Ты спрашиваешь — почему я хочу об этом знать, и я скажу тебе, почему. Я неуклонно теряю вес. Теряю его, даже поглощая массу калорий — восемь тысяч в день. Кэри Россингтон получил какую-то кошмарную кожную болезнь. Его супруга говорит, что он превращается в цирковое чудо-юдо. Кэри отправился в клинику Мэйо. Теперь я хочу узнать, что стряслось с Данкеном Хопли. И еще — нет ли у тебя других подобных случаев.

— Билли, дело обстоит вовсе не так. Похоже, что ты вбил себе в голову какую-то диковинную идею. Не знаю, что это...

— Не знаешь, и ничего страшного. Мне нужен ответ. Если я не получу его от тебя, найду другой способ узнать.

— Не вешай трубку. Если ты намерен говорить на эту тему, я перейду к тебе в кабинет.

— Хорошо.

В трубке щелкнуло. Билли вспотел в телефонной будке, раздумывая, не обманет ли Хустон. Но вновь раздался щелчок.

— Ты здесь, Билли?

— Да.

— О'кей. — В голосе Хустона слышались явные нотки разочарования, которое выглядело комичным. Он тяжко вздохнул. — Данкен Хопли болен... угрями.

Билли раскрыл дверь будки. Слишком душно стало внутри.

— Угри?

— Да. Прыщи. С черными головками, с белыми. Вот и все. Ты доволен?

— Кто еще?

— Больше никого. И вот что, Билли. Они ни с того ни с сего не появляются. А то ты уж начал нести что-то в духе романов Стивена Кинга. Нет, дело вовсе не так странно обстоит. У него временный дисбаланс желез,

только и всего. Причем у него это не впервые. Эти кожные проблемы у него с седьмого класса школы.

— Что ж, вполнеrationально. Но если ты к этому добавишь Кэри Россингтона с его крокодильей кожей и Уильяма Халлека с его «анорексией невроза», начинает все таки звучать, как роман Стивена Кинга. Не так ли?

Хустон терпеливо пояснил:

— У тебя проблема метаболизма, Билли. Кэрри... не знаю. Я видел...

— Странные случаи. Знаю, — перебил его Билли. Господи, и этот мешок для потребления кокаина был его семейным врачом в течение десяти лет. — Ларс Арнкастер к тебе не обращался?

— Нет. Он не мой пациент. Я думал, у тебя только один вопрос.

Конечно же, он приписан к тебе как пациент, подумал Билли. Просто вовремя не оплачивает счета. А такой деятель, как ты, с завышенными потребностями, ждать не любит, верно?

— Ну, хорошо. Тогда самый последний вопрос: когда ты в последний раз видел Данкена Хопли?

— Недели две назад.

— Спасибо.

— В следующий раз записывайся на прием, Билли, — сухо сказал Хустон и положил трубку.

Хопли разумеется, жил не на Лантерн Драйв, но работа шефа полиции оплачивалась хорошо, а потому у него был свой аккуратный домик в новоанглийском стиле в переулке Риббонмейкер.

Билли припарковал машину в сумерках, подошел к дому и позвонил в дверь. Ответа не последовало. Позвонил снова. Тишина. Он нажал пальцем на звонок и долго-долго не отпускал, но все так же безрезультатно. Направился в гараж и, приложив ладони щитками к лицу, всмотрелся в темноту. Автомашина Хопли — «вольво» устаревшей модели — с номером «ФВ-1» — на месте. Второй машины у шефа полиции не было — Хопли холостяк. Билли вернулся к двери и принялся стучать кулаком. Минуты три он молотил по двери, пока рука не заболела. Только тогда хриплый голос заорал:

— Убирайся к черту!

— Впусти меня! — крикнул Билли. — Мне надо поговорить с тобой!

Ответа не последовало, и Билли принял ся снова стучать. В какой-то момент он уловил за дверью слабое движение, представил себе притаившегося за дверью, даже присевшего на корточки Хопли, ожидающего, когда не-прощеный и назойливый визитер уберется и оставит его в покое. Или в том, что для него сходило нынче за покой. Билли перестал стучать и распрымил пальцы руки.

— Хопли, я думаю, ты — здесь, — тихо сказал он. — Тебе нет нужды отвечать мне, только выслушай. Это Билли Халлек. Два месяца назад у меня произошел несчастный случай. Старая цыганка выскочила перед носом моей машины...

Движение за дверью. Теперь, определенно, послышалось шарканье.

—... Я сшиб и убил ее. Теперь теряю в весе. Никакой диеты, ничего подобного, но вес теряю. Пока что потерял семьдесят пять фунтов. Если это не прекратится, я скоро буду похож на ходячий скелет, в самый раз для цирка. Кэри Россингтон, судья Россингтон, занялся этим делом и признал меня невиновным. Теперь у него какой-то кошмарный кожный недуг...

Билли послышалось, что за дверью раздался шумный вздох удивления.

—... Он отправился в клинику Мэйо. Врачи сказали, что это не рак, но они не знают, что это такое. Россингтону хочется верить, что это рак. Он не желает признать, что это есть на самом деле.

Билли проглотил ком, возникший в горле.

— Это цыганское проклятье, Хопли. Понимаю, насколько это безумно звучит, но это правда. Там был старик. Он дотронулся до меня, когда я выходил из суда. Он дотронулся до Россингтона, когда тот с женой был на толкучке в Рейнтри. А до тебя он дотронулся, Хопли?

Наступила долгая тишина, а потом сквозь щель почтового ящика Билли услышал одно короткое слово:

— Да.

— Где? Когда?

Ответа не последовало.

— Хопли, куда эти цыгане отправились после Рейнтри?
Ты не знаешь?

Молчание.

— Мне надо с тобой поговорить! — в отчаянии сказал Билли. — У меня есть идея, Хопли. Я думаю...

— Ты ничего не сможешь, — прошептал Хопли. — Все зашло слишком далеко, ты понимаешь, Халлек? Слишком далеко...

Послышался вздох, шелестящий, как бумага — жуткий.

— Но это же хоть какой-то шанс! — яростно воскликнул Халлек. — Неужели ты докатился до того, что тебе уже на все начхать?

Молчание. Билли ждал, подыскивая более убедительные аргументы, более проникновенные слова. Ничего в голову не приходило. Хопли просто-напросто не собирался впускать его к себе. Он повернулся, чтобы уйти, когда дверь приоткрылась.

Билли посмотрел на черную щель, услышал шаркающие удаляющиеся шаги во мрак холла. По спине и по рукам побежали мурашки, на миг захотелось уйти поскорее прочь. *Бог с ним, с Хопли, подумал он. Если кто-то и сможет разыскать цыган, то это Кирк Пениши. Ни к чему видеть Хопли, смотреть, во что он превратился.*

Билли подавил в себе импульс, раскрыл дверь и вошел внутрь.

В дальнем конце холла он разглядел сгущенную тень человека. Дверь слева была раскрыта, и тень прошла туда. Появился слабый свет, и из двери протянулась длинная тень через пол-холла на стену, где висела фотография Хопли, получающего награду «Ротари-клуба» Фэйрвью. Голова бесформенной тени как раз находилась на этом снимке в рамке, подобно некоему предзнаменованию.

Билли пересек холл, признаваясь сам себе, что испытывает страх. Чуть ли не ожидал, что дверь за ним замкнется... *и тогда цыган выйдет из мрака и схватит меня сзади, как в дешевом фильме ужаса. А ну, подтянись! Что за глупости?* Однако сердце продолжало сильно колотиться.

Он обнаружил, что в доме Хопли неприятный специфический запах, что-то вроде протухшего мяса.

На мгновение Билли задержался в проеме открытой двери на пороге не то кабинета, не то какой-то берлоги, вертепа. Свет был настолько тусклым, что разглядеть что-либо было трудно.

— Хопли?

— Заходи, — прошелестел все тот же бумажный голос. Билли вошел.

Это был кабинет Хопли. Халлек не ожидал увидеть такое множество книг, мягкий турецкий ковер под ногами. Возможно, при иных обстоятельствах комната, хоть и была маловатой, выглядела бы весьма уютной.

В центре стоял стол светлого дерева, на нем лампа-тензор. Хопли нагнулся к лампе так, что она освещала лишь пятно в дюйме от поверхности стола, остальная часть комнаты бала страной холодных теней и мрака.

Сам Хопли выглядел темным силуэтом в кресле у стола.

Билли нашел кресло в углу и сел, обнаружив, что оно располагалось дальше других кресел от Хопли. Попытался разглядеть хозяина жилища, однако безуспешно. Он оставался лишь силуэтом. Билли даже захотелось, чтобы Хопли поднял тензорную лампу, пусть она ослепит его на какой-то миг, пусть он заорет на него, как в фильмах сороковых годов: *Мы знаем, что вы это сделали, Мак Гонигэл! Не пытайтесь увиливать! Признавайтесь, и получите сигарету! Признавайтесь, и мы дадим вам попить! Признавайтесь, и позволим вам сходить в сортир!*

Но Хопли просто сидел в своем кресле. Послышалось шуршание, когда он положил ногу на ногу.

— Ну что, хотел войти — вот и вошел. Давай, Халлек, выкладывай, что там у тебя, и убирайся. Не могу сказать, что ты мне симпатичен, тем более теперь.

— Я несимпатичен и Леде Россингтон, — сказал Билли. — Но, честно говоря, мне насрать на то, что она или ты думаете обо мне. Она считает, что во всем виноват я. Ты, видимо, тоже.

— Ты сколько выпил перед тем, как сбил старуху, Халлек? Я думаю, если бы Том Рэнгли дал тебе дунуть в баллончик, он бы взлетел под небеса.

— Ничего не пил и наркотиков не принимал, — ответил Билли. Его сердце по-прежнему колотилось в груди,

но теперь скорее от ярости, а не от страха. Каждый удар сердца отдавался болью в голове. — Хочешь знать, что было на самом деле? А? Ну, так вот, моя жена — мы, кстати, уже шестнадцать лет женаты — выбрала именно этот день, чтобы мне подрочить хер в автомашине. Никогда ничего подобного она не делала. Мне и в голову не приходит — с чего вдруг выбрала именно тот день. Так что пока ты, Леда Россингтон и, возможно, Кэри валили вину на меня, поскольку я был за рулем, я валил все на свою мадам, поскольку ее рука залезла мне в штаны. Теперь думаю, что всем нам надо валить все на нашу судьбу и перестать винить других.

Хопли невнятно хмыкнул.

— Или ты хочешь, чтобы я рассказывал тебе, как я умолял Тома Рэнгли на коленях не брать анализа на алкоголь? Как я рыдал у тебя на плече, уговаривая простить меня и выкинуть цыган из города?

На сей раз Хопли не издал ни звука, оставался тенью, сидевшей в кресле.

— Не поздновато ли для всех этих игр? — Голос Билли стал хриплым, и он с удивлением заметил, что находится на грани слез. — Да, моя жена мне сдрочивала. Верно, что я врезался в старуху и убил ее. Она сама была метрах в пятидесяти от ближайшего перехода, вылезла вдруг на дорогу, все правда. Правда и то, что ты спустил все расследование на тормозах и выпер цыган из города после того, как мы с Россингтоном пожали руки. И все в порядке! Но если ты собираешься сидеть тут в темноте и валить на всех вину, не забудь и себе полную тарелку положить.

— Знатная заключительная речь, Халлек. Классно. Ты видел тот фильм со Спенсером Трейси насчет обезьяньего суда? Видел, наверняка.

— Да пошел ты! — Билли поднялся из кресла.

— Садись. — Хопли тяжело вздохнул.

Билли Халлек в нерешительности потоптался на месте, понимая, что часть его натуры хочет использовать эту злость в не очень-то благородных целях. Эта часть побуждала его театрально уйти в гневе потому, что на самом деле эта фигура в кресле «имс» вызывала в нем ужас.

— Не изображай из себя святошу, — сказал Хопли. — Сядь ты, ради Христа.

Билли присел, почувствовав, что во рту пересохло и что в бедре забилась в нервном тике какая-то мышца.

— Не стесняйся, Халлек, говори напрямик. Мы с тобой похожи друг на друга гораздо больше, чем ты думаешь. На всякие там результаты вскрытия мне всегда было напревать. И ты прав — по этому делу я тоже не раздумывал: как надо, так и сделал. Они не первая толпа бродяг, которую я вышиб из города, и другую кое-какую косметическую работенку проделывал. Конечно если наш местный подонок что-то вытворял за пределами города, я ничего поделать не мог. Но ты бы удивился, если бы я тебе сказал, как много наших жителей до сих пор не поняли простой истины: не срать там, где сам жрешь.

— Или ты бы не удивился.

Хопли издал звук, видимо, означавший смех, от которого у Халлека пробежал мороз по коже.

— Это моя служба. Если бы ничего не произошло, никто из нас — ни ты, ни я, ни Россингтон, сейчас этих цыган не вспомнили бы.

Билли раскрыл было рот, чтобы отвергнуть подобное утверждение, сказать Хопли, что невозможно забыть тот двойной удар... но вспомнил четыре дня в Мохонке, как они хохотали, жрали, как лошади, занимались любовью ночью и иногда днем. И это спустя столько дней после всей драмы? Пару недель?

Смолчал.

— Что случилось, то случилось. Наверное, я тебя только потому и впустил, что приятно было узнать: кто-то еще верит в такое, каким бы безумным оно ни казалось. А может, впустил тебя потому, что уж слишком мне одиноко. Мне страшно, Халлек. Так страшно, просто до безумия. И тебе страшно?

— Да, — просто признался Билли.

— А знаешь, что меня более всего ужасает? Я ведь могу какое-то порядочное время жить вот таким. Это страшно. Миссис Коллахи делает для меня покупки, пару раз в неделю убирает в доме, стирает. У меня есть телевизор, я люблю читать. Мои вклады оказались прибыльными. Если

буду вести дела разумно, смогу просуществовать сколько угодно. А какие могут быть соблазны у человека моего положения? Купить себе яхту, Халлек? Зафрахтовать «Лир» в Монте-Карло, слетать с моей возлюбленной, чтобы посмотреть на скачки Гран-при в следующем месяце? Как ты думаешь? Сколько гулянок я могу устроить теперь, когда вся моя рожа изуродована?

Билли тупо покачал головой.

— Так что... я могу тут существовать... и существовать. Вот так день и ночь. А мне страшно, потому что нельзя жить таким образом постоянно. Каждый день, вместо того чтобы покончить собой, я сижу тут в темноте и смотрю игровые шоу, а старый цыганский ублюдок где-то надо мной насмехается.

— Когда он...?

— Дотронулся до меня? Да уж недель пять назад, если это имеет значение. Я поехал в Милфорд повидать мать с отцом. Повел их пообедать. Перед тем, правда, выпил пива, ну и за обедом тоже. Прежде чем уйти, пошел в мужской туалет. Дверь была закрыта. Я подождал, она открылась, и этот тип вышел оттуда. Старик с жутким носом. Он дотронулся до моей щеки и что-то сказал.

— Что именно?

— Я не расслышал, — ответил Хопли. — Как раз в тот момент кто-то на кухне грохнул на пол целый поднос посуды. Да мне и не надо было слышать, — достаточно оказалось в зеркало посмотреться.

— Ты не знаешь, они остановились табором в Милфорде?

— Это я как раз проверил на следующий день с местным коллегой. Можешь называть это профессиональным любопытством. Морду старого цыгана я приметил. Да такую и не забудешь, верно?

— Пожалуй, — согласился Билли.

— Они устроили табор на ферме к востоку от Милфорда на четыре дня. Договорились там как-то, вроде их сделки с этим геморроем Арнкастером. Я говорил с местным полицейским, он мне сказал, что наблюдал за цыганами, и те вроде бы уехали в то же утро.

— После того, как старик коснулся тебя?

— Да.

— Ты как считаешь — он знал, что ты там будешь? Именно в том ресторане?

— Я никогда раньше своих стариков туда не водил, — сказал Хопли. — Старая забегаловка, которую только что отремонтировали. Обычно мы ходили в другой ресторан, на другом конце города. А тут была идея матушки: хотела посмотреть, что там нового в оформлении. В общем — ерунда, ты знаешь женщин...

— Ты не ответил на мой вопрос. Он знал, что ты там будешь?

Последовала долгая пауза раздумья.

— Да, — ответила наконец обмякшая фигура в кресле. — Знал. Но только что у тебя за идея, Халлек? Я мало сплю нынче по ночам... Плохо соображаю.

Билли было предложено высказать напрямик то, что таилось в его уме. Он вдруг ощутил полную абсурдность ситуации: слишком слабой и дурацкой была его идея. Да даже не идея, а, по сути дела, фантазия, похожая на сон.

— Юридическая фирма, где я работаю, выделила группу сыщиков, — сказал он. — «Бартон Детектив Сервис».

— Слыхал о такой.

— Они самые толковые, как говорят. Я... так сказать...

Он интуитивно почувствовал, как фигура в кресле начала проявлять нетерпение, хотя Хопли не пошевелился. Халлек постарался собраться с духом, надеясь, что Хопли способен его понять, поскольку оба оказались товарищами по несчастью.

— Я хочу найти его, — сказал Билли. — Хочу встретить его лицом к лицу. Хочу сказать ему о том, что произошло... Я хочу по-честному... Если он способен с нами такое сотворить, он, наверное, знает...

— Наверняка, — откликнулся Хопли.

Приободренный Билли продолжал:

— Но я хочу поговорить с ним от себя лично. Ну, виноват, верно. Мог бы и затормозить вовремя. Признаю — моя вина. Точнее, вина моей жены, понимаешь. Что она там вытворила. Скажу, что и Россингтон виноват, что отмыл меня так запросто, и твоя вина, что не провел расследования, выгнал их из города.

Билли снова проглотил ком в горле.

— Но я скажу ему, что ее вина была во всем тоже. Она вышла в неподходящем месте, Хопли. Понятно, что это не такая вина, за которую сажают в газовую камеру, но нарушение закона с ее стороны тоже имело место. Все произошло нечаянно, и не только мы виноваты в том, что она погибла.

— Ты хочешь все это ему высказать?

— Как сказать? Желания, конечно, нет, но я намерен это сделать. Ну, вышла, понимаешь, внезапно между двух машин и никуда не посмотрела. Этому даже в третьем классе учат.

— Я не думаю, что она училась в третьем классе, — сказал Хопли, — Вряд ли она вообще училась где-нибудь.

— Все равно, — упрямо сказал Билли. — Это же простое правило.

— Халлек, ты просто мазохист. Любишь брать на себя вину, — произнесла тень, которая была Данкеном Хопли. — Ты пока что теряешь в весе. Ты что, хочешь, чтобы эта тварь перевернула тебе нутро? Или довела твою кровь до кипения? Или, может?..

— Я не собираюсь сидеть тут сложа руки! — перебил его Билли. — Может, он способен все отменить, Хопли! Тебе такое в голову не приходило?!

— Я все читал о моих прыщах, — сказал Хопли. — Кажется, с той поры, когда у меня первый угорь в школе появился над бровью. Они меня атаковали, а я читал всю литературу, как с ними бороться. Я вообще люблю читать. Читал про всякое колдовство, и скажу тебе, Халлек, существуют сотни книг на тему, как наложить проклятия, но очень мало о том, как их снять.

— Ну ладно! Возможно, он не может. Пусть даже точно не может. Но я все равно должен с ним встретиться, черт его побери! Посмотрю ему в глаза и скажу: «Ты еще не всем отрезал долю от твоего пирога, старик. Отрежь-ка и для моей супружницы, и для твоей, между прочим! И раз уж толкую об этом, для себя, старик, тоже возьми долю. Ты сам-то где был, когда она вылезла на мостовую, не глядя по сторонам? Почему не взял ее под руку? Почему не провел к пешеходному переходу на перекрестке? Почему?..

— Хватит, — перебил его Хопли. — Если бы я был на суде, ты бы меня убедил, Халлек. Но ты забыл самый главный фактор, который действует в данной ситуации.

— Какой фактор? — недовольно спросил Билли.

— Человеческая натура. Мы можем быть жертвами сверхъестественного явления, но дело приходится иметь с человеческой натурой. Как офицер полиции — извини, бывший офицер — я давно убедился в том, что нет абсолютно правых и абсолютно неправых. Существует серый туманный переход от одного к другому, где-то темнее, где-то светлее. Ты ведь не думаешь, что ее муж купится на это дермо?

— Не знаю.

— А я знаю, — сказал Хопли. — Я знаю, Халлек. Я этого типа вижу насквозь настолько хорошо, что можно подумать, он мне передает все мысленно. Всю свою жизнь он скитался, его прогоняли «хорошие парни» как только получали с него всю марихуану, весь гашиш, проигрывали ему последние деньги на «колесе фортуны». Всю свою жизнь он слышал от «хороших людей», что он грязный цыган. «Хорошие люди» имеют корни, а он — нет. Этот мужик наблюдал, как в тридцатых-сороковых годах ради шутки сжигались их шатры и кибитки. В них, возможно, сгорали детишки и немощные старики. Он видел, как на их дочерей нападали, насиловали их, потому что «хорошие люди» считают, что цыганки трахаются, как кролики, и лишний раз для них без разницы. Видел он и как их сыновей забивали до полусмерти. За что? Да за то, что папаши этих «хороших ребят» проиграли свои деньги на цыганских аттракционах. И всегда одно и то же: приходишь в город, «хорошие люди» получают то, чего хотят, и потом выгоняют тебя вон из города. Иногда позволяют задержаться на неделю на ближайшей ферме, иногда месяц потерпят табор в поле возле шоссейной дороги. А потом, Халлек, непременно прозвучит удар хлыста. К какой-то преуспевающий юрист с тройным подбородком, с бульдожьей мордой, сбивает твою жену на улице. Ей семьдесят или семьдесят пять лет, она наполовину слепая, может, торопилась в табор, потому что приспичило по нужде. Старые кости легко ломаются, прямо как стекло.

И вот ты ошибаешься вокруг, надеясь, что хоть на сей-то раз правосудие сработает. Один-единственный раз за всю жизнь.

— Ладно, хватит, — перебил его Билли. — Не надо больше. — Он рассеяно коснулся пальцами щеки, полагая, что вспотел. Но влага на щеке оказалась не потом, а слезами.

— Да нет уж, — жестко сказал Хопли. — Ты этого всего заслуживаешь, и я намерен закончить. Не подумай, что я против того, что ты задумал. Нет, Халлек. Дэниел Уэбстер с самим Сатаной связался, так что тут все возможно. Просто я считаю, у тебя еще слишком много иллюзий. Этот мужик безумен, Халлек. Он разъярен. Возможно, у него уже настолько крыша поехала, что тебе впору искать его в дурдоме Бриджуотера. Он начал мстить, а когда мстишь, не замечаешь оттенков и нюансов. Когда твоя жена с детишками погибают в авиакатастрофе, тебе не хочется слушать, как там цепь А замкнулась на тумблере Б и как контроллер В не сработал в системе Д, а пилот Х выбрал неудачное время, чтобы пройти в сортир Ж. Тебе хочется только засудить эту авиакомпанию или пристрелить виновника аварии. Тебе нужен козел отпущения, Халлек. Хочется с кем-то расправиться. Вот с нами и расправляются, тем хуже для нас. Возможно, Халлек, я немного лучше тебя разбираюсь в подобных вещах.

Медленно, медленно его рука протянулась к тензорной лампе, повернула ее так, что свет упал на его лицо. Халлек услышал резкий шумный вдох и осознал, что именно он ахнул. Услышал слова Хопли:

— Как думаешь, на скольких гулянках я буду желанным гостем с такой рожей, вернее с ее утратой?

Кожа Хопли представляла собой страшное зрелище. Кошмарные красные прыщи размером с чайное блюдце выросли на его подбородке, шее, руках. Чирьи поменьше покрывали щеки и лоб, нос усыпан крупными угрями с черными головками. Желтоватый гной сочился между этими буграми всех размеров, кое-где вытекала струйками кровь. Жесткие черные волосы, какие бывают на бороде, росли беспорядочными пучками, и Халлек потрясенно подумал, что бриться Хопли было просто невозможно. Из

этого жуткого ландшафта смотрели глаза Хопли. Смотрели на Халлека долго и не мигая, наблюдая на его лице ужас и отвращение. Наконец он кивнул, словно получив удовлетворение, и повернул лампу обратно.

— Боже мой, Хопли, прости... Мне так жаль...

— Не жалей, — сказал Хопли со зловещим спокойствием. — У тебя все проходит не так быстро, но конец будет тот же. Мой служебный пистолет в третьем ящике этого стола, и я воспользуюсь им, когда станет совсем невмоготу, независимо от того, как обстоят дела с моим счетом в банке. Бог не любит трусов, как говорит мой отец. Я хотел, чтобы ты меня увидел и понял. Знаю, как чувствует себя тот старый цыган. И я не стал бы производить гладких юридических речей, Халлек. И не стал бы думать о каких-то резонах. Я бы его убил за то, что он со мной сотворил.

Кошмарная тень зашевелилась, заворочалась в кресле. Рука Хопли потянулась к щеке, и до Билли донесся отвратительный звук лопающегося нарыва. *Россингтон покрывается панцирем, Хопли сгнивает, а я истаиваю*, — подумал он. *Милостивый Господи, пусть все это будет сном... пусть лучше я сойду с ума, но только не дай такому свершиться.*

— Я буду убивать его медленно, — сказал Хопли. — О деталях говорить тебе не стану.

Билли попытался заговорить, но не смог произнести ни звука, в горле пересохло.

— Я понимаю, как ты пришел к своей идее, — сказал Хопли. — Но возлагаю очень мало надежды на успех твоей миссии. Почему бы тебе, Халлек, не обдумать его убийство? Почему бы тебе...

Но Халлек дошел до своего предела. Он выскочил из кабинета Хопли, ударившись бедром о его рабочий стол. Ему почудилось, что Хопли вот-вот ухватит его рукой, коснется его. Хопли не пошевелился.

Халлек выбежал в ночь и остановился, вдыхая всей грудью свежий воздух. Его била дрожь.

Оставшееся до отъезда время Билли преследовала на-вязчивая мысль позвонить Джинелли в «Три брата». Джинелли казался каким-то ответом на проблему, а каким именно, он и сам не знал. В итоге он отправился в клинику Глассмана и начал их серию анализов на метаболизм. Если бы он был холостяком, одиноким человеком, вроде Хопли, он бы отменил все это. Но была Хейди, о которой следовало подумать, была Линда — наивная наблюдательница, не понимавшая, в чем, собственно, дело. Итак, он записался в клинику, скрывая свое безумное познание истины, как порядочный человек скрывает свою привычку к наркотикам.

По-крайней мере, это было нормальное местопребывание, а между тем Кирк Пенсли и «Бартон Детектив Сервис» позаботятся о его деле. Он надеялся.

Его всесторонне обследовали, осматривали. Он пил противный белый барий, подвергался рентгеновскому осмотру, его сканировали, делали электрокардиограммы и прочее. Были приглашены крупные специалисты, которым его демонстрировали как диковинку зоопарка. *Гигантская панда или последняя птичка додо*, думал Билли, сидя в соляриуме с последним номером «Нэшнл Джигор-рэфик» в руках. На руках его были заплаты из пластиря: в него втыкали много игл.

На второе утро у Глассмана, когда он подвергался очередным испытаниям, Билли впервые обратил внимание на два ряда четко заметных ребер на своем торсе. Впервые — за сколько лет? В школе? Нет. Никогда. От выпирающих костей падали рельефные тени. Выпирали тезобедренные кости, и даже в районе лобка они были заметны. Он коснулся их рукой: напомнили рукоятку сцепления его первого в жизни автомобиля — «Понтиака» 1957 года. Он тихо засмеялся и почувствовал на глазах жгучие слезы. Все его дни теперь стали одинаковыми: переменная облачность, местами дожди.

Я буду убивать его медленно. О деталях говорить тебе не стану.

Почему? — думал Билли, лежа в своей больничной койке с приподнятыми, как у ванны, боковинами. Об остальном ты мне все сказал.

За три дня пребывания у Глассмана Халлек потерял семь фунтов веса. *Не так уж много, подумал он с новым для себя юмором висельника. Не так уж много — меньше, чем обычный куль сахара. С такими темпами я исчезну... когда? Примерно к октябрю!*

172, декламировал его разум. 172 теперь. *Если бы ты был боксером, пришлось бы из тяжеловесов переходить в средний вес... а может, Билли, попытаешь счастья в весе «перо»? Наилегчайшем весе?*

Прибыли букеты цветов: от Хейди, от фирмы. Маленькая весточка пришла от Линды на открытке. Аккуратным школьным почерком было выведено: *Поскорей выздоравливай, папочка. С любовью — Лин.* Билли тайком поплакал над этой запиской.

На третий день, надев свою одежду, он встретился с тремя врачами, занимавшимися его проблемой. Он чувствовал себя менее уязвимым в джинсах и рубашке с короткими рукавами с надписью ВСТРЕТИМСЯ В ФЭЙ-РВЬЮ. Удивительно, как меняются ощущения, когда снимаешь больничную пижаму. Билли выслушал врачей, подумал о Леде Россингтон и подавил угрюмую ироничную улыбку.

Они знали, в чем с ним дело, это был случай один из двух (или трех). Один вариант — редкая болезнь истощения организма, впервые появившаяся за пределами Микронезии. Другой — редкий случай метаболического заболевания, которое еще не было полностью исследовано. Третий вариант — но это лишь возможность, заметьте, — психическая форма «анорексия невроза»: редчайший случай, до сих пор не подтвержденный. По их глазам Билли понял, что им по душе последний вариант: могут сделать себе имя в медицинских анналах. В любом случае Билли Халлек остался загадкой, а врачи — детьми в рождественское утро.

Уговаривали его задержаться в клинике Глассмана еще на неделю или две (может даже на три). Намеревались выявить, что с ним на самом деле. Собирались для начала

проверить на нем действие мегавитаминов, кроме того — инъекции протеинов (ну разумеется!).

Поднялся дружный вой (профессиональный, разумеется), когда Билли спокойно их поблагодарил и сообщил им, что покидает клинику. Они возмущались, осуждали, читали ему лекции. А Билли, которому в последнее время все чаще казалось, что у него не все в порядке с мозгами, они показались этакими тремя гномами из сказки: того и гляди начнут гоняться друг за другом в развеивающихся халатах по роскошной приемной, тузить друг друга и ругаться с бруклинским акцентом.

— Несомненно, вы себя чувствуете теперь лучше, мистер Халлек, — говорил один из них. — Начнем с того, что у вас было серьезное ожирение — это видно по истории болезни. Но хочу вас предупредить: ваше прекрасное самочувствие может оказаться преходящим фактором. Если и дальше будете терять вес, у вас появятся прыщики во рту, кожные проблемы...

Если хотите увидеть настоящие кожные проблемы, вам нужно взглянуть на шефа полиции Фэйрвью, подумал он. Извините, бывшего шефа.

Он вдруг решил под влиянием момента снова начать курить.

— ...такие болезни, как непроходящие нагноения, бери-бери, — строго продолжал доктор. — Вы будете весьма подвержены любым инфекциям — от обыкновенной простуды и бронхита до туберкулеза. Туберкулез! Вы понимаете, мистер Халлек? Зато, если вы останетесь здесь...

— Нет, — ответил Билли. — Пожалуйста, поверьте, — у меня нет иного выхода.

Другой врач, сторонник идеи психического варианта «анорексия невроза», приложил пальцы к вискам и сказал:

— Ну что мы можем сделать, чтобы убедить вас, мистер Халлек?

— Ничего, — ответил Билли. Перед мысленным взором снова возник образ старого цыгана. Почувствовал шершавое мозолистое прикосновение его пальца к щеке. Да, подумал он, начну снова курить что-нибудь крепкое, вроде «Кэмела» или «Честерфилда». Почему бы и нет?

Когда чертозы доктора начинают выглядеть вроде братьев Маркс, пора что-то предпринять.

Они попросили его подождать и вышли все трое. Билли ничего не имел против — он чувствовал себя в самом центре шторма и на том успокоился. Успокоился и на мысли о том, что выкурит сразу две сигареты подряд.

Они вернулись мрачными и одновременно возбужденными: мужчины, решившиеся на главную жертву. Они готовы оставить его здесь бесплатно, останется только плата за лабораторную работу.

— Нет, — терпеливо ответил Билли. — Вы просто не поняли. Моя страховка и так покрывает все расходы, я сам проверил. Дело в том, что я ухожу. Просто ухожу, и все.

Они непонимающие смотрели на него, начиная сердиться. Билли подумал — не сказать ли им, что они напоминают ему трех гномов, но решил, что подобная затея недопустимо оскорбительна. Она только все осложнит. Такие люди не привыкли к вызывающим поступкам в отношении себя. Могли и Хейди позвонить, а уж их-то она выслушает.

— Хорошо, мы оплатим лабораторные счета, — сказал один из них, как бы подводя черту всем доводам.

— Я уезжаю. — Билли говорил очень тихо и теперь увидел, что они поверили ему. Возможно, сам тихий тон его голоса убедил их, что дело тут не в деньгах, а просто он тронулся рассудком.

— Но почему? Почему, мистер Халлек?!

— Потому что вам, джентльмены, кажется, будто вы сможете мне помочь, а на самом деле это невозможно.

Посмотрев на их удивленные, растерянные лица, Билли подумал, что никогда еще в жизни не чувствовал себя таким одиноким.

По пути домой он остановился у табачной лавки и купил пачку «Честерфилда» (кингсайз). Первые затяжки вызвали такое головокружение, что он тотчас выбросил сигареты.

— Хватит экспериментировать, — сказал он вслух, сидя в машине. А потом засмеялся и заплакал одновременно. — За дело, ребяташки!

Глава четырнадцатая

156

Линда уехала.

Легкие морщинки возле глаз и рта Хейди обозначились резче. Она курила теперь как паровоз. Сигареты «Вантаж-100» — одну за другой. Халлеку сообщила, что отправила Линду к своей тетке Роде в Уэстчестер.

— Я сделала это по двум причинам, — пояснила она. — Во-первых, она... ей нужно от тебя отвлечься, Билли. От того, что с тобой происходит. Она буквально с ума сходит. Я ей еле внушила, что у тебя нет никакого рака.

— Ей бы с Кэри Россингтоном поговорить, — пробормотал Билли, направляясь на кухню. Ему срочно захотелось кофе — черного, крепкого, без сахара. — Прямо родственные души.

— Что? Я не слышу.

— Ничего. Ерунда. Кофе включу.

— Девочка ночи не спит, — сказала Хейди, когда он вернулся. Она нервно переплела пальцы. — Ты понимаешь?

— Да. — Билли ощущил внутреннюю занозу. Подумал: а понимает ли Хейди, что ему Линда тоже нужна, что она часть той системы, которая поддерживала его морально? Ну, часть или не часть, а он не имеет права травмировать девочку, нарушать ее спокойствие. Тут все же Хейди была права. Права, невзирая на цену такой разлуки.

И вновь он ощущил вспышку ненависти к ней. Мамочка немедленно спровадила дочурку к тетушке, как только он позвонил и сообщил, что возвращается. Папочка-страшила возвращается. Не убегай, девочка, не бойся, — это всего лишь Тощий Человек...

Почему именно в такой день? Что тебя дернуло выбрать именно тот день?

— Билли? С тобой все в порядке? — Голос Хейди странным образом прозвучал нерешительно.

Господи! Глупая сучка! Ты замужем за ходячим скелетом и спрашиваешь, все ли у меня в порядке?

— Со мной все в порядке, насколько это возможно. А что?

— Да ты как-то странно смотрел так...

Неужели? Неужели так странно? Но почему, Хейди, ты выбрала именно тот день, чтобы залезть мне в штаны, и это после всех лет, когда мы занимались такими делами в темноте спальни.

— Ну, как тебе сказать? Я теперь все время чувствую себя странно, — сказал Билли. Сам подумал: *Пора прекращать эти бесплодные умствования, мой друг. Бессмысленно. Что сделано, то сделано.*

Но выбросить эти мысли оказалось трудно. Трудно, когда она стояла тут с сигаретой, куря одну за другой и при этом будучи в полном порядке, а кроме того...

Прекрати, Билли. Хватит.

Хейди отвернулась и загасила сигарету в хрустальной пепельнице.

— А во-вторых, Билли, ты кое-что от меня скрывал. Кое-что имеющее отношение к нам обоим. Иногда ты во сне говоришь. Теперь я хочу знать. Я заслуживаю того, чтобы знать правду. — Голос ее дрогнул.

— Хочешь знать, говоришь? — спросил Халлек. — В самом деле? — На его лице появилась невольная улыбка.

— Да! Да!

И Билли ей все рассказал.

Хустон позвонил ему на следующий день и после долгого бессмысленного предисловия перешел к сути дела. Хейди находилась у него. Они основательно потолковали (*Ты ей не предложил понюшку? Подумал Халлек. Не спросить ли? Пожалуй не стоит*). Итог длинного разговора оказался таким: у Билли определенно поехала крыша.

— Майкл, — сказал Билли, — старый цыган был вполне реален. Он прикоснулся к нам троим: ко мне, к Кэри Россингтону, к Данкену Хопли. Я понимаю, такой человек, как ты, в сверхъестественное верить не может. Но ты же наверняка веришь в методы дедукции и индукции. Поэтому должен видеть и подобные возможности. Мы все трое были потроганы его рукой, все трое обрели таинственные недуги. Прежде, чем объявлять меня чокнутым, хотя бы допусти логическую связь.

— Билли, связи тут нет.

— Да я...

— Я говорил с Ледой Россингтон. Она сказала, что Кэри находится в Мэйо, где его лечат от рака кожи. Сказала, что делошло слишком далеко, но она считает, что есть надежда на благополучный исход. А еще Леда сказала, что не видела тебя с рождественской гулянки у Гордонов.

— Она врет!

Хустон замолчал. Только что там за звук на фоне его молчания? Уж не Хейди ли плачет? Билли сильно стиснул телефонную трубку, даже костяшки пальцев побелели.

— А ты с ней лично говорил или по телефону?

— По телефону. А какая разница?

— Если бы ты ее увидел, ты бы понял, какая разница. Она выглядит совершенно потрясенной и выбитой из колеи.

— Что ж, когда узнаешь, что у твоего мужа рак кожи, да еще запущенный...

— А с Кэри ты говорил?

— Он сейчас под усиленным наблюдением. Таким пациентам телефонные разговоры разрешены только при чрезвычайных обстоятельствах.

— Мой вес упал до ста семидесяти, — сказал Билли. — Я потерял уже восемьдесят три фунта. Для меня это — чрезвычайное обстоятельство.

Снова пауза на другом конце провода. Кроме того звука, который мог быть плачем Хейди.

— Ты поговоришь с ним? Ну, хотя бы попытаешься?

— Если его доктор позволит и если он сам пожелает поговорить со мной, то — да. Но, Билли, эта твоя галлюцинация...

— Никакая это не галлюцинация, черт побери! Ради бога, не кричи. Билли закрыл глаза.

— Ну хорошо, хорошо, — успокаивающим тоном отозвался Хустон. — Эта идея — скажем так? Я только хочу сказать, что эта идея не поможет твоему состоянию. Более того, возможно, она и есть корень зла, источник психоанорексии, если ты в самом деле болен этим, как утверждает доктор Юнт. Ты...

— Хопли, — перебил его Билли. Лицо покрылось потом, и Билли промокнул его платком. Вспомнил вдруг

облик Хопли, лицо, которое перестало быть лицом, превратилось в рельефную карту ада. Кошмарные опухоли, сочащаяся влага и невыразимый звук, когда он ногтем поскреб щеку.

Снова последовала долгая пауза со стороны Хустона.

— Поговори с Данкеном Хопли. Он подтвердит...

— Невозможно, Билли. Данкен Хопли покончил с собой два дня назад. Он застрелился, пока был в клинике Глассмана.

Халлек крепко зажмурил глаза и закачался, стоя на ногах. Почувствовал себя так, как в тот момент, когда возобновил курение. Ущипнул себя за щеку, чтобы не упасть в обморок.

— Тогда ты знаешь, — сказал он, не раскрывая глаз. — Ты знаешь или кто-нибудь знает, кто увидел его.

— Грэнд Лоулор видел его, — сказал Хустон. — Я с ним говорил сегодня.

Грэнд Лоулор. Какой-то момент испуганный запутавшийся разум Билли не сработал. Показалось, что Хустон сказал что-то другое. Потом дошло. Грэнд Лоулор был окружной врач, производивший вскрытия. Вспомнил, что Грэнд Лоулор пару раз выступал перед судом в качестве свидетеля.

Мысль об этом вызвала иррациональное желание хихикнуть. Халлек прикрыл трубку ладонью: не дай Бог, а то Хустон утвердится во мнении, что он, точно, сошел с ума.

А тебе бы очень хотелось поверить в мое безумие, верно, Майкл? Потому что, если я не в своем уме и начну болтать о твоей бутылочке и маленькой костяной ложечке, никто ведь мне не поверит, верно? Ну конечно же.

Желание хихикать прошло.

— Ты спросил его...

— О некоторых деталях относительно смерти? Естественно. После истории ужаса, которую ты выдал своей жене, я специально поинтересовался. — Голос Хустона обрел ехидный оттенок. — Ты должен быть мною доволен, Билли. Когда он меня спросил, почему меня это интересует, я держал язык за зубами.

— И что он сказал?

— Что внешность Хопли выглядела скверно, но уж никак не тот ужас, что ты описывал Хейди. То, что сказал Грэнд, скорее напоминает мне рецидив взрослых угрей, от которых я лечил Данкена, начиная с 1974 года. Они у него вызвали депрессию. И это понятно. Нашествие угрей на лице для взрослого мужчины — большая психологическая травма, возможно, одна из сильнейших.

То есть, ты полагаешь, он был подавлен из-за своей изменившейся внешности и застрелился?

— В сущности, да.

— Давай напрямик, — сказал Билли. — Ты веришь в то, что дело в более-менее обычном рецидиве распространения угрей у взрослого, пусть даже самого обширного за многие годы. В то же время ты считаешь, что он застрелился от того, что увидел в зеркале. Ну и диагноз, скажу я тебе, Майл!

— Я не говорил, что дело только в кожной проблеме, — сказал Хустон раздраженно. — Самое худшее в этих проблемах состоит в том, что они возникают в паре, в тройке, а иногда и с целой кучей сопутствующих вещей. Редко в одиночку. Самый высокий уровень самоубийств, Билли, кстати, среди психиатров. Но полицейские не далеко от них ушли. Видимо, имела место комбинация факторов, где его последний недуг явился и последней соломинкой, которая сломала спину верблюда.

— Тебе стоило бы его увидеть, — мрачно сказал Билли. — То была не соломинка, а куча бревен.

— Записки он не оставил, так что мы ничего не узнаем, верно?

— Боже мой! — Билли тяжело вздохнул и провел пятерней по волосам. — Господи милостивый!

— И причины самоубийства Хопли нам тоже неведомы. Так?

— Мне они ведомы, — ответил Билли. — Вполне известны.

— А мне вот кажется: все дело в том, что твой разум, Билли, сыграл над тобой злую шутку. Комплекс вины. Ты... ты зациклился на этих цыганских проклятьях, и когда пошел к Хопли в тот вечер, просто увидел то, чего на самом деле не было. — Теперь Хустон говорил утвердительно-успокаивающим тоном врача. — Ты перед ви-

зитом к Данкену случайно не заглянул к Энди на пару коктейлей? Ну, так — чтобы взбодриться.

— Нет.

— Уверен? Хейди говорит, что ты там основательно посиживал.

— Если так, твоя жена меня бы там непременно видела, — ответил Билли. — Ты так не находишь?

Последовала затянувшаяся пауза. Потом Хустон сказал бесстрастно:

— Это удар ниже пояса, Билли. Но именно такого ответа я и ожидал от человека, пребывающего в сильном психическом напряжении.

— Сильное психическое напряжение. Психическая анорексия. У вас, врачей, всему найдется название. Но повидал бы ты его. Ты бы... — Билли смолк, подумав о прыщах и опухолях на щеках Данкена Хопли, вспомнил сочающуюся жидкость, нос, утонувший в наростах.

— Билли, неужели ты сам не понимаешь, что просто пытаешься найти логическое объяснение тому, что произошло и происходит с тобой? Тут и явный комплекс вины из-за старой цыганки, и...

— Проклятье исчезло, когда он застрелился, — услышал Билли свой голос. Может быть, потому он и перестал выглядеть так ужасающе. Как в кинофильмах про оборотней, Майкл. Когда оборотня в итоге убивают, он снова превращается в человека.

На место растерянности пришло возбуждение. Халлек начал обдумывать новую идею, быстро прикидывая возможности и вероятности.

Куда девается проклятье, когда проклятый от него избавляется? Только умирающий с последним дыханием может это сказать. Когда его душа отлетает прочь. Прочь, прочь. И есть ли способ изгнать эту напасть?

Россингтон — прежде всего. Россингтон в Мэйо, отчаянно цепляющийся за идею, что у него рак кожи, поскольку альтернатива — куда страшнее. Когда Россингтон умрет, вернется ли его нормальный вид?

Он вдруг обратил внимание на молчание Хустона и на смутные звуки в трубке — неприятные и знакомые... Всхлипывания. Хейди плакала?

- Почему она плачет? — спросил Билли.
- Билли...
- Дай-ка мне ее!
- Билли! Да ты к себе прислушайся!
- К черту! Дай мне ее!
- Нет. Пока ты в таком состоянии, не дам.
- Почему, ты, нахалка поганая?!
- Прекрати, Билли!

Хустон настолько громко заорал, что Билли отодвинул трубку от уха. Когда приложил ее обратно к уху, всхлипывания умолкли.

— А теперь послушай! — сказал Хустон. — Таких вещей, как оборотни, не бывает. Не бывает цыганских проклятий. Я даже сейчас дураком себя ощущаю, говоря тебе такие элементарные вещи.

— Слушай, неужели не видишь, что это все же часть проблемы? — тихо спросил Билли. — Неужели не понимаешь, что эти люди умели уходить безнаказанными с подобными штуками в последние двадцать столетий, если не больше?

— Билли, если на тебе лежит проклятье, то оно исходит из твоего подсознания. Поверь. Старый цыган не мог наложить проклятия. Но твой собственный разум под маской старого цыгана — может.

— Я, Хопли, Россингтон, — сказал Халлек тупо. Все сразу. Нет уж, это ты слепой, Майкл. Вот так-то.

— Да брось ты! Тут всего лишь совпадение. Ну сколько можно блуждать вокруг тутового куста? Вернись к Глассману. Пусть они тебе помогут. Хватит сводить с ума собственную супругу.

В какой-то момент он даже заколебался. Уж очень здраво и разумно звучали доводы Хустона. Они успокаивали.

А потом вспомнил Хопли, поворачивающего тензорную лампу, жестоко осветившую его лицо. Вспомнил слова Хопли: *Я буду убивать его долго... деталей тебе говорить не стану...*

— Нет, — сказал он. — У Глассмана мне нечем помочь не могут, Майкл.

Хустон тяжело вздохнул.

— Тогда кто же? Старый цыган?

— Возможно, — сказал Халлек. — Если удастся его найти. Не исключено. Кроме того, у меня есть знакомый, который может помочь. Он прагматик вроде тебя.

Джинелли. Имя всплыло в памяти в то время, как он говорил по телефону.

— Но в основном я намерен полагаться на себя.

— Именно об этом я тебе и говорю!

— Правда? А у меня сложилось впечатление, что ты посоветовал мне вернуться в клинику Глассмана.

Хустон снова вздохнул.

— Мне кажется, твои мозги тоже начали терять вес. Ты хоть подумал, что ты устраиваешь своей жене и дочке? Хоть раз подумал об этом?

А тебе Хейди сказала, что она делала, когда произошел наезд? чуть не выпалил Билли. Не сказала еще, Майкл? Нет? А ты спроси ее...

— Билли?

— Мы с Хейди потолкуем об этом, — тихо ответил он.

— Неужели ты?..

— Я думаю, Майкл, что ты прав по-крайней мере в одном.

— Да? О, как мне повезло! И в чем же я оказался прав?

— В том, что хватит ходить вокруг да около, — сказал Билли и положил трубку.

Но потолковать им не удалось.

Пару раз Билли попытался завести разговор, однако Хейди только качала головой. Лицо ее было бледным, непроницаемым, глаза смотрели на него обвиняюще. Только раз она отреагировала.

Это произошло через три дня после телефонного разговора с Хустоном, когда Хейди всхлипывала в его кабинете. Они заканчивали ужин. Халлек прикончил внушительный набор лесоруба: три гамбургера с гарниром, четыре початка молодой кукурузы с маслом, полпинты бульона, персиковый пирог со сладкой подливой. Надо сказать, аппетит у него стал слабый, но он с тревоговою обнаружил, что быстрее теряет вес, если не ест. Когда перед тем Хейди вернулась от Хустона с опухшими от слез глазами, Билли был так расстроен, что не стал ни обедать,

ни ужинать, а когда на следующее утро встал на весы, увидел на шкале цифру 167. Ему стало тошно. Пять фунтов за один день! О, Боже! С тех пор и не пропускал еды в положенное время.

Теперь он показал на пустые тарелки с мелкими остатками и обглоданными початками.

— Похоже это на «анорексия невроза», Хейди? — спросил он.

— Нет, — нехотя ответила она. — Но...

— Так я ем весь последний месяц. И за этот месяц потерял шестьдесят фунтов. Вот и объясни мне, каким образом мое подсознание ухитряется делать такой трюк. Терять в весе по два фунта в день при потреблении примерно шести тысяч калорий.

— Я не знаю... но Майкл... Майкл говорит...

— Ты не знаешь, и я не знаю, — перебил ее Билли, сердито бросая салфетку на тарелку. В животе его заурчало от обильного ужина. — И Майкл Хустон тоже не знает.

— Ну, хорошо, если это проклятье, то почему со мной ничего не происходит?! — закричала она. Хотя в глазах ее сверкнул гнев, Халлек увидел, что она на грани слез.

Потеряв над собой контроль от накопившейся обиды и страха, он закричал в ответ:

— Не знал он, вот почему! Понимаешь? Не знал!

Всхлипывая, она резко отодвинулась, чуть не упав вместе со стулом, и стремительно вышла из-за стола, рукой схватилась за лицо, словно от сильной головной боли.

— Хейди! — воскликнул он, поднимаясь и роняя стул на пол. — Вернись!

Ее шаги на лестнице не замедлились. Он услышал, как хлопнула дверь — но не их спальни. Кажется, комнаты Линды или спальни для гостей.

Халлек подумал — скорей всего, в комнате для гостей. Он оказался прав. Больше она с ним в одной комнате не спала.

Та неделя, последняя неделя перед тем, как он покинул дом, потом вспоминалась Билли Халлеку как некий пута-

ный кошмар. Погода установилась гнетуще душная и жаркая. Билли ел и потел, потел и ел, а его вес равномерно и неуклонно снижался. В конце недели, когда он арендовал автомобиль и отправился в путь по 95-й магистрали в сторону Нью-Хэмпшира и Мэна, он потерял еще одиннадцать фунтов и весил уже 156 фунтов.

В течение этой последней недели врачи из клиники Глассмана неоднократно звонили ему. То и дело звонил Майкл Хустон. Хейди молча наблюдала за ним и курила. Когда он заговорил о том, что неплохо бы повидать Линду, она бесстрастно ответила:

— Я предпочитаю, чтобы ты этого не делал.

В пятницу, накануне отъезда, снова позвонил Хустон.

— Майкл, — сказал ему Билли, — Я больше не отвечаю на звонки от врачей Глассмана и не буду отвечать на твои, если не прекратишь эту мур.

— Напрасно, — возразил Хустон. — Послушай меня внимательно, Билли. Это очень важно.

Билли выслушал очередную порцию дурацких сентенций, испытывая гнев и обиду из-за предательства. Хейди снова была там. Ее переговоры с Хустоном опять закончились слезами. Хустон провел долгую консультацию с тремя Гномами клиники Глассмана («Не волнуйся, Билли, это оплачено: профессиональная привилегия») и снова встретился с Хейди. Все сошлись на том, что Билли не помешает серия психиатрических обследований.

— И я тебе очень советую по собственной воле согласиться на это, — заключил Хустон.

— Еще бы! И я даже знаю, где ты рекомендовал бы мне пройти обследование. Разумеется, в клинике Глассмана. Угадал?

— Ну что ж, мы подумали, так было бы удобней всего.

— А как же иначе? И пока мне обследуют мозги, я буду пить барий и получать клизмы.

Хустон красноречиво смолчал.

— А если я откажусь?

— Хейди имеет право прибегнуть к законным средствам, — осторожно ответил Хустон. — Ты понимаешь?

— Я понимаю, — ответил Билли. Ты имеешь в виду себя, Хейди и Трех Гномов из клиники Глассмана. Все

вместе вы отправляете меня в санаторий «Саннивейл», где я научусь плести корзинки.

— Брось ты эту мелодраму, Билли! Она не меньше беспокоится о Линде, чем о тебе.

— Мы оба волнуемся за Линду, — сказал Билли. — Я и за Хейди волнуюсь. Конечно, бывают моменты, когда я на нее зол, но в целом по-прежнему люблю ее. И потому беспокоюсь. Так что она в какой-то степени ввела тебя в заблуждение, Майкл.

— Не знаю, о чем ты говоришь.

— Ясно, что не знаешь. И объяснять тебе не собираюсь. Она может тебе рассказать, хотя сомневаюсь. Хейди хотела бы забыть все, что случилось. Она могла бы излечить тебе душу относительно некоторых упущеных деталей. Скажем так: у нее тоже есть свой комплекс вины. Кстати, если прежде она выкуривала пачку сигарет в день, то теперь выкуривает до двух с половиной.

Долгая пауза, потом Майкл Хустон вернулся к своему обычному припеву:

— Что бы там ни было, Билли, но психиатрические тесты, поверь мне, в твоих же интересах и в интересах...

— Прощай, Майкл, — сказал Халлек и аккуратно положил трубку.

Глава пятнадцатая ДВА ТЕЛЕФОННЫХ РАЗГОВОРА

Оставшуюся часть дня Билли провел, вышагивая взад и вперед по прохладному кондиционированному дому, бросая взгляды на отражение своего нового облика в зеркалах и полированных поверхностях.

То, какими мы себя видим, гораздо в большей степени, чем мы полагаем, зависит от нашей концепции нормального телосложения.

Ничего утешительного в этой идее он не нашел.

Моя самооценка зависит от того, насколько я воздействую на окружающий меня мир. Что же получается? Если мистер Т. ходит по улице, держа под мышкой труд Эйнштейна, от этого он выглядит важным человеком,

ученым. Но разве в самом деле он становится от этого лучше?

Идеи Т.С. Элиота звучали в голове, как эхо далекого воскресного колокола. Нет, я не это имел в виду. Не это.

То, как мы воспринимаем реальность, гораздо больше, чем мы полагаем, зависит от нашей оценки собственного телосложения.

Да, реальность, — пожалуй, ближе к истине. Когда видишь, как тебя стирают фунт за фунтом на нет, подобно тому, как стирают с черной доски сложное уравнение — строку за строкой, на твое восприятие реальности это здорово влияет. Твоей личной реальности и всей в целом.

Он был толстым, жирным, как свинья. Потом стал плотным, потом нормальным (если такое понятие вообще существует), потом худым. Но теперь худоба переходила в новое качество, которое можно назвать «тощий». А что дальше? Дистрофик, истощенный, скелетообразный? Дальше уже и вообразить было нечего.

Его не слишком беспокоила перспектива быть отправленным в санаторий для тихо помешанных. Чтобы организовать подобное, требуется время. Однако последний разговор с Хустоном показал, насколько далеко зашло дело. Оказалось невозможным убедить кого-либо. Ни один человек ему не поверит. Захотелось позвонить Кирку Пенсли. Желание было почти неодолимым, хотя он и понимал, что Кирк сам позвонит, как только три сыскных компании, услугами которых пользовалась фирма, что-нибудь найдут.

Вместо этого Халлек позвонил в Нью-Йорк, разыскав нужный телефон в записной книжке. С тех пор как приключилась эта беда, имя Ричарда Джинелли то и дело всплывало в сознании. Теперь пришло время позвонить ему.

На всякий случай.

— «Три брата», — послышался голос в трубке. — Сегодня у нас в меню телятина «марсала» и наша фирменная версия «Фетуччине Альфредо».

— Меня зовут Уильям Халлек. Я бы хотел поговорить с мистером Джинелли, если он на месте.

После паузы в трубке послышался голос:

— Халлек?

— Да.

— Трубка была отложена в сторону, и Билли слабо различил звяканье посуды, чью-то брань на итальянском, чей-то смех. Как и все в его нынешней жизни, звучало это очень издалека.

Наконец трубку подняли.

— Уильям! — Билли вдруг пришло в голову, что никто больше его так не называл. — Как твои дела, дорогой?

— Я сбросил вес.

— Что ж, отлично, — сказал Джинелли. — Ты был слишком толст, Уильям. Прямо тебе скажу, — слишком, И сколько сбросил?

— Двадцать фунтов.

— О! Поздравляю! И сердчишко твое тебя поблагодарит. Трудно терять вес? Впрочем, не говори, сам знаю. Чертовы калории так и цепляются, висят, понимаешь, над поясом. Потом вдруг портки начинают по швам расплзаться на заднице, когда туфель зашнуровываешь.

— Для меня это не составило труда.

— Заходи, Уильям, к «Трем братьям». Я тебя сам угощу отличной штукой — курицей по-неаполитански. Весь прежний вес вернешь с одного блюда.

— А что, пожалуй, ловлю тебя на слове. — Билли улыбался. Глядя на свое отражение в зеркале кабинета, он подумал, что в его улыбке слишком много зубов, слишком они близки к плоти губ. Улыбка исчезла с его лица.

— Я серьезно говорю, дорогой. Соскучился по тебе. Так давно не виделись, а жизнь-то коротка. Да, жизнь наша коротка, верно?

— Да, пожалуй.

Джинелли понизил голос:

— Я слыхал, у тебя там, в Коннектикуте, была неприятность. Мне было очень жаль, когда услышал.

— Откуда ты услышал? — удивленно спросил Билли. В газете Фэйрвью «Репортер» была лишь маленькая заметка, в которой и имена-то не назывались, а в газетах Нью-Йорка и того не было.

— Держу ухо востро, — ответил Джинелли. — Как говорят, прикладывают ухо к земле.

Да, таков твой образ жизни — держать ухо востро,
подумал Билли и неуточно поежился.

— С этим у меня и сейчас проблемы, — сказал Билли, осторожно подыскивая слова. — Они, видишь ли, выходят за рамки юрисдикции. Женщина... ты слыхал о той женщине?

— Да. Говорили — цыганка.

— Верно, цыганка. А у нее — муж. Вот он... устроил мне неприятность.

— Как его зовут?

— Лемке, кажется. Попробую сам утрясти это дело, но просто подумаю... если не получится...

— Да, да, конечно, конечно. Ты мне позвонишь. Может быть, я смогу что-нибудь, а может, и не смогу ничего. Может, я решу, что не хочу. Сам понимаешь, друзья — всегда друзья, а бизнес — всегда бизнес. Ты понял, что я имею в виду?

— Понял.

— Иногда дружба и бизнес пересекаются, а иногда и нет. Верно я говорю?

— Верно.

— Этот парень пытается с тобой покончить?

Билли заколебался.

— Ты знаешь, я бы пока не хотел слишком много говорить, Ричард. Дело очень специфическое, необычное. Но в общем-то, да, он решил со мной покончить. Очень крепко решил.

— Эй, Уильям, нам надо обсудить это дело прямо сейчас!

Тревога в голосе Джинелли была очевидной. Билли ощущил, как на глаза навернулись теплые слезы, утер их торопливо тыльной стороной ладони.

— Спасибо тебе... Я, правда, ужасно благодарен... Но все же попробую сам справиться сначала. Я, собственно, даже не уверен, чего от тебя хочу.

— Захочешь позвонить, Уильям, я буду здесь. О'кей?

— О'кей и еще раз спасибо. — Он немного поколебался и спросил: — Скажи мне, Ричард, одну вещь — ты суеверен?

— Я? Ты спрашиваешь старого бандюгу вроде меня — суеверен ли я? Я, знаешь, рос в семье, где моя мать и

А.Н.Миронов 93

бабушка и все тетушки только и знали, что славили Деву Марию, молились всем известным и неизвестным святым, завешивали зеркала, когда кто-то померет, отгоняли злых духов в виде ворон и черных кошек, делали заклинания от дурного глаза. И ты спрашиваешь меня такое?

— Ну да, — сказал Билли с невольной улыбкой. — Да, вот такой тебе вопрос задаю.

Голос Ричарда Джинелли зазвучал жестко и совсем без юмора:

— Я, Уильям, верю только в две вещи: пистолет и деньги. Суеверен ли я? Нет, конечно.

— Ну и хорошо. — Улыбка Билли стала шире. Впервые за месяц так улыбался, и это было приятно. Чертовски приятно.

В тот вечер, когда с улицы пришла Хейди, позвонил Пеншли.

— Ну, твои цыгане задали нам гонку, сказал он. — С тебя причитается чуть ли не под десять тысяч долларов. Пора прекратить? Как считаешь?

— Сначала скажи, что вы узнали, — ответил Билли. Его ладони вспотели.

Пеншли начал рассказывать своим сухим голосом старшего начальника.

Цыганский караван сначала проследовал в Грино, коннектикутский городок милях в тридцати к северу от Милфорда. Спустя неделю они появились в городе Поутакет близ Провиденса, Род-Айленд. После Поутакета — Эттлборо, Массачусетс. В Эттлборо один из них был арестован за нарушение общественного порядка, но вскоре выпущен после уплаты штрафа.

— Похоже, что дело было так, — Там в городке один местный лоботряс проиграл на «колесе фортуны» цыганам десять долларов. Заявил оператору, что колесо было специально подделано и что он им за это отомстит. Пару дней спустя он приметил цыгана, выходившего из магазина «Ночная сова». Сначала была словесная перепалка, потом драка на стоянке автомобилей. Там были два свидетеля, правда, из приезжих. Они сказали, что драку спровоцировал местный парень. Нашлись и двое из местных, которые заявили, что все начал цыган. Арестовали

цыгана. Когда он предложил за себя выкуп или штраф, полицейские были довольны: не понадобились расходы на суд и появился предлог, чтобы их вытурить из города.

— Всегда так и бывает, верно? — сказал Билли. Неожиданно почувствовал, что его лицо горит. Почему-то он был уверен, что арестованный в Эттлборо — тот же самый молодой жонглер, который выступал в Фэйрвью.

— Как правило, — заметил Пеншили. — Цыгане все понимают. Раз уж попался их парень, значит полицейские довольны. Не надо поднимать бучу, достаточно их просто удалить, как соринку из глаза. Чего проще — поморгать и соринка покидает глаз. Куда она девается, никого не интересует.

— Значит, соринка, не более? — спросил Билли.

— Для полиции Эттлборо — именно так... Рассказать остальное или потолкуем сначала о проблемах нацменьшинств?

— Пожалуйста, расскажи все до конца.

— Цыгане остановились в Линкольне, Массачусетс. Продержались три дня, прежде чем им дали пинка.

— Та же самая группа? Точно?

— Да, да. Всегда те же машины. Есть список номерных знаков, в основном, Техас и Делавер. Продиктовать?

— Потом, не сейчас. Продолжай.

Больше ничего особенного не было. Цыгане объявились в Ревере к северу от Бостона, пожили там десять дней и уехали сами. Четыре дня в Портсмуте, Нью-Хэмпшир, после чего они где-то пропали.

— Мы их можем найти, если хочешь, — сказал Пеншили. — Сейчас отстаем от них менее, чем на неделю. Ими занимаются три первоклассных сыщика из «Бартон Детектив Сервис». Уверены, что цыгане в настоящий момент находятся где-то в Мэне. Они продвигались параллельно побережью по шоссе 95 от Коннектикута, даже от Каролины. Похоже на цирковое турне. Они, возможно, работают на юге штата Мэн в туристических районах типа Огунквит и Кеннебанкпорт, продвигаясь к гавани Бутбэй, а закончат в гавани Бар Харбор. Когда туристический сезон будет подходить к концу, они повернут обратно на зиму к побережьям Флориды или Техаса.

— Среди них есть старик? — спросил Билли, крепко сжимая трубку. — Ему лет восемьдесят, у него жуткий нос, весь такой изъеденный.

Звук перелистываемых бумаг слышался целую вечность.

— Тадуз Лемке, — спокойно сказал Пенсли. — Отец женщины, которую ты сбил машиной. Да, он с ними.

— Отец?! — выкрикнул Халлек. — Это невозможно, Кирк! Женщина была старухой лет семидесяти-семидесяти пяти...

— Тадузу Лемке сто шесть лет.

Некоторое время Билли был не в силах вымолвить ни слова. Губы его шевелились — и ни звука, словно привидение поцеловал. Потом повторил:

— Это невозможно.

— Возраст, которому можно позавидовать, — сказал Кирк Пенсли. — Но ничего невозможного. Все эти люди на учете, знаешь ли. У меня документы имеются, если хочешь: номера социальных страховок, отпечатки пальцев. Лемке заявлял, что его возраст сто шесть, сто восемь и сто двадцать лет. Я предпочитаю верить цифре сто шесть, поскольку она представлена специалистами Бартона. Сюзанна Лемке была точно его дочерью, тут сомнений нет. А он в различных игровых лицензиях фигурирует как «президент компании Тадуз», что означает — он глава племени или табора, или как они там себя называют.

Его дочь? Дочь Лемке? В голове Билли возникла сумятица. Каким-то образом это меняло дело. Допустим, кто-то сбил Линду. Вот так и она выбежала бы на мостовую.

—...прекратить?

— А? — Он попытался вернуться к тому, что сказал Кирк Пенсли.

— Я спрашиваю: желаешь ли ты все это прекратить? Тебе, Билли, это в копеечку влетает.

— Попроси, пожалуйста еще немного продолжить, — сказал Билли. — Я позвоню тебе через несколько дней, точнее, через три дня, узнаю, где вы их засекли.

— В этом нужды нет, — сказал Пенсли. — Как только люди Бартона их найдут, ты первый, кому они об этом сообщат.

— Меня здесь не будет, — медленно проговорил Билли.

— О? — Голос Пеншли был продуманно равнодушным. — Где будешь?

— Буду в пути, — ответил Халлек и вскоре положил трубку. Некоторое время сидел совершенно неподвижно, пытаясь разобраться с хаосом в голове. Его пальцы, очень тонкие пальцы, барабанили по столу.

Глава шестнадцатая ПИСЬМО БИЛЛИ

На следующее утро сразу после десяти Хейди ушла за покупками. Она даже не посмотрела в сторону Билли, чтобы хотя бы сказать, когда вернется или куда уходит. Эта старая добрая привычка прекратила свое существование. Билли сидел у себя в кабинете и наблюдал в окно, как «олдс» задним ходом выезжал на улицу. В какой-то момент голова Хейди повернулась и, похоже, их взгляды встретились. Его взгляд — растерянный и испуганный, ее — упрямо обвиняющий: *Ты вынудил меня отправить отсюда дочь; профессиональную помощь, в которой ты нуждаешься, ты отвергаешь; наши друзья уже начали пересуды. Похоже, что тебе нужен сопровождающий в дурдом, и выбрали меня. Ну и катись к чертовой бабушке. Оставь меня в покое, хоть сгори все синим огнем, но заставить меня отправляться вместе с тобой на лечение в дурдом — не имеешь права.*

Иллюзия, разумеется. Не может она видеть его позади, в тени.

Иллюзия, но как больно!

Когда «олдс» скрылся на улице, Билли сунул листок бумаги в свою «Оливетти» и отпечатал: «Дорогая Хейди!» — в самом верху. Эта часть письма оказалась самой легкой. А дальше каждое предложение давалось ему муничительно. Постоянно тревожила мысль, что она вот-вот вернется и застигнет его за печатанием послания к ней. Но она не возвращалась. Наконец он извлек лист из машинки и перечитал:

«К тому времени, как ты прочтешь это, я уеду. Сам точно не знаю — куда, и не знаю, на сколько времени... Но надеюсь, что, когда вернусь, все будет закончено, весь этот кошмар, которым мы живем.

Хейди, Майкл Хустон ошибается, ошибается во всем. Леда Россингтон в самом деле сказала мне, что старый цыган — его зовут Тадуз Лемке — прикоснулся к Кэри, и она в самом деле сказала мне, что его кожа превращается в броню. А Данкан Хопли на самом деле был покрыт опухолями и наривами. Это гораздо кошмарнее, чем ты себе можешь представить.

Хустон отказывается провести логическую связь, которую я представил ему в защиту своей точки зрения, не хочет увязать это с моим необъяснимым недугом (155 сегодня утром). Он не может принять подобного, поскольку оно полностью вышибает его из привычной колеи. Он скорее упрячет меня пожизненно в психбольницу, чем примет всерьез возможность того, что все происходящее есть результат цыганского проклятия. Такая вещь, как существование цыганского проклятия, повсюду, и особенно в Фэйрвью, — анафема всему, во что верил Майкл Хустон. Его боги приходят не с неба, а из сосуда.

Но я верю, что где-то в глубине души ты допускаешь, что такое возможно. Я думаю, частично твой гнев против меня в последнюю неделю был вызван тем, что я настаивал на том, во что ты в глубине души веришь и знаешь, что это правда. Можешь обвинять меня в том, что я сам разыгрываю спектакль постепенного исчезновения, но я расцениваю это так: верить в проклятие — значит, верить в то, что только один из нас наказан за то, в чем мы оба виноваты. Я говорю о том, как ты избегаешь чувства вины. И Господь знает, Хейди, в предательской и трусливой части своей души я чувствую: если мне удастся пройти все это дьявольское падение, ты тоже пройдешь через подобное испытание. Несчастье любит компаньона, а я полагаю, что в каждом из нас сидит негодяй, который тесно переплетается с добрым началом нашей натуры, и потому от него не избавиться.

Но есть во мне еще одна часть — та, которая по-прежнему любит тебя, Хейди. И эта часть ни в коем случае не

желает, чтобы тебе было хоть в чем-то плохо. Эта лучшая моя часть обладает интеллектуальной логикой, и потому я уехал. Я должен найти того цыгана, Хейди. Я обязан найти Тадуза Лемке и высказать ему все, что я продумал за последние шесть недель. Легко обвинять, легко жаждать мщения. Но когда посмотришь на вещи прямо, то замечаешь, как каждое событие завязано на другом, и что иногда вещи случаются потому, что они случаются. Никто не хочет признавать, что это так, поскольку тогда мы не сможем ни на ком выместить собственную боль. Придется искать другой путь, а все иные пути не столь просты и утешительны. Хочу сказать ему, что не было злого умысла. Хочу попросить его снять проклятие, поскольку предполагаю, что это в его силах. Но более всего желаю — просто просить прощения. За меня, за тебя, за весь Фэйрвью. Я, видишь ли, теперь знаю о цыганах гораздо больше, чем знал прежде. Можно сказать, у меня открылись глаза. И потому стоит высказать тебе еще одну вещь, Хейди. Если он сможет снять проклятие, если у меня вновь появится какое-то будущее, я не захочу больше жить в Фэйрвью. С меня отныне хватит паба Энди, Лантерн Драйв, клуба, всего грязного лицемерия. Если у меня окажется какое-то будущее, я надеюсь, что ты и Линда согласитесь уехать в другое, более чистое место вместе со мной. Если не согласитесь, то я уеду один. Если Лемке не сделает или не сможет сделать ничего, чтобы помочь мне, я по-крайней мере буду знать, что сделал все от меня зависящее. Когда я вернусь домой, то обязательно запишу в клинику Глассмана, если ты все еще этого пожелаешь.

Можешь показать эти письма Майклу Хустону, если захочешь, или врачам Глассмана. Они, я думаю, согласятся с тем, что мои нынешние поступки могут быть очень хорошей терапией. В конце концов, они подумают — если он это делает, чтобы наказать себя (они ведь все время твердят о психической «анорексия невроза», мол, если чувствуешь себя достаточно виноватым, можешь ускорить свой метаболизм, пока он не начнет сжигать кучу калорий в день, встреча с Лемке как раз и выдаст Халлеку искупление, в котором он нуждается. Или решат, что есть

две другие возможности. Одна — что Лемке засмеется и скажет, мол, никаких проклятий в жизни ни на кого не накладывал. Тем самым будет разрушена база психической мании, которая мной овладела, та грань, на которой она балансирует. Или вдруг окажется, что Лемке увидит способ нажиться и начнет врать о том, что он-де проклял меня, и запросит фантастическую сумму за исцеление. Но они решат, что фантастическая сумма за фантастическое излечение может оказаться полностью эффективным средством.

Я подключил сыщиков через Кирка Пеншли и выяснил, что цыгане продвигаются на север по 95-му шоссе. Надеюсь найти их в штате Мэн. Если что-то произойдет, я сразу же сообщу, а пока предпочитаю не подвергать тебя больше испытаниям. Поверь, я люблю тебя всем сердцем.

Твой Билли».

Он сунул письмо в конверт, написал на нем имя Хейди и оставил на видном месте на кухне. Потом вызвал такси, чтобы добраться до агентства Херца в Уэстпорте. Постоял на ступеньках, поджидая машину, надеясь, что Хейди вдруг появится, и они потолкуют.

Только усевшись в машину, он сообразил, что обсуждать что-либо с Хейди было не очень хорошей идеей. Разговоры с ней ушли в прошлое — в то время, когда он жил в городе жирных котов так, как жили все, даже о том не подозревая. Все это стало теперь прошлым. Если и было будущее, то оно лежало на магистрали где-то в штате Мэн. За ним предстояло гнаться, пока он не истаял совсем...

Глава семнадцатая

137

На ночь он остановился в Провиденсе. Позвонил к себе в контору и продиктовал автоответчику письмо Кирку Пеншли — не будет ли он так любезен выслать ему все фотографии цыган и все данные об их транспортных средствах, включая номерные знаки, в отель «Шератон-Портлэнд», Мэн?

Автоответчик перечитал ему его послание — небольшое чудо, по мнению Билли, — и он положил трубку. Путь из Фэйрвью до Провиденса был невелик, меньше ста пятидесяти миль, но он сильно утомился и впервые за последние недели спал без сновидений. Утром вдруг обнаружил, что в ванной его номера в мотеле не было весов. «Спасибо Господу хоть за это» — подумал Билли Халлек.

Он быстро оделся. Когда зашнуровывал туфли, поймал себя на том, что наслаждается мелодией. Потом снова в путь по магистрали. К шести тридцати он снял номер в «Шератоне» напротив огромного супермаркета. Послание от Пенсли уже ждало его: *информация в пути, но есть трудности. Может занять день или два.*

Замечательно, подумал Билли. Два фунта в день, Кирк. Подумаешь — лишние дни! К чему тут спешка, парень?

Южно-портлендский «Шератон» был круглым зданием, и комната Билли выглядела, как кусок торта, — трудно было привыкнуть к спальне в виде сектора. Он устал, болела голова. Ресторан показался уже просто не под силу, особенно если он тоже выглядел сектором. Заказал еду прямо в номер.

Билли выходил из ванной, когда в дверь постучал гарсон. Он накинул халат, любезно предоставляемый постояльцам (НЕ УКРАДИ, гласила надпись на карточке, торчавшей из кармана) и крикнул:

— Минуточку!

Халлек пересек комнату и открыл дверь. Впервые он столкнулся с тем, как воспринимают участники балаганного шоу «чудо-юдо» реакцию публики. Гарсон оказался парнем лет девятнадцати со впалыми щеками и прической, претендующей на имитацию английских панк-рокеров. Ничем не примечательная личность. Он посмотрел на Билли отсутствующим равнодушным взглядом человека, который видит сотни мужчин в халатах отеля за каждую смену. Такой взгляд становится осмысленным только когда разглядывает чаевые. И вдруг глаза гарсона расширились от ужаса. Длилось это одно мгновение, глаза тут же вновь стали равнодушными. Но Билли успел заметить.

Ужас. То был почти ужас.

Выражение испуга не исчезло: оно затаилось под маской безразличия. Билли показалось, что он все еще улавливает его, поскольку добавилось еще и выражение зачарованности, удивления.

Какое-то мгновение они стояли друг против друга, словно замороженные, сцепленные друг с другом в нежеланном партнерстве: диковинка и зритель... Билли туманно вспомнил Данкена Хопли, сидящего в своем уютном доме в переулке Риббонмейкер с погашенным светом.

— Несите, — сказал он, усилием воли оборвав эту паузу. — Вы что, так и собираетесь простоять тут весь вечер?

— Что вы, сэр, — ответил служащий отеля, — извините.

Парень густо покраснел, и Билли стало жаль его. Не был он никаким панк-рокером или юным лоботрясом, явившимся поглязеть на живого крокодила. Обыкновенный парнишка из колледжа, нанявшись подработать на каникулах. Просто удивился от зрелища столь истощенного неким недугом человека.

Старик проклял меня отнюдь не в чем-то одном, подумал Билли.

И не вина этого парня, что Билли Халлек из Фэйрвью, Коннектикут, потерял столько веса, что почти обрел статус балаганного чуда. Он дал парню дополнительный доллар и поспешил избавиться от его присутствия. Потом вернулся в ванную и посмотрел на себя в зеркало, медленно раскрывая халат. Халат он обернул наспех, так что грудь и часть живота оставались открытыми. Можно было понять шок официанта даже от той части, которую он увидел. С распахнутым халатом все стало более наглядным.

Каждое ребро выделялось отчетливо и рельефно, ключицы — кости, обтянутые кожей, выпирали кости скул, подбородка, самой груди, живот был впадиной. Ноги худо-бедно выглядели сносно — они у него никогда не были толстыми, и плоть покрывала кости, но выше поясницы Билли превращался в ходячий скелет.

Сто фунтов, подумал он. Достаточно, чтобы из шкафа вышел скелет. Теперь ты знаешь, хрупка грань между тем, что всегда принимал как само собой разумеющееся. Пока что ты сойдешь за нормального, когда одет. Но через сколько времени на тебя и одетого будут

*смотреть так, как сегодня глядел гарсон на раздетого?
Через неделю? Через две?*

Голова болела сильнее, и хотя раньше ему хотелось как следует поесть, он лишь кое-что поклевал из своего ужина. Ночью спал плохо и проснулся рано. Когда одевался, мелодий уже не настынивал.

Он решил, что Кирк Пенсли и сыщики Бартона были правы: цыгане будут стараться держаться ближе к побережью. Летом в штате Мэн жизнь бурлила именно на побережье из-за притока туристов. Они съезжались купаться в слишком холодной воде, загорать (хотя дни бывали туманными с моросящими дождями, но туристы забывали об этом), есть лобстеров и моллюсков, покупать пепельницы с изображениями чаек, ходить в летние театры в Огунквите и Брунсвике, фотографировать маяки в Портлэнде и Пемакиде или же просто послоняться по таким городкам, как Рокпорт, Кэмден и, конечно же, Бар Харбор.

Туристы располагались вдоль побережья, а потому там же находились и доллары, которые они отсчитывали из своих бумажников. Там же будут и цыгане, но только где именно?

Билли просмотрел список по меньшей мере полусотни прибрежных городов, потом спустился вниз. Бармен оказался импортированным из Нью-Джерси, который ни о чем, кроме Эсбури Парка не слыхал. Удалось найти официантку, которая прожила всю жизнь в штате Мэн и была знакома с побережьем, а также не прочь поболтать об этих краях.

— Я разыскиваю кое-каких людей и уверен, что они где-то на побережье, но не в самых изысканных местах. Скорей, пожалуй... м-м...

— В городке типа «хонки-тонки»-салунов? — спросила она.

Билли кивнул.

Она склонилась над списком.

— Олд Оркард Бич, — сказала она. — Это уж самый, самый «хонки-тонки» из всех, самый бесшабашный городок. Нужно иметь три головы, чтобы за всем уследить там.

— Еще какие?

— Вообще-то, все прибрежные города в летний сезон становятся немного «хонки-тонки». Ну, например, Бар Харбор. Все, кто слыхал о нем, считают, что Бар Харбор должен быть городом, что называется Риц —шик и блеск, солидная роскошь, богачи в «Роллс-Ройсах».

— А что, он не такой?

— Нет. Скорее Френчмэн Бэй, но не Бар Харбор. Зимой это сонный городишко, где самое большое приключение — отправление ежедневного суденышка в десять двадцать пять. Но летом Бар Харбор — сумасшедший город, вроде Форт Лодердейла весной: полно народу, всякого жулья и хиппи. Там можно встать на берегу, вдохнуть полной грудью, и словишь кайф, если ветер дует от Бар Харбора. Главное развлечение до праздника Дня Труда это уличный карнавал. В общем-то, мистер, все городки побережья приблизительно в этом духе, но Бар Харбор пожалуй, возглавляет список. Иногда я ездила туда в июле или в августе, просто поболтаться, развлечься. Больше не езжу — возраст уже не тот.

Билли не сдержал улыбки: официантке на вид было года двадцать три. Он дал ей пять долларов, а она пожелала ему приятно провести лето и найти своих друзей. Билли кивнул, но впервые не почувствовал энтузиазма от такой возможности.

— Хотите небольшой совет, мистер?

— Да, — ответил Билли, полагая, что она скажет, с какого места лучше всего начать, хотя это он для себя уже решил.

— Вам надо малость поправиться, — сказала она. — Ешьте «паста». Моя мама вам то же самое посоветовала бы. Побольше «паста», и прибавите несколько фунтов веса.

Конверт «манила», открывавшийся с торца, полный фотографий и информации об автомашинах, прибыл к Халлеку на третий день в Южный Портленд. Он медленно перебрал все снимки, осмотрев каждый. Вот молодой жонглер. Его тоже звали Лемке. Сэмюэл Лемке. Он открыто смотрел в объектив камеры, готовый к развлечениям и дружбе, равно как и к ссоре и гневу. А вот и прекрасная девушка, установившая мишень и стрелявшая в нее из рогатки, когда прибыли полицейские. Да, она

была действительно хороша, Халлек не ошибся, когда смотрел на нее издали в парке. Ее звали Анжелина Лемке. Он отложил ее снимок рядом с Сэмюэлом Лемке. Брат и сестра. Внуки Сюзанны Лемке? Правнуки Тадуза Лемке?

Пожилой мужчина, раздававший рекламные листовки, — Ричард Кросскилл. Другие Кросскиллы носили разные имена — тоже семейство. И еще Стэнчфилды, Старберды, еще несколько Лемке. И затем... ближе к концу...

Это он! Глаза в сети морщин были темными и умными. Через голову — платок, повязанный на левой щеке. В потрескавшихся губах — сигарета. Нос — мокрый распахнутый ужас.

Билли смотрел на фотографию как загипнотизированный. Что-то знакомое было в облике старика, какая-то неуловимая связь с чем-то привычным. Потом вспомнил. Тадуз Лемке напомнил ему стариков из рекламного ролика грузин из России, куривших сигареты без фильтра, пивших водку и доживавших до невероятного возраста: сто тридцать лет, сто пятьдесят, даже сто семьдесят.

По глазам Тадуза Лемке виден был древний возраст. В них Билли приметил познания, перед которыми двадцатый век выглядел как тень, и содрогнулся.

В тот вечер он взвесился. Весы показали 137.

Глава восемнадцатая ПОИСКИ

Олд Оркард Бич, говорила официантка, это уж *самый «хонки-тонки» из всех, самый бесшабашный городок*. Клерк в регистратуре с этим согласился.

С тем же согласилась и девушка в туристическом бюро в четырех милях дальше по шоссе, хотя не стала употреблять столь неформального выражения. Билли повернул арендованный автомобиль в сторону *Олд Оркард Бич*, находившийся милях в восемнадцати к югу.

Движение стало плотным, машины еле плелись бампер в бампер. На них были в основном канадские номера, а по вместительности многие из них, наверно, могли бы перевезти целую футбольную команду. Большинство лю-

дей в машинах и шагавших пешком по обочине были раздеть до минимума, разрешенного законом, иногда — меньше минимума: бикини ниточкой с нашлепкой, плавки-гульфики, много блестевшей обнаженной плоти.

На Билли были надеты джинсы, белая летняя рубашка с открытым воротником и спортивный плащ. Он сидел за рулем в закупоренной машине и потел, хотя кондиционер включил на всю катушку. Он помнил изумленный взгляд гарсона отеля и решил не раздеваться, как прочие, даже если туфли промокнут от стекающего пота.

Миновав соленые пустоши, пару десятков рыбацких будок, где ловили лобстеров, весь медленный поток машин повернулся к району летних домиков, стоявших в тесноте бок о бок. Почти раздетые люди сидели перед своими жилищами, что-то ели, читали романы в бумажных переплетах или тупо глазели на сплошной поток автомобилей.

Бог мой, подумал Билли, да как они переносят вонищу из этих выхлопных труб? В голову пришло, что им даже нравится. Может быть, просиживают именно здесь, а не на берегу, потому что запах напоминает им о доме.

За домиками последовали мотели с вывесками: ЗДЕСЬ ГОВОРЯТ НА ФРАНЦУЗСКОМ (написано по-французски), КАНАДСКАЯ ВАЛЮТА — НЕ МЕНЬШЕ 250 ДОЛЛАРОВ, С ПОЛУНОЧИ — ГОЛУБЫЕ ФИЛЬМЫ ПО КАБЕЛЮ, ТРИ МИНУТЫ ДО ОКЕАНА!

За мотелями потянулась торговая улица со скучным ассортиментом товаров в магазинах: фотопринадлежности, сувениры, похабные книжки по сниженным ценам. Молодые люди в джинсах с оборванными штанинами медленно бродили вдоль витрин, некоторые — взявшись за руки. Кое-кто отсутствующим взглядом смотрел на пыльные витрины. Среди скучающей, фланирующей публики лавировали ребята на скейтбордах. Билли Халлеку показалось, что все они страдают от лишнего веса.

Детишки на скейтбордах, похоже, что-то жевали, как и прохожие: кто кусок пиццы, кто поп-корн, чипсы, конфеты и прочее. Увидел мужчину в белой рубашке навыпуск, в мешковатых штанах и сандалиях: он поглощал сосиску, длиною в целый фут, к подбородку прилипли

ошметки лука и кислой капусты, а в левой руке тот держал еще пару сосисок. Халлеку он показался фокусником с надувными шарами.

Мимо поплыл парк с аттракционами. Русские горки вздымались высоко в небо. Гигантский корабль викингов — качели — двигался взад и вперед полукругами под дружный визг пассажиров. Звенели колокола, мелькали и бегали огоньки множества лампочек.

А справа подростки сшибались в автомобильчиках луна-парка. Молодой парень и молодая женщина целовались. Она обняла его рукой за шею, он одной рукой прижимал ее ягодицы, в другой держал банку «будвейзера».

Да, решил Билли. Да, здесь то самое место. Вполне может быть.

Он оставил машину на стоянке, заплатил семнадцать долларов за полдня, переложил бумажник из бокового кармана во внутренний карман плаща и начал охоту.

Сначала ему показалось, что потеря веса ускорилась: уж очень странно на него поглядывали прохожие. Рациональная часть рассудка быстро убедила его: все дело в одежде, а вовсе не в том, как он выглядит под одеждой.

Эта публика будет на тебя смотреть точно такими же глазами, если будешь прогуливаться тут в майке и плавках в октябре месяце. Успокойся, Билли. На тебя все же стоит поглязеть. Здесь много такого, на что стоит поглязеть.

И это было в самом деле так. Билли увидел толстую женщину в черных бикини, лоснилась темная кожа. Живот у нее был выдающимся, но бедра странным образом выглядели возбуждающими. Она двигалась к белой полоске пляжа, как океанский лайнер, ягодицы ритмично колыхались в такт шагов. Возле лавки с пиццей Билли увидел жирного пуделя, подстриженного по всем правилам. Язык собаки висел из пасти неподвижно и имел скорее серый, нежели розовый цвет. Заметил, как громадная чайка спикировала и выхватила из руки ребенка недоеденный грязный пирожок.

Позади всего этого белый полумесяц пляжа Олд Оркарда был усеян загорающими под полуденным солнцем. Однако и пляж, и Атлантический океан позади него

казались опошленными сутолокой людей, руки, лица которых были заняты и запачканы едой а сквозь пульсирующий шум моторов прорывались вопли зазывал («Приверните ваш вес!» — услышал Билли призывный крик откуда-то слева. — «Угадываю вес! Если ошибусь на пять фунтов, плачу доллар!») и ритмы рока из раскрытых дверей баров.

Неожиданно Билли охватило чувство нереальности: он оказался как бы вне самого себя, подобно слушаю с астральной проекцией, которые обычно описывает журнал «Фэйт». Имена — Хейди, Пенсли, Линда, Хустон — зазвучали фальшиво и мелко, подобно именам, которые придумывают наспех для плохой истории. Возникло ощущение, что он способен заглянуть за кулисы вещей, в некий вообразимый «реальный мир». Запах моря показался пронизанным смрадом протухшой пищи, звуки стали слышаться издалека, словно плывущими к нему из длинного коридора.

Астральная проекция? прозвучал смутный голос. *У тебя солнечный удар, друг мой.*

Да, пожалуй, когда теряешь сто двадцать фунтов веса, твой термостат начинает барабанить. Сейчас же уходи с солнцепека, иначе загремишь в обморок.

— Ладно, уговорил, — пробормотал Билли, и проходивший мимо мальчишка, жующий поп-корн, резко обернулся в его сторону.

Впереди находился бар с вывеской «Семь морей», на дверях надписи: «Холодное, как лед» и «Самое приятное время». Билли вошел.

«Семь морей» оказались не только холодными, как лед, но и чудесно спокойным местом. На музыкальном автомате висела записка с крупной надписью: «КАКОЙ-ТО ПРИДУРОК ДАЛ МНЕ ВЧЕРА ВЕЧЕРОМ ПИНКА, И ТЕПЕРЬ Я ПОЛОМАН». Пониже — перевод той же надписи на французский язык. Однако по потрепанному виду надписи и по пыли, скопившейся на автомате, Билли решил, что «вчера вечером» могло произойти год тому назад. В помещении находились несколько пожилых мужчин, одетых по тому же принципу, что и Билли, — не для

пляжа, а скорей для улицы. Некоторые играли в шахматы, другие в нарды. Почти все были в шляпах.

— Что вам угодно? — спросил бармен.

— Пива «Шхуна», пожалуйста.

— О'кей.

Билли пил пиво медленно и наблюдал в окно движение людских масс, прислушиваясь к бормотанию стариков за столиками. Почувствовал, что часть его силы, часть ощущения реальности возвращаются.

Подошел бармен.

— Нальем еще?

— Да, пожалуйста. И хотелось бы с вами немного поговорить, если есть время.

— Насчет чего?

— Насчет людей, которые могли здесь побывать.

— Где «здесь»? В нашем баре?

— В Олд Оркарде.

Бармен рассмеялся.

— Насколько я знаю, половина штата Мэн и половина Канады летом проходят через это место.

— Я говорю о цыганах.

Бармен хмыкнул и принес Билли бутылку «Шхуны».

— То есть имеете в виду бродячую публику. Это, кстати, все, кто летом прибывают в Олд Оркард. А ко мне в бар приходят, в основном, люди, которые живут тут круглый год, — местные, так сказать. А те, — он махнул рукой в сторону окна, словно отбросив всех разом, — те — бродяги, вроде вас, мистер.

Билли осторожно, по стенке бокала налил пива, потом положил на стойку десятидолларовую бумажку.

— Я не уверен, что мы правильно поняли друг друга. Я говорю о настоящих цыганах.

— Настоящие?.. О! Наверно, имеете в виду тех ребят, что устроили табор возле Солт Шека.

Сердце Билли забилось быстрее.

— Можно, я вам покажу кое-какие фотографии?

— Бесполезно. Я их не видел. — Он посмотрел на десятидолларовую банкноту и окликнул одного из присутствующих: — Лон! Лонни! Подойди-ка на минутку.

Один из стариков, сидевших за столиком у окна, поднялся и прошаркал к бару. На нем были серые хлопчатобумажные штаны, белая рубашка, явно великоватая, и соломенная шляпка. Лицо усталое, только глаза — живые. Кого-то он напоминал Халлеку, вспомнил спустя секунду: старик выглядел, как Ли Страсберг, учитель и актер.

— Это Лон Эндерс, — представил его бармен. — У него участок на западе городка. Там же и Солт Шек. Лон примечает все, что происходит в Олд Оркарде.

— Меня зовут Билли Халлек.

— Будем знакомы, — сказал Лон Эндерс, шелестяшим, как бумага, голосом, и придвинул стул поближе к Билли. Он даже вроде бы и не сел на него, а прислонился задом к сиденью, слегка подогнув ноги.

— Не желаете пива? — предложил Билли.

— Больше нельзя, — прошелестел старик, и Билли слегка отодвинулся подальше от неприятного запаха изо рта Эндерса. — Уже выпил свою норму на день. Доктор сказал — не больше. С животом беда. Если бы я был автомашиной, — в самый раз на свалку.

— О! — сказал Билли нейтрально.

Бармен отвернулся от них и принялся укладывать бокалы в мойку. Эндерс посмотрел на десятидолларовую бумажку, потом на Билли.

Халлек снова объяснил свою просьбу, а Эндерс повернуло свое усталое лицо в сторону теней в углу бара. Откуда-то из соседнего заведения слышались удары небольшого колокола.

— Были они тут, — сказал он, когда Билли закончил. — Были. Я уж лет семь не видел цыган, а такой оравы и подавно — лет двадцать, не меньше.

Правая рука Билли так сильно стиснула стакан, что он едва успел расслабиться, пока не раздавил его. Осторожно поставил бокал на стойку бара.

— Когда? Вы уверены? Не знаете, куда они могли отправиться? Не могли бы вы...

Эндерс поднял руку, бледную, как у утопленника, вытащенного из колодца. Билли она показалась почти прозрачной.

— Спокойно, друг, — сказал он почти шепотом. — Я скажу тебе, что знаю.

Усилием воли Билли заставил себя смолчать и просто ждать.

— Десятку я возьму, потому что, похоже, мой друг, ты можешь себе это позволить, — прошептал Эндерс. Он засунул ассигнацию в карман рубашки, потом большим и указательным пальцами левой руки поправил вставную челюсть. — Зато говорить буду бесплатно. Черт возьми, когда становишься старым, еще приходится платить и за то, чтобы тебя послушали... Спроси-ка у Тимми там — можно мне получить стакан холодной воды? Кажется и одно пиво для меня слишком... оно сжигает то, что осталось от моего нутра. Но мужчине трудно отказаться от всех своих удовольствий, даже, когда они больше удовольствия не доставляют.

Билли позвал бармена и тот подал Эндерсу стакан воды со льдом.

— С тобой все в порядке, Лон? — спросил бармен, ставя стакан.

— Бывало и лучше, бывало и хуже, — прошептал Эндерс, взяв стакан. В какой-то момент Билли показалось, что стакан для него тяжеловат. Однако старик поднес его ко рту, расплескав лишь самую малость.

— Ты хочешь поговорить с этим парнем? — спросил Тимми.

Холодная вода, похоже, взбодрила Эндерса. Он поставил стакан, посмотрел на Билли, потом взглянул на бармена.

— Я думаю, кто-то должен с ним потолковать, — сказал он. — Он еще не выглядит так плохо, как я... но тоже — туда же...

Эндерс жил в небольшой колонии отставников-пенсионеров на улице Ков Роуд. Он сказал, что Ков Роуд это часть «настоящего Олд Оркарда», которую бакшиш обходит стороной.

— Бакшиш? — переспросил Билли.

— Ну, да, — чаевые то бишь. Это значит — толпы, друг. Мы с женой приехали в этот город в 1946 году, сразу после войны. С тех пор — здесь. Я научился в свое время,

как вытягивать бакшиш со своего хозяина — Томми Мак Ги, правда, он уже давно умер. На горло бывало брал его. То, что ты сейчас слышишь, — лишь остатки моего голоса.

Послышалась едва уловимая усмешка.

Эндерс знал всех, связанных с летним карнавалом, называемым Олд Оркардом, или почти всех — продавцов, мусорщиков, лотошников, подсобных рабочих, торговцев сувенирами, автомехаников, зазывал, сутенеров и прихлебателей. Большинство из них были местные, которых он знал десятилетия, или сезонники, прибывавшие только на лето, как перелетные птицы. Они составляли дружное сообщество, которого туристы не замечали.

Знал он довольно многих из тех, кого бармен называл бродягами. Эти были преходящими элементами и задерживались лишь на одну-две недели, делали кое-какой свой бизнес в развеселой лихорадочной обстановке гулянок Олд Оркарда, а затем двигались дальше.

— Неужто всех их и помните? — с сомнением спросил Билли.

— Не запомнил бы, ежели б они менялись каждый год, — прошептал Эндерс. — Но бродяги тут особенные. Они, может, и не так регулярно появляются, как ежегодные сезонные бизнесмены, но так же имеют свои правила... что ли. К примеру, видишь, вот приехал в 57-м году парень, продает с рук кольца «хула-хуп», а в 60-м, глядишь, продает дорогие часы всего по три доллара за штуку. Волосы у него уже не светлые, а черные. Думает, его никто не узнает. Ну, наверно, летние туристы и не узнают, даже если и побывали тут в 57-м, потому что покупают снова у того же жука. Но мы-то его знаем. Знаем всю эту бродячую компанию торговцев. Ничего не меняется, кроме их товара, и все, что они продают, на несколько шажочков в стороне от закона. Торговцы наркотиками, «пушеры», те — другие. Их слишком много, и они всегда отправляются за решетку, либо помирают прежде времени. А проститутки слишком быстро стареют, чтобы их запомнить. Но ты хотел о цыганах потолковать. Так вот, если подумать, то получается, что цыгане — самые старые бродячие торговцы из всех.

Билли извлек конверт с фотографиями из кармана плаща и осторожно выложил перед Эндерсом, как расклад покера, Джину Лемке, Сэмюэля Лемке, Ричарда Кросс-килла, Мауры Старберд.

Тадуза Лемке.

— А! — шумно выдохнул старик, когда Билли положил эту последнюю. — Тэдди, ты, старый сутенер-согретитель!

Он взглянул на Билли и улыбнулся. Но Билли Халлека он провести не сумел — старик испугался.

— Я думал, это он, — поправился Эндерс. — Просто не разглядел... тут темновато... вижу — вроде похожая фигура...

Он снова схватил и поднес стакан к губам, расплескав на сей раз больше воды себе на рубашку. От холода слегка охнулся.

Бармен подошел и неприязненно посмотрел на Билли. Эндерс поднял ладонь, чтобы показать, что с ним все в порядке, и бармен вернулся к своей мойке. Эндерс перевернулся фотографию Тадуза Лемке. На обратной стороне была надпись: «Фото сделано в Эттлборо, Масс., серед. мая 1983».

— И ни на день не постарел с тех пор, как я увидел его впервые с его дружками летом 1963-го, — заключил Эндерс.

Они расположились табором позади рыбацкой хижины, принадлежавшей ловцу лобстеров Херку в Солт Шеке, возле дороги №27. Пробыли там четверо суток, а на пятое утро их уже не было. Улица Ков Роуд располагалась неподалеку, и Эндерс сказал, что на второй день пребывания там он пропал полмили к их табору. Билли трудно было представить, что этот похожий на призрака человек смог бы и один квартал обойти. Он хотел, по его словам, поглядеть на них, потому что цыгане напомнили ему о старых временах, когда человек мог заниматься своим бизнесом, а Мистер Закон стоял в сторонке и позволял ему делать свое дело.

— Я постоял там у обочины шоссе какое-то время, — сказал Эндерс. Обычная цыганская жизнь. Чем значительнее все меняется, тем больше они остаются теми же самыми. Когда-то были все сплошь палатки да шатры, а теперь машины и трейлеры. Какая-то женщина гадает. Две

или три продают дамам порошки, а два-три мужика продают порошки мужчинам. Я думаю, они бы задержались здесь и подольше, так как собрались устроить собачий бой для какого-то богача, а полиция штата про то пронюхала.

— Собачий бой?!

— Люди любят делать ставки, друг, а эти бродяги готовы мгновенно организовать любую азартную штуку: собаки, петухи со шпорами-бритвами. Бывает, что и два мужика берут в зубы концы шарфа и начинают ножами пыряться пока кто-то из них шарф не отпустит, — проиграл, значит. Цыгане называют это «честный бой».

Эндерс смотрел в зеркало за стойкой бара на себя и сквозь себя.

— Да, все было, как в прежние деньки, — сказал он мечтательно. — Я носом чуял запах их мяса с перцем, оливкового масла. Откроешь банку — оно так пахнет, а поджаришь — иначе. Слышал их старинный говор и удары: туд! туд! туд! — кто-то, значит, нож в доску кидает. А кто-то и хлеб пек по старинке — на раскаленных камнях. Все вроде бы, как в старые времена, да не так. Что-то мне вдруг страшно стало, понимаешь. Вообще-то цыгане меня и раньше пугали как-то, но тогда я все равно мог к ним прийти. Какого черта — как никак я был белый человек, верно? В прежние времена мог подойти к их костру как хозяин, купить у них выпить чего-нибудь — не потому, что выпить хотелось, а просто, чтобы поглазеть. Но время сделало из меня старого человека, друг. А когда старику страшновато, он куда угодно без оглядки не попрется. Не те времена, когда он еще учился бриться... В общем, стоял я там вечером и смотрел. По одну руку Солт Шек, по другую — их машины, трейлеры. Они бродили туда-сюда у своих костров, а я слушал их разговоры, смех, запах их еды ощущал. И тут открывается один фургон, на котором нарисована женщина и белый конь с рогом, как он там называется...

— Единорог, — подсказал Билли. Ему показалось, что голос его прозвучал от кого-то другого. Он хорошо запомнил этот фургон, впервые увидев его в тот день, когда цыгане появились в парке Фэйрвью...

— Из него кто-то вышел, — продолжал Эндерс. — Вижу только тень да огонек сигаретки. Но я узнал его. — Он постучал бледным пальцем по снимку. — Он это, приятель твой.

— Вы уверены?

— Он еще так крепко затянулся сигареткой, а я вижу... у него такая штука. — Эндерс указал пальцем на то, что осталось от носа Тадуза Лемке, но прикасаться к глянцевой фотографии не стал, словно боялся заразиться.

— Вы с ним поговорили?

— Нет, — сказал Эндерс. — Это он со мной поговорил. Я стоял в темноте и Господом готов поклясться, что в мою сторону он даже не глянул. И вдруг говорит: «Что, Флэш, по жене соскучился? Ничего, скоро будешь с ней».

Потом стрельнул окурком и пошел к костру. Я еще увидел, как у него блеснуло кольцо в ухе.

Он утер ладонью воду с подбородка и посмотрел на Билли.

— Флэш — такая кличка у меня была, когда я грошовым носильщиком работал на причале еще в пятидесятых. Но никто меня с тех пор так не называл, друг. Я, понимаешь, стоял-то совсем в темноте, а он вроде бы увидел и назвал по старой кличке, либо, как цыгане говорят, секретным именем. Представляешь, что у них там за пазухой, коли даже секретное имя человека знают?

— Неужели так много знают? — спросил Билли, обращая вопрос отчасти к себе.

Бармен Тимми снова приблизился к ним. На этот раз он заговорил с Билли почти ласково и так, будто Лона Эндерса рядом и не было:

— Он свою десятку заработал, верно? Ну и оставь его в покое. Ему худо, а от этих разговоров лучше не станет.

— Нормально, Тимми, — сказал Эндерс.

Тимми даже не взглянул в его сторону. Он смотрел на Билли Халлека.

— Мне хочется, чтобы ты шел своей дорогой, — сказал он Билли урезонивающим, даже добрым тоном. — Ты мне не нравишься, понимаешь? Выглядишь, как несчастье, — только место ищешь, чтобы натворить чего. За пиво можешь не платить, уходи.

Билли посмотрел на бармена, испытывая страх и смущение.

— Ладно, ухожу, — сказал он. — Только один маленький вопрос. — Он повернулся к Эндерсу. — Куда они отправились?

— Не знаю, — ответил старик. — Цыгане адресов не оставляют, друг.

Плечи Билли опустились.

— Но я уже не спал, когда они утром тронулись в путь. Мало сплю нынче, а о глушителях они не заботятся. Видел, что выехали на шоссе номер 27 и повернули на север, на шоссе номер один. Думаю, в Роклэнд двинули. — Старик тяжело, с дрожью, вздохнул, и Билли наклонился к нему, чтобы лучше слышать. — Роклэнд или, может, Бутбэй Харбор. Да. Вот и все, пожалуй, друг. Скажу только, когда он меня назвал моим секретным именем — Флэшем, я малость в штаны намочил. — И вдруг Лон Эндерс заплакал.

— Мистер, вы уходите? — спросил Тимми официальным голосом.

— Ухожу, — сказал Билли. Прежде, чем направиться к выходу, он мимолетно пожал хилое плечо старика.

Снаружи солнце ударило зноем, как молотом. Время перевалило за полдень, солнце клонилось к западу. Посмотрев влево, он увидел собственную тень — хрупкую тень высокого подростка на белом песке.

Он набрал код 203.

Да, у них за пазухой до черта всякого, если знают старую кличку первого попавшегося человека.

Набрал код 555.

Мне хочется, чтобы ты шел своей дорогой. Ты мне не нравишься.

Набрал 9231 и прислушался к звонкам своего дома в городе Жирных Котов.

Выглядишь, как несчастье...

— Алло? — Голос запыхавшийся и полный надежды, но не Хейди, а Линды. Лежа на постели в номере гостиницы, Билли зажмурил глаза от внезапно нахлынувших слез. Увидел ее такой, какой она была, когда он шел с ней

по Лантерн Драйв и говорил о несчастном случае, — ее старенькие шорты и длинные неуклюжие ноги.

Что ты ей скажешь, Билли-бой? Что пропотел весь день на пляже, что пообедал двумя кружками пива и что, несмотря на два больших бифштекса на ужин, ты потерял три фунта вместо обычных двух?

— Алло?

Что ты приносишь несчастье тем местам, где появляешься? Что тебе жаль, что ты врал, но ведь все родители так делают?

— Алло! Кто это? Бобби, ты, что ли?

Не открывая глаз, он ответил:

— Это папа, Линда.

— Папа?

— Миленькая, я не могу сейчас говорить, — сказал он. *Потому что, кажется, плачу.* — Я все теряю вес, ты знаешь. Но я напал на след Лемке. Скажи маме об этом. Запомнишь? Я напал на след Лемке.

— Папочка, дорогой, ну пожалуйста, возвращайся домой! — Она заплакала. Билли сжал трубку в руке. — Я по тебе соскучилась и больше не соглашусь, чтобы она меня куда-нибудь отсыпала.

Слабо послышался голос Хейди:

— Лин! Это папа?!

— Я люблю тебя, моя душечка, — сказал он. — И маму твою люблю.

— Ну, папа!..

Сумятица тихих звуков. Потом Хейди взяла трубку.

— Билли? Билли, пожалуйста, прекрати это все и возвращайся домой, к нам.

Билли осторожно положил трубку, перевернулся в постели и уткнулся лицом в скрещенные руки.

Он покинул «Шератон», Южный Портленд на следующее утро и поехал по шоссе №1 на север вдоль побережья. Шоссе начиналось в Форт Кенте, Мэн, и заканчивалось в Ки Уэст, Флорида. Старик в «Семи морях» сказал: Рокленд или Бутбэй Харбор, но Билли на случай не мог надеяться. Останавливался на каждой второй или третьей заправочной станции на той стороне шоссе, которая вела к северу. Заходил в придорожные универмаги, где на

передних лужайках в шезлонгах сидели старики, задумчиво жуя спички. Показывал свои снимки всем, кто готов был посмотреть. Поменял два стодолларовых «трэвеллерс»-чека на мелкие долларовые бумажки и раздавал их направо-налево, словно рекламируя продукцию сомнительного сорта. Чаще всего показывал четыре снимка: девушки Джини с оливкового цвета кожей и черными завлекающими очками, «кадиллака-купе», «фольксвагена-микробаса» с намалеванными на борту женщиной и единорогом, Тадуза Лемке.

Как и Лон Эндерс, люди почему-то не желали дотрагиваться до его фотографии.

Но — помогали. У Халлека не возникло проблем с выяснением маршрута цыган вдоль побережья. И дело было не только в номерных знаках иных штатов — к этому люди в штате Мэн летом быстро привыкали. Дело было в том, как двигались фургоны и универсалы, — почти бампер в бампер, пестрые росписи по бокам, да и в самих цыганах. Большинство из тех, с кем Билли говорил, заявляли, что их женщины и дети крали вещи, но никто толком не сказал, что именно было украдено, и никто почему-то не обратился в полицию по поводу этих краж.

В основном вспоминали старого цыгана с провалившимся носом, если видели его.

Когда Билли сидел в баре «Семь морей» с Лоном Эндерсом, он отставал от цыган на три недели. Владелец автозаправочной станции «Скоростной Сервис Боба» не смог вспомнить, в какой день он накачивал их машины горючим одну за другой. Помнил только, что от них воняло, «как от индейцев». Билли подумал, что и сам Боб весьма смердел, но решил не говорить об этом — выглядело бы невежливо. Зато парнишка из колледжа, работавший в кафетерии напротив, через дорогу, сумел точно вспомнить дату — 2 июня. И как не вспомнить? Пришлось в собственный день рождения вкалывать. Билли поговорил с ним 20 июня, то есть с отставанием на 18 дней. Цыгане искали место для табора немного севернее, в районе Брунсвика. 4 июня они расположились на Бутбэй Харбор, не на берегу, разумеется: нашли фермера, который согла-

сился выделить им часть поля в районе холма Кеннистон за двадцать долларов за ночь.

Цыгане пробыли там три дня. Летний сезон только набирал силу, и прибыли табора были пока еще незначительны. Фермера звали Уошбурн. Когда Билли показал ему фотографию Тадуза Лемке, фермер кивнул головой и торопливо перекрестился (Халлек был уверен, что жест этот был совершенно неосознанный).

— В жизни не видывал такого проворного деда. Такие охапки дров таскал, что моим сыновьям вряд ли под силу. — Уошбурн слегка замялся и добавил: — Не понравился он мне. Тут даже не в носу дело. У меня у самого дедушка помер от рака кожи. Так до того, как мы его похоронили, этот рак проел у него дыру в щеке, с пепельницу размером. Бывало, посмотришь, и видишь сквозь дыру, как он жует. Ясное дело, нам такое зрелище не нравилось, но дедушку-то мы любили. А этот тип... ох, и не понравился он мне. Такой жуткий.

Билли хотел было спросить, что он подразумевает под этим «жуткий» конкретно, но все понял по глазам Уошбурна.

— Он и есть жуткий человек, — подтвердил Билли.

— Я решил их попросить уехать, — сказал Уошбурн. — Конечно, двадцать долларов неплохая цена за очистку мусора после них, но жена моя уж больно их боялась, да и я, признаться, тоже. Утром пошел сказать обо всем этому Лемке, пока еще нервы мои выдерживали, а они уже сворачивали манатки. Я вздохнул с облегчением.

— Поехали дальше на север?

— Да, прямо в том направлении. Я как раз стоял на вершине холма и видел, как они свернули на шоссе номер один. Проследил, покуда они совсем не скрылись из виду и рад был, что они смотрелись.

— Да уж, представляю.

Уошбурн бросил на него критический и несколько обеспокоенный взгляд.

— Не зайдете ко мне выпить стакан холодного молока, мистер. Вид у вас больно изможденный.

— Спасибо, но я хочу до заката обогнать весь район Оулс Хед, если успею.

— Его разыскиваете?

— Да.

— Ну что ж, если найдете его, надеюсь, он вас не сожрет, мистер. Мне он показался таким голодным.

Билли беседовал с Уошбурном двадцать первого июня, в первый день официального открытия летнего сезона. Дороги были перегружены туристами, и ему пришлось ехать до самого Шипскота, прежде чем удалось найти свободный номер в мотеле. А цыгане покинули Бутбэй Харбор восьмого июня, утром.

Разница составляла тринадцать дней.

Наступила пара невезучих дней, когда показалось, что цыгане вообще покинули этот мир. Их не видели ни в Оулс Хеде, ни в Роклэнде, хотя оба городка были излюбленным местом летнего нацествия туристов. Служащие заправочных станций и официантки смотрели на снимки и качали головами.

Мрачно подавляя желание выбросить через борт бесценные калории, Билли, который плохо переносил качку, проплыл на пароме от Оулс Хеда до Вайнэлхевен. Там цыган тоже не видели.

Вечером двадцать третьего позвонил Кирку Пеншли, надеясь получить свежую информацию. Когда Кирк поднял трубку, послышался странный двойной щелчок в телефоне в тот момент, когда Кирк спросил: «Как дела, Билли-бой? Ты где находишься?»

Билли торопливо бросил трубку. Ему удалось ухватить последний вакантный номер в мотеле «Харборвью», Роклэнд. Другого ночлега могло теперь не подвернуться аж до самого Бангора, но он решил немедленно отправляться в путь, даже если придется ночевать в машине где-нибудь на проселке. Этот двойной щелчок. Ему всегда было наплевать на такие двойные щелчки в трубке. Такой звук слышишь иногда, когда твой телефонный разговор прослушивается. Или же когда используется система определения номера, откуда звонят.

Хейди подписала бумаги на тебя, Билли.

В жизни подобной глупости не мог себе представить.

Она подписала их, а Хустон заверил своей подписью.

Да оставьте вы меня хотя бы на время в покое, черт бы вас подрал.

Немедленно мотай отсюда, Билли.

Он покинул мотель. Хейди, Хустон, не считая определятеля телефонного номера, промахнулись. То, что он немедленно уехал, оказалось самым верным ходом. В два часа ночи, когда Билли регистрировался уже в бангорском отеле «Рамада Инн» и показал служащему гостиницы снимки (теперь это стало привычкой), тот немедленно кивнул головой.

— Да, я дочку свою к ним сводил, и они ей там судьбу предсказывали, — сказал служащий. Он взял снимок Джини Лемке и слегка закатил глаза. — Как она здорово попадает в цель из своей рогатки, я вам скажу. И знаете, могла бы и по другому назначению ее использовать, если понимаете, что я имею в виду. — Он помахал ладонью, словно стряхивая с нее воду. — Моя дочурка как только заметила, какими глазами я на нее уставился, тут же потащила меня поскорей прочь. — Клерк засмеялся.

Только что Билли чувствовал себя таким усталым, что едва хватало сил добраться до постели. Теперь он полностью взбодрился, взыграл адреналин.

— Где? Где они были? Или, может, они еще...

— Не-а. Больше их тут нет. Были здесь, у Парсонса, но уехали. Я там был как раз.

— Это что — ферма чья-то?

— Да нет. Там просто раньше был такой торговый сарай Парсонса. Сгорел дотла в прошлом году. — Клерк вдруг бросил беспокойный взгляд на несоразмерную одежду Билли, на выпирающие скулы и черепообразное лицо, на котором глаза лихорадочно блестели, словно зажженные свечи. — Хм... Желаете снять номер?

Билли разыскал торговый склад Парсонса на следующее утро. Он представлял собой выгоревшую раковину, торчащую посреди примерно десятка акров площади, которую можно было бы назвать пустой автомобильной стоянкой. Медленно прошелся, наступая на хрустящие обломки и головни. Повсюду были разбросаны пустые жестянки из-под соды и пива. Валялся кусок сыра, облепленный насекомыми. Блеснул шарик из шарикоподшип-

ника (Хой! Джина! — призрачный возглас прозвучал в памяти). Лопнувшие воздушные шарики, среди них пара презервативов.

Да, они побывали здесь.

— Чую тебя, старик, — прошептал Билли в пустоту обгоревшего сарайя. Глазницы окон в сумраке смотрели на него неодобрительно: пугало огородное пожаловало. Место привидений, которое страха у Билли не вызывало. Только злость, которая стала его незримой одеждой. Злость на Хейди, злость на Тадуза Лемке и на таких так называемых друзей, вроде Кирка Пенсли, которые вроде бы были на его стороне, а на деле предали его. Или предадут.

Какая разница? Он и так — сам по себе, и несмотря на свои сто тридцать фунтов веса, имел еще достаточно сил, чтобы добраться до старого цыгана.

А что будет дальше?

Тогда они сами увидят, что будет.

— Чую тебя старик, — снова сказал Билли и прошелся вдоль постройки снаружи. На металлической дощечке увидел адрес и телефон агентства по продаже недвижимости, остановился и переписал все в записную книжку.

Агента по продаже недвижимости звали Фрэнком Куигли, но он настоял на том, чтобы Билли называл его «Бифф». На стенах висели в рамках фотографии Биффа Куигли — старшеклассника. На большинстве из них он носил на голове футбольный шлем. На письменном столе — увековеченное в бронзе собачье дермо с подписью на подставке: ВОДИТЕЛЬСКИЕ ПРАВА ФРАНЦУЗА.

Да, подтвердил Бифф, он сдал в аренду площадь старому цыгану с разрешения мистера Парсонса.

— Он решил, что площадка хуже выглядеть не станет, чем она есть сейчас, — сказал Бифф Куигли, — и я с ним согласен.

Он откинулся на спинку своего кресла «свивел», на роликах и врачающегося, и беспардонно осмотрел лицо Билли, отмерил взглядом длину его шеи, оценил размер рубашки, которая висела на нем, как флаг в безветренный день. Потом сплел пальцы на затылке, покачался в своем

шарнирном кресле, а затем взгромоздил на стол обе ноги возле статуэтки собачьего деръма из бронзы.

— Не скажу, что место для продажи не оценено. Там отличная площадь для индивидуальной стройки. Уверяю вас, рано или поздно кто-нибудь, достаточно дальновидный, получит выгоднейший участок там. Чертовски выгодный, сэр...

— Скажите, Бифф, когда уехали цыгане?

Бифф Куигли убрал руки с затылка и уселся нормально. Его кресло издало звук механической свинки: «Скуойнк!»

— Если не возражаете, зачем вам это нужно знать?

Губы Билли Халлека стали настолько тощими и настолько усохли, что с трудом закрывались над зубами. Страшная улыбка теперь давалась ему легко.

— Возражаю, Бифф.

Бифф едва заметно отшатнулся от этой улыбки, но тут же кивнул и снова откинулся в кресле. Опять мокасины фирмы «Куодди» возникли на поверхности стола, одна нога перекинулась через другую и задумчиво постучала по бронзовому памятнику.

— Хорошо, Билл. Каждый делает свой бизнес... У каждого — свои резоны.

— Вот и отлично, — сказал Билли. В нем поднималась ярость, которую нужно было удержать в узде во что бы то ни стало. Злость на этого мерзкого хлюста с его мокасинами «Куодди», с его изысканной прической «джей-сиз» и небрежным хамским говором делу помочь не могла. — Раз мы на том согласились...

— Но это вам все равно обойдется в две сотни баксов.

— Что? — Билли невольно раскрыл рот. В какой-то момент гнев был готов выплеснуться, и он просто оцепенел. Возможно, к счастью для Биффа Куигли, потому что, если бы Билли пошевелился, то скорей всего, чтобы наброситься на него. Его самоконтроль за последние пару месяцев тоже потерял в весе.

— Плата не за информацию, которую я даю вам, — сказал Бифф. — Это — бесплатно. Двести баксов — за информацию, которую я не сообщу им. Ясно?

— Не... что? Им?.. Кому «им»? — с трудом проговорил Билли.

— Вашей супруге, — сказал Бифф. — И вашему доктору, и человеку, который работает на одну контору, называемую «Бартон Детектив Сервис».

Все стало ясно. Дело обстояло вовсе не так, как вообразил его параноидальный рассудок. Все оказалось гораздо хуже. Хейди и Майк Хустон пошли к Кирку Пеншили и убедили его, что Билли Халлек сошел с ума. Пеншили все еще не снимал заказа с агентства Бартона найти цыган. Но только теперь все они уподобились астрономам, ищущим в небе Сатурн ради того, чтобы увидеть Титан. И отправить его для начала в клинику Глассмана.

Он отчетливо представил себе оперативного агента Бартона, который всего несколько дней тому назад сидел в этом же кресле. Говорил Биффу Куингли о том, что совершенно тощий мужик по имени Билл Халлек тут вскоре возникнет. Когда это случится, он должен позвонить по одному телефону.

Последовал еще более отчетливый образ: он прыгает через письменный стол Биффа Куигли, хватает бронзовую кучу собачьего дерhma и бьет его по башке. Яркий образ: разорванная кожа, брызги крови (некоторые попали на фото в рамках), проблеск белой кости, разламывающейся, чтобы обнажить подлый мозг этого типа. Потом решительный жест — собачье говно в бронзе — на место.

Возможно, Куигли что-то приметил, пусть малую толику эмоций на костлявой физиономии Билли. В глазах его появилась тревога. Он торопливо убрал ноги со стола. Кресло издало привычный свинячий визг.

— Мы можем обговорить... — начал он, и Билли заметил, как наманикюренный палец потянулся к кнопке интеркома.

Гнев внезапно выдохся, оставив легкую дрожь и холод. Просто достаточно было представить себе, как мозг разбрызгивается из его черепа. Причем не в туманных образах, а в «Текниколор» и со звуком системы «Долби». Добрый старый Бифф это сообразил.

Господи, да что же происходит с благочестивым Билли Халлеком, который всегда жертвовал в фонд США и в рождественскую копилку?

Рассудок вернулся: *Да-а, то был Билли Халлек, который жил в городе Пресытившихся. Теперь он улизнул в неизвестном направлении.*

— Ладно, оставим это все. — Билли кивнул на интерком. Палец отдернулся прочь. Потом зашарил по столу, пока не нашупал пачку сигарет.

— Не желаете ли закурить, мистер Халлек? Ха-ха!

Билли взял сигарету, осмотрел ее, наклонился, чтобы прикуриТЬ. Одна затяжка — и в голове вдруг стало легко.

— Благодарю вас.

— Насчет двух сотен — я, может быть, и загнул, конечно...

— Нет, почему же, вы были правы, — сказал Билли. Он заранее подготовил чеки на сумму триста долларов, полагая, что придется кое-где подмазать. Но ни разу ему не пришло в голову то, что это придется делать по такой причине. Билли вытащил бумажник, извлек четыре полусотенных и положил их рядом с говяжьей статуэткой Биффа. — Будете держать язык за зубами, когда Пеншли позвонит?

— О, да, сэр! — Бифф сгреб деньги и сунул их в ящик стола с сигаретами. — Вы сами знаете!

— Надеюсь, — ответил Билли. — А теперь расскажите мне о цыганах. — Теперь говорить было легко: куда труднее давались подходы к теме.

Цыгане прибыли в Бангор 10 июня. В контору Биффа пришли Сэмюэл Лемке и Ричард Кроскилл после звонка мистеру Парсонсу и шефу полиции Бангора. Речь шла о кратковременной аренде площади с возможным продлением. Кроскилл подписал договор как доверенное лицо «Корпорации Тадуз». В это время молодой Лемке стоял возле двери, скрестив на груди свои мускулистые руки.

— Ну и как они позолотили вашу ручку? — спросил Билли.

— Извините, не понял? — Бифф вопросительно поднял брови.

— Ну как же? От меня пару сотен, возможно, от моей супруги и друзей — еще сотенку через агента Бартона, который побывал здесь. Да дело не в этом. Я просто хотел спросить — сколько цыгане дали вам на лапу. Так уж,

начистоту, Бифф, — ни с того, ни с сего хорошо руки погрел, верно, Бифф?

Некоторое время Бифф молчал. Потом, не отвечая на вопрос, закончил свою историю.

Кроскилл явился снова, чтобы закрыть договор. Он прибыл тринадцатого, а тут как раз позвонили из полиции и от Парсонса. Пошли жалобы от местных жителей. Шеф полиции решил, что пора цыганам убираться подальше. Парсонс хотел того же, но не прочь был позволить задержаться на денек-другой, если бы они повысили плату, скажем, долларов до пятидесяти за ночлег.

Кроскилл выслушал все это, покачал головой и ушел, не сказав ни слова. Бифф в полдень вдруг решил заглянуть на площадку у сгоревшего сарая. Подъехал как раз в тот момент, когда цыганский караван отправился в путь.

— Знаю только, что они направились к мосту Чемберлена. Вот и все. Почему бы и вам не отправиться в путь, Билл? Честно говоря, вы выглядите, как реклама отпуска в Биафре. У меня прямо мурашки по спине бегут, когда смотрю на вас.

Билли еще держал сигарету в пальцах, ограничившись всего одной затяжкой. Теперь он наклонился и загасил ее о бронзовое дерьмо. Тлеющие крошки посыпались на стол.

— Честно говоря, — сказал он Биффу, — я то же самое чувствую в отношении вас.

Ярость овладела им, и он торопливо покинул контору Биффа Куигли, чтобы не натворить чего-нибудь необдуманного. Вместо него могли заговорить его руки.

Было двадцать четвертое июня. Цыгане покинули Бангор по мосту Чемберлена тринадцатого числа. Он отставал на одиннадцать дней. Все ближе... ближе, но еще далеко.

Он обнаружил, что шоссе номер 15, начинающееся с моста, называлось также Бар Харбор Роуд. Не исключено, что предстояло отправляться в Бар Харбор. По пути он решил больше не общаться с агентами по продаже недвижимости и не останавливаться в отелях первого класса. Если люди Бартона его опережали, Кирк мог нанять еще больше сыщиков на его розыски.

Цыгане тринадцатого числа проехали сорок четыре мили до Эллсуорта. Там им разрешили расположиться у

выставочной территории. Потом они пересекли реку Пенобскот и направились в Бакспорт, где пробыли еще три дня, прежде чем продолжить путь вдоль побережья.

Все это Билли узнал двадцать пятого июня. Цыгане покинули Бакспорт во второй половине дня 19 июня.

Теперь он отставал от них всего на неделю.

Обстановка в Бар Харбore была действительно сумасшедшей, как и говорила ему официантка. Она сказала, что главное зрелище в городе — уличный карнавал. Все прибрежные города примерно одинаковы, но Бар Харбор их возглавляет. Вспомнил, как официантка говорила ему, что, бывало, проводила там время в июле-августе, но теперь старовата стала для таких прогулок.

Я тоже староват стал для таких городов, подумал Билли. Он сидел на скамейке в парке. На нем были хлопчатобумажные штаны, рубашка с короткими рукавами и с надписью: У БАНГОРА ЕСТЬ ДУША, и спортивный плащ, вешалкой которому служили его костлявые плечи. Он ел мороженое, привлекая немало любопытных взглядов.

Билли устал. Его тревожило то, что теперь он всегда чувствовал себя усталым, если только не испытывал ярости. Утром, когда припарковал машину, вышел и начал показывать фотографии, испытал вдруг опять кошмарное чувство *дежавю*, обнаружив, что штаны снова сползают с бедер. *Извините*, подумал он, — *с отсутствующих бедер*. То были вельветовые брюки, купленные им в магазине военно-морской одежды в Роклэнде. В пояснице брюки имели размер двадцать восемь дюймов. Продавец нервно заметил ему, что брюки все же великоваты для него, поскольку размер его талии скорее как у мальчика. Однако длина брюк сохранялась все той же — тридцать два дюйма. Для мальчиков таких длинных брюк не шьют.

Теперь он ел фисташковое мороженое, надеясь, что оно прибавит ему сил.

Билли пытался понять, почему этот маленький очаровательный городок, где так трудно припарковать машину и так тесно на тротуарах, вызывал в нем гнетущее чувство. Олд Оркард был вульгарен, но его вульгарность была прямолинейна и открыта. Там ты знал, что призы в

тирах — надувательство, сувениры разваливаются в руках, едва отойдешь на несколько шагов. Придется возвращаться к торговцу и спорить с ним, пока не вернет деньги. В Олд Оркарде многие женщины были староваты и почти все — толстые. Некоторые из них носили до неприличия маленькие бикини, но большинство — купальные костюмы 50-х годов. Когда они проплывали мимо тебя, раскачивая своими телесами, на ум приходили образы подводных лодок, плывущих под громадным давлением на большой глубине. Лопнет обшивка такой мадам, и весь жир попрет наружу.

В воздухе витали ароматы пиццы, мороженого, жареного лука. Время от времени видишь блюющего мальчишку, который слишком долго находился на карусели. Большинство медленно двигавшихся машин в Олд Оркарде, были старыми, подернутыми снизу ржавчиной, и слишком большими. У многих подтекало масло.

Олд Оркард был вульгарен, но при этом было что-то невинное в его откровенности. Вот этого и не хватало Бар Харбору.

Многое здесь было прямой противоположностью Олд Оркарду, словно проходишь сквозь зеркало. Мало видно старых женщин и совсем не видно толстых. Мало кто из женщин гуляет в купальных костюмах. Похоже, что униформой Бар Харбора были теннисные костюмчики, белые туфли, поблекшие джинсы, рубашки-регби или матроски. Билли увидел совсем немного старых автомобилей и еще меньше машин американских марок. Большинство — «сабы», «вольво», «датсуны», «БМВ», «хонды». И на всех — непременно наклейки с дурацкими надписями. Были здесь и велосипедисты, лавировавшие среди толпы прохожих и машин на дорогих десятискоростных велосипедах. Как правило, они носили поляризованные темные очки и козырьки от солнца. В ушах маленькие наушники: с отсутствующими улыбками эти создания слушали кассеты Сони Уокмена. В гавани виднелся лес мачт, правда, не очень густой, окрашенный не в тусклые тона рыбацких лодок, а сверкающий белизной яхт, которые после празднования Дня Труда отправлялись в сухие доки.

Публика, слоняющаяся по Бар Харбору, была, в основном, молодая, сообразительная, модно либеральная и богатая. Ночи напролет они проводили на гулянках и вечеринках. Билли кое-как доехал до мотеля «Френчмен Бэй» и до рассвета пролежал, слушая разноголосицу рока, доносившуюся из шести, а может быть, и восьми баров. В местной газете сводки об автомобильных авариях и нарушениях правил были впечатляющими и немного удручающими.

Билли подумал: *Хочешь знать, почему это место и эти люди производят на тебя удручающее впечатление? Я скажу тебе. Они учатся жить в таких городках, как Фэйрвью, вот почему. Закончат учебу, женятся на девушкиах, которые завершают их любовные приключения, и сядут на лантерн драйвах Америки. Там они будут надевать красные брюки, чтобы поиграть в гольф, и каждый канун Нового Года станет для них возможностью полапать чужих жен.*

— Да, это удручет, — пробормотал он, и проходившая мимо пара с удивлением обернулась на него.

Они все еще здесь.

Да, они еще находились где-то тут. Мысль оказалась столь естественной, что он не удивился и особенно не возбудился. Он отставал от них на неделю. Теперь они могли находиться в Маритаймсе или двигаться дальше вдоль побережья. Их прежний распорядок предполагал, что к данному моменту они уже уехали. Бар Харбор, разумеется, был неподходящим местом для пестрой толпы цыган, поскольку здесь даже сувенирные лавки выглядели дорогими.

Все верно. Кроме одного: они все еще находились здесь, и он это знал.

— Чую тебя, старик, — прошептал он.

Конечно же чуешь. Ты теперь должен их чуять.

Мысль на миг встревожила его. Он встал, выбросил остаток своего мороженого в мусорную корзину и отправился обратно к продавцу мороженого. Тот не слишком обрадовался, увидев, что Билли направляется к нему.

— Не могли бы вы мне помочь? — сказал Билли.

— Нет, уважаемый. Не думаю, — ответил торговец, и Билли заметил отвращение в его взгляде.

— Вас это может удивить. — Билли ощущал полное спокойствие и предрешенность. Не «дежавю», а именно предрешенность. Продавец мороженого хотел отвернуться, но Билли удерживал его взглядом. Он обнаружил в себе такую способность, словно сам начал обретать сверхъестественные способности. Он извлек фотографии, которые уже успели помяться и запачкаться и разложил их, как карты, на прилавке будки мороженщика.

Продавец посмотрел на них, и Билли не удивился, что тот их сразу узнал. Удовольствия от этого не было — только смутный страх, который испытываешь, когда местный наркоз начинает проходить. В воздухе отчетливо пахло морской солью, и чайки кричали над гаванью.

— Вот этот тип, — сказал продавец мороженого, зачарованно уставившись на снимок Тадуза Лемке. — Этот... — ну и кошмар.

— Они еще здесь?

— Здесь, — ответил продавец. — Думаю, что тут еще. Менты вытолкали их из города на второй же день, но им удалось арендовать место у фермера в Текноре. Это недалеко отсюда. Полицейские к ним прицепились из-за какой-то ерунды: разбитые задние фары и прочее. Они намек, видать, поняли.

— Благодарю вас. — Билли собрал фотографии.

— Еще мороженого хотите?

— Нет, спасибо. — Теперь страх стал вполне осознанным, но он был смешан с гневом, став обычным его настроением.

— Ну, тогда, может, пойдете своей дорогой, мистер? Вы бизнесу не способствуете.

— Да, полагаю, что не способствую.

Билли направился к своей машине. Усталость покинула его.

В тот вечер, в четверть десятого, Билли припарковал машину на обочине шоссе 37-а, которое уходило к северо-западу от Бар Харбора. Он оказался на вершине холма. Морской бриз шевелил его волосы, одежда развевалась и хлопала на ветру. Откуда-то сзади, издалека, доносились слабые звуки рока, открывавшие очередную вечеринку в Бар Харбре.

Внизу справа он увидел большой костер, окруженный автомашинами, фургонами, трейлерами. На фоне костра мелькали силуэты фигур, слышались звуки разговоров, смех.

Он их догнал.

Старик там ждет тебя, Билли. Он знает, что ты здесь.

Да. Да, конечно. Старик смог бы всю эту компанию отправить на край света, если бы пожелал. Но в этом для него было мало удовольствия. Он заманил Билли именно сюда. Именно этого он захотел.

Страх. Он, как струи дыма, блуждал по пустотам его тела, и таких пустот, казалось ему, становилось в нем все больше. Но и ярость жила там тоже.

Я этого хотел и, возможно, стану для него сюрпризом. Он ожидает от меня страха — наверняка. Злость — вот, что может стать сюрпризом.

Билли на мгновение обернулся и посмотрел на свой автомобиль, покачал головой. Потом начал спускаться вниз по травянистому склону к табору.

Глава девятнадцатая В ЦЫГАНСКОМ ТАБОРЕ

Он остановился за фургоном с изображением женщины и единорога — одна из множества теней, трепещущих от отблеска костра. Прислушался к их негромкому разговору, к взрывам смеха, к потрескиванию дров в костре.

Туда я выйти не могу, настаивал его рассудок. В этой настойчивости был страх, смешанный со стыдом. Нет, он больше не желал входить в концентрические круги их костра, вторгаться в их разговоры и личные дела. Ведь, в конце концов, он был виновником. Он...

И вдруг представил себе лицо Линды, услышал ее голос, умоляющий вернуться домой, ее плач по телефону.

Он был виновником, верно. Но не он один.

Вновь пробудилась ярость. Билли попытался прогнать это чувство, заглушить его, превратить во что-то более конструктивное — достаточно элементарной сурово-

сти — подумал он. Он вышел в промежуток между фургоном и универсалом, его туфли зашуршали по сухой траве, и направился прямо к ним.

Там, действительно, были концентрические круги: сначала машины, потом круг людей, сидящих вокруг костра, который горел в обложенном кругом камней углублении. Неподалеку в землю была воткнута срубленная ветка, на ней прикреплен желтый лист бумаги. Билли предположил, что это разрешение разводить костер.

Те, что помоложе, сидели на траве или на надувных матрасиках. Люди постарше сидели на алюминиевых раскладных стульях, оплетенных пластиком. Билли увидел старую женщину в шезлонге, обложенную подушками и прикрытую одеялом. Она курила самокрутку.

Три собаки, находившиеся по ту сторону костра, принялись лаять без особого энтузиазма. Один из молодых цыган резко оглянулся и распахнул жилетку, обнажив никелированную рукоятку револьвера в кобуре под мышкой.

— Энкельт! — резко сказал мужчина постарше, положив ладонь на руку молодого цыгана.

— Болде хар?

— Жуст дет — хан оч Тадуз!

Молодой парень посмотрел в сторону Билли Халлека, который теперь стоял среди них, совершенно неуместный в своем мешковатом спортивном плаще и городских туфлях. На лице цыгана отобразился не страх, но удивление и — Билли готов был поклясться в этом — сочувствие. Парень поднялся и быстро удалился, лягнув по пути пса и прикрикнув: «Энкельт!» Пес вякнул, и все три собаки разом умолкли.

Пошел за стариком, подумал Билли.

Он окинул взглядом всю компанию. Разговоры прекратились, все смотрели на него своими черными цыганскими глазами. *Вот так себя чувствуешь, когда на суде с тебя спадают штаны*, подумал он, но на самом деле все было совсем не так. Теперь, когда он оказался перед ними, сложные эмоции исчезли. Остались лишь страх и гнев, но и то, и другое лишено остроты — спрятавшейся в глубине разума.

И вот еще что: они вовсе не удивлены видеть тебя здесь... они совсем не поражаются твоему виду.

Значит, все было правдой. Никакая там не психологическая анорексия, никакая не экзотическая форма рака. Билли подумал, что даже Майкла Хустона убедили бы эти темные глаза. Они знали, что с ним случилось. Знали, почему это произошло. И знали, чем это закончится.

Они смотрели друг на друга — цыгане и тощий человек из Фэйрвью, Коннектикут. И вдруг без всякой причины Билли начал улыбаться.

Старуха, обложенная подушками охнула и сделала в его сторону жест, отгоняющий нечистую силу.

Послышались приближающиеся шаги, голос молодой женщины заговорил торопливо и сердито:

— Вад са хан! Оч плоцлигт браст хан дыббук. Папа! Алсклинг грат инте! Сналла дыббук! Та миг мамма!

Тадуз Лемке, в ночной рубашке, спускавшейся до его костлявых колен, босой, вышел в свет костра. Рядом с ним, в хлопчатобумажной ночной рубашке, обволакивающей ее соблазнительные бедра, была Джина.

— Та миг мамма! Та миг... — Она выхватила взглядом Билли, стоявшего в середине круга в мешковатом плаще и несоразмерных штанах. Вскинула руку в его направлении и вновь обратилась к старику, словно собираясь напасть на него. Остальные в бесстрастном молчании наблюдали за происходящим. В костре громко треснуло полено, рассыпав золотой фонтан искр.

— Та миг мамма! Ва дыббук! Та миг инте тилль мормор! Ордо! Ву дерлак!

— Са хон лагт, Джина, — ответил старик. Его голос и выражение лица были безмятежными. Одна корявая рука потянулась и погладила роскошные волны ее черных волос, ниспадавших до талии. Пока что он ни разу не взглянул на Билли. — Ви ска станна.

На миг она сникла, и несмотря на ее соблазнительную фигуру, Билли показалось, что перед ним совсем юная девочка. Затем она обернулась снова к нему с пылающим взглядом, словно подлили горючего в затухавший костер.

— Вы не понимаете нашего линго, мистер?! — крикнула она ему. — Я говорю моему старому папе, что убили

мою старую маму! Я говорю, что вы демон, и нам следует убить вас!

Старик положил ладонь на ее руку. Она стряхнула ее и бросилась к Билли, едва не ступив босой ногой в костер. Волосы разевались позади нее.

— Джина, ферклиген глад! — крикнул кто-то встревожено, но никто больше не издал ни звука. Ничуть не изменилось безмятежное выражение лица старика: он смотрел, как Джина приближается к Билли, словно родитель, наблюдающий за резвым ребенком.

Она плюнула ему в лицо громадным плевком, — видно, ее рот был полон слюны. Билли ощущал ее слюну даже у себя во рту. На вкус напоминало слезы. Она посмотрела на него в упор своими огромными глазами, и несмотря на все происшедшее, на все, что он утратил, Билли осознал, как хочет ее. И она это поняла — в черноте ее глаз горела ненависть.

— Если это может вернуть ее, плуй на меня, пока я не утону в плевках, — сказал он. Голос его на удивление прозвучал ясно и мужественно. — Но я не дыбук, не демон, не чудовище. То, что вы видите... — он поднял руки, и костер на миг просветил его одежду насквозь, сделав похожим на иссохшую белую летучую мышь... — это то, что я и есть.

На мгновение лицо ее отразило нерешительность, почти страх. Хотя слюна все еще стекала по его лицу, выражение ненависти покинуло ее глаза, и Билли мысленно поблагодарил за это.

— Джина! — Это Сэмюэл Лемке, жонглер. Он появился возле старика, застегивая пояс своих брюк. На нем была рубашка с короткими рукавами и портретом Брюса Спрингстина. — Энкельт мен тиллраклигт!

— Ты, ублюдочный убийца, — сказала она Билли и пошла обратно. Брат попытался обнять ее, но она оттолкнула его руку и исчезла во мраке. Старик обернулся ей вслед и только тогда наконец посмотрел на Билли Халлека.

Некоторое время Билли не мог отвести взгляда от отвратной дыры посредине лица Лемке, затем его взгляд остановился на глазах старика. Глаза древности? Кажется, так он их оценил? Они оказались чем-то более, нежели

древность, и... чего-то в них не хватало. Билли увидел в них пустоту. Пустота была их сущностью. Не поверхностный отблеск мысли, подобно отражению луны на темной водной глади. Пустота, столь же глубокая и полная, как пространства между галактиками.

Лемке указал кривым пальцем на Билли, и тот, как в полусне, медленно направился, огибая костер, к старику в темно-серой ночной рубашке.

— Ты знаешь ромалэ? — спросил Лемке, когда Билли остановился прямо перед ним. Голос его звучал интимно и тихо, но слышен был всему молчаливому табору. Тишину нарушало лишь потрескивание костра.

Билли покачал головой.

— Ромалэ — это ром. На роме таких, как ты, мы называем скуммаде игеном, что означает «белый человек из города».

Он улыбнулся, обнажив гнилые, потемневшие от табака зубы. Темная дыра, где прежде был нос, растянулась.

— Еще это означает «глупый подонок». — Теперь его глаза освободили Билли. Лемке, похоже, потерял к нему интерес. — А теперь уходи, белый человек из города. Тебе нечего делать у нас, и нам с тобой нечего тут делать. Если и было дело, то оно закончено. Возвращайся в свой город.

Старик отвернулся от него.

Какое-то время Билли стоял, разинув рот, смутно понимая, что старик загипнотизировал его, сделав это так же легко, как фермер, усыпляющий курицу, сунув ее голову под крыло.

И это ВСЕ?! — внезапно завопила часть его сознания. *Вся эта гонка, хождения, расспросы, кошмарные сны, все эти дни и ночи — и это все? Ты будешь стоять так, не говоря ни слова? Позволишь его называть себя глупым подонком и уйти спать?*

— Нет, это не все! — громко и грубо сказал Билли.

Кто-то удивленно и шумно вздохнул. Сэмюэл Лемке, который повел старика под руку к одному из фургонов, вздрогнув, обернулся. Спустя момент и старый Лемке повернулся к нему. На лице его было усталое любопытство. И на миг при свете костра Билли показалось, что Тадуз Лемке по-настоящему изумлен.

Молодой цыган с револьвером сунул руку за пазуху.

— Она очень красивая, — сказал Билли. — Джина.

— Заткнись, белый человек из города, — сказал Сэмюэл Лемке. — Я не желаю слышать имя моей сестры из твоих уст.

Билли проигнорировал его. Он смотрел на Лемке.

— Она твоя внучка? Правнучка?

Старик посмотрел на него изучающим взглядом, будто решая, есть тут что-то, или же просто ветер прошумел над пустынным местом. Потом снова отвернулся.

— А может, задержишься на минуту, пока я напишу адрес моей дочки?! — Билли повысил голос. Не было нужды повышать его сильно, чтобы придать ему сурово повелительный тон, отработанный на многих судебных процессах. — Она не так прекрасна, как твоя Джина, но мы считаем, что она прелестна. Может быть, они начнут переписываться на тему несправедливостей. Что скажешь на это, Лемке?! Смогут они потолковать на такую тему после того, как я буду так же мертв, как твоя дочь? Кто сможет разобраться, в чем на самом деле кроется несправедливость? Дети? Внуки? Минуточку! Я напишу адрес. Одну секунду. Я напишу его на обратной стороне твоей фотографии, которая у меня имеется. Если они не смогут разобраться, может, встретятся когда-нибудь и пристрелят друг друга, а потом уж их детишки попробуют во всем разобраться. Что думаешь на этот счет, старик? Видишь в этом больше смысла, чем в нынешнем дерьме?

Сэмюэл положил руку на плечо Лемке. Тот стряхнул ее коротким жестом и медленно направился к Билли. Теперь глаза старика были наполнены слезами ярости. Узловатые пальцы сжимались и разжимались. Все прочие наблюдали в гробовом молчании и страхе.

— Ты переехал мою дочь на дороге, белый человек, — сказал он. — Задавил мою дочь и... набрался такой... такой боржалие рулла явиться сюда и говорить свои слова в мои уши. Эй, я знаю, кто и что это сделал. Об этом я позаботился. Мы обычно поворачиваем и уезжаем из города. Да, обычно так и получается. Но иногда мы добиваемся правосудия. — Старик поднял корявую ладонь к глазам Билли и резко стиснул ее в кулак. Спустя мгновение из

кулака засочилась кровь. Толпа вдруг забормотала, загудела — не от страха или удивления, а в знак одобрения. — Правосудие рома, скуммаде игеном. О двух других я уже позабылся. Судья — он выбросился из окна две ночи назад. Он... — Тадуз Лемке щелкнул пальцами и дунул на верхний сустав большого пальца, как на одуванчик.

— Что, мистер Лемке, — это вернет назад твою dochь? Она вернулась, когда Кэри Россингтон упал из окна в Миннесоте?

Губы Лемке искривились.

— Она мне назад не нужна. Правосудие мертвых не оживляет, белый человек. Правосудие есть правосудие. Тебе лучше убраться отсюда, пока я еще что-нибудь с тобой не сделал. Думаешь, я не знаю, чем ты и твоя жена занимались? Думаешь, я не вижу? Я вижу. Спроси любого из них. Сто лет я уже вижу все.

Посыпался возрастающий шум в толпе табора.

— А мне наплевать, сколько времени ты видишь все, — сказал Билли. Он протянул руку и взял старика за плечо продуманным жестом. Посыпалось гневное мычание толпы. Сэмюэл Лемке торопливо пошел к нему. Тадуз Лемке повернулся голову и коротко сказал что-то на роме. Молодой цыган остановился в нерешительности. На лицах многих отразилось то же выражение нерешительности, но Билли этого не увидел. Он видел только Лемке. Он наклонялся к нему ближе и ближе, пока его собственный нос едва не коснулся кошмарной сморщенной, губкообразной впадины на лице старика.

— Подавись ты своим сраным правосудием, — сказал он. — Ты в нем понимаешь столько же, сколько я в реактивных двигателях. Сними с меня это.

Глаза Лемке уставились в глаза Билли — этой ужасающей пустотой.

— Убери руку, а то я сделаю еще хуже, — спокойно произнес он. — Настолько хуже, что ты сочтешь за благословение то, что я с тобой делал до сих пор.

На лице Билли вдруг появилась улыбка — жуткая улыбка скелета, полумесяц, положенный на спину.

— Ну, давай, действуй, — сказал он. — Попытайся. Но ты сам понимаешь: я знаю, что не сможешь.

Старик безмолвно смотрел на него.

— Потому что я сам себе помог, — сказал Билли. — Они были правы. Это — партнерство, разве не так? Партнерство проклявшего и проклятого. Мы с тобой вместе замешаны во всем. Хопли, Россингтон, ты и я. Но я признаюсь, дед. Моя жена мне сдрочивала в моем богатом автомобиле. Все так. Но твоя дочь вылезла между двух машин посреди квартала, как будто ворон считала. И это тоже правда. Если бы она шла по положенному переходу, была бы жива. Ошибка с обеих сторон. Но она умерла, и я не могу вернуть назад время. Так что одно другое уравновешивает. Не лучшим образом, но как-то уравновешивает. В Лас-Вегасе, старик, это называют «толчок судьбы». Вот тут и случился толчок. И давай на этом прекратим.

Страх возник в глазах Лемке, когда Билли начал улыбаться, но теперь он вновь сменился злобой, непоколебимой мощной злобой.

— Никогда не сниму этого, белый человек из города, — сказал Тадуз Лемке. — Умру с этим проклятием на губах.

Билли медленно наклонился еще, коснулся лбом лба Лемке, ощутил запах старика: запах чердачной паутины, табака и отдаленно — мочи.

— Ну, так и сделай все хуже. Валяй! Делай, как сделал со мной в первый раз, — благослови.

Лемке некоторое время смотрел на него, и вдруг Билли почувствовал, что теперь старик находится в ловушке. Внезапно Лемке обернулся к Сэмюэлю.

— Энкельт ав лакан оч канске алскале! Жуст дет!

Сэмюэл Лемке и парень с пистолетом под мышкой схватили Билли за плечи и отбросили прочь от старика. Грудь Тадуза Лемке быстро вздымалась и спадала, жи-денькие волосы выглядели растрепанными.

Он не привык, чтобы с ним говорили в гневе. Он не привык, чтобы его хватали, касались.

— Это и есть толчок, — сказал Билли, когда они оттаскивали его прочь. — Ты меня слышишь?

Физиономия Лемке страшно исказилась. Внезапно он стал выглядеть на все триста лет, кошмарный отщепенец прошлых веков.

— Нет толчка! — заорал он вдруг, потрясая кулаком в сторону Билли. — Нет никакого толчка! Ничего нет! Ты сдохнешь тощим, городской человек! Сдохнешь таким! — Он сложил вместе оба кулака, и Билли ощущил резкую боль в боках, словно эти кулаки ударили его. Некоторое время ему трудно было дышать, будто все его внутренности оказались стиснутыми. — Сдохнешь тощим!

— Это толчок, — упрямо проговорил Билли, пытаясь отдохнуть.

— Нет толчка! — заорал старик на грани визга. Ярость отпечаталась узкими полосками крови на его щеках, похожими на паутину. — Уберите его отсюда!

Его потащили прочь из круга, а Тадуз Лемке остановился и наблюдал. Он подбоченился и лицо его приняло выражение каменной маски.

— Прежде чем меня утащат, старик, — заорал Билли, — знай, что мое проклятие падет на твою семью! — Несмотря на боль в боках, голос его звучал мощно и в то же время спокойно, с достоинством. — Проклятие белого человека из города!

Ему показалось, что глаза старика стали шире. Заметил, как старуха среди подушек снова отогнала нечистую силу.

Двое парней, тащивших Билли, приостановились. Сэмюэл Лемке коротко захохотал. Видимо, насмешила идея того, что преуспевающий юрист из Фэйрвью, Коннектикут, проклял человека, который был, возможно, самым старым цыганом Америки. Билли над тем же посмеялся бы пару месяцев назад.

Однако Тадуз Лемке не смеялся.

— Думаешь, такие люди, как я, не имеют силы наложить проклятие?! — спросил Билли. Он прижал обе ладони к лицу и медленно растопырил костлявые пальцы. Выглядел, как артист, закончивший странное представление и ждущий аплодисментов. — У нас есть сила. Мы умеем проклинать, когда начинаем этим заниматься, старик. Не заставляй меня начинать.

Позади старого цыгана что-то задвигалось: мелькнула ночная рубашка, черные волосы.

— Джина! — крикнул Сэмюэл.

Билли увидел, как она вышла в круг света. Увидел, как она подняла рогатку, натянула резину и изящным жестом отпустила ее. Мельком заметил жидкий блеск в ночном воздухе, когда стальной шарик пролетел к нему.

Резкая боль обожгла левую руку, но тут же прошла. Услышал, как звякнул шарик, отскочив от железного фургона. Билли поднес ладонь к глазам и вдруг обнаружил, что видит разъяренное лицо девушки не между пальцев, а через ладонь, сквозь аккуратную ровную дыру в ней.

Она прострелила меня из рогатки, подумал Билли. *Господи Иисусе, из рогатки!* Из дырки хлынула кровь, черная, как вар, при свете костра. Она залила рукав его спортивного плаща!

— Энкельт! — пронзительно крикнула она. — Убирайся отсюда, эйелак! Убирайся, убийца проклятый!

Она отбросила рогатку. Та упала возле костра — белая, как раздвоенная грудная кость некой фантастической птицы, между рогульками — черная нашлепка для одноглазого. Потом с криками Джина убежала прочь.

Возле костра никто не шелохнулся. Неподвижно стояли два молодых парня, старик и сам Билли. Хлопнула дверь и крики Джины утихли.

А боли все не было.

Внезапно Билли, сам того не осознавая, протянул окровавленную руку к Лемке. Старик отшатнулся, сделав знак против нечистой силы. Билли сжал пальцы, как это сделал Лемке, и кровь закапала из кулака, как перед тем у старика.

— Проклятие белого человека на тебе, мистер Лемке. О нем не пишут в книгах, но я говорю тебе — оно действует. Ты поверишь этому. Обязательно поверишь.

Старик закричал на роме, разразился целым потоком непонятных слов. Билли рванули назад так, что шея слегка хрустнула, а ноги потеряли опору.

Они бросят меня в костер. Боже, они меня изжарят живьем...

Вместо этого его понесли туда, откуда он появился, через круг. Люди шарагались от него, падали со стульев и отползали прочь. Его пронесли между двумя пикапами, мимо фургона, из которого доносился звук телевизора с записью дружного смеха статистов.

Человек в жилетке что-то буркнул, Билли раскачали, как мешок зерна (с большим недовесом), и бросили. Он пролетел и со стуком упал на траву позади круга автомобилей. Это оказалось куда больнее раны в ладони. Кости внутри него, как ему показалось, затрещали. Попытался тут же подняться и не смог. В глазах мелькали белые вспышки. Билли застонал.

Сэмюэл Лемке направился к нему. Красивое лицо парня было совершенно лишено какого-либо выражения. Он вынул из кармана джинсов какой-то предмет. Билли показалось — что-то вроде палки. Но предмет оказался гораздо меньше: когда Лемке раскрыл его, оказалось, что это бритва.

Он протянул к молодому цыгану окровавленную ладонь, и Лемке остановился в нерешительности. На его бесстрастном лице появилось выражение, которое Билли тотчас распознал. Знакомое ему выражение по собственной физиономии, когда в ванной смотрелся в зеркало. Страх.

Напарник что-то пробормотал ему.

Лемке несколько мгновений колебался, глядя вниз на Билли, затем сложил бритву. Он плонул в сторону Билли. Оба повернулись и зашагали прочь.

Некоторое время Билли Халлек лежал на траве, пытаясь сообразить, что же произошло, упорядочить сумятицу в голове... Бесполезно в такой ситуации. Рука словно заговорила о том, что случилось: пошли пульсирующие удары боли. Он понял, что это только начало, боль станет скоро невыносимой. Если только они не вернутся и не прикончат его. Тогда всякая боль прекратится навсегда.

Мысль заставила его двигаться. Он перевалился на бок, поджал колени к впадине живота. Несколько мгновений лежал, прижавшись щекой к утоптанной жесткой траве, пытался унять возникшее головокружение и тошноту. Когда чуть полегчало, поднялся на ноги и побрел вверх по холму, туда, где стоял его автомобиль. Пару раз Билли упал. Во второй раз решил, что ему не подняться. Однако каким-то образом снова встал: подстегнула мысль о Линде, безмятежно спящей в своей постели. Боль в ладони пульсировала сильнее, будто некая черная инфекция по-

жирала края раны, увеличивая ее, пробираясь дальше по руке к локтю.

Спустя вечность он добрался до арендованного «Форда» и начал искать ключи. Они оказались в левом кармане, и пришлось добывать их правой рукой.

Когда машина завелась, некоторое время Билли приходил в себя. Левая рука лежала у него на колене, как подстреленная птица. Посмотрел на круг машин у костра и вдруг в голове возникли слова некогда популярной песни о том, как цыганка танцевала у костра, как она была прекрасна и очаровывала.

Он поднес ладонь к глазам и сквозь дыру в ней увидел зеленый огонек на приборном щитке.

Была прекрасна и очаровала меня, подумал Билли и тронул с места автомобиль. Почти абстрактно подумал — сможет ли добраться до мотеля «Френчменс Бэй»?

Каким-то образом добрался.

Глава двадцатая

118

— Уильям? Что случилось?

Голос Джинелли, невнятный спросонок, готовый к раздраженной реплике, теперь зазвучал резко и встревожено. Билли разыскал его домашний телефон в своей записной книжке под записью «Три Брата». Набрал номер без особой надежды, даже уверенный в том, что за прошедшие годы он поменялся.

Левая ладонь, обернутая в платок, лежала на колене и напоминала ему нечто вроде радиостанции, передающей пятьдесят тысяч ватт боли. При малейшем движении агонизировала вся рука. Лоб Билли покрылся потом, перед глазами мелькали образы распятия.

— Прости, что звоню тебе домой, Ричард, — сказал он. — Да еще в такое позднее время.

— Хрен с ним. Что случилось?

— Ну... прежде всего мне прострелили ладонь... этим... — Он заворочался и тотчас в руку стрельнула

ошеломляющая боль. Билли стиснул зубы. —... Шариком от подшипника.

Молчание в трубке.

— Понимаю, как это звучит, но все правда. Женщина использовала рогатку.

— О, Боже! Что... — В трубке слабо послышался женский голос. Джинелли коротко ответил ей по-итальянски и снова заговорил в трубку. — Это не шутка, Уильям? Какая-то сука прострелила тебе ладонь из рогатки?

— Я бы не стал звонить людям в... — Он посмотрел на часы, снова испытав волну боли в руке... — в три часа, чтобы пошутить. Я сидел здесь уже часа три, пытаясь дождаться более цивилизованного часа, но уж очень больно... — Он коротко хохотнул: болезненный и беспомощный звук. — Очень больно.

— Это имеет отношение к тому разговору, когда ты звонил?

— Да.

— Цыгане?

— Да, Ричард.

— Ах вот оно что! Ладно. Обещаю тебе одну вещь. Больше они к тебе цепляться не будут.

— Ричард, я не могу пойти к доктору с этим, а боль... боль невыносимая. — *Не то слово*, подумал Халлек. — Не мог бы прислать мне что-нибудь? Может, Федеральным Экспрессом? Что-нибудь болеутоляющее.

— Где ты находишься?

Билли некоторое время колебался. Все, кому он доверял, решили, что он сошел с ума. Не исключено, что его жена и босс успели засечь его и в этих краях, и предпримут быстрые меры, чтобы вернуть Билли в штат Коннектикут. Выбор оказался простой и полный иронии: либо довериться этому бандиту, промышлявшему наркотиками, которого не видел целых шесть лет, либо полностью сдаться. Закрыв глаза, он сказал:

— Я в Бар Харборе, штат Мэн. Мотель «Френчменс Бэй», тридцать седьмой номер.

— Секундочку.

Джинелли снова отодвинул трубку. Билли услышал, как он заговорил по-итальянски. Глаз не открывал. Джинелли заговорил снова:

— Моя жена тут сейчас кое с кем связывается для меня, — сказал он. — Сейчас разбудим кое-каких ребят в Норуоке. Надеюсь, будешь доволен.

— Ты настоящий джентльмен, Ричард, — сказал Билли. Слова дались ему с трудом, пришлось прокашляться. Ему стало холодно, а губы пересохли. Попытался их облизнуть, но во рту тоже было сухо.

— Ты лежи спокойно, мой друг, не суетись, — сказал Джинелли. В голосе снова была тревога, озабоченность. — Ты меня слышишь? Очень спокойно лежи. Можешь завернуться в одеяло. В тебя стреляли. Ты в шоке.

— Да брось ты, — сказал Билли и снова усмехнулся. — Я уже два месяца в шоке.

— Ты о чем это?

— Не важно.

— Ну, хорошо. Но нам надо потолковать, Уильям.

— Да.

— Я... А ну подожди минутку. — Снова разговор на итальянском. Халлек закрыл глаза и прислушался к толчкам боли. — К тебе придет человек с болеутоляющими средствами, — сказал Джинелли. — Он...

— Ну, зачем же, Ричард? Я только...

— Не указывай мне, что я должен делать, Уильям. Только слушай. Его зовут Фандер. Он не врач, вернее — больше не врач. Но он осмотрит тебя и решит, нужны ли тебе антибиотики помимо болеутоляющего. До рассвета он появится, я думаю.

— Ричард, я просто не знаю, как тебя благодарить, — сказал Билли. По щекам его потекли слезы, и он рассеянно утер их правой ладонью.

— Понятно, что не знаешь, — сказал Джинелли. — Помни: не суетиться, лежать спокойно.

Фандер прибыл еще до шести утра. Это был маленький человек с ранней сединой, в руке сумка сельского врача. Он посмотрел на костлявое, истощенное лицо Билли внимательным взглядом. Не сказав ни слова, развернул

платок на ране, и Билли пришлось зажать рот правой ладонью, чтобы не вскрикнуть от боли.

— Поднимите ее, — сказал Фандер. Билли поднял руку. Она заметно опухла, кожа натянулась и блестела. Некоторое время Фандер и Билли смотрели друг на друга сквозь дыру в ладони, окаймленную черной запекшейся кровью. Фандер извлек из саквояжа одоскоп и просветил рану со всех сторон, потом выключил лампочку.

— Чисто и аккуратно, — сказал он. — От шарика из подшипника меньше шансов на инфекцию, чем от свинцового заряда. — Он сделал паузу, размышая. — Если только эта девица не подержала шарик в какой-нибудь, м-м... гадости.

— Утешительная идея, — пробормотал Билли.

— Мне платят не за утешения, — холодно сказал Фандер. — Особенно когда поднимают среди ночи с постели. Пришлось переодеться уже в самолете на высоте одиннадцати тысяч футов. Так, говорите, был стальной шарик?

— Да.

— Тогда, видимо, ничего страшного. Шарик в растворе держать толку мало. Сталь яд не удержит. Это не то что индейцы Дживаро, которые отмачивают наконечники своих стрел в яде куаре. К тому же, если это была неожиданная встреча, вспышка эмоций, как вы говорите, женщина и не успела бы покрыть шарик ядом. Рана заживет без осложнений. — Он подготовил эластичный бандаж и дезинфектант. — Я вам обработаю рану, забинтую и наложу бандаж. Будет очень больно, но поверьте, еще больнее станет, если я оставлю рану такой, как она есть.

Он еще раз оценивающе посмотрел на Билли. Это не был взгляд сострадающего врача, а скорее холодный взгляд врача, делающего аборты, подумал Билли.

— Эта рука будет вашей самой мелкой проблемой, если вы не начнете хорошо питаться.

Билли промолчал.

Фандер еще некоторое время изучал его взглядом, затем приступил к обработке раны. Теперь говорить стало просто невозможно: уровень боли в его фантазии возрос

с пятидесяти тысяч ватт до двухсот пятидесяти тысяч одним скачком. Зажмурив глаза и стиснув зубы он ждал, когда кончится эта мука.

Наконец все было кончено. Он сидел, положив забинтованную руку на колено, и наблюдал, как Фандер укладывает свой саквояж.

— Помимо всего прочего, — сказал он, — ваше истощение создаст дополнительные проблемы. Вам больнее, чем человеку нормального веса. Давать вам дарвон или дарвоцет не могу, поскольку они могут погрузить вас в коматозное состояние или вызвать сердечную аритмию. Сколько вы весите, мистер Халлек? Сто двадцать пять?

— Что-то вроде того, — пробормотал Билли. В ванной номера были весы, и он на них встал прежде, чем отправиться в цыганский табор. Стрелка остановилась на 118. Вся эта беготня под палящим зноем ускорила похудание.

Фандер неодобрительно кивнул.

— Я дам вам сильнодействующий эмпирин. Примете только одну таблетку. Если за полчаса не уснете, и боль будет очень беспокоить, примете еще одну. И так — дня три-четыре. — Он покачал головой. — Пролетел шестьсот миль, чтобы выдать человеку флакон эмпирина. Просто невероятно. Жизнь полна сюрпризов. Но учитывая ваш вес, даже эмпирин может оказаться опасен. Вам бы детский аспирин принимать.

Фандер извлек из сумки еще один маленький флакон без надписи.

— Ореомицин, — сказал он. — Будете принимать каждые шесть часов. Но учтите, мистер Халлек, если начнется расстройство желудка, немедленно прекратите прием антибиотиков. В вашем состоянии расстройство желудка убийственнее любой инфекции.

Он защелкнул свой саквояж и поднялся.

— И еще один маленький совет, который, правда, не имеет никакого отношения к вашим приключениям в сельской местности Мэна. Добудьте как можно скорее таблетки калия и принимайте их по две штуки в день — одну утром, другую — перед сном. Они продаются в аптеках вместе с витаминами.

— Зачем?

— Если потеря веса продолжится, у вас вскоре начнется сердечная аритмия. Эта аритмия происходит от радикального уменьшения содержания калия в организме. Возможно, это и убило Карена Карпентера. Всего хорошего, мистер Халлек.

Фандер собрался. Некоторое время он стоял на пороге, глядя в ту сторону, откуда в утренней тишине доносился шум океана.

— Вам следует немедленно отменить голодовку, мистер Халлек, — сказал он, не оборачиваясь. — Мир, в общем-то, куча дерьма. Но он может быть и очень красивым.

Фандер направился к голубому «шевроле» и уселся на заднее сиденье. Билли провожал его взглядом, стоя в дверях.

— Я пытаюсь избавиться от этой напасти, — сказал он вслед удаляющемуся автомобилю. — Делаю все возможное.

Он закрыл дверь и медленно подошел к столику. Посмотрел на пузырьки с лекарствами и подумал — как же их открыть одной рукой?

Глава двадцать первая ДЖИНЕЛИ

Билли заказал в номер приличный обед. Есть совершенно не хотелось, но он постарался съесть все без остатка. Покончив с едой, рискнул принять сразу три таблетки эмпирина. Подумал: как-никак, а таблетки ложатся на жаркое, сандвич с индейкой, и на порядочный ломоть яблочного пирога, который, правда, скорее напоминал по вкусу асфальт.

Таблетки подействовали. Сначала передатчик боли в руке понизил свою мощность до пяти тысяч ватт, затем последовала серия кошмарных снов. Через весь сон шла, пританцовывая, обнаженная Джина, на ней были надеты только золотые серьги в виде больших колец. В следующем сне он полз по длинной дренажной трубе к круглому пятну дневного света, который непонятным образом оставался все на том же далеком расстоянии. Что-то кралось следом за ним, преследовало пугающее ощущение

ние, что его настигает крыса. Но крыса необыкновенно большая. И вдруг он выбрался из трубы. Однако ошибся, подумав, что, наконец, спасен, потому что вылез он в вымирающий от голода Фейрвью. Повсюду валялись трупы, кое-где целые груды. Ярд Стивенс лежал, распластавшись, посреди городского сада, и парикмахерские ножницы глубоко вонзились в то, что осталось от шеи. Дочь Билли стояла, прислонившись к фонарному столбу, и представляла собой что-то вроде остава с соединенными суставами, одетого в праздничный красно-белый костюмчик мажоретки. Невозможно было определить — мертва она, как остальные, или пребывает в коматозном состоянии. Стервятник, замахав крыльями, опустился на ее плечо. Когти сжались, голова вытянулась вперед. Гниющим клювом птица вырвала клок волос из ее головы. Окровавленный ошметок скальпа прилип к корням волос, как земля к корню вырванного растения. Она не была мертвой — Билли услышал ее стон, увидел, как пошевелились руки Линды. Он обнаружил, что в его руках рогатка, но заряжена она была не стальным шариком, а стеклянным грузом для бумаг, который обычно лежал на столе в холле их дома в Фейрвью. Внутри груза виден был какой-то изъян, похожий на черно-синюю молнию. Линда в детстве часто зачарованно разглядывала эту безделушку. Билли выстрелил стеклянным грузом в птицу. Промахнулся, а птица обернулась Тадузом Лемке. Послышались какие-то глухие удары, и Билли подумал, что, возможно, началась фатальная аритмия его сердца. *Я никогда не сниму с тебя его, белый человек из города*, сказал Лемке, и вдруг Билли очутился совсем в другом месте, а глухой стук продолжался.

Он с глупым видом осмотрелся в номере мотеля, решив, что это всего лишь очередное место действия его сна.

— Уильям! — позвал его кто-то с другой стороны двери. — Ты здесь? Открывай, а то я вышибу дверь! Уильям! Уильям!

О'кей, попытался сказать он, но ему не удалось из себя выдавить ни звука. Рот пересох, губы прилипли к деснам. Тем не менее он испытал чувство огромного облегчения. Это был Джинелли.

Н. МАРОНОВ 93

— Уильям! Уиль... ах ты, мать твою так! — последние слова он пробормотал для себя и ударил плечом в дверь.

Билли встал, его повело, он не смог даже сфокусировать взгляд. С легким треском разжались губы.

— Все в порядке, — удалось наконец вымолвить. — Порядок, Ричард. Я здесь. Я проснулся.

Он пересек комнату и открыл дверь.

— Господи, Уильям, я подумал, что ты...

Джинелли прервался на полуслове и уставился на него. Его карие глаза становились все шире и шире. Билли подумал: *Сейчас он убежит. Когда так смотришь на кого-то или что-то, непременно убежишь, едва оправившись от шока.*

Джинелли поцеловал большой палец правой руки и перекрестился.

— Ну, ты меня впустишь, Уильям?

Джинелли принес лекарство получше, чем Фандер, — виски «Чивас». Он извлек бутылку из кожаного портфеля и немедленно налил в два бокала. Поднял свой и коснулся краешком бокала Билли (не бокалы, а обычные для мотелей пластмассовые стаканы).

— За более счастливые денечки, — сказал он. — Как насчет выпить?

— Отлично, — сказал Билли и опрокинул стакан в рот, проглотив все одним махом. После обжигающего взрыва в желудке пламя быстро перешло в мягкое мерцание. Он извинился и вышел в туалет. Нужды идти в туалет не было, просто не хотел, чтобы Джинелли увидел, как он плачет.

— Что он тебе сделал? — спросил Джинелли. — Отравил еду?

Билли расхохотался. Впервые за долгое время смеялся так от души. Сел в кресло и хохотал, пока слезы снова не потекли из глаз.

— Как я люблю тебя, Ричард, — сказал он, когда смех постепенно сошел на нет, перейдя на отдельные хихиканья и хмыканья. — Все, включая мою жену, думают, что я сошел с ума. Последний раз, когда мы с тобой виделись, у меня было сорок фунтов лишнего веса. И вот посмотри теперь. Репетириую, понимаешь, роль огородного пугала для новой постановки «Волшебника Изум-

рудного Города». И первое, что слышу от тебя: отравил ли он мне еду?

Джинелли нетерпеливо отмахнулся от полуистеричного смеха, равно как и от комплимента. Билли подумал: *Лемке и Джинелли мыслят одинаково. Когда речь идет о мести и ответной мести, они теряют чувство юмора.*

— И что — отравил?

— Думаю, что-то вроде этого.

— Сколько ты веса потерял?

Глаза Билли обратились к зеркалу во всю стену. Кажется, у Джона Д. Макдональда он читал, что в современных американских мотелях каждая комната напичкана зеркалами, хотя большинство постояльцев — толстые бизнесмены, которые не проявляют интереса к лицезрению самих себя в голом виде. Он, правда, был в диаметрально противоположном состоянии, но вполне мог понять антизеркальные настроения. Подумал: все дело в его лице... нет, не только. Размер черепа остался тем же, только венчал он столь хилую структуру, что напоминал перезревший большой подсолнух.

Я никогда не сниму с тебя его, белый человек из города, вспомнил он слова старика.

— Так какой вес, Уильям? — переспросил Джинелли. Голос его был спокойным, даже мягким, но глаза странно и загадочно блестели. Билли никогда раньше не замечал такого блеска в глазах других, и это вызвало некоторую нервозность.

— Когда это началось, — когда я вышел из здания суда и старик коснулся меня, я весил двести пятьдесят фунтов. Нынче утром взвесился до обеда — было сто шестнадцать. Ну, то есть... сто тридцать четыре фунта.

— Иисус и Дева Мария, и Иосиф-плотник с Бруклинских Высот, — прошептал Джинелли и снова перекрестился. — Он коснулся тебя?

Вот теперь он и уйдет. На этом месте все уходят, подумал Билли. Мелькнула дикая мысль сорвать или сымпровизировать сумасшедшую историю о систематическом отравлении пищи. Но если когда-либо и было время для вранья, то теперь его не имелось. Ушло такое время. Если Джинелли сейчас выйдет, он выйдет с ним

и проводит его хотя бы до автомобиля. Откроет ему дверцу и от души поблагодарит за посещение. Он отблагодарит его за то, что Джинелли выслушал его среди ночи и отправил к нему немедленно того странного доктора, а затем и сам прилетел. Но главным образом горячая благодарность была вызвана тем, что Джинелли не убежал после того, как посмотрел на него на пороге широко раскрытыми глазами.

Ладно уж, выкладывай ему всю правду. Он говорит, что верит только в пистолеты и деньги, и, видимо, так оно и есть. Но правду ты ему скажи, потому что это единственный способ отблагодарить такого человека.

Он коснулся тебя? спросил Джинелли, и хотя вопрос прозвучал только что, время в испуганном, смятенном мозгу Билли растянулось. Теперь он произнес самое трудное:

— Он не только коснулся меня, Ричард. Он наложил на меня проклятье.

Подождал — не исчезнет ли сумасшедшая искорка в глазах Джинелли. Ждал, когда Джинелли посмотрит на свои часы и подцепит рукой чемоданчик. *Время летит, дорогой, верно? Я бы не прочь задержаться и потолковать с тобой насчет этого проклятья, Уильям. Но, понимаешь, телятина «марсала» стынет в «Трех Братьях», и...*

Искорка не угасла, а Джинелли не поднялся. Он положил ногу на ногу, поправил складочку на брюках, вытащил пачку «Кэмела» и закурил сигарету.

— А теперь выкладывай все, — сказал он.

Билли Халлек рассказал Джинелли абсолютно все. Когда он закончил, в пепельнице лежали четыре окурка «Кэмела». Джинелли, как загипнотизированный, смотрел в глаза Билли. Наступила долгая пауза. Неловкая пауза. Билли хотелось ее нарушить, но он не знал, как. Кажется, все слова исчерпал.

— Вот это он с тобой и сделал. — Джинелли слегка махнул ладонью в сторону Билли.

— Да. Честно говоря, не ожидал, что ты мне поверишь. Но так оно и есть.

— А я верю, — сказал Джинелли слегка рассеянно.

— Неужто? Что случилось с парнем, который верил только в пистолеты и деньги?

Джинелли сначала улыбнулся, потом расхохотался.

— Это я сказал тебе, когда ты мне позвонил последний раз?

— Да.

Улыбка быстро сошла с лица.

— Есть еще одна вещь, в которую я верю, Уильям. Я верю в то, что вижу. Вот почему я относительно богатый человек. И вот почему я еще жив... Большинство людей не верят в то, что видят своими глазами.

— Не верят?

— Нет, представь себе. Не верят, пока увиденное не совпадет с тем, во что они верят. Вот, кстати, знаешь, что я увидел в аптеке, куда хожу? Буквально на прошлой неделе увидел.

— Что?

— Они там поставили аппарат для измерения давления крови. Иногда они их продают, а тут — для бесплатного пользования. Засунул руку в петлю, нажал кнопку, петля затягивается. Ты сидишь там, размышляя безмятежно, а потом — пожалте: вспыхивают красные цифры. Смотришь на указатель: «пониженное», «повышенное», «нормальное». Усек?

Билли кивнул.

— О'кей. Вот стою я там и жду, когда мне принесут бутылку лекарства, которое моя матушка принимает от язвы. И тут заходит мужик, ну, так, на двести пятьдесят весом. Жопа — словно две собаки взяются под одеялом. На носу — карта всех кабаков, где он надирался, то же самое на остальной роже. Из кармана торчит пачка «Мальборо». Взял пакетики поп-корна, а потом заметил эту машинку. Сел к ней, ну и машинка ему все выдала: двести двадцать на сто тридцать. Я, знаешь, нешибко силен в медицине, Уильям, но знаю, что двести двадцать на сто тридцать это еще то давление. Все равно что ходить с дулом пистолета в ухе. Верно я говорю?

— Точно.

— Так что же этот хмырь делает? Смотрит на меня и говорит: «Все эти цифровые хреновины без конца лома-

ются». Заплатил за свою кукурузу и потопал. А знаешь, какая мораль у этой истории, Уильям? Некоторые... да что некоторые? — большинство не верят в то, что видят, особенно если это мешает им жрать, пить, думать или верить, понял? Я вот, к примеру, в Бога не верю. Но если увижу его, поверю, как пить дать. И не буду ходить и говорить, что, дескать, Иисус — это особые эффекты. Определение полного мудака, я считаю, это когда кто-то не верит в то, что видит. Можешь теперь меня цитировать.

Билли некоторое время смотрел на него в раздумье, потом рассмеялся. Спустя мгновения Джинелли присоединился.

— В общем, когда ты ржешь, я узнаю прежнего Уильяма, — сказал он. — Но вопрос теперь в том, что нам делать с этим старым засранцем?

— Не знаю. — Билли снова коротко рассмеялся. — Но я думаю, мне что-то предпринять нужно. Ведь я-то его тоже проклял, понимаешь.

— Да, ты сказал. Проклятье белого хмыря из города. Если учесть, что все эти белые хмыри из всех городов натворили за последние пару сотен лет, серьезная штука... — Джинелли сделал паузу, закуривая очередную сигарету. Пустив облачко дыма, он вдруг сказал: — А я могу его крепко скрутить.

— Да нет, это... — начал было Билли и тут же закрыл рот. Представил себе Джинелли, подошедшего к старику и бьющего ему в глаз. Тут же сообразил, что Джинелли имел в виду нечто куда более серьезное. — Нет, тебе не удастся, — заключил он.

Джинелли то ли его не понял, то ли сделал вид.

— Еще как могу. И, пожалуй, никто, кроме меня. Тут я бы никому не доверил дело. Но могу сделать не хуже, чем когда мне было всего двадцать лет. Для меня это совсем не бизнес. Это — удовольствие, понимаешь? Развлечение.

— Ну, нет, я не хочу, чтобы ты там кого-то убивал — хоть его, хоть кого-то другого, — сказал Билли. — Я серьезно...

— А почему бы и нет? — спросил Джинелли спокойно. Но в его глазах Билли видел все те же сумасшедшие

искорки. — Ты опасаешься стать соучастником убийства? Но убийства не будет — всего лишь самозащита. Потому что он убивает тебя, Билли. Еще неделя, дорогой мой, и люди сквозь тебя начнут читать объявления, не прося посторониться. Ты понял?! Пара недель, и ты побоишься выйти на улицу, чтоб тебя ветром не унесло!

— Твой этот медик говорил, что я могу помереть от сердечной аритмии еще до того, как меня ветром унесет. Видно, сердце-то у меня тоже теряет в весе, как и все остальное. — Халлек сглотнул. — А знаешь, мне до сих пор такое и в голову не приходило. Хм... убить? Защищаясь?

— Вот именно. Он тебя убивает... ладно, хрен с ним. Ты не хочешь, чтобы я его пришил. Я его не трону. Идея в общем-то вшивая. Она не решит...

Билли кивнул головой. Ему пришла в голову та же мысль. *Сними с меня это*, сказал он Лемке. Даже белые люди из города понимали, о чем идет речь, что нужно предпринять. Если Лемке умрет, проклятье просто-напросто исчезнет.

— Проблема в том, что назад удара не вернешь, — сказал Джинелли в раздумье.

— Не вернешь, — согласился Билли.

Джинелли загасил окурок и поднялся.

— Мне надо крепко подумать, Уильям. Очень крепко... И мне нужен хороший отдых для мозгов. Знаешь, когда в башке такая путаница и расстройство, ни до чего дельного не докумекаешь. А когда я смотрю на тебя, мне охота немедленно взять большую пробку и заткнуть дыру в носу тому засранцу.

Билли тоже встал, но чуть не свалился при этом, Джинелли вовремя поддержал его. Тот ухватился за него здоровой рукой. Не помнил, когда еще в жизни так хватался за мужчину.

— Спасибо тебе, дорогой, за то, что посетил меня, — сказал Билли. — И за то, что поверил.

— Ты славный парень, — сказал Джинелли, отпуская его. — Попал, конечно, в скверную ситуацию, но, может, нам удастся тебя вытянуть. В любом случае эту старую гадину мы обложим. Я сейчас выйду и прогуляюсь пару часиков, Билли. Надо мозги прочистить и продумать

кое-какие идеи. Кроме того, мне нужно кое-куда позвонить в город..

— Насчет чего?

— Потом скажу. Прежде всего мне надо подумать. Не пропадешь тут?

— Все в порядке.

— Ты ложись-ка. А то лицо совсем белое стало.

— Хорошо. — Его тут же начало клонить в сон. Хотелось спать и отдохнуть, потому что чувствовал себя смертельно усталым.

— Кстати, девка, которая в тебя стрельнула, — ничего так?

— Потрясающая.

— Даже так? — В глазах Джинелли с новой силой вспыхнул странный огонек. Это вызвало у Билли тревогу.

— Хороша...

— Ложись, Билли. Поспи. Я приду попозже. Ничего, если я ключ возьму?

— О чём речь...

Джинелли вышел. Билли лег в постель и аккуратно положил рядом перевязанную руку, понимая, что, если повернется во сне и надавит на нее, проснется от боли.

Может быть, это его хохма, подумал Билли. Может быть, он сейчас звонит Хейди. А когда я проснусь, у подножия постели будут сидеть люди с большими сетчатыми ловушками. Они, наверно...

Он быстро заснул и ни разу не потревожил больную руку.

На сей раз не было страшных снов.

Когда проснулся, людей с сетчатыми ловушками в комнате не было. Напротив него в кресле сидел Джинелли и читал книжку «Это дикое похищение», попивая пиво из жестянки. За окном была темень.

На телевизоре стояли еще четыре банки. Билли облизнул губы.

— Мне бы тоже баночку, — проскрипел он.

Джинелли посмотрел на него.

— Ага! Рип ван Винкль вернулся к жизни. О чём речь! Сейчас открою тебе одну.

Он поднес Билли банку пива, и тот выпил ее всю единственным махом. Хорошее, прохладное пиво. Потом ссыпал

в пепельницу содержимое флакона эмпирина (подумал: пепельниц в мотелях куда меньше, чем зеркал, но все же хватает). Выудил одну таблетку и запил ее пивом.

— Как рука? — спросил Джинелли.

— Получше. — Отчасти это было ложью. Рука сильно болела. Но с другой стороны, это было и правдой. Потому что Джинелли все еще был здесь и не бросил его. Его присутствие действовало лучше всяких эмпиринов и дозы «Чиваса». Больнее всего бывало в одиночестве, только и всего. Отсюда мысли перешли к Хейди, потому что ей бы следовало быть здесь, с ним, а не этому гангстеру. Увы, Хейди жила себе в Фейрвью, упрямо отвергая истину, потому что копание в деталях привело бы ее к осознанию собственной вины. Хейди этого не желала. Обида запульсировала в нем с ударами сердца. Что там сказал Джинелли? *Мудак — это тот, кто не верит тому, что видит?* Попытался отбросить, заглушить обиду: все-таки жена ведь. Его жена. Делала то, что считала полезным для него... Так ведь? Обида ушла, но не очень далеко.

— А что это у тебя в сумке? — спросил Билли. Сумка стояла на полу.

— Товары, — ответил Джинелли. Он бросил последний взгляд в книжку и швырнул ее в мусорную корзинку.

— Не смог найти Луиса Лямура.

— Что там за товары?

— Да это так — на потом. Когда пойду с визитом к твоим цыганским друзьям.

— Слушай, не будь идиотом, — встревожено сказал Билли. — Ты что — хочешь закончить, как я?

— Спокойно, спокойно, — сказал Джинелли. Говорил несколько удивленно, но успокоительно. Зато безумный огонек по-прежнему играл в его глазах. *Нет, это не мимолетная вспышка, подумал Билли, — кажется, я всерьез проклял Тадуза Лемке.* Его проклятье располагалось напротив него в дешевом кресле мотеля, обтянутом искусственной кожей, и потягивало пиво «Миллер Лайт». С удивлением и страхом осознал еще одну вещь: возможно, Лемке знал, как снять свое проклятье, но у Билли не было ни малейшей идеи относительно того, как снимать проклятия белого человека из города. Джинелли нашел себе тут

развлечеиие. Возможно, самое классное развлечеиие за последние годы. Что-то вроде магната на благотворительной ярмарке в городе своего детства. Джинелли оказался другом, пусть не шибко интеллектуальным, не слишком близким, поскольку называл его Уильямом, а не Биллом, или Билли. Он оказался громадным и исключительно эффективным охотничим псом, освободившимся от поводка.

— Кончай с этими успокоительными хреновинами, — сказал Билли. — Лучше скажи, что ты намерен предпринять.

— Никто не пострадает, — ответил Джинелли. — Держи это в голове, понял? Я знаю, как это важно для тебя, Уильям. Ты ведь цепляешься за какие-то там принципы, которые для тебя нынче, увы, недоступны. А я займусь своим делом, поскольку для меня ты — обиженная сторона. Главное — никто не пострадает. Это тебя устраивает? О'кей?

— О'кей, — сказал Билли, испытав некоторое облегчение. — Но только не очень...

— Ну, как сказать... Если ты не изменишь своих намерений, — сказал Джинелли.

— Не изменю.

— Как сказать...

— Что там в пакете?

— Бифштексы, — сказал Джинелли и вытащил один, запакованный в герметический пакет фирмы Сэмпсон. — Не плохо выглядит, м-м? Взял четыре штуки.

— А зачем?

— Давай-ка все по порядку, — сказал Джинелли. — Я отсюда пошел в центр города. Жуть, я тебе скажу. По тротуару пройти невозможно. На каждой роже обязательны очки «Феррари», у каждой бабы на сиськах какие-то аллигаторы. Публика — шваль, я тебе скажу. Дешевка.

— Я знаю.

— Представь себе, Уильям. Идет девка с парнем. Так этот парень засунул руку в карман ее шортов. Я говорю — при всей публике, представляешь? Щупает ее жопу! Ты понял? Будь это моя дочь, она бы никогда на свою задницу не села бы! Я б ей врезал! Извини, дорогой, но я здесь не мог бы спокойно жить. Подобная обстановка? — Да по-

шла она на хер! Я тут позвонил кое-куда. Да! Кстати, чуть не забыл! Я звонил из будки напротив аптеки, зашел туда и взял для тебя вот это. — Он вытащил пузырек с таблетками и бросил Билли. Тот поймал здоровой рукой. Капсулы калия.

— Спасибо тебе, Ричард, — дрогнувшим голосом сказал Билли.

— Не за что. Прими одну. Не хватало тебе еще инфаркта в довершение ко всему.

— Я тут попросил кое-кого выяснить для меня некоторые вещи. Прогулялся в гавань, полюбовался яхтами. Знаешь, Уильям, там есть такие, что потянут на двадцать... даже на сорок миллионов долларов. Фрегаты прямо! В кораблях я не разбираюсь, но смотреть на них мне нравится. Они... — Джинелли вдруг замолчал и в раздумье уставился на Билли. — Слушай, а там эти парни в темных очках случайно не промышляют наркотиками?

— Хм... вообще-то я читал как-то в «Таймс» прошлой зимой, что один ловец лобстеров обнаружил тут возле островков двадцать мешков товара — они плавали на воде. Оказалось — марихуана.

— Ага! Ага! Я так и думал. Тут прямо пахнет этим делом. Но какие идиоты. На уровне любителей. Их дело доставить товар морем и предоставить остальное людям, которые знают, что надо делать. Из-за таких дураков легавые все узнают. А бывает, что вместо пакетов с товаром из воды вылавливают трупы. Вот такая дрянь получается.

Билли сделал большой глоток пива и закашлялся.

— Но это я так — к слову. А вообще-то прогулялся, посмотрел на все эти яхты. Проветрил мозги, а потом обдумал, что надо делать. В общих чертах мне теперь ясно, как поступить и с чего начать. Детали придут потом. Еще прогулялся по главной улице, позвонил кое-куда. Ордера на твой арест, Уильям, — нет. Но твоя жена и этот твой доктор подписали бумаги на тебя. Я даже записал. — Он вытащил из кармана бумажку. — В невменяемом состоянии. Верно?

Билли разинул рот и издал стон. На смену потрясению пришла ярость. Да, он предполагал, что такое возможно,

предполагал, что Хустон мог предложить такой вариант, а Хейди могла бы согласиться Но одно дело — предполагать, а другое услышать факт, что твоя супруга пошла в суд и засвидетельствовала, что ты сумасшедший и невменяемый.

— Предала, сука, — пробормотал он. Он в ярости стиснул кулаки и застонал от боли. Посмотрел на забинтованную руку. На ней обозначились кровавые цветы.

Не верю, что ты мог подумать такое о Хейди, сказал внутренний голос.

Просто мой разум воспален, мысленно ответил он. На некоторое время мир заволокло серой пеленой.

Это не было обмороком, и он быстро оправился. Джиннелли снял бинты, бандаж и заново перебинтовал ему руку. Действовал хоть и несколько неуклюже, но вполне профессионально. Заканчивая перевязку, сказал:

— Мой человек говорит, что это ничего не значит, пока ты сам не вернешься в Коннектикут, Уильям.

— Это все так, но ты представляешь себе? Моя жена...

— Не обращай внимания, Уильям. Это не имеет значения. Если мы разберемся как следует со старым цыганом, ты снова начнешь набирать вес, а их суета вокруг тебя полетит в помойку. Если так дело и пойдет, у тебя будет сколько угодно времени, чтобы разобраться с женой. Может, ей полезно, скажем, надавать по морде. Или ты ее просто бросишь. Все будешь решать сам, если мы утрясем дело с цыганом. Если не утрясем, значит, помрешь. В любом случае проблема, как видишь, уладится. Так что уж тут расстраиваться из-за какой-то бумажки.

Билли слегка улыбнулся побелевшими губами.

— А из тебя получился бы классный юрист, Ричард. Ты так здорово умеешь раскладывать дела в перспективе.

— Что, правда? Ты так считаешь?

— Да, так считаю.

— Ну что ж, спасибо. А потом я позвонил Кирку Пенсли.

— Ты говорил с Пенсли?!

— Да.

— Господи, Ричард!

— А ты что, — считаешь, что он не станет разговаривать с такой шпаной, как я? — Джинелли ухитрился сказать это одновременно с изумлением и с обидой. — Поверь мне, он со мной разговаривал. Разумеется, говорил я по своей кредитной карточке. Моего имени на его телефонном счету не будет. Но я ведь много дел имел с твоей фирмой, Уильям, за эти годы.

— Это для меня новость, — сказал Билли. — Я думал, только тот единственный раз.

— В том деле были открыты любые возможности, и ты был для них самой подходящей фигурой, — сказал Джинелли. — Пенсли и его маститые юристы никогда не поручили бы тебе выигрышного дела. Ты был для них пришлый. С другой стороны, я думаю, они знали, что рано или поздно тебе предстоит встреча со мной, если поработаешь какое-то время на фирму. Это дело должно было стать для тебя хорошим дебютом. А если бы все пошло не так, они могли тобой и пожертвовать. Им бы этого не хотелось, но уж коли жертвовать, так лучше пришлым, чем маститым юристом. Все эти ребята одинаковы, и предсказать их действия проще простого.

— И какие же еще дела ты вел с моей фирмой? — спросил Билли с откровенным удивлением. Все это напоминало чем-то ситуацию, когда много времени спустя после развода, узнаешь, что твоя жена тебе изменяла.

— Самые разные были дела, и даже не совсем с твоей фирмой. Скажем так, она выполняла роль брокера в юридических делах — моих и некоторых моих друзей. На этом давай и остановимся. Короче, я достаточно хорошо знаю Кирка Пенсли, чтобы попросить его о небольшом одолжении. Он согласился оказать мне такую услугу.

— Какую?

— Я попросил его связаться с ребятами Бартона и сказать им, чтобы они недельку отдохнули. Чтобы остались в покое и тебя, и цыган. Меня, если хочешь знать, больше цыгане интересуют. Мы сможем все провернуть, Уильям. Просто будет легче, если не придется гоняться за ними то туда, то сюда.

— Ты позвонил Кирку Пенсли и сказал, чтобы он отцепился? — удивленно переспросил Билл.

— Нет, я позвонил Кирку Пенсли и попросил его сказать агентству Бартона отцепиться, — поправил Джинелли. — И не в таких выражениях, разумеется. Я тоже умею быть политиком, когда нужно, Уильям. Так что тебе следует меня оценить.

— Дорогой мой, да я ценю тебя превыше всех и с каждой минутой все больше и больше.

— Ну что ж, спасибо, Уильям. Спасибо. Мне это по душе. — Он зажег сигарету. — В любом случае твоя жена и этот ее доктор будут получать отчеты по-прежнему, но только отчеты будут немножко неточными. Ну, знаешь, вроде этакой версии правды, какую публикуют «Нэшил Инкуайрер» или «Ридерз Дайджест». Понял, что я имею в виду.

Билли рассмеялся.

— Понял.

— Так что у нас с тобой неделя, я полагаю. Я собираюсь напугать их. Напугать его. Причем так напугать, что ему для стимулятора сердца понадобится тракторный аккумулятор. Я буду нагнетать страх до такой степени, что в итоге получится что-то из двух: либо он заплачет и снимет с тебя пакость, либо нам придется заплакать. Если случится последний вариант, я приду к тебе и спрошу — не передумашь ли ты насчет ненасильственного варианта. Но надеюсь дело до этого и не дойдет.

— Как ты намерен напугать его?

Джинелли ткнул сумку с продуктами кончиком туфля и сказал ему, с чего намерен начать. Билли был ошарашен, начал спорить, как и предвидел Джинелли. Хотя Джинелли не повышал голоса, в глазах его по-прежнему мелькал странный сумасшедший огонек. Билли понял, что увещевать его столь же бесполезно, как разговаривать с человеком, находящимся на луне.

Когда боль в руке затихла, превратившись в пульсирующие толчки, его начало клонить в сон.

— И когда ты отправляешься? — спросил он, наконец, сдавшись.

Джинелли посмотрел на часы.

— Сейчас десять часов десять минут. Дам им еще четыре или пять часов. Я слышал, что они будут делать небольшой бизнес в городе, много-много гадать. А их собаки — пит-буль-терьеры. Боже милостивый. Те собаки, что ты видел, — не пит-буль-терьеры?

— Я, кажется, в жизни не видел такой породы, — сонно ответил Билли. — Там у них, по-моему, дворняги.

— Пит-буль выглядит как смесь терьера и бульдога. Очень дорогостоящая порода. Если хочешь посмотреть на схватку пит-булей, должен оплатить стоимость погибшего пса прежде, чем они начнут делать ставки. Гнусный бизнес. Вообще, я смотрю, в этом городе все высокого класса, верно? Очки «Феррари», яхты с наркотиками, собачьи бои. Да, еще и гаданье.

— Будь осторожен, — сказал Билли.

— Буду, — отрубил Джинелли. — Не беспокойся.

Вскоре Билли заснул. Проснулся, когда часы показывали без десяти четыре. Джинелли в комнате не было. Им вдруг овладела уверенность, что Джинелли мертв. Однако тот появился без четверти шесть и притом настолько живой, что показался слишком большим для этой комнаты. Его лицо, руки, одежда были испачканы грязью, пахнущей морем. Он улыбался, а в глазах прыгали все те же сумасшедшие огоньки.

— Уильям, мы сейчас соберем твои вещички и уедем из Бар Харбора. Знаешь, как государственный свидетель, которому надо скрыться в безопасное место.

— Что ты сделал? — встревожено спросил Билли.

— Спокойно, спокойно! То, что и собирался сделать, — ни больше, ни меньше. Но знаешь, когда палкой разломаешь осиное гнездо, самое правильное дело — драпануть подальше, Уильям, верно?

— Да, но...

— Времени нет. Я могу разговаривать, только упаковывая твои вещи.

— Куда?! — почти завопил Билли.

— Недалеко. По пути скажу. Давай уходить. Кстати, неплохо бы тебе сменить рубашку. Ты хороший парень, Уильям, но начинаешь малость попахивать.

Билли направился было в контору, чтобы сдать ключ от номера, но Джинелли слегка коснулся его плеча и взял ключ из его руки.

— Я лучше положу его на ночной столик в твоей комнате. У тебя все уплачено по кредитной карточке?

— Да, но...

— Ну тогда позволим себе неформальное прощание. Никому от этого не плохо, и поменьше внимания к нам, верно?

Женщина, бежавшая трусцой по дороге, бросила на них взгляд, потом посмотрела широко раскрытыми глазами. Джинелли перехватил ее взгляд. Билли, к счастью, ничего не заметил.

— Я даже десять долларов оставил горничной, — сказал Джинелли. — Поедем на твоей машине. Я поведу.

— А твоя где? — Он знал, что Джинелли тоже взял в аренду машину. И только теперь до него дошло, что он не услышал звука мотора перед тем как появился Джинелли. Для утомленного разума Билли все происходило слишком стремительно, чтобы успеть как следует разобраться в происходящем.

— С ней все в порядке. Я оставил ее на боковой дороге милях в трех отсюда и дошел пешком. Снял, правда, крышку с распределителя и оставил записку, что машина поломалась, а я вернусь через несколько часов. Это на тот случай, если кто-то проявит излишнее любопытство. Хотя не думаю, что такие найдутся. Там на самом проселке трава растет посередине.

Мимо проехал автомобиль. Водитель посмотрел на Билли Халлека и замедлил ход. Джинелли увидел, как он вытянул шею и оглянулся на них.

— Пошли, Билли. Люди на тебя заглядываются. Следующие любопытные могут оказаться не теми людьми.

Спустя час Билли сидел перед телевизором в комнате другого мотеля. Комната была частью довольно задрипаных апартаментов мотеля с названием «Голубая луна автомобильного двора». Находился он всего в пятнадцати минутах езды от Бар Харбора, но Джинелли был явно доволен. По телевизору Вуди Вудпеккер, дятел-пройдоха, продавал страховку говорящему медведю.

— О'кей, — сказал Джинелли. — Ты тут отдохай, Уильям, а я смываюсь на весь день.

— Вернешься снова туда?

— Вернуться в гнездо шершней, когда они там вовсю летают? Нет уж, мой друг, только не я. Не сегодня, по крайней мере. Сегодня с автомобилями поиграю. Сегодня ночью будет достаточно времени для второго этапа действий. Может, выкрою время заглянуть к тебе, но особенно на это не рассчитывай.

Билли не увидел Ричарда Джинелли до девяти утра следующего дня, когда он подкатил на синем «Шевроле-нова», явно не компаний «Херц» или «Авис». Краска была тусклой, в пятнах. Ветровое стекло рядом с водительским местом пересекала тонкая трещина, на багажнике — крупная вмятина.

На этот раз Билли еще часов шесть назад снова решил, что Джинелли мертв. Теперь он радостно приветствовал его, пытаясь скрыть слезы облегчения. Казалось, вместе с весом он терял способность контроля над своими эмоциями. В это утро, когда взошло солнце, он впервые ощущил ускоренное и неровное сердцебиение. Ловил ртом воздух и стучал себя по груди здоровой рукой. Постепенно сердце унялось, но факт оставался фактом: первые признаки аритмии.

— Я думал, что ты погиб, — сказал он Джинелли, когда тот вошел.

— Ты все повторяешь это, а я все снова возникаю. Ты бы лучше успокоился насчет меня, Уильям. Если думаешь, что я недооценил этого старого хреня, ошибаешься. Он умен и опасен.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего. Потом скажу.

— Сейчас скажи!

— Нет.

— Почему?

— По двум причинам, — терпеливо ответил Джинелли. — Во-первых, ты можешь попросить отступить. Во-вторых, потому что я за последние двенадцать лет так дико не уставал. Сейчас пойду в спальню и просплю восемь часов. Потом встану, съем фунта три любой жратвы, какая подвернется, потом уйду обратно и подстрелю луну в небе.

Джинелли в самом деле выглядел крайне утомленным, даже осунулся. *Кроме глаз, подумал Билли. У него в глазах бесы играют.*

— А если, допустим, я бы попросил тебя отступить? — тихо спросил Билли. — Ты отступил бы, Ричард?

Ричард некоторое время пристально смотрел на него, а затем ответил так, как и ожидал того Билли, увидев у него в глазах этот сумасшедший огонек.

— Теперь уже нет, — спокойно ответил Джинелли. — Ты болен, Уильям. Насквозь болен. Нельзя доверять твоим суждениям о том, в чем состоят твои интересы.

Иными словами, ты тоже как бы подписал на меня бумаги. Билли раскрыл рот, чтобы высказать эту мысль вслух, но тут же закрыл его. Потому что Джинелли вовсе не имел в виду того, что сказал: просто звучало более-менее разумно.

— И еще потому что это уже стало твоим личным делом, верно? — спросил Билли.

— Да, — ответил Джинелли. — Для меня это теперь личное дело. Он ушел в спальню, снял брюки и рубашку. Пять минут спустя он уже спал, лежа на покрывалях.

Билли налил воды, проглотил таблетку эмпирина и затем допил стакан воды, стоя возле двери. Его взгляд переместился с Джинелли к его штанам, брошенным на кресло. Он прибыл в идеально отутюженных брюках, но где-то за последние пару дней приобрел и стал носить голубые джинсы. В их карманах наверняка находились и ключи от «Новы», припаркованной возле гостиницы. Билли мог их взять и уехать прочь. Но, разумеется, так он ни за что не поступит. Даже тот факт, что подобный шаг означал для него скорую смерть, имел второстепенное значение. Самым важным было: как и где все это закончится.

В полдень, пока Джинелли спал глубоким сном, Билли снова ощутил аритмию. Потом и сам задремал. Ему приснился сон, правда, совсем короткий, но наполнил его ощущением страха и дьявольского удовольствия одновременно. Во сне он завтракал у себя дома вместе с Хейди. Между ними лежал пирог. Она отрезала большой кусок и протянула Билли. То был яблочный пирог. «Он тебе жирку

прибавит», — сказала она. «Я не хочу быть толстым, — ответил он. — Решил остаться худым. Ты ешь его». Он протянул ей кусок рукой, не толще кисти. Она приняла его. Потом сидел и наблюдал, как она ест, и с каждым ее укусом ощущение страха и, одновременно, радости возрастало. Грязной радости.

Еще один приступ аритмии пробудил Халлека. Он некоторое время сидел, разинув рот и ожидая, когда сердцебиение придет в норму. В итоге — сердце успокоилось. У него возникло странное чувство уверенности в том, что это был не просто сон, а некое пророчество. Но такое чувство нередко сопровождает яркие сны. Сон постепенно меркнет, забывается, исчезает и это чувство. Такое у него случалось уже не раз, и свое короткое сновидение он вскоре забыл.

Джинелли проснулся в шесть часов вечера, принял душ, надел джинсы и черную водолазку.

— О'кей, — сказал он. — Увидимся завтра утром, Билли. Тогда кое-что узнаем.

Билли снова спросил, что он имеет в виду, и вообще, что произошло за это время, и вновь Джинелли отказался отвечать.

— Завтра, — ответил он. — А пока передам ей твою любовь.

— Кому мою любовь?

Джинелли улыбнулся.

— Прекрасной Джине. Той самой суке, которая пристрелила тебе ладонь.

— Оставь ее в покое, — сказал Билли. Когда он подумал о ее темных глазах, ничего иного сказать не смог, несмотря на то, что она с ним сделала.

— Никто не пострадает, — снова сказал Джинелли и быстро вышел.

Билли прислушался к звукам заводимой машины, мотор сильно шумел, и шум этот, видимо, исчезал только на скорости минимум миль шестьдесят пять в час. Он проклинал в окно, как отъехал Джинелли, и подумал, что фраза «никто не пострадает» вовсе не означала, что он оставит девушку в покое. Совсем нет.

На сей раз Джинелли вернулся в полдень. На лбу его был глубокий порез и другой на правой руке. Один рукав водолазки был разорван вдоль на две полосы.

— Ты еще больше потерял в весе, — сказал он Билли. — Ты хоть поел?

— Попытался, — ответил Билли. — Но, знаешь, тревога отбивает аппетит. А ты, я вижу, потерял кровь.

— Немножко. Со мной все в порядке.

— Ну, теперь-то ты мне расскажешь, что ты делал?

— Да. Я расскажу тебе все, как только приму душ и сделаю себе перевязку. А сегодня вечером, Билли, тебе предстоит встреча с ним. Это очень важно, и ты психологически подготовься.

Страх и волнение больно сжали желудок.

— С ним? С Лемке?

— С ним, — ответил Джинелли. — А пока дай-ка я приму душ, Уильям. Я, оказывается, не такой молодой, каким себя считал. Устал дико. — Обернулся из двери ванной и попросил: — Закажи кофе. Скажи, пусть оставят его у двери снаружи, а чек подпиши и сунь под дверь.

Билли, разинув рот, смотрел, как он скрылся в ванной. Когда послышался шум душа, он закрыл рот и пошел к телефону, чтобы заказать кофе.

Глава двадцать вторая РАССКАЗ ДЖИНЕЛЛИ

Сначала он говорил отрывистыми фразами, делая паузы и обдумывая, что сказать дальше. Джинелли явно по-настоящему устал с тех пор, как появился в Бар Харборе в понедельник днем. Раны его оказались несерьезными — просто глубокими царапинами, но Билли видел, что его друг основательно потрясен.

Однако тот сумасшедший огонек в глазах начал мало-помалу возвращаться: так мигает неоновая трубка, прежде чем ровно засветит. Джинелли извлек плоский флакон из кармана пиджака и налил одну пробку виски в свой кофе. Предложил флакон Билли, но тот отклонил: неизвестно,

как виски подействует на его сердце. После кофе Джинелли выпрямился в кресле, откинул прядь волос со лба и начал наконец рассказывать более подробно.

В три часа ночи, во вторник, Джинелли припарковал машину на лесной дороге, ответвлявшейся от шоссе 37-а, неподалеку от цыганского табора. Некоторое время возился с бифштексами, потом взял сумку с продуктами и пошел обратно по шоссе. Высокие облака закрывали ущербную луну, как шторы. Подождал, пока облака уплыли, и тогда увидел круг автомашин. Он пересек шоссе и направился в сторону табора по травянистому склону.

— Я хоть и городской парень, но ориентируюсь на местности неплохо, — сказал он. — Идти туда, как пошел ты, я не хотел, Уильям.

Он прошел через пару полей, через редколесья, миновал в темноте какое-то смердящее место, словно там находилось великое скопище дерьма. В одном месте порвал сзади штаны, зацепившись за какую-то старую кольчую проволоку, которую во мраке было не разглядеть.

— Такова сельская жизнь, Уильям. Она — для деревенщины, а не для меня, — сказал он.

От собак табора он неприятностей не ждал. Пример Билли был для него показателен. Собаки не издали ни звука, хотя, видимо, запах его почуяли. Он даже наступил в круг потухшего костра.

— Я ожидал, что у цыган сторожевые псы будут получше, чем эти, — прокомментировал Билли. — По крайней мере, я так считал.

— Нет, — сказал Джинелли. — Цыган ничего не стоит застать врасплох.

— То же самое, когда собаки брешут всю ночь.

— Точно. Тот же эффект. А ты умнеешь, Уильям. Скоро люди станут думать, что ты итальянец.

И все же Джинелли решил не рисковать без нужды. Он осторожно прошел позади круга автомашин, обходя стороной фургоны, где могли спать люди. Заглядывал только в легковые машины. Через пару-тройку машин нашел то, что искал. На заднем сиденье «понтиака» валялось старое пальто.

— Машина не была закрыта, — сказал он. — Пальто, в общем-то, было неплохим, но от него воняло так, словно в карманах лежали дохлые хорьки. На полу в машине была также пара поношенных туфель. Оказались малость тесноваты, но я их все же надел. Еще через две машины нашел шляпу, похожую на гриб, и надел ее на голову.

Джинелли объяснил, что хотел пахнуть цыганом, но не для тех дворняг, что дремали у потухшего костра, а для совсем других собак. Ценных собак — пит-буль-терьеров. Пройдя три четверти круга, он увидел трейлер, у которого задняя фара была покрыта проволочной сеткой вместо стекла. Заглянул внутрь — фургон оказался пустым.

— Но от него несло собачьим духом, Уильям, — сказал Джинелли. — Посмотрел по сторонам, рискнул даже зажечь на мгновение свой фонарик. Смотрю — трава кругом затоптана и этакой затоптанной полосой, как тропа, уходит куда-то за пределы табора. Тут не надо было быть знаменитым сыщиком Дэниелом Буном, чтобы все разглядеть. Они этих своих бесценных собак упрятали подальше на случай, если кто-то проболтается, и друзья животных подымут шум. Но только, дураки, оставили такой след, что и городскому мужику все стало ясно с одного взгляда. В тот самый момент я поверил, что мы сможем их скрутить. Дураки они потому что.

Джинелли прошел по тропе. Там был небольшой холм, а за ним снова лесок.

— Тропинку я потерял, — сказал он. — Стоял там с минуту, раздумывая, куда двинуть дальше. И тут услышал, Уильям, четко и ясно. Все же Господь помогает.

— Что ты услышал?

— Один пес там пернул, — ответил Джинелли. — Хорошо так, громко. Вроде как кто-то сыграл под сурдинку.

Буквально шагах в двадцати, в лесочке, оказался на полянке огороженный загон. Загородка простая — колья да ветки, вбитые в землю и оплетенные колючей проволокой. А внутри семь пит-буль-терьеров. Пятеро крепко спали, двое других сонно смотрели на Джинелли.

А сонно смотрели потому, что им подсыпали кое-что в еду специально.

— Я думал, они будут полностью под кайфом, хотя на это рассчитывать опасно. Когда таких псов научат драться, они — как гвоздь в заднице, сплошное беспокойство. Друг друга пожрут насмерть, и весь бизнес — коту под хвост. Тут их либо сажают в отдельные клетки, либо дают наркотики. Последние — дешевле, и прятать их проще. Если бы псы не были под кайфом, им никакая загородка с проволокой не была бы преградой. Когда какого-то из них начинают жрать, он даст деру сквозь любые колючки, хоть полшкуры на них оставит. Им дают очухаться, только когда появляются приличные ставки на собачий бой и риск оправдан. Сперва сражение, потом снова под кайф. — Джинелли рассмеялся. — Ты понял? Эти питбули вроде наших звезд рока. И всегда новых можно приобрести.

Джинелли раскрыл там магазинную сумку и вытащил бифштексы. Еще припарковавшись на лесной дороге, он их освободил от оберточ и вогнал в каждый шприцем то, что он назвал «Пит-Буль-коктейль Джинелли»: смесь мексиканского коричневого героина со стрихнином. Теперь он размахивал в воздухе своим угощением и наблюдал, как спящие псы медленно приходили в себя. Один из них глухо тявкнул — прозвучало, как храп человека с сильным насморком.

— Заткнуться, а то ужина не будет, — спокойно скомандовал Джинелли. Тот пес, что гавкнул, сел, но тут же его снова повело ко сну, вот-вот завалится на бок.

Джинелли бросил один бифштекс за загородку. Секунда, две, три — и все они заворочались. Кто-то слегка гавкал, но так невнятно, что можно было этим пренебречь. Кроме того, если бы кто-то появился из табора, то шел бы с фонарем, — достаточно времени, чтобы смыться в лесу. Но никто не появился.

Билли зачарованно слушал, пока Джинелли спокойно вел свой рассказ. Он присел в сторонке, закурил «Кэмел» и наблюдал, как умирают собаки. Большинство из них умерло очень тихо, говорил он. (Нет ли хоть намека на сожаление в его голосе? — подумал Билли с беспокойством). У пары из них были конвульсии, но не сильные. Только и всего. Джинелли подумал, что не так уж и плохо

для псов: цыгане для них готовили участь куда страшнее. В общем, в пределах часа все было сделано.

Когда итальянец убедился, что сдохли все собаки, вынул из кармана доллар, взял ручку и написал на нем: В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ ЭТО МОГУТ БЫТЬ ТВОИ ВНУКИ, СТАРИК. УИЛЬЯМ ХАЛЛЕК ГОВОРИТ, ЧТОБЫ ТЫ СНЯЛ С НЕГО САМ ЗНАЕШЬ ЧТО. Он сбросил вонючее пальто, повесил его на жердь ограды, сверху надел на него шляпу, снял цыганскую обувь и переоделся в свои кеды, которые держал в сумке. После чего удалился.

На обратном пути малость заблудился. Удалось сориентироваться по смердящему месту, мимо которого уже проходил. А там увидел огонек фермы и нашел проселок. Сел в машину и вернулся в Бар Харбор.

На полпути, по его словам, с машиной что-то случилось. В чем дело — он не понял, но просто она ему не понравилась. И раньше такое бывало: начинаешь вдруг не доверять машине, хотя, как правило, это ничего особенного не значит. Разве что пару раз было...

— Я решил бросить ее, — сказал Джинелли. — Не хотел ничего оставлять на волю случая. Мало ли? Может, у кого-то из этих цыган была бессонница, прошелся, увидел машину. Может, меня увидел в ней. А тогда запросто нашли бы меня потом. Видишь? Я очень серьезно к ним отнесся. Смотрю на тебя и думаю: надо очень и очень серьезно к ним отнестись. Припарковал машину на другом проселке, снял крышку распределителя и прошел пешком три мили до города. К тому времени рассвело.

Оставив Билли в другом мотеле, Джинелли поймал такси и отправился обратно в Бар Харбор, попросив водителя ехать помедленнее, поскольку хотел кое-что найти.

— А что именно? — спросил шофер. — Может, я помогу?

— Ничего, — ответил Джинелли. — Когда увижу, сразу узнаю.

И нашел. Примерно в двух милях по пути к городу увидел возле небольшой фермы «Шевроле нова» с табличкой «Продается». Заехали туда. Хозяин был дома,

Джинелли расплатился с таксистом и уплатил наличными за «Нову». За дополнительные двадцать долларов хозяин, молодой мужик, у которого в голове было больше вшей, чем очков коэффициента интеллекта «Ай-Ку», согласился оставить номерной знак штата Мэн, удовлетворившись обещанием Джинелли прислать ему знак через неделю.

— Я, может, даже так и сделаю, — сказал Джинелли. — Если мы выживем.

Билли бросил на него быстрый взгляд, но Джинелли уже продолжал свой рассказ.

Он поехал дальше в сторону Бар Харбора, объезжая город стороной, направился по шоссе 37-а туда, где находился цыганский табор. По пути задержался и позвонил человеку, которого для Билли назвал «коллегой по бизнесу». Попросил «коллегу» находиться в определенной телефонной будке в Нью-Йорке точно в двенадцать тридцать. Этой телефонной будкой Джинелли часто пользовался и, благодаря своим связям, позаботился, чтобы телефон там всегда был исправен. Проехав мимо табора, заметил признаки активности, развернулся на шоссе в миle от того места и поехал обратно. Из табора вела проселочная дорога, и Джинелли увидел, что по ней из лагеря цыган к шоссе 37-а едет автомобиль.

— «Порше-турбо», — сказал Джинелли. — Игрушка для богачей с наклейкой университета Брауна. На переднем сиденье было двое парней, на заднем — еще трое. Я подождал их и спросил того, что за рулем, есть ли там цыганский табор, как говорят? Они ответили, что есть, но если я хочу погадать, мне не повезло. Эти ребята сами хотели того же, но их попросили вон. Цыгане сматывали удочки. После истории с псами меня это и не удивило.

— Поехал обратно к Бар Харбору, подкатил к заправочной станции — эта «Нова» жрет горючее, ты не поверишь как, Уильям. Выпил бутылку «коки» и слегка перекусил.

Джинелли позвонил «коллеге по бизнесу» и договорился о встрече с ним в аэропорту Бар Харбора в пять часов вечера. Потом оставил машину на платной стоянке и прогулялся в поисках человека.

— Какого человека? — спросил Билли.

— Человека, — терпеливо пояснил Джинелли, словно говоря с идиотом. — Таких мужиков, Уильям, всегда разглядишь, если присмотришься. Он вроде бы такой же, как все прочие летние бездельники. Кажется, может покатать тебя на яхте своего папаши или, скажем, подбросить десяток граммов хорошего кокаина. В любой момент может рвануть в другой город на своем самолетике. Но он не такой, как эти. Есть два способа узнать такого человека. По обуви. У таких мужиков туфли паршивые, не первый класс, хотя и начищены до блеска. А во-вторых, взгляни им в глаза. Солнечных очков «Феррари» они не носят, их глаза всегда разглядишь. Это у них такая скромная, ненавязчивая самореклама. Их глаза говорят тебе: «Откуда следующая жратва придет? Кто угостит травкой? Где тот парень, которого я мечтал встретить, когда приехал сюда?» Ты понял, кого я имею в виду?

— Кажется, да.

— Чаще всего глаза говорят: «На чем бы подзаработать?» Как там в Олд Оркарде дед называл этих артистов?

— Бродячие бизнесмены? Бродячие торговцы.

— Во! Именно! — Глаза Джинелли загорелись. — Бродячий бизнес. Отлично! Я искал человека, готового на такой бизнес. Эти ребята в курортных городах фланируют, как проститутки в поисках клиента. Больших дел у них почти не бывает, они все время на ходу, и в общем, толковые... Только обувь у них не та, понимаешь. Рубашечки — неплохие, плащики от Пола Стюарта, джинсы в порядке, а посмотришь на корочки, и они тебе словно говорят: «К вашим услугам. Могу выполнить дело». Проституток выдают обычно блузки — всегда из районового волокна. Им приходится растолковывать, что лучше такие не носить.

— В итоге, увидел человека. Разговорился с ним. Сидели с ним на скамеечке возле публичной библиотеки — симпатичное место — и все обговорили. Пришлось повысить оплату, поскольку, сам понимаешь, время поджимает, некогда с ним деликатничать. Но парень был такой голодный, что я решил ему довериться. Тем более на короткое время. А для таких ребят долгие задания не существуют.

Для них это все равно, что учить в школе историю и алгебру.

— Сколько ты ему заплатил?

Джинелли помахал ладонью.

— Я тебе дорого обхожусь, — сказал Билли. Он невольно стал говорить тем же тоном, что и Джинелли.

— Ты мой друг, — сказал Ричард с неожиданной теплотой в голосе. — Потом рассчитаемся как-нибудь, если ты сам захочешь. Я просто развлекаюсь. Приключение, понимаешь. Потом можно написать сочинение «Как я провел летние каникулы». Но у меня уже во рту пересохло, а впереди еще долгая история, а потом делом займемся.

— Продолжай.

Парень, которого Джинелли подцепил, назывался Фрэнком Спартоном. Сказал, что учится в Университете Колорадо, а пока что проводит каникулы. Однако Джинелли прикинул, что ему лет двадцать пять, — староват для студента. Впрочем, это не имело значения. Джинелли хотел, чтобы Фрэнк отправился на проселок, где он оставил арендованный «Форд», а затем установил наблюдение за цыганами, когда те уедут. Спартон должен был позвонить ему в мотель и сообщить, где они устроят ночлег. Джинелли не думал, что они уедут слишком далеко. Когда тот будет звонить в мотель Бар Харбора, пусть позовет Джона Три. Спартон все записал и получил шестьдесят процентов наличными от договоренной суммы. Заодно забрал ключи от машины и крышку распределителя. Когда Джинелли спросил его, сможет ли он приладить крышку распределителя, Спартон с улыбкой автомобильного вора ответил, что как-нибудь справится.

— Ты его подвез туда к машине? — спросил Билли.

— На то, что я плачу ему, и на попутке доберется, Уильям.

Джинелли поехал в мотель в Бар Харборе и снял номер под именем Джона Три. Хотя было два часа пополудни, он успел взять последний свободный номер на ночь. Клерк вручил ему ключ с таким видом, словно оказал гигантскую услугу. Летний сезон набирал силу. Джинелли вошел в

комнату, поставил будильник на шестнадцать тридцать и вздрогнул, пока часы не зазвонили. Затем отправился в аэропорт.

В десять минут шестого там приземлился маленький частный самолет, возможно, тот же самый, что доставил Фендера из Коннектикута. Из него вышел «коллега по бизнесу» и выгрузил один большой пакет и три поменьше. Джинелли вместе с ним водрузил большой груз на заднее сиденье «Новы», а те, что поменьше — в багажник. Человек улетел. Джинелли не стал ждать, пока самолет взлетит, а отправился в мотель, где проспал до восьми часов, когда его разбудил телефон.

Это был Фрэнк Спартон, звонил он с заправочной станции «Тексако» в городе Банкертон, — сорок миль к северо-западу от Бар Харбора. В районе семи часов, сообщил Спартон, цыгане свернули на поле за пределами городской черты. Похоже, что они с ночлегом заранее все уладили.

— Видимо, Старберд постарался, — заметил Билли. — Он у них что-то вроде администратора.

Голос Спартона звучал несколько неуверенно и встревожено.

— Ему показалось, что его засекли, — сказал Джинелли. — Он ехал за ними, а это было ошибкой. Кто-то там повернулся обратно подзаправиться, а он не заметил. Ехал себе со скоростью сорок миль, и вдруг пара универсалов и фургон — громыхают навстречу. Получилось так, что он оказался не в хвосте их каравана, а где-то посередине. Глянул в боковое окно, а там из фургона смотрит старик без носа и машет ему пальцем, вернее, не столько машет, сколько какое-то заклинание делает. Говорю буквально со слов этого парня, Уильям. Так и сказал: «Какое-то заклинание пальцем делает».

— О, Боже! — пробормотал Билли.

— Тебе в кофе подлить?

— Нет... впрочем, налей.

Джинелли подлил ему порцию «Чиваса» в чашку и продолжил свою историю. Он спросил Спартона, не была ли там на фургоне нарисована женщина с единорогом. Да, была. Женщина и единорог.

— Боже мой, — снова сказал Билли. — Ты уверен, что они его машину засекли? После того, как погибли собаки, они могли обыскать все вокруг и найти «Форд». Теперь его узнали.

— Так оно и было, — мрачно сказал Джинелли. — Он дал мне название дороги, на которой цыгане находились — Финсон Роуд, и номер шоссе, с которого они туда свернули. Попросил остатки денег положить в конверт на его имя в мотеле. «Извини, смываюсь», — сказал он, и я его не осуждаю.

Джинелли покинул мотель в машине «нова» в восемь пятнадцать. Пересек черту, разделяющую Бакспорт и Банкертон в девять тридцать. Спустя десять минут миновал заправочную станцию «Тексако», которая на ночь закрылась. Возле нее стояло порядочно автомашин для ремонта и для продажи. В дальнем конце ряда увидел арендованный им «Форд», проехал дальше, развернулся и направился обратно.

— Я так дважды покрутился, — сказал он. — Никогда прежде не было у меня подобного чувства. Короче, я проехал подальше и вернулся пешком.

— И что?

— Спартон находился в машине, — сказал Джинелли. — Сидел за рулем. Мертвый. Дырка во лбу как раз над правым глазом. Крови немного. Мог быть и сорок пятый калибр, но не думаю. Крови на сиденье рядом с ним не было вообще. То, что его убило, навылет не прошло. Сорок пятый калибр прошивает насквозь, оставляя позади дыру с консервную банку размером. Я думаю, он был убит из рогатки шариком от подшипника. Тем самым, чем их девка стреляет. Может, она это и сделала.

Джинелли замолчал, некоторое время размышляя.

— У него на коленях лежала мертвая курица, взрезанная ножом. Кровью на лбу у Спартона было написано одно слово. Возможно, кровью этой курицы, но, сам понимаешь, лабораторный анализ я сделать не мог.

— Что за слово? — спросил Билли, хотя уже догадался.

— «НИКОГДА».

— Господи Иисусе, — прошептал Билли и схватил свою чашку кофе с виски. Однако тут же и отставил ее:

показалось, что его стошнит, если выпьет. Нельзя, чтобы вырвало. Мысленно представил себе Спартона за рулем: голова откинута назад, черная дырка над глазом, груда белых окровавленных перьев на коленях. Образ был столь ярким, что он увидел даже приоткрытый желтый клюв мертвый птицы и черные глаза-бусинки...

Мир заволокло серой пеленой... послышался звук шлепка по его щеке. Халлек раскрыл глаза и увидел, как Джинелли усаживается обратно в свое кресло.

— Извини, Уильям, но, как в рекламе лосьона говорят, — тебе это необходимо. Я думаю, ты валишь на себя вину за этого парня Спартона. Хочу, чтобы ты выбросил такие мысли, понял? Ты меня слышишь? — Тон Джинелли был спокойным, но в глазах — гнев. — У тебя искаженный взгляд на вещи. Знаешь, вроде этих судей, у которых сердце кровью обливается. Они обвиняют всех, кого угодно, включая президента США, за то, что какой-то прохвост пырнул ножом бабусю, чтобы забрать ее чек социальной страховки. А сам этот фраер стоит перед ними, ожидая условного наказания, чтобы потом пойти и продолжить свое дело.

— Что ты мне чушь городишь? — запротестовал Билли, но Джинелли его перебил.

— Не ты убил Спартона, Уильям. Это сделал какой-то цыган. И кто бы он ни был, за всем этим стоит тот дед, и мы с тобой все прекрасно понимаем. Никто Спартону руки не выкручивал. Делал работу за плату, вот и все. Простую работу, кстати. Ошибку совершил, и они его взяли в ловушку. А теперь скажи мне прямо, Уильям, — ты хочешь, чтобы проклятье с тебя сняли или нет?

Билли тяжело вздохнул. Щека его слегка горела от шлепка Джинелли.

— Да, — ответил он. — Я хочу, чтобы с меня его сняли.

— Ну и все. Тогда оставим это.

— О'кей. — Халлек позволил Джинелли досказать свою историю, больше не перебивая. Фактически, его так ошарашил этот рассказ, что Билли не в состоянии был вымолвить и слова.

Джинелли прошел за заправочную станцию и сел на старые шины. Ему, как он сказал, снова нужно было

добиться безмятежного состояния разума. Минут двадцать сидел он там неподвижно, поглядывая на ночное небо. На западе исчезли последние краски заката. Мысли его успокаивались. Когда почувствовал себя в порядке, вернулся обратно к своей машине, задним ходом подкатил к заправочной станции, не включая фар. Там он перетащил тело Спартона из «форда» и уложил его в багажник «новы».

— Возможно, они хотели таким манером оставить мне послание. Но, возможно, хотели навесить на меня дело, оставив убитого в моей машине. В моей — судя по документам в бардачке возле водителя. И опять сглутили, Уильям. Потому что, если парня убили из рогатки шариком, легавые только чуть-чуть со мной пообщаются и тут же возьмутся за них. Ведь это же их девка устраивает спектакли с рогаткой.

— При других обстоятельствах я люблю наблюдать, как люди сами себя загоняют в угол, вроде этого случая. Но тут, видишь, забавная ситуация: приходится работать самим, в одиночку. Кроме того, я ожидал, что полиция на следующий день нагрянет к цыганам, правда, совсем по другому делу, если бы все пошло так, как я наметил. Спартон тут только осложнил дело. Потому я и забрал его тело. Хорошо, что хоть машина стояла на отшибе, на проселке возле шоссе.

С телом Спартона в багажнике и с тремя небольшими коробками, которые доставил «коллега по бизнесу» накануне днем, Джинелли поехал дальше. Он нашел Финсон Роуд буквально в полукилометре от станции. Вдоль шоссе 37-А на ответвляющейся дороге цыгане могли продолжать хороший бизнес. Но Финсон Роуд оказалась паршивой проселочной дорогой с выбоинами и даже кое-где поросшая травой.

— Это немного осложнило дело, как и на автозаправочной станции. Но, с другой стороны, мне это и понравилось, Уильям. Я хотел напугать их, а они как раз и повели себя как жутко напуганные люди. Если человек испуган, его еще проще устрашить.

Джинелли выключил фары и с четверть мили потихоньку ехал по Финсон Роуд. Приметил боковую дорожку к галечному карьеру. «Лучшего варианта не придума-

ешь», — решил он. Открыл багажник, вытащил тело Спартона и засыпал его гравием. Похоронив так убитого, вернулся к машине, принял пару стимулирующих таблеток, а затем распаковал большой груз на заднем сиденье. ВСЕМИРНАЯ КНИЖНАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ — было написано на ящике. Внутри находился автомат Калашникова АК-47, запасной комплект на четыреста патронов, пружинный кинжал, рулончик клейкой ленты, сосуд с ламповой сажей и прочее.

Джинелли вымазал руки и лицо сажей, прикрепил с помощью клейкой ленты кинжал к ноге, взял автомат, сунул в карман рулон клейкой ленты и пошел.

— Саперную лопатку брать не стал, — сказал он. — Уж и так выглядел суперменом из комикса.

Спартон сказал, что цыгане устроили табор в паре миль от шоссе по той дороге. Джинелли углубился в лес, не отклоняясь от дороги, чтобы не заблудиться.

— Пришлось идти медленно, — рассказывал итальянец. — И все равно ветки под ногами хрустели. Да еще опасался задеть где-нибудь ядовитый сумах — он на меня скверно действует.

После двух часов пути вдоль восточной кромки Финсон Роуд, Джинелли приметил темный объект на обочине впереди. Сперва подумал — какой-то дорожный столб. Оказалось — человек.

— Он стоял так спокойно, как мясник на складе туш, но я почувствовал, что он меня засек, Уильям. Хоть и пытался передвигаться бесшумно, но все же я парень из Нью-Йорка, а не Гайавата, понимаешь. Я подумал, что этот деятель притворяется, будто меня не слышит, чтобы вовремя нанести удар или изрубить меня в куски. Я мог, конечно, расстрелять его там же, но тогда разбудил бы всех в округе полутура миль, а к тому же обещал тебе обойтись без убийств.

— И вот я стою на своем месте, а он — на своем. Пятнадцать минут стою и думаю: сделаю шаг — ветка треснет под ногой, и начнется большой таарам. И вдруг смотрю — он отходит к кустам на обочине и начинает мочиться. А я глазам своим не верю. Уж не знаю, где учили этого парня стоять на стреме, но уж точно не в Форт

Брэгге. Ружье у него самой старой модели, какую я видел за последние двадцать лет. На Корсике его называют «луп». Но самое главное — у него в ушах пара наушников от плейера Уокмана! Я мог подойти сзади, и он бы ни хрена не услышал. — Джинелли засмеялся. — Ей-богу, тот дед понятия не имел, что его охранник слушает рок-н-ролл в то время, когда должен был следить за мной.

Страж снова занял свое место, а Джинелли просто подошел к нему с той стороны, откуда его не было видно, не особенно заботясь о том, чтобы двигаться бесшумно. На ходу снял с себя пояс. В последний момент парень успел что-то засечь, видно, краем глаза приметил движение, но отреагировать не успел — слишком поздно.

Джинелли набросил ремень на горло парня и затянул. Последовала короткая борьба. Молодой цыган бросил винтовку и вцепился в ремень, наушники вывалились из ушей, и Джинелли услышал Роллинг Стоунс, поющих «Под моим большим пальцем».

Парень начал хрипеть, сопротивление его ослабло и вскоре прекратилось... Джинелли давил еще секунд двадцать, потом отпустил («Я же его не собирался приканчивать», — пояснил он Билли) и оттащил в кусты. Парень был красив, хорошо физически развит, на вид — года двадцать два, в джинсах и сапогах «динго». По описаниям Билли, Джинелли решил, что это Сэмюэл Лемке, Билли с ним согласился. Джинелли нашел дерево приличных размеров и использовал липкую ленту, чтобы привязать цыгана к нему.

— Звучит глупо, что ты кого-то привязал скотчем к дереву. Но это — пока кто-нибудь с тобой такого не проделает. От него не освободишься. Скотч — очень прочный материал. Так и проторчишь привязанным, если никто не освободит. Его не разорвешь и не размотаешь сам.

Джинелли отрезал нижнюю часть рубашки Лемке, затолкал ему в рот и заклеил скотчем.

— Потом я перевернул кассету в плейере, включил и засунул ему наушники обратно в уши. Не хотел, чтобы он скучал, когда очухается.

После этого Джинелли пошел дальше вдоль дороги. Он был такого же роста, что и Лемке, а потому решил рискнуть и подойти к следующему часовому до того, как

тот обнаружит неладное. Время было позднее, а итальянец за последние двое суток спал урывками всего пару раз. Надо было поторопливаться, пока в сон не начало клонить.

— Когда не доспишь, можешь все дело испортить, — заметил он. — Одно дело в «Монополию» играть, а другое — иметь дело с людьми, которые убивают и пишут у тебя на лбу куриной кровью слова. Тут и самому можно ненароком концы отдать. Вот я такую промашку и сделал. Просто повезло, что мне с рук сошло. Бог иногда прощает.

Ошибка состояла в том, что Джинелли не увидел второго охранника, пока не прошел почти мимо него. Второй оказался в тени, а не на дороге, как Лемке. Причем укрылся не ради конспирации, а ради удобства.

— Этот второй не только слушал плейер Уокмана, — сказал Джинелли, — он просто крепко спал. Вшивые сторожа, но чего другого и ожидать от гражданских? К тому же они, видно, решили, что я серьезной угрозы для них не представляю. Когда веришь, что угроза серьезная, зевать не станешь, даже если давно не спал.

Джинелли подошел к спящему часовому, выбрал у него на голове подходящее место и треснул его как следует прикладом автомата. Удар был — как ладонью по столу. Парень, который сидел, прислонившись к дереву, завалился на бок. Джинелли наклонился и пощупал пульс. Цыган был жив.

Пять минут спустя итальянец поднялся на невысокий холм. Слева, на склоне, открылось большое поле. Метрах в двухстах Джинелли увидел круг автомашин. Костра в ту ночь не жгли. Кое-где в окнах фургонов светился слабый огонек — только и всего.

Джинелли предпочел ползти с холма по-пластунски, держа автомат впереди себя. Нашел груду камней, которые годились как укрытие и огневая позиция. Весь лагерь хорошо просматривался, и прицеливаться было удобно.

— Луна как раз начала появляться, но ждать ее я не собирался. К тому же я хорошо все видел, до них было метров семьдесят. Большой аккуратности мне не требовалось, да и «калашников» не для такой работы. Все равно что топором удалять аппендицит. Автоматом хорошо пугать, ну и я их напугал как надо. Спорить готов, они

наделали лимонаду в постели. Но только не старик. Этот — третий калач, Уильям.

Твердо уложив автомат, Джинелли набрал воздуху, прицелился по передним колесам фургона с единорогом. Слышны были цикады, бульканье какого-то ручейка поблизости, где-то за темным полем крикнул козодой. И прежде, чем он начал второй куплет своей ночной песни, Джинелли открыл огонь.

Грохот разорвал ночь. Пули тридцатого калибра помчались к цели, на конце дула затрепетало сияние. Колеса фургона с единорогом не просто лопнули, они взорвались. Джинелли прочесал дугой весь табор, целясь низко.

— Ни одного тела не задел, — сказал он. — Старался не попасть и в бензобаки машин, брал пониже. Видел когда-нибудь в натуре, как машина взрывается, если угодишь в бензобак? Это, я тебе скажу, такой фейерверк! Жуть. Я как-то наблюдал на шоссе в Нью-Джерси.

Взорвались и задние колеса фургона. Джинелли вставил в автомат запасной рожок. Между тем началась суматоха. Послышалась перекличка голосов — рассерженных, но больше перепуганных, завизжала женщина.

Люди высакивали в нижнем белье из фургонов, беспорядочно метались, в страхе озираясь по сторонам. Впервые Джинелли увидел и Тадуза Лемке. Старик выглядел довольно комично в развевающейся ночной рубашке, из под ночного колпака в разные стороны торчали пряди волос. Он бросил взгляд на разорванные шины фургона и посмотрел прямо в ту сторону, где залег итальянец. «Вот в его разъяренном взгляде уже не было ничего комичного», — сказал Джинелли Халлеку.

— Я знал, что видеть он меня не мог. Луна еще не взошла. Морда и руки у меня были в саже. Но мне показалось, что он меня все равно увидел, Уильям, и у меня аж холодок по сердцу пробежал.

Старик обернулся к своим людям, которые начали пробираться к нему, крича и размахивая руками. Заорал им что-то и указал рукой на машины. Джинелли языка не понимал, но жест был вполне красноречивым: Прячьтесь, идиоты!

— Слишком поздно, Уильям, — сказал Джинелли.

Он выдал очередь поверх их голов. Теперь уж орали все — и мужчины, и женщины. Некоторые попадали на землю и поползли, другие бросились бежать в разные стороны, только не в его сторону, разумеется.

А Лемке стоял и покрикивал на них. Его ночной колпак свалился с головы. Кто полз, кто — бежал, и хотя Лемке правил ими железной рукой, а панике поддались все.

«Понтиак-универсал», из которого он брал пальто и туфли, стоял рядом с фургоном. Джинелли вставил третий рожок в автомат и снова открыл огонь.

— В этой машине в ту ночь вообще никого не было, и я ее разгромил. Буквально уничтожил.

— АК-47 — страшная штука, Уильям. Когда смотришь на нее в кино, думаешь, что она оставляет серию аккуратных дырок. На самом деле это не так. Автомат громит все и притом быстро. Стекла полетели вдребезги, капот раскрылся, и пули его начисто сорвали. Разнесло фары, взорвало шины, потом полетел радиатор, из него хлынула вода. Темно, но я услышал, как она полилась. Короче, когда я закончил, машина выглядела так, словно на хорошей скорости врезалась в стену. Но пока ошметки машины летали вокруг, дед даже не шелохнулся. Смотрел на вспышки моего автомата и, видно, собирался скомандовать атаку. Только я решил этого не дожидаться.

Джинелли побежал к дороге, пригнувшись пониже, как солдат под огнем противника. Достигнув дороги, выпрямился и побежал во всю прыть. Пробежал мимо часового, которого стукнул прикладом, едва глянув в его сторону. А возле того места, где оставил «мистера Уокмана», остановился, переводя дыхание.

— Найти его ничего не стоило в полной темноте, — сказал Джинелли, потому что я услышал, как он елозит ногами по траве. Когда подошел, он начал сквозь бандаж на губах бормотать: «Унф, уф, гадумп».

Лемке доерзлся до того, что его еще круче прижало к дереву. Наушники болтались возле шеи. А когда увидел приближающегося Джинелли, замер и смолк. Просто смотрел на него.

— По глазам его увидел; он решил, что я его убью, и при этом жутко перепугался, — продолжал Джинелли. —

Мне этого и надо было. Старый гад не побоялся, но, скажу тебе, Уильям, тот парень очень жалел, что дед так с тобою поступил. К сожалению, мне не удалось заставить его попотеть малость — времени не было.

Джинелли поднял АК-47 к его носу, и глаза Лемке сказали: он очень хорошо понял, что его ожидает.

— Вот что, тварь, времени у меня маловато, поэтому слушай внимательно, — сказал Джинелли. — Передай деду, что в следующий раз стрелять по пустым машинам я больше не буду. Скажи ему, что Уильям Халлек хочет чтобы старик снял свое проклятье. Понял меня?

Лемке кивнул, насколько позволяли путы. Джинелли сорвал с его рта ленту и вырвал тряпку изо рта.

— Тут будет много суеты, — сказал Джинелли. — Поорешь — они тебя найдут. И запомни послание деду.

Он повернулся, чтобы уйти.

— Вы не понимаете, — хрюплю сказал Лемке. — Он никогда его не снимет. Он последний из великих мадьярских вождей. Его сердце — кирпич. Я запомню, конечно, мистер, но он никогда не снимет проклятье.

По дороге прогромыхал пикап в сторону цыганского табора. Джинелли бросил на него мимолетный взгляд и снова обратился к Лемке:

— Кирпич можно разрушить, — сказал он. — Так и передай ему.

Джинелли снова вышел на дорогу и побежал трусцой назад, к карьеру. Еще один пикап проехал мимо, за ним подряд три легковых автомобиля. Людям было любопытно, что за стрельба из автомата происходила возле их городка среди ночи. Джинелли особенно на счет них не беспокоился. Видимый издалека свет автомобильных фар давал возможность скрыться заранее в придорожной растительности.

Когда послышалась полицейская сирена, он успел добраться до карьера, где была припаркована его «Нова».

С потушеными фарами он подвел машину ближе к дороге, подождал, пока «Шевроле» с мигалкой на крыше проехал мимо.

— Когда полицейская машина проехала, я убрал грязь с лица и рук и поехал следом за ней.

— Следом?! — перебил его Билли.

— Так безопаснее. Если где-то стрельба, наши невинные люди готовы ноги себе переломать — лишь бы увидеть кровь прежде, чем полиция смоет ее из шлангов с тротуара. Люди, которые едут в противоположном направлении, вызывают подозрение. Обычно это те, кто смыается с оружием с места действия.

К тому времени как он подъехал к полю, там уже выстроились у обочины штук шесть машин, лучи их фар перекрещивались. Люди суетились и оживленно обсуждали случившееся. Полицейская машина припарковалась возле того места, где Джинелли вывел из строя второго парня. Вращающийся световой сигнал отбрасывал синие блики на деревья. Джинелли опустил стекло.

— Что случилось, офицер?

— Ничего такого, что вам могло бы обеспокоить. Поезжайте своим путем. И на тот случай, если парень в «Нове» говорит по-английски, а понимает только русский, полицейский нетерпеливо указал ему лучом фонарика дорогу вдоль Финсон Роуд.

Джинелли медленно проехал среди других машин. Вдалеке возле разгромленной им машины собрались две группы людей. Одна группа состояла из цыган в нижнем белье — они что-то обсуждали между собой, усиленно, жестикулируя. Другая группа была из местной публики. Те стояли, засунув руки в карманы, и молча разглядывали разбитый автомобиль. Обе группы игнорировали друг друга.

Финсон Роуд протянулась еще миль на шесть. Пару раз Джинелли чуть не скатился в кювет, поскольку навстречу на большой скорости неслись другие машины, а дорога была достаточно ухабистой.

— Просто среди ночи ребята надеялись увидеть кровь, Уильям, пока полиция не смыла ее с тротуара или, в данном случае, — с травы. Удалось найти другую дорогу, которая довела его до Бакспорта, где он повернул на север. В два часа ночи Джон Три прибыл в свой номер в мотеле, поставил будильник на семь тридцать и заснул.

Билли уставился на него.

— То есть, пока я места себе не находил, думая, что тебя убили, ты спал в том самом мотеле, который мы покинули?

— Ну, в общем так. — Джинелли и сам устыдился на мгновение. Но тут же с улыбкой пожал плечами. — Спиши это на неопытность, Уильям. Не привык совсем, что кто-то за меня волнуется. Ну, только мама еще, но это — другое дело.

— Ты проспал что ли? Сюда-то приехал часов в девять.

— Нет. Сразу встал, когда зазвенел будильник. Позвонил кое-куда и отправился в центр города. Там арендовал другой автомобиль, на этот раз у «Авис». С «Херцем» мне не так повезло.

— У тебя будут неприятности из-за машины «Херца»? — спросил Билли.

— Нет. Все в порядке. Дело могло осложниться, но я и позвонил как раз в связи с машиной «Херца». И «коллега по бизнесу» по моей просьбе прилетел из Нью-Йорка. В Эллсвурте есть небольшой аэропорт. Пилот потом полетел в Бангкок ждать его. А мой коллега на попутках прибыл в Банкок. Он...

— Слушай, дело приобретает масштабы, — сказал Билли. — Ты понимаешь? Прямо во Вьетнам превращается.

— Да ты что? Не будь дураком, Уильям.

— Скажешь, всего лишь твоя экономка прилетела из Нью-Йорка. Вернее — эконом.

— Пусть так. Я никого в Мэнне не знаю, а единственный, с кем успел познакомиться, отдал концы. Да не было никаких проблем. У меня — полный отчет есть. Мой коллега вчера спокойно в полдень добрался до Банкоктона. Там на заправочной был всего один парень, да и тот успел прилично набраться. Бензин он, правда, накачивал — все чин-чином, а остальное время где-то слонялся или возился с машиной. Пока его не было в очередной раз, мой коллега законтачил проводки «Форда» и спокойно уехал. Проехал мимо станции, так тот парень даже не глянул в его сторону. Коллега доехал до международного аэропорта Бангкока и поставил машину в один из загонов «Херца». Я его попросил проверить насчет пятен крови. Потом, когда говорил с ним по телефону, он сказал, что на переднем сиденье немного крови было, наверняка куриной. Мой коллега ее смыл, потом заполнил бланк

возврата, опустил в ящик «Экспресс-возврата» и улетел обратно в Нью-Йорк.

— А как же с ключами? Ты говоришь, он зажигание на проводах законтачил.

— С ключами, действительно, проблема возникла. Еще одна моя ошибка. Думаю, от недосыпа стал рассеянным, а может, старею. Они остались в кармане Спартона, а я забыл их вытащить, когда его захоронил там. Но теперь... — Джинелли вытащил пару ключей на блестящем брелоке «Херца» и позвенел ими. — Динь-динь!

— Так ты ездил назад, — сказал Билли хрипло. — Господи! Поехал и откопал, чтобы достать ключи!

— Рано или поздно зверье его бы обнаружило и начало бы — резонно пояснил Джинелли. — Те же охотники на птиц с собаками. Короче, это мелочь для Херца, когда приходит конверт экспресса без ключей. Люди то и дело забывают вернуть ключи от арендованных машин, от номеров отеля. Иногда присылают их, иногда — забывают. Менеджер сервиса звонит по телефону восемь-ноль-ноль, сообщает заводские данные машины, а на другом конце парень из «Форда», «Дженерал Моторс» или «Крайслера» называет ему модель ключа. Престо! Новые ключи. Но если найдут в карьере парня с дыркой в голове и с ключами в кармане, не трудно и меня отыскать. Скверно. Паршивые новости. Ты понял?

— Да.

— Кроме того, мне все равно надо было туда вернуться, — мрачно сказал Джинелли. — А в «Нове» сделать этого было нельзя.

— Ну почему? Они же ее не видели.

— Мне надо рассказать тебе по-порядку, тогда поймешь. Еще подлить?

— Пожалуй.

— Сейчас речь идет о «Бьюике»-универсале. Парень в «Ависе» хотел мне дать «Ариес-К», сказал, это все, что у него есть, в данный момент, так что мне еще повезло. Но для меня эта машина не годилась. Мне нужен универсал, а эта — хоть и здоровенная, а совершенно бесполковая машина. За двадцать баксов он переменил мнение, и я получил ту машину, которую хотел. Поехал обратно в

мотель в Бар Харбор, припарковался, сделал пару телефонных звонков, чтобы удостовериться, что все идет по намеченному плану. Потом приехал сюда на «Нове». Знаешь, Билли, она мне даже понравилась. Вроде неказистая и внутри коровьим навозом отдает, но у нее, понимаешь, крепкая косточка, что ли... Вот так. Приехал сюда, успокоил тебя. К тому времени я уж готов был к новому удару, но так устал: думаю — тащиться опять в Бар Харбор. Короче, у тебя в постели и проспал день.

— Да позвонил бы мне и не тащился лишний раз, — тихо сказал Билли.

Джинелли улыбнулся ему.

— Ну, конечно, мог бы и позвонить. Только пошел он подальше, этот телефон. Он мне не покажет, как дела с тобой, Уильям. Не один ты беспокоишься о своем здоровье.

Билли опустил голову, с трудом проглотил ком в горле. Слезы в последнее время приходилось сдерживать довольно часто.

— Итак! Джинелли пробуждается, встает, как огурчик, — без похмелья, принимает душ, прыгает в свою «Нову», которая еще больше смердит коровьим навозом, простояв на солнцепеке, и едет обратно в Бар Харбор. Там он забирает пакеты поменьше из багажника «Новы» и раскрывает их у себя в номере. В одном из них — кольт «Вудсмен» и внутренняя кобура под мышку к нему. Содержимое двух других пакетов размещается в карманах спортивного плаща. Затем он покидает комнату и меняет «Нову» и «Бьюик». Едет в весьма «сценичный» Банкертон, где, как он надеется, побывает в последний раз. По пути разок останавливается у супермаркета, заходит туда и покупает две вещи: шарообразный сосуд и большую бутылку пепси. В Банкертон прибывает на закате, едет к карьеру щебенки и сразу идет туда, поскольку осторожность тут больше не имеет значения. Если тело нашли, значит, он попался.

Но там никого нет, и он откапывает Спартона, нащупывает ключи — и все в порядке.

Голос Джинелли был совершенно бесстрастным, но Билли показалось, что перед ним разворачивается сюжет,

как в кинофильме, правда, не очень приятном. Джинелли, сидящий на корточках и разбрасывающий щебенку в стороны руками. Вот появляется рубашка Спартона, его пояс... его карман. Пальцы проникают в карман, ищут среди мелочи, которой не суждено быть истраченной... холодная застывшая плоть. Ключи найдены, труп снова быстро закапывают.

— Брррр, — сказал Билли и поежился.

— Все дело в перспективе, Уильям, — спокойно заметил Джинелли. — Поверь, это так.

Кажется, это меня и пугает, подумал Билли. А потом с растущим изумлением слушал дальше конец истории необычных приключений Джинелли.

С ключами «Херца» в кармане Джинелли вернулся к своему «Бьюику» конторы «Авис». Первым делом откупорил бутылку пепси-колы, вылил ее содержимое в сосуд и как следует накрыл крышкой. После этого поехал к цыганскому табору.

— Я знал, что они все еще будут там, — сказал он. — Не потому что им так хочется, а потому что полиция штата велела не рыпаться, пока не проведет расследования. Представь себе: поселяется какое-то кочевое племя, чужаки в таком цивилизованном обществе, как город Банкертон, является еще какой-то чужак или шайка таких среди ночи и обстреливают их стойбище. Легавым всегда интересны подобные истории.

Им и в самом деле было интересно. Там уже находилась патрульная машина полиции штата Мэн и еще два неприметных «Плимута» у края поля. Джинелли влез между двумя «Плимутами», вышел из машины и направился к табору. Разгромленный универсал успели увезти — возможно, на обследование криминалистам.

На полпути Джинелли встретился с полицейским в униформе «Медведей штата», как их официально называли.

— Для вас, сэр, здесь никакого дела нет, — сказал «Медведь». — Вам придется пройти обратно.

— Но я убедил его, что у меня кое-какое дело там все же есть, — сказал Джинелли, улыбаясь Билли.

— Это как же тебе удалось?

— Вот — предъявил ему.

Джинелли вытащил из заднего кармана кожаные «кочерочки» и сунул Билли. Тот открыл и тотчас узнал документ — он видел такие в ходе своей карьеры юриста пару раз. Встречался бы чаще, если бы специализировался на уголовщине. Это было удостоверение ФБР с фотографией Джинелли лет на пять моложе: волосы коротко подстрижены, почти под ежик. На карточке он фигурировал, как агент Эллис Стонер.

В голове Билли вдруг все сложилось одно к одному. Он посмотрел на удостоверение еще раз.

— Ты хотел «Бьюик», потому что он выглядит...

— Более официально. Государственная служба. Их типичный транспорт. Не в консервной же банке мне появляться, что пытался всучить «Авис»? И уж, конечно, не в навозной тачке фермера Джона.

— Это тебе твой «коллега по бизнесу» доставил во второй визит?

— Да.

Билли вернул ему документ.

— Выглядит как настоящий.

Улыбка исчезла с лица Джинелли.

— Все, кроме фотографии, — тихо сказал он. — Она — настоящая.

Немного помолчали. Билли пытался отогнать прочь мысли об агенте Стонере, была ли у него семья, дети... Потом напомнил:

— Значит, ты припарковался между двумя полицейскими машинами и показал удостоверение ФБР через пять минут после того, как откопал ключи на трупе?

— Нет, — сказал Джинелли. — Скорей, минут через десять после того.

Направляясь в лагерь цыган, он приметил двух мужчин в штатском, но явно полицейских, которые сидели на корточках возле фургона с единорогом и совками копались в земле. Третий стоял и светил им мощным фонарем.

— Постой, постой, — вот еще одна, — сказал копавший своему коллеге, извлекая пулю из совка и бросая ее в ведерко — блонк! Два цыганенка явно братья, стояли поблизости и наблюдали за процессом.

Присутствие полицейских для Джинелли было как нельзя кстати. Никто не знал, как он выглядит, а Сэмюэл Лемке помнил только черное пятно сажи. К тому же появление агента ФБР можно было считать удачей, так как стрельба велась из русского автомата. Но Джинелли проникся глубоким уважение к Тадузу Лемке. Дело было не в той надписи кровью на лбу, а в том, как он твердо стоял один на один перед шквалом пуль 30-го калибра в полной темноте. Ну и, конечно, — то, что происходило с Уильямом. Было опасение, что дед его все равно мог распознать. Увидеть по глазам или как-то по запаху учуять.

Поэтому ни при каких обстоятельствах Джинелли не намерен был допустить, чтобы старик коснулся его.

Ему нужна была девушка.

Он прошел внутренний круг и постучался в первый попавшийся фургон. Пришлось постучаться еще раз, прежде чем женщина средних лет открыла дверь с испуганным и недоверчивым выражением лица.

— Нет у нас ничего для вас, — сказала она. — У нас тут беда. Извините, мы закрыты.

Джинелли раскрыл удостоверение.

— Специальный агент ФБР, мадам, — Стонер.

Глаза женщины широко открылись, она быстро перекрестилась и сказала что-то на ромалэ. Потом:

— О, Господи! Что еще? Все пошло кувырком. С тех пор, как Сюзанна погибла, нас словно прокляли. Или...

Ее решительно оттолкнул супруг, приказав заткнуться.

— Специальный агент Стонер, — вновь повторил Джинелли.

— Слышал, слышал. — Он выбрался наружу. Джинелли определил его возраст в районе сорока пяти лет, хотя выглядел мужик старше. То был очень высокий человек, хромавший настолько сильно, что казался уродом. Рубашка с короткими рукавами несла на себе скромную диснеевскую рекламу.

Вместо штанов — шорты. От него несло таким перегаром, что в любой момент можно было ожидать, что его еще и вырвет. Похоже, с этим цыганом подобное случалось регулярно. Джинелли показалось, что он узнал его:

кажется именно он бежал прочь с грацией слепого эпилептика, у которого случился сердечный припадок.

— Чего вам надо? У нас и так тут полиция весь день висит на заднице. И всегда так... Просто смешно! — Говорил он хриплым грубым голосом, а его жена принялась торопливо увещевать его на роме.

Он повернулся к ней.

— Дет кригиска жад-халлер, — сказал он припечатал для пущей ясности: — Заткнись, сука. — Женщина отступила. Мужчина в диснеевской рубашке вновь обратился к Джинелли. — Так чего вам надо? Чего не пойдете к своим корешам и не поговорите с ними? — Он кивнул в сторону криминалистов.

— Позвольте записать ваше имя, — сказал Джинелли с бесстрастной вежливостью.

— А чего у них не спросите? — Он скрестил руки на груди, которая под рубашкой казалась не на много меньше женской. — Мы им свои имена сказали, сделали наши заявления. Все, что мы знаем, — кто-то стрелял по табору среди ночи. Нам только нужно, чтобы нас отпустили. Хотим уехать из штата Мэн, из Новой Англии и вообще с восточного побережья. — Уже потише добавил: — И больше никогда сюда не возвращаться. — Указательный палец и мизинец его левой руки сделали жест, знакомый Джинелли с детства от его матери, — жест, отгоняющий дурной глаз. Ему показалось, что цыган сделал такой жест совершенно машинально.

— В таком случае эту проблему можно решить двумя путями, — сказал Джинелли, сохранив исключительно вежливый тон агента ФБР. — Либо вы даете мне кое-какую информацию, сэр, либо вопрос будет решаться в месте лишения свободы в том плане — задержать вас или нет за обструкцию органов правосудия. Если факт обструкции будет доказан, вам придется провести пять лет в заключении с уплатой штрафа в размере пяти тысяч долларов.

Из фургона послышался торопливый поток речи на роме на грани истерики.

— Энкельт! — хрипло заорал мужчина, но когда обернулся к Джинелли, лицо его заметно побледнело. — Вы совсем спятили!

— Нет, сэр, — ответил Джинелли. — По табору не просто кто-то стрелял.. Речь идет о трех автоматных очередях. В Соединенных Штатах запрещено частное владение автоматами и другим скорострельным оружием. К делу подключено ФБР, и, выражаясь более понятным вам языком, скажу, что вы по уши в дерьме, погружаетесь в него все глубже и при этом совсем не умеете плавать.

Цыган некоторое время недовольно смотрел на него и наконец сказал:

— Меня зовут Хейлиг. Трей Хейлиг. Можете у них спросить. — Он кивнул в сторону полицейских.

— У них своя работа, у меня — своя. Так вы намерены отвечать на мои вопросы или нет?

Мужчина отрешенно кивнул головой.

Джинелли заставил Трея Хейлига дать полный отчет о том, что произошло в прошлую ночь. Пока тот говорил, один из детективов штата подошел, чтобы выяснить — кто беседует с цыганом. Когда Джинелли предъявил ему удостоверение, он быстро удалился. Документ явно произвел на него впечатление и несколько обеспокоил.

Хейлиг заявил, что выскочил из фургона, как только услышал первые выстрелы, и побежал влево вверх по холму, надеясь обойти стрелявшего с фланга. Но в темноте споткнулся обо что-то, упал головой на камень и потерял сознание. Если бы такое обстоятельство, он бы наверняка добрался до ублюдка. В подтверждение своей истории показал на заживающую ссадину по-крайней мере трехдневной давности, полученную, видимо, по-пьянке, на левом виске. «Ага, — подумал Джинелли и перевернул страницу в блокноте. — Хватит ходить вокруг да около, пора перейти к делу».

— Очень вам признателен, мистер Хейлиг, вы весьма помогли.

Этот разговор внушил некоторую робость цыгану.

— Да ладно... что вы? Извините, что я так с вами... Но побыли б на нашем месте... — Он пожал плечами.

— Полиция, — сказала жена за его спиной. Она выглядывала из двери фургона, словно старый и усталый барсук из норы, чтобы посмотреть, как много собак вокруг и насколько они злые. — Всегда полицейские — куда бы

мы ни пошли. Обычное дело. А сейчас — хуже. Люди запуганы.

— Энкельт, мамма, — сказал Хейлиг, но уже не так сердито.

— Мне надо поговорить еще с парой людей, если подскажете, где их найти, — сказал Джинелли и посмотрел на пустую страницу блокнота. — Мистер Тадуз Лемке и миссис Анжелика Лемке.

— Тадуз вон там спит, — сказал Хейлиг и указал на фургон с единорогом. Джинелли счел это прекрасной новостью, если дело обстояло так. — Он очень старый и его все это очень сильно утомило. А Джина, по-моему, вон в том фургоне. Только она не миссис, а мисс.

Он указал грязным пальцем на зеленую «Тойоту», оборудованную деревянным фургоном на шасси.

— Большое вам спасибо. — Итальянец закрыл блокнот и засунул его в задний карман.

Хейлиг удалился в свое помещение (и, видимо, прямо к своей бутылке) с очевидным облегчением. Джинелли в сгущавшихся сумерках пересек внутренний круг и подошел к «Тойоте». В тот момент его сердце билось очень сильно. Глубоко вздохнув, он постучал о дверцу.

Ответ последовал не сразу. Он поднял было руку, чтобы постучать снова, когда дверь раскрылась. Уильям говорил, что она красива, но Джинелли не был подготовлен к столь покоряющей красоте. Темные глаза смотрели смело, белки их были чистыми до голубизны, оливковая кожа таила розовый оттенок. Какое-то мгновение он разглядывал ее, посмотрел на руки, увидел, что они были сильными, никакого лака на ногтях — чистых и подстриженных, как у крестьянки. В одной руке Джина держала книгу «Статистическая социология».

— Да?

— Специальный агент Эллис Стонер, мисс Лемке, — сказал Джинелли, и тотчас ясность покинула ее глаза, словно задернулась занавеска. — ФБР.

— Да? — повторила она. В голосе не больше жизни, чем в автоответчике.

— Мы расследуем происшествие со стрельбой здесь прошлой ночью.

— Вы и еще полсвета, — сказала она. — Ну и расследуйте. А у меня времени нет. Я заочно учусь, и если завтра не отправлю почтой свое задание, меня могут отчислить. Так что извините...

— У нас есть данные, что за случившимся стоит некий Уильям Халлек, — сказал Джинелли. — Вам это имя ни о чем не говорит? — Конечно, говорит: на миг ее глаза раскрылись шире и словно вспыхнули. Джинелли нашел ее прекрасной. Но одновременно поверил в то, что именно она могла убить Фрэнка Спартона.

— Эта свинья! — Она плонула. — Хан сатте сиг па эн ав столарна! Хан снегладе па нытт мот хиллорна и вильд! Вильд!

— У меня в машине есть несколько фотографий Халлека, — спокойно сказал Джинелли. — Они были сделаны в Бар Харборе нашим агентом с помощью телевика...

— Конечно, это Халлек! — сказала она. — Эта свинья убила мою тантенъяд — мою бабушку! Но он нас не долго будет преследовать. Он... — Она прикусила нижнюю губу и замолчала. Если бы Джинелли был тем, за кого себя выдавал, ей было бы не избежать основательного допроса.

Джинелли предпочел ничего не заметить.

— На одном из снимков один человек передает другому деньги. Если кто-то из них Халлек, другой, не исключено, — стрелок, посетивший вас минувшей ночью. Я бы хотел, чтобы вы и ваш дедушка опознали Халлека, если это возможно.

— Он мой прадедушка, — ответила Джина рассеянно. — По-моему, он спит. С ним мой брат. Не хочу будить его. — Она сделала паузу. — Вообще не хочу его расстраивать этими делами. Последние дни ему очень тяжело пришлось.

— Хорошо. Может быть, так сделаем: вы посмотрите фотографии и, если точно опознаете Халлека, нам не придется будить старшего мистера Лемке.

— Да, так будет лучше. Если вы поймаете эту свинью Халлека, вы его арестуете?

— О, да. При мне есть федеральный орден Джона Доу. Это убедило ее. Она вышла из фургона, зашуршав юбкой и мельком обнажив ногу, покрытую ровным зага-

ром. При этом сказала нечто такое, от чего холодок сжал сердце Джинелли.

— Там особенно и нечего будет арестовывать, я так думаю.

Они прошли мимо полицейский, все еще копавшихся в земле несмотря на наступившую темноту. Миновали нескольких цыган, включая двух мальчиков-братьев, одетых в одинаковые пижамы. Джина кивком приветствовала некоторых из них, те ответили и поспешили ретироваться. Высокий мужчина, похожий на итальянца, который шел с Джиной, являлся агентом ФБР, и от него следовало держаться подальше.

Они покинули круг табора и направились вверх по холму к машине Джинелли. Вечерний мрак поглотил обоих.

— Все шло как по маслу. Почему бы и нет? Кругом полно полицейских. Мог ли тот парень, который в них стрелял, снова явиться и еще что-то затеять, пока полицейские находились там? Они так не думали. Но они же дураки, Уильям. Я ожидал от всех них глупости, но не от деда. Всю жизнь он учился ненавидеть легавых, не доверять им, а тут вдруг решил, что они его оберегают от того, кто их за задницу кусает. Но старик спал. Выдохся. Ну, и отлично... Мы и его, кстати можем захватить, Уильям. Запросто, я думаю.

Они подошли к «Бьюику». Джинелли открыл дверцу водителя, пока девушка стояла там. Когда он наклонился чтобы вытащить из-за пазухи кольт 38-го калибра одной рукой, а другой освободить крышки шарообразного сосуда почувствовал, как экзальтация девушки сменилась настороженностью. Все чувства Джинелли были обострены, как и интуиция. Да, он ощущал ее тревогу в окружающей темноте: слишком легко она отделилась от своих с человеком, которого прежде никогда не видела. И это в то время, как должна была быть особенно начеку. Впервые подумала: а почему этот агент ФБР не захватил бумаги с собой в табор, если ему нужно было так срочно задержать Халлека. Но было поздно. Он сыграл на ее ослепляющей ненависти, назвав главное имя.

— Вот и все, — сказал Джинелли и повернулся к ней с Кольтом, в одной руке и сосудом в другой.

Глаза ее вновь широко раскрылись, грудь поднялась, когда она раскрыла рот и судорожно вдохнула.

— Можешь закричать, — сказал Джинелли, — но я тебе гарантирую — это будет последний звук в твоей жизни, Джина.

Какой-то миг ему казалось, что она все равно закричит... но она только выдохнула воздух.

— Это ты работаешь на свинью, — сказала она. — Ханс сатте сиг па...

— Говори по-английски, блядь, — сказал он небрежно. Она вздрогнула, как от пощечины.

— Не смей называть меня блядью, — прошептала она. — Никто не смеет меня обзывать. — Ее руки поднялись, сильные пальцы согнулись, как когти.

— Ты называешь моего друга Уильяма свиньей. Я называю тебя блядью. А твою мамашу — проституткой, а твоего папашу — псом, который в сортирах облизывает жопы, — сказал Джинелли. Увидел, как раздвинулись ее губы в оскале ярости и улыбнулся. Что-то в его улыбке заставило ее поколебаться. Позднее Джинелли сказал Билли, что она испуганной не выглядела, но по какой-то причине сквозь дикую ярость пробилось осознание того, с кем и с чем она имеет дело.

— Думаешь, это игра? — спросил он ее. — Вы налагаете проклятие на человека, у которого жена и ребенок, и думаете, что это — игра? Ты думаешь, он нарочно сбил ту женщину, твою бабушку? Думаешь, у него на нее был контракт? Что мафия заключила на нее контракт? Дерьмо.

Девушка теперь плакала слезами ярости и ненависти.

— Ему жена дрошила, и он ее задавил на улице! А потом они... они хан тог ин пойкен... отмазали его. Но мы его хорошо пригвоздили. И ты будешь следующим, друг свиньей. Не важно, что...

Он снял крышку с широкого горлышка сосуда движением большого пальца. Ее глаза впервые уставились на жидкость в сосуде. Именно этого он и хотел.

— Кислота, блядь, — сказал Джинелли и плеснул ей в лицо. — Посмотрим, сколько еще людей ты подстрелишь из своей рогатки, когда ослепнешь.

Она пронзительно вскрикнула и накрыла ладонями глаза. Слишком поздно. Упала на землю. Джинелли наступил ей на шею.

— Если пикнешь, убью. Тебя и первых трех твоих дружков, которые появятся тут. — Он убрал ногу. — Это была пепси-кола.

Джина поднялась на колени, глядя на него сквозь пальцы. Обостренным, почти телепатическим чутьем Джинелли понял: не было нужды говорить ей, что то была не кислота. Она это поняла сразу, хотя в первое мгновение ее как будто бы обожгло. Мгновение спустя, чуть было не запоздало, он сообразил, что она бросается рукой на его половые органы.

Когда она кошкой кинулась к нему, он мгновенно шагнул в сторону и ударил ее ногой в бок. Затылок Джины с громким звуком ударился о хромированную раму раскрытой дверцы водителя. Она рухнула на землю, и кровь залила ее щеку.

Джинелли наклонился над ней, уверенный, что она потеряла сознание. И в тот же миг она с шипением атаковала его. Одной рукой расцарапала лоб, другой — разорвала рукав его водолазки и содрала кожу вдоль руки.

Джинелли зарычал и отшвырнул ее на землю. Потом прижал дуло пистолета к ее носу.

— Что, сука, моих яиц захотела? Хочешь? Ну, давай, блядь! Давай! Ты мне морду попортила. А теперь попытайся, доберись!

Она лежала неподвижно и смотрела на него глазами, черными, как смерть.

— Что, передумала? Попробовала бы, да дед твой не перенесет такой утраты.

Она молчала, но в глазах ее мелькнул мимолетный огонек.

— Думаешь — что с ним будет, если я в самом деле плесну тебе кислотой в морду? Ну что ж, подумай. Каково ему будет, когда вместо тебя, я решу умыть кислотой тех двух братишек в пижамах?

Я все могу, блядь. Сделаю и вернусь домой, и хорошо поужинаю. Посмотри мне в лицо, и поймешь, что я все могу.

Теперь, наконец, он приметил что-то в ее лице, нечто похожее на страх — но не за себя.

— Он проклял вас, — сказал Джинелли. — Я — его проклятие.

— Насрать на проклятие этой свиньи, — прошептала она и вытерла рукой кровь с лица.

— Он просит меня, чтобы никто не пострадал, не погиб, — продолжал Джинелли. — Я все так и делал. Но нынче ночью наш мирный договор заканчивается. Не знаю, сколько раз твой дед выходил сухим из воды с такими штуками. Но сейчас номер не пройдет. Скажи ему, чтобы снял проклятие. Скажешь, последний раз я просил. На, возьми вот это.

Он сунул ей в руку листок бумаги. На нем был записан номер телефона-автомата в Нью-Йорке.

— Сегодня ровно в полночь ты позвонишь по этому номеру и передашь мне, что сказал дед. Если понадобится мой ответ, позвонишь спустя ровно два часа. Если от меня будет послание, передашь ему... если будет... Вот и все. Так или иначе дверь закроется. Никто никогда по этому номеру не поймет, о чем ты толкуешь после двух часов ночи.

— Дед никогда не снимет проклятия.

— Может, и так, — кивнул Джинелли. — То же самое мне твой братец сказал вчера ночью. Но это уж не твое дело. Делай как положено, и пусть он сам решит, что предпринять. Объясни ему, что, если скажет «нет», тогда начнутся настоящие буги-вуги. Первой будешь ты, потом двое пацанов, а дальше — кого сами выберем. Так ему все и скажи. А теперь — в машину.

— Нет.

Джинелли закатил глаза.

— Вы когда-нибудь поумнеете? Я просто хочу быть уверенным, что у меня достаточно времени, чтобы смыться в неизвестном направлении без хвоста из двенадцати легавых. Если бы я захотел тебя шлепнуть, то не стал бы передавать эти послания.

Девушка поднялась. Ее немного шатало, но однако он влезла в машину и передвинулась на пассажирское сиденье.

— Это недалеко, — сказал Джинелли. Он вытер ладонью кровь со лба и показал ей. — После этого я очень хочу увидеть тебя размазанной по стенке.

Джина прижалась к дверце машины подальше от него.

— Вот так хорошо, — сказал Джинелли, садясь за руль. — Так и сиди.

Он выбрался на Финсон Роуд задним ходом, не включая фар. Колеса «Бьюика» слегка забуксовали. Переключил передачу с кольтом в руке. Когда Джина зашевелилась, он нацелил на нее дуло.

— Ошибка, — сказал Джинелли. — Двигаться нельзя совсем. Ты поняла?

— Поняла.

— Хорошо.

Он проехал тем же путем обратно, держа ее под прицелом.

— Всегда вот так, — с горечью произнесла она. — Даже за крохотное правосудие с нас требуют такую дорогую цену. Он твой друг, эта свинья Халлек?

— Я уже сказал, не называй его так. Он не свинья.

— Он проклял нас, — сказала девушка, и в голосе ее, помимо злости, послышалось недоумение. — Передай ему — Бог проклял нас прежде любого своего племени.

— Эти сопли рассказывай социальным работникам, бэби. Она умолкла.

За четверть мили от того места, где в карьере был засыпан гравием Фрэнк Спартон, Джинелли остановил машину.

— О'кей. Достаточно далеко. Вылезай.

— Конечно. — Она ровно посмотрела на него своими бездонными глазами. — Но одну вещь запомни, мистер. Наши дорожки еще сойдутся. Когда это случится, я убью тебя.

— Нет, — ответил он. — Не убьешь. Потому что за сегодняшнюю ночь ты мне обязана жизнью. Если тебе этого мало, неблагодарная сука, добавь жизнь своего братишкы прошлой ночью. Ты все болтаешь, но так и не поняла порядка вещей в этом мире. Не поняла, почему вы бездомные. И всегда будете такими, пока не бросите ваши делишки. У меня друга как воздушного змея можно

запускать — только шарики подвяжи. Ну, и что ты имеешь? Я скажу тебе, что. Безносого деда, который проклял моего друга и смылся в ночи, как гиена.

Теперь цыганка плакала. Даже рыдала. Слезы ручейками стекали по щекам.

— Говоришь, Бог на вашей стороне? — невнятно сквозь слезы проговорила она. — Ты так сказал, да? Так будешь гореть в аду за такое кощунство. Мы, значит, гиены? Если мы такие, то это люди, вроде твоего дружка, сделали нас такими. Мой прадедушка говорит, что проклятий нет, есть только зеркала, которые держишь перед душами мужчин и женщин.

— Вылезай, — сказал он. — Мы не можем разговаривать. Мы даже не слышим друг друга.

— Вот уж верно.

Джина открыла дверцу и вышла. Когда Джинелли отъезжал, она закричала пронзительно:

— Твой друг — свинья и подохнет тощим!

— Но я так не считаю, — сказал Джинелли.

— Что имеешь в виду?

Джинелли посмотрел на часы. Время перевалило за три часа.

— В машине расскажу, — сказал он. — Тебе предстоит свидание в семь часов.

Билли физически ощущил страх, словно кольнуло внутри.

— С ним?

— Так точно. Поехали.

Когда Билли поднялся, начался приступ аритмии — самый долгий. Он закрыл глаза и ухватился за грудь, за то, что осталось от груди. Джинелли обнял его.

— Уильям, тебе плохо?

Он посмотрел в зеркало и увидел в нем свое отражение, держащее в объятиях гротескное существо в каких-то балахонах вместо одежды. Приступ прошел, сменившись куда более знакомым чувством белой ярости, направленной против старика... и Хейди.

— Все в порядке, — сказал он. — Куда мы едем?

— В Бангор, — ответил Джинелли.

Глава двадцать третья РАСШИФРОВКА

Они взяли «Нову». Обе оценки, которые высказал о ней Джинелли, оказались справедливыми: в машине пахло коровьими лепешками, и бензин она жрала огромными порциями. Джинелли сделал остановку примерно в четыре часа и купил приличную корзину моллюсков. Припарковались на придорожной стоянке, разделались с ними и с шестью банками пива. Пара-тройка семейных групп, устроивших на стоянке пикник за столиками, посмотрели на Билли Халлека и переместились подальше от них.

Пока ели, Джинелли закончил историю. Много времени это уже не заняло.

— Примерно в одиннадцать вечера я уже был в комнате Джона Три. Я бы и раньше туда вернулся, но сделал несколько петель и восьмерок по пути, чтобы убедиться в отсутствии хвоста. Из комнаты позвонил в Нью-Йорк и послал одного парня к телефонной будке с тем номером, что я дал девице. Попросил его подклейт микрофон и записать разговор на магнитофон. Это такая игрушка, которую используют репортеры, чтобы записывать телефонные интервью. На пересказы не хочу полагаться, Уильям. Попросил его позвонить мне с записью разговора, как только она повесит трубку.

— Пока ждал звонка, продезинфицировал царапины, которые она мне сделала. Не хочу сказать, что у нее гидрофобия или что-то в этом роде, Уильям, но в ней было столько ненависти, знаешь...

— Знаю, — подтвердил Билли и мрачно подумал: Еще бы не знать.

Звонок раздался в двенадцать пятнадцать. Закрыв глаза и приложив пальцы рук ко лбу, Джинелли воспроизвел Билли почти точный текст беседы в записи на магнитофон.

Человек Джинелли: Хелло.

Джина Лемке: Ты работаешь на человека, которого я сегодня вечером встретила?

Человек Джинелли: Можете так считать.

Джина: Передай ему — мой прадедушка говорит...

Человек Джинелли: У меня есть «стено-контакт» на телефон. То есть вас будут записывать на магнитофон. Я прокручу запись человеку, о котором вы говорите.

Джина: Вы можете так сделать?

Человек Джинелли: Да. Так что сейчас в некотором роде вы говорите с ним напрямую.

Джина: Ну, ладно. Мой прадедушка говорит, что снимет его. Я ему сказала, что он с ума сошел. Хуже того — он совершаet ошибку, но он твердо стоит на своем. Говорит — хватит терзать его людей, хватит этого страха среди них. Он снимет то, что ты имеешь в виду. Но ему нужно встретиться с Халлеком. Он не может этого снять, пока не встретиться. Завтра в семь часов вечера мой прадедушка будет в Бангоре. Там есть парк между двумя улицами — Юнион и Хаммонд. Он там будет сидеть на скамейке, один. Так что ты выиграл, большой человек, ты выиграл, ми хела по клокан. Пусть твой друг, эта свинья, будет в Фэйрмонт-парке, В Бангоре в семь вечера.

Человек Джинелли: Это все?

Джина: Да, за исключением того, что я желаю ему, чтобы его хер почернел и отвалился.

Человек Джинелли: Ты это ему сама говоришь, сестричка. Но, скажу тебе, ты бы такого не сказала, если бы знала, с кем разговариваешь.

Джина: И ты? Чтоб ты сдох, сволочь!

Человек Джинелли: Ты должна позвонить сюда же в два, чтобы узнать, есть ли ответ.

Джина: Позвоню.

— Она повесила трубку, — сказал Джинелли. Он отнес пустые раковины в урну, вернулся и добавил без тени сочувствия: — Мой парень сказал, что она говорила сквозь слезы.

— Господи Иисусе, — пробормотал Билли.

— Так или иначе я попросил своего человека подключить «стено» еще раз и записал послание для нее, когда позвонит в два часа. Сказал ей так: «Привет, Джина. Это специальный агент Стонер. Твое послание получил. Пожале, то, что нужно. Мой друг Уильям придет в парк в семь вечера. Он будет один, но я буду вести наблюдение. Думаю, ваши люди тоже будут наблюдать. Нормально.

Пусть обе стороны следят и не мешают тому, что будет происходить между ними двумя. Если что-то случится с моим другом, вы заплатите дорогой ценой.

— На том и договорились?

— Да. Договорились.

— Значит, старик сдался.

— Я полагаю, что он сдался. Но тут возможна и ловушка. — Джинелли посмотрел на Халлека без эмоций. — Они знают, что я наблюдаю. Могут решить убить тебя на моих глазах в качестве мести мне, а потом уж решать, что делать дальше, — по обстоятельствам.

— Они так и так меня убивают, — сказал Билли.

— Или эта девица решит самостоятельно действовать. Она сумасшедшая, Уильям. А безумные люди не всегда делают то, что им говорят.

Билли в раздумье посмотрел на него.

— Ну, да — ты прав. Но в любом случае у меня нет выбора, верно?

— Верно. Ты готов?

Билли посмотрел на людей, глазевших на него, и кивнул. Он уже давно был готов.

Направляясь к машине, спросил:

— Неужели все это ты делаешь ради меня, Ричард?

Джинелли остановился, посмотрел ему в глаза и слегка улыбнулся. Улыбка была туманной, но в глазах отчетливо виден странный огонек. Настолько отчетливо, что Билли невольно отвел взгляд.

— Это имеет значение, Уильям?

Глава двадцать четвертая ПУРПУРФАРГАДЕ АНСИКТЕТ

Они прибыли в Бангор во второй половине дня. Джинелли свернул к автозаправочной станции и заправился горючим до отказа. Заодно спросил, как проехать к месту встречи. Билли обессилено сидел в машине. Джинелли с явной тревогой посмотрел на него, садясь за руль.

— Уильям, как ты себя чувствуешь?

— Сам не знаю, — ответил он. Потом передумал. — Нет. Плохо.

— Сердце барахлит?

— Да. — Он подумал о полуночном докторе Джинелли, который говорил что-то про калий, электролиты... что-то насчет причины смерти Карена Карпентера. — Мне нужно что-то с калием. Ананасовый сок, бананы или апельсины. — Сердце вдруг пустилось в беспорядочный галоп. Билли откинулся на спинку сиденья и закрыл глаза: ждал — наступит ли смерть. Наконец буря утихла. — Целый пакет апельсинов, — добавил он.

Впереди как раз находился магазин. Джинелли припарковал машину.

— Я сейчас, Уильям. Держись.

— Порядок, — пробормотал Билли и задремал как только Джинелли вышел из машины. Тотчас увидел сон. Во сне перед ним был его дом в Фэйрвью. Стервятник с гниющим клювом опустился на подоконник и заглянул в окно. Изнутри послышался чей-то крик.

Потом его встряхнули за плечо и он проснулся, вздрогнув.

— А!

Джинелли откинулся на спинку сиденья и шумно выдохнул.

— Боже мой, Уильям, ты меня так не пугай!

— О чём ты?

— Я подумал, что ты умер. На, держи. — Он положил пакет апельсинов на колени Билли. Тот начал раскрывать пакет костлявыми пальцами, напоминавшими паучьи лапки, но ничего не получилось. Джинелли карманным ножом вспорол пакет, потом разрезал апельсин на дольки. Билли сначала ел медленно, словно выполняя долг, потом увлёкся. За последнюю неделю или чуть раньше у него опять появился аппетит. Сердце, похоже, успокоилось окончательно, восстановился нормальный ритм. Но, возможно, ему просто казалось так.

Съев первый апельсин, он взял у Джинелли нож и разрезал второй.

— Получше? — спросил Джинелли.

— Да. Гораздо. Когда мы отправимся в парк?

Джинелли подрулил к бровке тротуара, и Билли увидел по указателям, что они были почти на углу Юнион-стрит и Уэст Бродвей. Шелестели листья на деревьях под легким ветерком, двигались тени на мостовой.

— Приехали, — просто сказал Джинелли, и Билли почувствовал, как холодок пробежал по спине. — Ближе подъехать невозможно. Я тебя мог высадить в центре, но ты бы привлек внимание.

— Да, — сказал Билли. — Дети — в обмороке, у беременных — выкидыши.

— Да и пойти трудно тебе было бы, — мягко сказал Джинелли. — Ладно, все это не имеет значения. Парк прямо у подножия этого холма, четверть мили отсюда. Выбери там скамеечку в тени и жди.

— А ты где будешь?

— Неподалеку, — ответил Джинелли и улыбнулся. — Буду следить за тобой и на тот случай, если появится девица. Если она когда-нибудь приметит меня раньше, чем я ее, Уильям, мне больше никогда не придется менять сорочку. Ты понял?

— Да.

— В общем, буду держать тебя под наблюдением.

— Благодарю тебя, сказал Билли, хотя сам не знал, что именно имел в виду. Конечно, он испытывал признательность к Джинелли, но чувство было странным, трудным, вроде той ненависти, которую временами испытывал к Хустону и жене.

— Пор нада, — ответил Джинелли и пожал плечами. Он наклонился, обнял Билли и крепко поцеловал его в обе щеки. — Будь жестким и решительным со старым ублюдком, Уильям.

— Буду, — пообещал Билли с улыбкой и выбрался из машины. Потрепанная «Нова» укатила прочь. Билли смотрел ей в след, пока она не скрылась за углом в конце квартала. После этого направился к холму, раскачивая пакет апельсинов в руке.

Он едва заметил маленького мальчишку, который внезапно перелез через забор и бросился бежать по двору дома. В ту ночь этот мальчик проснется от кошмара с криком. В его сне огородное пугало с развевающимися

волосами на черепе будет гнаться за ним. Бросившаяся на его крик мать услышит слова мальчика: Оно хочет заставить меня есть апельсины, пока я не помру! Есть их, пока не помру!

Парк был широким, прохладным и тенистым. Сбоку группа детишек карабкалась на гимнастические лесенки, скатывалась с горок. Подальше мальчики командой играли в мяч против девочек. А вокруг прогуливались люди, запускали воздушных змеев, жевали конфетки, пили кола-колу. Типичная картинка американского лета последней половины двадцатого века. На мгновение Билли ощущал теплоту к ним и ко всей этой картине.

Не хватает только цыган, подсказал внутренний голос, и снова холодок пробежал по спине, посевя мураски на коже. Билли скрестил руки на костлявой груди. Нужны цыгане, разве не так? Легковые машины-универсалы с наклейками на ржавых бамперах, трейлеры, фургоны с намалеванными картинами, потом Сэмюэл с булавами из кегельбана и Джина с рогаткой. И тут же все сбегаются поглязеть, увидеть жонглера, попробовать стрельнуть из рогатки, погадать, добыть микстуру или мазь, договориться с цыганкой насчет постели — или, на худой конец, помечтать об этом, понаблюдать, как собаки рвут друг друга на части. Потому все и сбегаются — уж очень странное зрелище. Конечно же, нам цыгане нужны. И всегда были нужны.

Что же, скоро они появятся, верно?

— Верно, — сказал он и сел на скамейку, которая почти полностью спряталась в тени. Ноги его внезапно задрожали и утратили силу. Вынув из пакета апельсин, он кое-как сумел его разломить. Но аппетит снова пропал, и съел он совсем немного.

Скамейка находилась в стороне, и Билли не привлекал к себе внимания, по крайне мере с дальнего расстояния. Вроде бы сидел какой-то тощий старик и дышал чистым вечерним воздухом.

Он сидел, а тень медленно перемещалась по земле. Им овладело почти фантастическое чувство отчаяния и беспыходности, куда более темное, чем эти невинные летние тени. Слишком далеко все зашло. Ничего уже нельзя было

исправить. Даже Джинелли с его невероятной энергией не способен изменить того, что произошло. Он только ухудшал ситуацию.

Мне совсем не следовало... — подумал Билли, но что именно не следовало делать, угасло как плохой радиосигнал. Он снова дремал и находился в Фэйрвью — городе живых трупов. Они лежали повсюду. Что-то резко клюнуло его в плечо.

Нет.

Снова клюнуло.

Нет!

Удары клюва последовали вновь и вновь. Конечно же стервятник с гниющим клювом. Он боялся повернуть голову из опасения, что тот выклюет ему глаза останками своего черного клюва. Но (Тюк)

стервятник настаивал, и он

(Тюк! Тюк)

медленно повернул голову, выплывая из сна и видя... без особого удивления, что возле него на скамейке сидел Тадуз Лемке.

— Проснись, белый человек из города, — сказал он и стукнул корявым, пропитанным никотином пальцем по его плечу. (Тюк!) — Твои сны плохие. Они смердят. Я ощущаю их запах с твоим дыханием.

— Я не сплю, — невнятно ответил Билли.

— Точно? — с интересом спросил Лемке.

— Точно.

Старик был в сером двубортном костюме и черных полусапожках. Жиденькие волосы, зачесанные назад, открывали лоб, изображенный морщинами. Золотой тонкий обруч висел на мочке уха.

Билли увидел, что гниение прогрессировало на его лице и черные линии расходились от зияющей дыры носа по левой щеке.

— Рак, — сказал Лемке. Его яркие черные глаза — глаза птицы — не отрывались от лица Билли. — Ты рад, что у меня рак? Счастлив?

— Нет, — ответил Билли. Он все еще пытался отогнать кошмарные видения сна, зацепиться за реальность. — Конечно нет.

— Не ври, — сказал Лемке. — Не надо. Ты рад. Конечно же рад.

— Ничему я не рад, — ответил он. — Мне тошно от всего, поверь.

— Я никогда не верю тому, что мне говорят белые люди из города, — сказал Лемке. Говорил он с какой-то зловещей искренностью. Но ты болен, да. Ты так думаешь. Ты настан фарск — умирающий от похудания. Вот я и принес тебе кое-что. Оно поможет тебе прибавить в весе. Тебе станет лучше. — Губы старика раздвинулись в гадкой улыбке, обнажив коричневые пеньки зубов. — Но только когда кто-нибудь другой поест этого.

Билли посмотрел на то, что Лемке держал у себя на коленях, и увидел, (с ощущением «дежавю» — уже виденного некогда), что это был пирог на стандартной тарелке из алюминиевой фольги. Вспомнил собственные слова, произнесенные во сне своей жене: Я не хочу поправляться. Я решил, что мне нравится быть худым. Ты ешь его.

— Вижу, ты испугался, — сказал Лемке. — Поздно пугаться, белый человек из города.

Он вытащил из пиджака карманный складной нож и раскрыл его со старческой медлительностью и продуманностью движений. Лезвие было покороче, чем у складного ножа Джинелли, но выглядело остree.

Старичок проткнул ножом корочку и прорезал щель дюйма три длиной. Убрал лезвие, и с него упали красные пятна, оставив на поверхности пирога темные подтеки. Старик вытер лезвие о рукав своего пиджака, оставил и на нем темные пятна. Затем сложил нож и положил в карман. Корявыми большими пальцами он ухватил пирог за края и раздвинул щель посередине, обнажив тягучую жидкость внутри, в которой плавали темные комки, возможно, земляника. Расслабив пальцы, и щель закрылась. Потом вновь нажал и раскрыл ее. Снова закрыл. Опять открыл и закрыл, при этом продолжая говорить. Билли не в силах был оторвать взгляда от пирога.

— Значит, ты убедил себя, что это... Как ты назвал его? Толчок. Толчок судьбы. Что случившееся с моей Сюзанной — не более твоя ошибка, чем моя, ее или Господа Бога. Ты говоришь о себе, что с тебя нельзя требовать

расплаты за содеянное, мол, не за что тебя обвинять. Как с гуся вода. Не за что винить, говоришь? И все убеждаешь себя и убеждаешь. Но никакого такого толчка нету, белый человек из города. Каждый расплачивается даже за то, чего не совершил. Нету толчка судьбы.

Лемке на некоторое время задумался. Его большие пальцы двигались рассеянно, щель в пироге открывалась и закрывалась.

— Раз вы вины на себя не принимаете — ни ты, ни твои друзья, я заставил тебя принять ее. Я наложил ее на тебя — как знак. Сделал это за мою дорогую погибшую дочь, которую ты убил, за ее мать, за ее детей. А потом является твой друг. Он отравляет собак, стреляет ночью, позволяет себе рукоприкладство с женщиной, грозится облить детей кислотой. Сними проклятье, говорит он. Сними, говорит, да сними. Я наконец говорю — о'кей, если ты подол энкельт — уберешься отсюда! Не от того, что он натворил, а от того, что собирался совершить. Он сумасшедший, этот твой друг, и он никогда не остановится. Даже моя Джелина говорит, что по глазам его видит — он никогда не остановится. «Ну и мы никогда не остановимся», — говорит она. А я говорю — нет, остановимся. Мы остановимся. Потому что иначе мы такие же сумасшедшие, как друг человека из города. Если мы не остановимся, значит, мы считаем правильным, когда белый человек говорит: Бог отплачивает за все, это — такой толчок.

Сжатие и разжатие. Сжатие и разжатие. Открыто и закрыто.

— Сними, говорит, его. Не говорит: «Сделай так, чтобы оно исчезло, сделай, чтобы его больше не было». А ведь проклятье — вроде младенца.

Корявые старческие пальцы потянули и щель раскрылась широко.

— Никто этих вещей не понимает. Даже я. Но немножко знаю. «Проклятье» — это ваше слово, но на роме оно получше. Слушай: Пурпурфаргаде ансиктет. Слыхал такое?

Билли медленно покачал головой, подумав, что звучит это богато и мрачно.

— Означает, примерно, «Дитя ночных цветов». Вроде ребенка, который варсель, — дитя, подкинутое эльфами.

Цыгане говорят, варсель всегда находят под лилией или пасленом, который распускается ночью. Так говорить лучше, потому что проклятье — это вещь. То, что у тебя, — не вещь. То, что ты имеешь, оно — живое.

— Да, — сказал Билли. — Оно внутри, верно? Оно поедает меня изнутри.

— Внутри? Снаружи? — Лемке пожал плечами. — Везде. Пурпурфаргаде ансиктет — ты произносишь его в мир, как младенца. Только оно растет быстрее младенца, и ты не можешь убить его, потому что не можешь увидеть его и то, что оно делает.

Пальцы расслабились. Щель закрылась. Тонкая алая струйка потекла по корке пирога.

— Это проклятье... ты декент фелт о гард да борг. Будь с ним как отец. Ты все еще хочешь от него избавиться?

Билли кивнул.

— Все еще веришь в свой этот «толчок»?

— Да, — едва слышно произнес он.

Старый цыган с гниющим носом улыбнулся. Черные трещины под левой щекой углубились, сморшились. Между тем парк почти опустел. Солнце приближалось к горизонту, и тени полностью накрыли их. Неожиданно раскрытый нож снова оказался в руке Лемке.

Он сейчас ударит меня, тупо подумал Билли. Ударит в сердце и скроется со своим пирогом под мышкой.

— Развяжи руку, — сказал Лемке.

Билли посмотрел на перебинтованную руку.

— Да, где она тебя прострелила.

Билли развязал бинт и начал медленно разматывать. Ладонь выглядела слишком белой, словно некая рыба. По контрасту, края раны были почти черными, цвета печени. Такого же цвета, как то, что внутри пирога, подумал Билли. Клубника. Или еще что-то. Рана утратила окружность формы, поскольку края ее опухли и сблизились. Она напоминала теперь...

Щель, подумал Билли, переводя взгляд на пирог.

Лемке протянул ему нож.

Откуда я знаю — не покрыл ли ты его ядом кураре или цианидом, или еще чем-нибудь подобным? Хотел было

спросить и передумал. Причиной тому была Джинелли. Джинелли и Проклятье Белого Человека из Города.

Костяная ручка удобно легла в ладонь.

— Если хочешь избавиться от пурпурфаргаде ансиктет, сперва отдай его пирогу... а потом отдай пирог с младенцем-проклятьем внутри — кому-нибудь другому. Но сделать это надо скоро, иначе вернется к тебе вдвойне. Ты понял?

— Да, — ответил Билли.

— Ну, тогда делай, если хочешь, — сказал Лемке. Его пальцы вновь раздвинули корку пирога.

Билли поколебался, но лишь одно мгновение — лицо дочери возникло перед мысленным взором. Образ был ярким, как на цветном снимке: она с улыбкой обернулась к нему через плечо, держа жезлы с красно-белыми шарами.

Ошибаешься насчет толчка, стариk, подумал он. Хейди за Линду. Мою жену и за дочь. Вот он толчок судьбы.

Он ткнул нож Лемке в щель на своей ладони. Заживающая рана немедленно раскрылась. Кровь потекла в щель пирога. Смутно осознал, что Лемке что-то торопливо говорит на роме. Его черные глаза неотрывно смотрели на белое истощенное лицо Билли.

Повернул нож в ране, наблюдая, как опухшие края приняли вновь круглую форму. Кровь потекла быстрее. Боли не чувствовал.

— Энкельт! Хватит.

Лемке забрал у него нож. Билли внезапно почувствовал, что силы полностью покинули его. Обмяк, прислонившись к спинке скамейки, ощущая одновременно тошноту и опустошенность. Подумал: наверное, так чувствует себя женщина, разрешившаяся от бремени. Потом посмотрел на руке и обнаружил, что кровотечение прекратилось.

Hem! Такое невозможно!

Посмотрел на пирог, лежавший на коленях Лемке, и увидел нечто еще более невероятное. Только это невероятное произошло на его глазах. Стариk отодвинул пальцы, щель снова закрылась... и вдруг просто исчезла. Корка была совершенно целой. В центре — две дырочки, какие обычно протыкают в пирогах хозяйки. На месте щели была зигзагообразная морщинка, и все.

Он перевел взгляд на руку и не увидел ни крови, ни раны, ни разорванной плоти. Рана полностью исчезла, оставив лишь короткий белый рубец. Он тоже был зигзагообразным и пересекал линии судьбы и сердца, подобно молнии.

— Это твое, белый человек из города, — сказал Лемке и переложил пирог на колени Билли. Его первым импульсом было желание сбросить прочь подарок цыгана, избавиться как от подброшенного ему огромного паука. Пирог был теплым, и казалось, что внутри у него пульсировало что-то живое.

Лемке встал, посмотрел на него сверху вниз.

— Теперь ты чувствуешь себя лучше? — спросил он.

Билли осознал, что помимо странного чувства в отношении предмета, лежавшего у него на коленях, ему и в самом деле стало лучше. Слабость прошла. Сердце билось в нормальном ритме.

— Немного, — осторожно сказал он.

Лемке кивнул.

— Теперь будешь набирать вес. Но через неделю, может быть, через две начнешь снова терять вес. Только на этот раз до конца и без задержек. Если только не найдешь того, кто съест пирог.

— Да.

Взгляд Лемке был неподвижен.

— Ты уверен?

— Да! Да! — воскликнул Билли.

— Мне тебя немножко жалко, — сказал Лемке. — Не очень, но немножко. Когда-то ты мог быть покол — сильным. Теперь твои плечи сломаны. Не твоя ошибка... есть другие причины... у тебя есть друзья. — Он холодно улыбнулся. — Почему бы тебе не съесть твой собственный пирог, белый человек из города? Ты умрешь, но умрешь сильным.

— Уходи, — сказал Билли. — Я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Ниши дела завершены — вот и все, что я знаю.

— Да, наше дело завершено, — Взгляд старика коротко переместился на пирог, потом снова на лицо Билли. — Будь осторожен. Смотри, кто съест еду, предназначенную для тебя, — сказал он и пошел прочь. На аллее обернулся.

То был последний раз, когда Билли увидел невероятно древнее, невероятно утомленное лицо старика.

— Нету толчков, белый человек из города, — сказал Тадуз Лемке. — Никогда. — Он повернулся и пошел дальше.

Билли сидел на скамейке и наблюдал, пока старик совсем не скрылся.

Когда Лемке исчез в вечернем сумраке, Билли поднялся и пошел обратно. Сделав шагов двадцать, вспомнил что забыл кое-что. Вернулся к скамейке и забрал пирог. Он был еще теплым и словно слабо пульсировал. Только теперь это не вызывало особого отвращения. Подумал: ко всему можно привыкнуть.

После этого он пошел в направлении Юнион-стрит.

На полпути к тому месту, где Джинелли высадил его, увидел голубую «Нову», припаркованную у тротуара. И тогда он впервые осознал, что проклятье и в самом деле покинуло его.

Он был еще ужасно слаб, и сердце время от времени давало сбои, («Будто идешь и поскользываешься на чем-то маслянистом», — подумал он), но оно исчезло. И теперь он точно понял, что имел в виду Лемке, когда говорил, что проклятье — живое существо, нечто вроде слепого младенца, который находился внутри него, питаясь им же. Пурпурфаргаде ансиктет. Оно ушло.

Теперь он явно ощущал, что пирог медленно пульсирует. Когда он посмотрел на пирог, то отчетливо увидел, что корка едва заметно ритмично шевелится, а стандартная тарелочка из толстой фольги продолжала сохранять тепло. Оно спит, подумал Билли, и его пробрала дрожь. Почекуствовал, что словно бы несет спящего дьявола.

«Нова» стояла задними колесами на тротуаре, наклонившись передней часть к мостовой. Подфарники светились.

— Все закончено, — сказал Билли, открывая дверь для пассажира рядом с водителем. — Все по...

Он чуть не сел, но застыл на месте. В вечерних сумерках Билли едва не уселся на оторванную кисть руки своего друга. Она была сжата в кулак, из разорванной плоти сочилась кровь на обивку сиденья. Сжатая в кулак кисть была наполнена шариками от подшипника.

— Ты где? — Голос Хейди был раздраженным, испуганным, усталым. Билли не особенно удивился тому, что никаких чувств в нем этот голос не вызвал. Даже любопытства.

— Не имеет значения, сказал он. — Я еду домой.

— Он узрел Свет! Благодарение Богу! Наконец он увидел свет! На какой аэродром приземлившись? Ла-Гардия? Кеннеди? Я заеду за тобой.

— Я за рулем, — ответил Билли. Сделал паузу. — Я хочу, чтобы ты позвонила Майку Хустону, Хейди, и сказала ему, что ты передумала насчет вашего с ним договора.

— Насчет чего? Билли, что?.. — По изменению ее интонации он понял: она точно знала, о чем идет речь, — испуганный тон ребенка, попавшегося на краже конфеток. И вдруг его терпение иссякло.

— Невменяемое состояние, — сказал он. — Сошел с ума и опасен, короче говоря. Я уладил свою проблему и счастлив буду отправиться туда, куда вы решили меня поместить, — в клинику Глассмана, в санаторий для душевнобольных, в дурдом, на акупунктуру. Но если меня легавые сцапают, когда я въеду в штат Коннектикут, и упрачут меня в дурдом Норуока, ты, Хейди, об этом очень сильно пожалеешь.

Она заплакала.

— Мы только делали то, что считали наилучшим для тебя, Билли. Когда-нибудь поймешь.

В голове зазвучал голос Лемке. *Не твоя ошибка... есть другие причины... у тебя есть друзья.* Отбросил прочь воспоминание, но мурашки успели поползти по спине, рукам, даже по шее к лицу.

— Ты только... Он замер, услышав теперь голос Джинелли. *Ты только сними его. Сними. Уильям Халлек сказал, чтобы ты снял него проклятье.*

Рука. Кисть руки на сиденье. Широкий золотой перстень с алым камнем — рубином, наверное. Темные тонкие волоски на нижних суставах. Рука Джинелли.

Билли с трудом проглотил, в горле щелкнуло.

— Ты только объяви эту бумагу аннулированной, тे-
ряющей силу, — сказал он.

— Хорошо, хорошо, — торопливо согласилась она и
снова попыталась оправдываться. — Мы ведь... я только
делала все ради... Билли, ты становился таким худым и
говорил такие безумные вещи...

— О'кей.

— Ты говоришь таким тоном, словно ненавидишь ме-
ня, — сказала она и снова расплакалась.

— Не будь глупой, — сказал он, в общем-то, не отри-
цая. Голос его стал поспокойней. — Где Линда? Она дома?

— Нет, она опять уехала на несколько дней к Роде.
Она... понимаешь, она расстроена очень всем этим.

Еще бы, — подумал он. Она побывала прежде у Роды
и вернулась домой. Знал, потому что сам говорил с ней
по телефону. И вот снова туда уехала. Что-то в словах
Хейди навело на мысль о том, что на сей раз дочь поехала
по собственной воле. *Не узнала ли она, что ты и твой
старый Майк Хустон работали сообща над тем, чтобы
ее отца признали сумасшедшим? Не так ли все произо-
шло, Хейди?* Впрочем это не имело значения. Линда уеха-
ла — вот, что было важно.

Взгляд его упал на пирог, который он положил на
телевизор в номере мотеля в Норт-Ист Харборе. Корка
медленно едва заметно пульсировала вверх и вниз, словно
билось некое кошмарное сердце. Важно было, чтобы дочь
не подходила близко к этой вещи. Это было опасно.

— Лучше пусть она там побудет, пока мы не утрясем
наши проблемы, — сказал он.

На другом конце провода Хейди громко всхлипывала.
Билли спросил, ее в чем дело.

— В тебе все дело. Ты говоришь так холодно.

— Ничего, разогреюсь, — ответил он. — Не беспокойся.

Какой-то момент она проглатывала свои всхлипывания,
пытаясь овладеть собой. Он ждал, когда она успокоится, не
испытывая нетерпения — лишь полное равнодушие. Ужас,
который он испытал, обнаружив, что предмет, лежащий на
сиденье, рука Джинелли, был последней сильной эмоцией
нынче вечером, За исключением припадка безудержного
смеха — несколько позднее, разумеется.

— Как ты выглядишь? — спросила она наконец.

— Пошло некоторое увеличение веса. Достигло ста двадцати двух.

Она ахнула.

— На шесть фунтов меньше, чем в день твоего отъезда!

— На шесть фунтов больше, чем мой вчерашний вес, — спокойно заметил он.

— Билли... я хочу, чтобы ты знал — мы все-все можем уладить, сможем понять друг друга, поверь. Самое главное, чтобы ты поправился, а потом уж все выясним. Если нужно, поговорим с кем ты захочешь, чтобы все было начистоту. Я на все согласна. Ну просто мы... мы...

О, Боже, сейчас опять завоет, подумал он. Но был удивлен ее словами, сказанными вслед за тем. Они даже тронули его, и на какой-то миг она стала прежней Хейди, а он — прежним Биллом Халлеком. Даже мимолетно подивился своей черствости.

— Я брошу курить, если хочешь, — сказала она.

Билли посмотрел на пирог на телевизоре. Корка медленно колыхалась вверх и вниз, вверх и вниз. Вспомнил, как темно было, когда старый цыган надрезал ее ножом. Что за красные комки лежали внутри него? Клубника? Нечто живое? Подумал о собственной крови, которая стекала в пирог из раны. Подумал о Джинелли. Волна человеческой теплоты пропала.

— Лучше не бросай, — сказал он. — Когда бросаешь курить, становишься жирным.

Позднее он лежал на застеленной кровати, заложив ладони за голову и глядя в темноту. Было без четверти час ночи, но спать абсолютно не хотелось. Только теперь, во мраке, разрозненные воспоминания о том промежутке времени, который прошел между обнаружением оторванной руки Джинелли и его разговором по телефону с женой, улеглись в последовательности.

Какой-то слабый звук слышался в его комнате.

Hem.

Звук был. Похожий на дыхание.

Нет, это не было игрой воображения. Такие слова — для его жены, но не для Билла Халлека. Ему-то лучше было ведомо, что некоторые странные вещи вовсе не были

игрой воображения. Раньше в это поверил бы, но не теперь. Корка шевелилась, как кожа над живой плотью. Он знал, что даже теперь, спустя шесть часов с тех пор, как Лемке вручил ему пирог, алюминиевая фольга под ним по-прежнему теплая.

Пурпурфаргаде ансиктет, — пробормотал он в темноте, и прозвучало это как заклинание.

Когда он посмотрел на руку, то просто увидел ее. Но когда спустя секунду осознал, что видит, с криком отпрянул прочь, толкнув машину. От движения рука качнулась туда-сюда, словно во французском жесте «так себе». Два шарика выкатились из нее и застряли между сиденьем и спинкой.

Билли снова вскрикнул и вцепился пальцами в нижнюю губу, глаза его широко раскрылись, сердце дало сбои.

Он смутно осознал, что пирог вываливается из его руки и вот-вот упадет на пол, разваливаясь.

Билли вовремя подхватил его. Аритмия ослабела, вернулось дыхание. И холод, который услышала потом в его голосе Хейди, постепенно начал охватывать его. Джинелли, возможно, был мертв. Нет, «возможно» — выброси. Что он сказал? *Если она приметит меня раньше, чем я ее, Уильям, мне никогда больше не поменять своей сорочки.*

Ну, так и скажи это вслух.

Нет, такого делать не хотелось. Не хотелось больше смотреть на эту кисть руки. Однако делал и то, и другое.

— Джинелли погиб, — сказал он. После паузы добавил: — Джинелли мертв, и я ничего с этим не могу поделать. Только убраться отсюда прежде, чем полиция...

Он посмотрел на руль, увидел, что ключи торчат в зажигании, на них брелок с портретом Оливии Ньютон Джон. Подумал, что Джина вернула ключи на место, когда принесла руку. Она занялась Джинелли, но не стала нарушать обещания, который дал ее прадедушка другу Джинелли, знаменитому белому человеку из города. Ключ предназначался ему. Вспомнил, что Джинелли вытащил эти ключи из кармана мертвого человека. Теперь девушка наверняка сделала то же самое. Но ужаса эта мысль не вызвала.

Теперь его рассудок холодел, и он был этим доволен.

Халлек вышел из «Новы», положил пирог на сиденье, обошел машину и сел на водительское место. Когда уселся, оторванная кисть закачалась в том же жесте. Билли открыл ящичек и извлек потрепанную карту штата Мен. Развернул и накрыл ею руку. После этого завел автомобиль и поехал по Юнион-стрит.

Спустя минут пять он обнаружил, что едет в противоположном направлении, на запад, а не на восток. Но к этому моменту увидел впереди золотую арку Мак-Дональдса. Живот охватило мимолетной спазмой. Билли подкатил к прилавку. Из репродуктора послышался голос:

— Добро пожаловать к Мак-Дональдсу. Что пожелаете?

— Три биг-мака, пожалуйста, две больших порции жареной картошки и кофе с молоком.

Как в прежние времена, — подумал он и улыбнулся. Лопал все на ходу, не вылезая из машины, избавлялся от оберточной бумаги и крошек, и ни гу-гу Хейди, когда приходил домой.

— Желаете к этому десерт?

— Обязательно. Вишневый пирожок. — Он кинул взгляд на карту, лежавшую подле него. Уверен был, что возвышенность западнее Отюсты была рукой Джинелли. В голове слегка помутилось. — И еще то же самое — в пакет для моего друга, — сказал он и засмеялся.

Голос повторил его заказ и заключил:

— Ваш заказ стоит шесть девяносто, сэр. Проезжайте дальше.

— Конечно, — ответил Билли, смеясь. — Только и всего. Проехал, заказал, получил, и гуд-бай. — Он снова засмеялся и тут же почувствовал желание избавиться от странного воодушевления.

Девушка подала ему в окно два теплых пакета. Билли уплатил, получил сдачу и поехал дальше. Подъезжая к концу здания, он притормозил, сгреб карту с рукой внутри и положил все в мусорный ящик, на котором был изображен танцующий Рональд Мак-Дональдс, с надписью внизу: КЛАДИТЕ МУСОР НА МЕСТО.

— Только и всего, — повторил Билли. Он потер ладонью колено и снова засмеялся. — Просто положил мусор на место. Пусть там и лежит.

Поскольку кто-нибудь мог заметить его в «Нове», а там и проверить, как он «массажировал ее пальчиками», как говаривали его коллеги-юристы, он проехал миль сорок от Бангора и там решил протереть машину. Нельзя оставлять никаких следов. Выйдя из автомобиля, он снял свой спортивный плащ, сложил его наизнанку и тщательно протер все места, которых мог коснуться хотя бы невольно.

Затем аккуратно подкатил к ближнему мотелю, припарковался на единственном свободном месте, извлек платок и еще раз стер все следы с руля, рычага, дверной ручки, забрал пирог и покинул машину. Огляделся по сторонам. Усталая мать прогуливалась с не менее усталым малышом. Два старика стояли возле конторы, о чем-то толкуя. Больше никого не было и никто не глянул в его сторону. Из номеров мотеля доносились звуки телевизоров. Со стороны Бар Харбора слышались глухие удары рока. Там начинался обычный летний праздничный вечер.

Билли пошел пешком к центру города, ориентируясь на звук самого громкого рока. Он доносился из бара под названием «Соленый Пес». Как и надеялся Билли, возле него стояли три свободных такси, поджидавших какого-нибудь пьяницу. За пятнадцать долларов один из них согласился довезти его до Норт-Ист Харбора.

— Я смотрю свой ужин носите с собой, — заметил водитель, когда Билли сел в машину.

— Или чай-нибудь, — ответил Билли со смешком. — Все дело в этом. Главное, чтобы кое-кто поел.

Таксист с сомнением посмотрел на него в зеркальце заднего обзора, пожал плечами.

— Как скажете, дорогой. Лишь бы платили.

Спустя полчаса он уже говорил по телефону с Хейди.

Теперь он лежал в своем номере и прислушивался к звукам дыхания в темноте. Внешне выглядело, как пирог, но на самом деле представляло собой дитя, которое он и старый цыган создали вместе.

Джина, подумал он рассеяно. Где она сейчас? Не трогай ее, — вот что я сказал Джинелли. Но, думаю, если бы я добрался до нее, я бы лично с ней разделался за то, что она сотворила с Ричардом. Руку ей оторвать? О, нет. Я бы послал деду ее банку... Напихал бы ей

полный рот шариков и подбросил бы ему. Это к лучшему, что я не знаю, где она. Никто, похоже, не знает, как такие вещи начинаются. Бывает — сначала люди спорят, а потом обе стороны утрачивают истину, если она им мешает. Один убивает другого. В ответ — тоже одно убийство. Потом они убивают двоих, а мы в ответ — троих. Они взрывают аэропорт, а мы в ответ — школу. Кровь стекает в придорожные кюветы. Вот так оно и случается. Кровь в кюветах. Кровь...

Билли спал, не зная сам, что спит. Просто его мысли перешли в серию кошмарных видений. В одном из них он убивал, в другом — его убивали. Но на фоне всех снов что-то дышало и пульсировало. Увидеть этого он не мог, потому что оно жило внутри него.

Глава двадцать шестая 127

ТАИНСТВЕННАЯ СМЕРТЬ МОГЛА БЫТЬ РАЗБОРКОЙ МЕЖДУ ГАНГСТЕРАМИ

Застреленный насмерть человек был найден прошлым вечером в подвале много квартирного здания на Юнион-стрит и опознан, как крупный гангстер Нью-Йорка. Ричард Джинелли, известный в криминальных кругах под кличкой «Ричард Молоток», представлял перед судом трижды: за рэкет, распространение наркотиков и за убийство. Совместное расследование дела Джинелли со стороны государственных органов и ФБР было прекращено в 1981 году после насильственной смерти нескольких свидетелей.

Источник, близкий к генеральному прокурору штата Мэн сообщил прошлой ночью, что идея гангстерской разборки возникла еще до того, как труп был опознан в связи со странными обстоятельствами убийства. Согласно этому источнику, кисть одной руки была у Джинелли оторвана, а на лбу было написано слово «свинья».

Джинелли, судя по всему, был застрелен тремя выстрелами из крупнокалиберного оружия. Однако специалисты по баллистике до сих пор не сообщили своего мнения на этот счет, сказав только, что и здесь все «выглядит необычно».

Сообщение было напечатано на первой полосе бангорской «Дейли Ньюс», которую Билли Халлек купил утром. Он вновь просмотрел сообщение, поглядел на снимок здания, в подвале которого был обнаружен его друг, затем сложил газету и сунул в мусорный ящик, на котором под гербом штата Коннектикут было написано: КЛАДИТЕ МУСОР НА МЕСТО.

— Вот такие дела, — сказал он.

— Что вы сказали, мистер? — Это была девочка лет шести с бантом на голове и пятнами шоколада на подбородке. Она прогуливалась собачку.

— Ничего, — ответил Билли и улыбнулся ей.

— Марси! — закричала издали мать девочки. — Иди сюда!

— До свидания, — сказала Марси.

— До свидания, миленькая. — Билли понаблюдал, как она идет к матери. Белый пудель семенил рядышком. Мать принялась ее за что-то отчитывать, а Билли стало жаль девочку, которая напомнила ему о Линде, когда той было тоже шесть лет.

Но вместе с тем он ощущал внутренний подъем. Одно дело, когда весы сообщают тебе, что ты вернулся одиннадцать фунтов веса, но куда лучше, когда к тебе обращаются, как к нормальному человеку. Пусть даже это шестилетняя малышка с собачкой. Возможно она верила в то, что на свете много людей, похожих на огородное пугало.

Вчерашний день Билли провел в Норт-Ист Харборо, не столько ради отдыха, сколько ради восстановления здравого рассудка. Казалось, все в порядке, все нормализуется, но достаточно было взглянуть на пирог, лежащий на телевизоре, и вновь становилось не по себе.

Ближе к вечеру он положил его в багажник машины. Стало немного легче.

Когда стемнело и чувство одиночества усилилось, он достал свою потрепанную записную книжку и позвонил Роде Симпсон. Спустя минуту он уже говорил с Линдой, которая была в восторге слышать его голос. Она в самом деле узнала о заговоре матери. Истина дошла ее вполне предсказуемым путем. Майкл Хустон рассказал все своей жене. Жена рассказала старшей дочери, возможно, в пья-

ном состоянии. Линда с этой девочкой поссорилась из-за мальчика прошлой зимой, поэтому Саманта Хустон помчалась со всех ног к Линде, чтобы сообщить ей, что ее дорогая мамочка изо всех сил пытается упрятать ее дорогого папочку в дурдом, чтобы он научился плести корзинки.

— И что ты ей сказала? — спросил Билли.

— Я ей сказала, чтобы она себе в задницу засунула зонтик, — ответила Линда, и Билли рассмеялся, хотя слезы текли из его глаз. Но отчасти испытывал грусть. Он отсутствовал меньше трех недель, а голос его дочки звучал так, словно она стала на три года старше.

Линда сразу же направилась домой, чтобы выяснить у матери — правду ли сказала Саманта Хустон.

— Ну, и что дальше? — спросил Билли.

— Мы здорово поругались, а потом я заявила, что хочу снова поехать к тете Роде. Она ответила, что это неплохая идея.

Билли немного помолчал, потом сказал ей:

— Не знаю, Лин, нужно мне тебе это говорить, но я вовсе не сумасшедший.

— Ой, пап! Ну я же знаю и так! — ответила она чуть ли не презрительно.

— К тому же я пошел на поправку и начал прибавлять в весе.

Она радостно взвизгнула — пришлось отодвинуть трубку от уха.

— Правда? Ой! Это точно?!

— Точно.

— Папочка! Как здорово! Но ты правду говоришь? Не обманываешь?

— Честное слово бойскаута, — ответил он, улыбаясь.

— А когда ты домой придешь?

И Билли, который на следующий день, буквально завтра, собирался войти в дверь собственного дома не позднее десяти вечера, ответил:

— Примерно через неделю, дорогая моя. Хочу еще немного поправиться для начала. Пока что еще выгляжу довольно скверно.

— А-а-а... — протянула Линда разочарованно. — Ну, ладно...

— Но когда соберусь вернуться, я тебе непременно позвоню, по крайней мере часов за шесть до своего прибытия, — сказал он. — Приготовишь нам свое фирменное блюдо. Вроде того, что ты сделала, когда мы вернулись из Мохонка, помнишь?

— Да я такую хреновину... Оп! Извини, папуля.

— Прощаю, — сказал он. — А пока оставайся там, с котятами Роды. И чтоб больше никаких перебранок с мамой.

— Все равно не хочу туда возвращаться, пока ты не приедешь, — сказала она. В голосе ее явно прозвучала упрямая решительность. Заметила ли Хейди этот новый тон Линды? Видимо, да. Отсюда: наверно, и ее тон отчаяния, когда говорила с ним вчера по телефону.

Он сказал Линде, как любит ее и положил трубку. Сон пришел легче во вторую ночь, но сновидения по-прежнему были кошмарными. В одном из них он слышал вопли Джинелли из багажника машины, — тот требовал его освободить. Но когда Билли открыл багажник, то обнаружил там не Джинелли, а окровавленного младенца со старческими мудрыми глазами Тадуза Лемке. В ухе младенца была золотая серьга в виде обруча. Голый младенец протянул ручки к Билли и улыбнулся. Его зубы оказались серебряными иглами.

Пурпурфургаде ансиктет, сказали дитя нечеловеческим голосом, и Билли проснулся, дрожа, в холодном рассвете атлантического побережья.

Двадцать минут спустя он выписался из мотеля и снова поехал к югу... В четверть восьмого сделал остановку, чтобы как следует позавтракать. Но кусок застрял в горле, когда развернул в ресторане купленную газету.

Однако пообедать мне это не помешало, подумал он, возвращаясь к арендованному автомобилю. Потому что вернуть свой вес — это самое главное.

Пирог лежал на соседнем сиденье по-прежнему теплый и пульсирующий. Он бросил на него взгляд, завел машину, выехал задним ходом со стоянки и отправился в путь. Рассчитал, что будет дома через час, и им овладело странное и неприятное чувство. После двадцати миль езды он определил это чувство как волнение.

Глава двадцать седьмая ЦЫГАНСКИЙ ПИРОГ

Халлек припарковал арендованную машину позади собственного «бьюика», подхватил свой скучный багаж и направился к двери через лужайку. Белый дом с ярко-зелеными ставнями на окнах, этот неизменный символ семейного комфорта и добра, теперь выглядел странным, почти чужим.

Белый человек из города жил здесь, подумал он, но я не уверен, что он в конце концов вернулся домой. Этот парень, который пересекает сейчас лужайку, чувствует себя больше как цыган. Очень худой цыган.

Дверь с двумя элегантными фонарями по бокам раскрылась, и Хейди вышла на крыльцо. На ней была красная юбка и белая безрукавка. Билли не помнил, чтобы когда-нибудь видел ее на ней прежде. Волосы ее оказались очень коротко подстрижены. В какой-то миг он подумал, что это вовсе не Хейди, а незнакомка, немного похожая на нее. Она посмотрела на него, лицо — слишком бледное, глаза — слишком темные, губы дрожали.

— Билли?

— Это я, — сказал он и остался на месте.

Оба стояли и смотрели друг на друга: Хейди с выражением рухнувших надежд, Билли — не испытывая вообще никаких чувств. Но видимо, что-то было в его взгляде, поскольку она воскликнула:

— Ради Бога, Билли, не смотри на меня так! Я этого не вынесу!

Он почувствовал, как внутри него рождается улыбка, словно утопленник, всплывающий на поверхность спокойного озера. Но видимо выглядела она нормально, потому что Хейди ответила робкой улыбкой. По щекам ее потекли слезы.

Тебе, Хейди, всегда ничего не стоило заплакать, подумал он.

Она стала спускаться по ступенькам. Билли бросил свою сумку и направился к ней.

— Что там можно поесть? — спросил он. — Я проголодался.

Она подала ему большой ужин: бифштекс, салат, печеная картошка, бобы и черника в сливках на десерт. Билли съел все без остатка. Хотя она ни слова не сказала, каждый ее жест, каждое движение, любой взгляд говорили об одном: *Дай мне еще один шанс, Билли. Умоляю. Всего лишь второй шанс.* В чем-то это показалось ему весьма забавным. Забавным — с точки зрения старого цыгана. Она перешла от отрицания какой-либо вины к принятию на себя вины за все.

Мало помалу, по мере приближения к полуночи, он почувствовал в ее жестах и движениях кое-что еще: облегчение. Она ощущала себя прощенной. Билли это вполне устраивало, потому что Хейди, решившая, что она прощена, — было как раз то, что нужно.

Она сидела напротив него, наблюдая, как он ест, иногда касаясь пальцами его истощенного лица и закуривая одну сигарету за другой. А он рассказывал ей, как гонялся за цыганами на побережье. О том, что получил фотографии от Кирка Пенсли. И о том, как настиг их в Бар Харборе.

В этом месте правда и Билли Халлек разошлись в разные стороны. Он сказал Хейди, что драматическое противостояние, на которое он надеялся и которого так опасался, состоялось. Для начала старый цыган посмеялся над ним. Они все смеялись. «Если бы я проклял тебя, ты был бы сейчас глубоко под землей», — сказал ему старый цыган. «Ты думаешь, что мы — колдуны. Все белые люди из города считают нас колдунами. Но если бы мы были ими, разве разъезжали бы в старых драндуплетах, не находя себе места? Если бы мы были магами, спали бы мы на полях? Нет, белый человек из города, это не маги, это всего лишь бродячая труппа. Мы имеем дело с толстосумами, у которых денег некуда девать, а потом едем себе дальше. А теперь убирайся отсюда, пока я не прикажу тебе вытолкать этим молодым ребятам. Они знают проклятье, которое называется «проклятьем бронзового кастета».

— Они так тебя и называли — белым человеком из города?

Он улыбнулся ей.

— Да. Именно так и называли.

Он рассказал Хейди, что вернулся в свой номер в отеле и просто оставался там последующие два дня, пребывая в столь глубокой депрессии, что едва прикасался к еде. На третий день, как раз три дня тому назад, он встал на весы в ванной и обнаружил, что прибавил в весе на три фунта. И это несмотря на то, что очень мало ел в последнее время.

— Потом я все обдумал и понял, что такое явление не менее странно, чем, скажем обжорство сопровождаемое потерей веса, продолжал он. — Когда эта идея овладела мной, я вдруг начал выкарабкиваться из той психической щели, куда сам себя загнал. Провел еще день в мотеле, — наверное, в самых напряженных раздумьях моей жизни. До меня начало доходить, что, в итоге, в клинике Глассмана врачи были правы. Даже Майкл Хустон, при всей моей антипатии к этому прохвосту, в чем-то оказался прав.

— Билли. — Она потрогала его руку.

— Ничего, ладно. Я не собираюсь бить его по морде, когда встречу. — *Скорее всего даже угощу пирогом*, подумал Билли и засмеялся.

— Поделившись шуткой? — спросила она с недоумевающей улыбкой.

— Да так, ерунда, — сказал он. — Короче, проблема состояла в том, что Хустон, те врачи из клиники Глассмана и даже ты, Хейди, пытались затолкать мне эту идею в глотку, насильственно напичкать меня правдой. А я должен был сам до этого дойти, своим умом, понимаешь. Тут срабатывал и комплекс вины, я думаю, и сочетание параноидальных иллюзий, и самообман, Но в итоге, Хейди, я тоже оказался в чем-то прав. Пусть мои доводы были ошибочны, но в чем-то я был прав. Я говорил, что должен был снова повидаться с ним. Именно это и сработало. Хотя, по правде, и не так, как я ожидал. Он оказался поменьше ростом, чем я его помнил, носил дешевенькие часы «Таймекс», говорил с бруклинским акцентом. Такие мелочи, знаешь, более всего подействовали на разрушение заблуждений и фантазий. Все равно что услышать, как Тони Кертис говорит в том фильме об арабской империи: «А тутечки дварец мово папеньки». В итоге я позвонил и...

Часы на туалетном столике начали музикально отбивать время.

— Ладно. Уже полночь, — сказал он. — Пошли спать. Я помогу тебе убрать посуду.

— Нет, нет, я сама, — сказала она и вдруг обняла его. — Я так рада, что ты вернулся, Билли. Отправляйся наверх. Ты, должно быть, так утомился.

— Я в порядке, ответил он. — Просто...

Он вдруг щелкнул пальцами с видом человека, вспомнившего кое-что.

— Чуть не позабыл! Я там в машине оставил одну штукку.

— Что именно? До утра подождет?

— Да, но лучше принесу сюда. — Он улыбнулся ей. — Это для тебя.

Билли вышел с тяжело бьющимся сердцем. Уронил ключи, а когда нагнулся, чтобы их подобрать, ударился головой о корпус машины. Руки так сильно дрожали, что он никак не мог сразу попасть в замочную скважину багажника.

Что, если он все так же пульсирует вверх и вниз? — спрашивал его рассудок. *Боже всемогущий, да она же убежит с криком, когда увидит такое!*

Он раскрыл багажник и чуть сам не вскрикнул, увидев внутри лишь домкрат и запаску. Потом вспомнил, что оставил пирог на пассажирском сиденье. Захлопнул багажник и торопливо пошел к дверце. Пирог оказался на месте, а корка его была совершенно неподвижной. Как и должно быть.

Руки перестали трястись.

Хейди стояла на пороге, наблюдая за ним. Он вернулся от машины и вручил ей пирог, все еще улыбаясь. *Передаю товар*, подумал Билли. Передача товара — вот что было важным среди всего прочего. Улыбка его стала шире.

— Voila, — сказал Билли.

— О! — воскликнула она, и, наклонившись, понюхала пирог. — Клубничный! Мой любимый.

— Я знаю, — подтвердил Билли с улыбкой.

— Да еще теплый! Спасибо тебе.

— Это я возле турнicketa в Stratfordе остановился подзаправиться и купил там, — сказал он. — В общем, решил вот такой знак мира преподнести.

— О, Билли!.. — У нее опять на глазах навернулись слезы. Мимолетно обняла его одной рукой, балансируя на другой пирогом, как официант балансирует подносом с яствами. Когда Хейди поцеловала его, пирог качнулся, и сердце Билли на мгновение замерло.

— Осторожно! — выдохнул он и подхватил пирог, когда тот начал сползать с ее ладони.

— Ой! Я такая неуклюжая, — сказала она, смеясь и утирая слезы уголком фартука, который успела надеть. — Ты принес мой любимый пирог, а я, растяпа, чуть не уронила его тебе на туф... — Она капитулировала перед волной собственных эмоций и припала к нему, всхлипывая. Он погладил рукой ее новую короткую стрижку, держа другую руку подальше от ее тела, на случай, если она сделает резкое движение.

— Билли, как я рада, что ты дома, — всхлипывала она. — Обещаешь меня простить за то, что я сделала. У тебя нет ко мне ненависти?

— Обещаю, — ответил он мягко, поглаживая ее волосы. *Она права. Он все еще теплый.* — Ладно, пошли внутрь.

На кухне она положили пирог на стол и занялась мытьем посуды.

— Хочешь съесть кусочек? — предложил Билли.

— Может быть, когда закончу мытье, — ответила она. — Ты пока сам поешь.

— Ого! После такого ужина? — Билли засмеялся.

— Тебе понадобятся все калории, какие сможешь проглотить.

— В моей гостинице уже нет места, — ответил он. — Давай вытру посуду.

— Я хочу, чтобы ты шел наверх и ложился баникки, — сказала Хейди. — Я сейчас приду.

— Ну, хорошо.

Он ушел, не оглядываясь, думая, что она скорей всего отрежет себе кусок, когда его там не будет. А может, и нет. Не в такой поздний час. Сегодня она захочет лечь с ним в постель. Захочет, возможно, заниматься любовью.

Но он знал, как отбить у нее охоту, — ляжет в постель совершенно голым. Когда она увидит его...

— Фидл-ди-ди... Я съем пирог свой завтра, ведь завтра — новый день, — запел он, стоя под душем. Голос звучал так скверно, что Билли невольно рассмеялся. Потом он встал на весы. Посмотрелся в зеркало и увидел в нем глаза Джинелли.

Весы показали 131. Но радости от этого он не испытывал. Не испытывал вообще никаких чувств, кроме усталости. Он был ужасно переутомлен. На пути в спальню огляделся вокруг: все показалось вдруг таким чужим и незнакомым. В темноте спальни наткнулся на что-то и чуть не упал. Она переставила мебель. А также поменяла прическу, купила новую блузку, приобрела новые предметы мебели — пусть по мелочи. И это только начало странных перемен, произошедших в его отсутствие. Здесь тоже происходил какой-то процесс, словно и на Хейди легло некое проклятье, только в гораздо более деликатной форме. Глупая идея? Билли так не думал. Линда почувствовала странные перемены и сбежала.

Он медленно начал раздеваться.

Потом лежал в постели, ожидая ее прихода. Прислушивался к слабым звукам, доносившимся снизу. Они были настолько знакомы, что красноречиво говорили о происходящем. Скрипнула дверца левого шкафчика, где лежали десертные блюдца. Загремел выдвижной ящичек, зазвенели приборы, когда она выбирала нож.

Билли смотрел во мрак, сердце тяжко стучало в груди.

Ее шаги, пересекающие кухню. Она направлялась к столу, на котором лежал пирог. По пути скрипнула половица посередине, как всегда на протяжении нескольких лет.

Что он с ней сделает? Сделает ее тощей? Кэри превратился в некое животное, из шкуры которого можно делать портфели или туфли после его смерти. Превратил Хопли в живую пиццу. А с ней что сделает?

Снова скрипнула средняя половица, когда Хейди пересекала кухню в обратном направлении. Он видел мысленно, как она несет тарелку в правой руке, сигареты и спички — в левой. Видел кусок пирога, клубнику в темном красном соусе.

Ожидал услышать скрип двери в гостиную, но его не последовало. Это его не удивило. Она стояла у окна, смотрела в ночь и ела пирог.

Кажется, даже слышал, как царапает вилка по тарелочке. Халлек смутно осознал, что его куда-то уносит.

Засыпает? Нет, это невозможно. Невозможно засыпать, когда совершаешь убийство.

Тем не менее он засыпал. Одновременно еще слышал, как снова скрипнула половица, когда она направилась к раковине. Полилась вода из крана. Потом — звуки ее хождения по дому: гасит свет, устанавливает температуру на термостате, проверяет запоры и сигнализацию от грабителей — обычный ритуал белых людей этого города.

Он лежал в постели, слушая скрип половиц, а потом оказался за своим письменным столом в городке штата Аризона, где практиковал юридические дела последние шесть лет. Все оказалось просто. Он жил там со своей дочкой и зарабатывал достаточно, чтобы прокормиться. Жили без роскоши и излишеств.

Ушли давно те времена, когда он владел виллой с двумя гаражами, платил налоги на недвижимость в размере двадцати пяти тысяч в год, имел три выходных в неделю. Все стало воспоминаниями, и он, кажется, не тосковал по прежним дням. Лин тоже не тосковала по ним. Он был юристом в своем городке, а иногда обслуживал города Юма и Феникс, хотя и редко. Линда на будущий год пойдет учиться в колледж, а потом, возможно, вернется. Но Билли говорил ей, что не стоит возвращаться. С одиночеством он как-нибудь сумеет справиться.

Жили они хорошо, душа в душу. Самое главное — устроить свою жизнь хорошо.

В дверь его кабинета постучали. Он отодвинулся от письменного стола, обернулся и увидел Линду. Только у нее не стало носа. Нет носа был, но она держала его в правой руке. Из темной дыры не ее лице лилась кровь, заливая ей рот.

Я не понимаю, папа, сказала она гнусаво. Он просто взял и отвалился.

Билли проснулся, сильно вздрогнув, замахал руками, отгоняя страшное видение. Возле него Хейди заворчала

во сне, повернулась на другой бок и натянула покрывало на голову.

Понемногу реальность вернулась. Он был снова в Фейрвью. Яркое утреннее солнце светило в окна. Посмотрел через комнату на часы, стоявшие на тумбочке, — 6.25. Рядом с часами в вазе — алые розы.

Халлек встал с постели, снял халат с крючка и отправился в ванную. Включил душ, повесил халат на крюк, заметив, что Хейди приобрела себе новый голубой халат, встал на весы. Еще один фунт прибавил в весе. Потом — под душ, долго, тщательно мылся, отмывая как следует каждую частицу своего тела. *Буду теперь следить за своим весом, пообещал себе. После того, как ее не станет, буду поддерживать себя в форме. Жиреть больше никогда не буду.*

Вытерся полотенцем, надел свой халат и остановился перед дверью, разглядывая новый голубой халат Хейди. Пощупал его мягкий искусственный материал. Халат был новым, но выглядел почему-то знакомо.

Наверное она купила себе такой же, какой у нее когда-то был, подумал он. Людская изобретательность имеет пределы. В конце концов начинаем повторяться. А потом зациклываемся на старине.

Хустон заговорил в его сознании: *Это те, кто ничего не боятся, умирают молодыми.*

Хейди: Ради Бога, Билли, не смотри на меня так! Я этого не вынесу!

Леда: Он выглядит теперь как аллигатор... как нечто выползшее из болота в человеческом одеянии.

Хопли: Ты бродишь тут, думая, что может быть, на этот раз хотя бы победит правосудие... один миг правосудия за всю жизнь полную несправедливостей.

Билли пощупал еще раз голубой нейлон и вдруг в голове возникла страшная мысль. Вспомнил сразу свой сон. Линда в дверях кабинета. Кровоточащая дырка на лице. Этот халат... Он не потому выглядел знакомо, что Хейди когда-то имела такой. Он узнал его, потому что Линда появилась именно в таком.

Билли повернулся и выдвинул ящик тумбочки справа от умывальника. Там лежала гребенка с надписью ЛИНДА на ручке. Черные волосы запутались в зубцах.

Словно во сне он побрел к ее комнате.

Бродячий бизнес всегда готов уладить такие дела, мой друг... для того он и существует.

Мудак, Уильям, это человек, который не верит тому, что видит.

Билли Халлек открыл дверь в конце коридора и увидел свою дочь. Линда спала в своей постели, закрыв лицо одной рукой. В другой держала любимую игрушку — медвежонка Амоса.

Нет. О, нет. Нет, нет!

Он вцепился в дверную раму, раскачиваясь, словно в полусне. Нет, он был кем угодно, только не мудаком, потому что увидел все: ее одежду на спинке кресла, распахнутый настежь чемодан, из которого вывалились ее вещички — джинсы, шорты, блузки, белье. На ручке чемодана этикетка автобусов «Грейхаунд». Увидел и понял еще кое-что. Когда он входил в спальню, роз не было. Линда привезла их матери в знак примирения. Она прибыла пораньше, чтобы помириться с матерью до его приезда.

Старый цыган с гниющим носом: Тебя не за что винить, говоришь. Ты себе это повторяешь, но толчка не бывает, белый человек из города. Все расплачиваются, даже за те вещи, которых не совершили. Нет толчка судьбы.

Билл повернулся и побежал к лестнице. Ужас делал ноги непослушными, его шатало из стороны в сторону.

Нет, не Линда! вопил его разум. Не Линда! Господи, пожалуйста, — только не она!

Каждый расплачивается, белый человек из города, — даже за то, чего не совершал. Потому что в этом все дело.

То, что осталось от пирога, стояло на столе, накрытое салфеткой. Четверть пирога отсутствовала. На столе он увидел сумочку Линды, украшенную пуговицами с изображением звезд рока.

Он подошел к раковине.

Две тарелочки.

Две вилки.

Они сидели здесь, ели пирог и помирились, подумал он. Когда? Сразу, как только я заснул? Должно быть так.

Халлек услышал смех старого цыгана, и колени его подкосились. Ухватился за стол, чтобы не свалиться.

Когда силы вернулись к нему, он повернулся и пересек кухню. Скрипнула средняя половица.

Пирог снова пульсировал — вверх и вниз, вверх и вниз. От его мерзкой теплоты запотела прозрачная салфетка. Он рассыпал слабый хлюпающий звук.

Билли открыл шкафчик, вытащил десертную тарелку, взял нож и вилку.

— Почему бы и нет? — прошептал он и снял полиэтиленовую салфетку с пирога. Теперь пирог стал неподвижен: просто аппетитный пирог с клубникой.

Как сказала Хейди, ему нужны все калории, какие он сможет проглотить.

— Наедайся как следует, — прошептал Билли Халлек и отрезал себе большой кусок цыганского пирога.

С о д е р ж а н и е

ТРУП	6
Перевод В.Филипенко	
ХУДЕЮЩИЙ	170
Перевод Д.Згерского	

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг
ХУДЕЮЩИЙ

Выпуск 7

Сдано в набор 1.03.93. Подписано в печать 30.03.93 г.
Формат 60×90 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 27 п.л. Печать офсетная. Тираж 125 000 экз.
№ Заказа 1150

Издательство "Кэдмэн" 140160 г. Жуковский М.О. а/я 21.
Тел. в Москве 236-40-74

Отпечатано с готовых диапозитивов в ордена Трудового Красного Знамени
ГП "Техническая книга" Мининформпечати РФ.
198052 г.Санкт-Петербург, Измайловский пр., 29.

АВИАБАНК

AVIABANK

*Акционерный коммерческий банк «АВИАБАНК»
создан в форме открытого акционерного общества
с Уставным Фондом 300 миллионов рублей*

*Акционерами банка могут быть
любые юридические и физические лица,
в том числе иностранные,
на добровольной основе
путем приобретения его акций*

УСЛУГИ

**ВЕДЕНИЕ СЧЕТОВ
КРЕДИТЫ
ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ДЕПОЗИТЫ
ФАКТОРИНГ
ЛИЗИНГ
ЧАСТНЫЕ ВКЛАДЫ
и др.**

101849 Москва, Центр,
Уланский переулок, 16
Тел. 207-58-56, 207-68-24
Факс 207-04-67

**Жуковский филиал
«АВИАБАНКА»
140160 г.Жуковский М.О.,
ул.Фрунзе, 17
Тел. 556-31-97, 556-44-19
Факс 556-54-87**

*Василиса премудрая и прекрасная
в сказках победила врагов и несчастья.*

ИЧП «Фирма Василиса»
и Российское телевидение показывают
лучшие фильмы нашей Родины всех жанров.

Любовные трагедии:

«Нелюбовь»,
«Темные аллеи»
(по мотивам повестей И. Бунина).

Мелодрамы:

«Очень верная жена»,
«Проснуться в Шанхае»,
«Одна на миллион»,
«Ой, вы, гуси»,
«Улыбка»,
а для детей «Собачье счастье!».

Детективы
и приключения:

«Номер люкс для генерала с девочкой»,
«Дом свиданий»,
«Джокер»,
«Клан».

Сказки и фантастика:

«Алиса в стране чудес»,
«Ариэль»
(по мотивам романа А. Беляева).

Комедии:

«Агенты КГБ тоже влюбляются»,
«Эффект Дориана» — внимание, вы увидите
достоверную историю про то, как одного мужчину
разлюбили сразу две женщины, и какие он перенес
злоключения, чтобы они его снова полюбили, при участии
колдунов и ведьм, которые сами не ведают, что творят.

Мы уверены, что наше отечественное кино
выживет и победит, как сказочная Василиса.

И в этом только мы, соотечественники,
можем помочь друг другу.

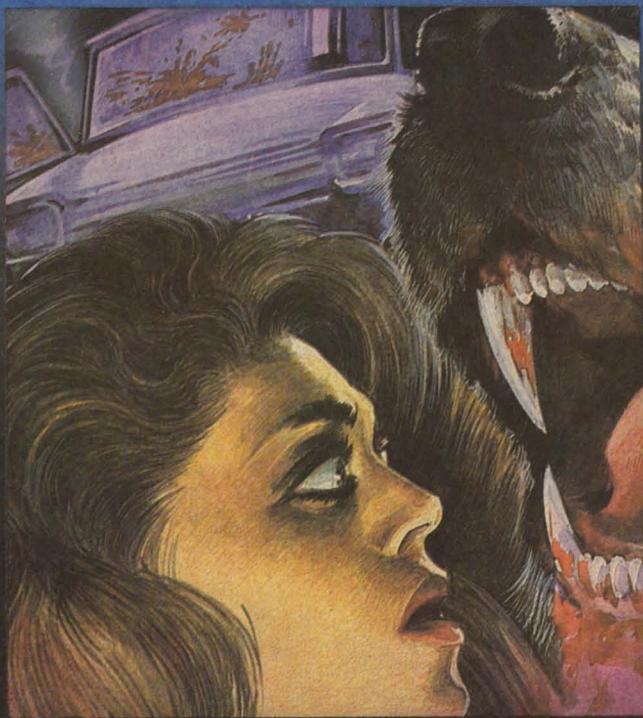
*“Возьмемся за руки друзья;
возьмемся за руки друзья, ей богу!”*

Булат Окуджава

Контактный телефон ИЧП «Фирма Василиса»
по рекламе и прокату фильмов

253-51-89

СТИВЕН КИНГ

Нашу серию продолжает роман
Стивена Кинга «Куджо», в котором
постоянная тема автора —
борьба людей с различными
формами потустороннего Зла
получает неожиданное развитие —
большая собака, укушенная
летучей мышью, превращается
в убийцу...